

В. КАЛУЦКОВ

Ландшафт в культурной географии

издательство **НОВЫЙ
ХРОНОГРАФ**

РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ им. Д.С. ЛИХАЧЁВА

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В. ЛОМОНОСОВА
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

В.Н. Калущков

ЛАНДШАФТ В КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ

Москва

Новый хронограф

2008

УДК 911.52(100)
ББК 26.82(0)

К17

Рецензенты:

доктор географических наук Ю.А. Веденин,
кандидат географических наук И.А. Авессаломова

*Рукопись рекомендована к печати
решением Учёного Совета географического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.*

Калуцков, В.Н.

К17 Ландшафт в культурной географии / В.Н. Калуцков — М. : Новый хронограф, 2008. — 320 с. — ISBN 978-5-94881-062-1.

В монографии анализируется становление ландшафтной концепции в современной культурной географии (в англо-американской, немецкой, французской и российской научных школах). Культурный ландшафт рассматривается как социоприродная и гуманитарно-информационная система. Разрабатываются теоретические и методологические основы этнокультурного ландшафтоведения.

Во второй части книги обсуждаются результаты многолетних культурно-ландшафтных исследований Русского Севера как модельного региона. Представлены результаты исследований проблем делимитации, комплексной характеристики и векового пространственного развития Русского Севера. Рассматриваются особенности селений в севернорусском культурном ландшафте, региональная ландшафтная топонимия, ландшафтно-ориентированный фольклор, а также сакрально-ландшафтная тематика. Завершают вторую часть вопросы культурно-ландшафтной таксономии и районирования Русского Севера.

© В.Н. Калуцков. Автор, 2008

© ИПКН им. Лихачева, 2008, 2008

© Издательство «Новый хронограф», 2008

ISBN 978-5-94881-062-1

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
Часть 1	
ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА	
ГЛАВА 1	
Ландшафтная концепция: истоки и направления развития в культурно-географических исследованиях	13
1.1. Деятельностные и культурно-языковые основания ландшафтной концепции.....	14
1.1.1. Представления о ландшафте в сферах политики и искусства	14
1.1.2. Концепт ландшафта	22
1.2. Развитие представлений о культурном ландшафте в зарубежной географии.....	27
1.2.1. Исследования культурного ландшафта в англо-американской географической традиции	28
1.2.2. Die Landschaft и die Kulturlandschaft в немецких географических исследованиях.....	35
1.2.3. Le paysage во французской географии	39
1.3. Исследования культурного ландшафта в русской географической традиции.....	41
1.3.1. Антропогеографический этап.....	41
1.3.2. Антропогенный этап.....	46
1.3.3. Современный гуманитарный этап	51
1.4. Теоретико-методологические вопросы развития ландшафтной концепции в культурной географии	63
1.4.1. Место и статус ландшафтной концепции в культурной географии	64
1.4.2. Структура ландшафтной концепции в культурной географии	66
ГЛАВА 2	
Методологические и методические аспекты исследований культурного ландшафта.....	68
2.1. Методологические аспекты исследований культурного ландшафта	68
2.1.1. Компонентная структура культурного ландшафта	68
2.1.2. Культурный ландшафт: «внешний» и «внутренний»	72
2.1.3. Концептуальные модели культурного ландшафта	74
2.2. Методические аспекты исследований культурного ландшафта	77
2.2.1. Полевые культурно-ландшафтные методы	78
2.2.2. Аналитические культурно-ландшафтные методы	81

ГЛАВА 3

Культурный ландшафт как социоприродная система	88
3.1. Основные пространственные свойства культурного ландшафта....	89
3.1.1. Центрированность.....	89
3.1.2. Полимасштабность	97
3.1.3. Анизотропность	98
3.2. Человеческое сообщество и пространственная организация культурного ландшафта.....	101
3.2.1. Топос — единица пространственной организации культурного ландшафта.....	102
3.2.2. Пространственная организация традиционных культурных ландшафтов регионального уровня (на примере Зюздинского края Кировской области и Пинежья Архангельской области)	109

ГЛАВА 4

Культурный ландшафт как гуманитарно-информационная система	115
4.1. Репрезентация культурного ландшафта.....	115
4.1.1. Представление о репрезентации культурного ландшафта	116
4.1.2. Типы и формы репрезентаций культурного ландшафта	117
4.1.3. Репрезентационные комплексы культурного ландшафта.....	125
4.2. Интерпретация культурного ландшафта	128
4.2.1. Представление об интерпретации культурного ландшафта.....	128
4.2.2. Стратегии интерпретации и прочтение ландшафта	132
4.2.3. Информационная концепция культурного ландшафта	134

ГЛАВА 5

Таксономия и районирование культурных ландшафтов.....	137
5.1. Подходы в культурно-ландшафтном районировании.....	137
5.2. Глобальные и региональные исследования культурных ландшафтов	141
5.2.1. Культурные ландшафты в цивилизационном измерении.....	141
5.2.2. Таксономия и районирование культурных ландшафтов на региональном уровне	144

ГЛАВА 6

Этнокультурное ландшафтоведение — направление реализации ландшафтной концепции в культурной географии.....	150
6.1. Теоретические основы этнокультурного ландшафтоведения.....	151
6.1.1. Предмет и объект этнокультурного ландшафтоведения	151
6.1.2. Основные понятия этнокультурного ландшафтоведения	154
6.2. Характеристика основных исследовательских направлений этнокультурного ландшафтоведения	158
6.2.1. Учение о культурном ландшафте	159
6.2.2. Этноприродное ландшафтоведение	160
6.2.3. Антрополандшафтоведение	161
6.2.4. Лингволандшафтоведение.....	161

Часть 2

МОДЕЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНО-ЛАНДШАФТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
РУССКОГО СЕВЕРА

ГЛАВА 7

Русский Север: делимитация, комплексная характеристика,
пространственное развитие 167

7.1. Русский Север как региональный культурный ландшафт 167

7.1.1. Образ Русского Севера 168

7.1.2. Комплексная культурно-ландшафтная характеристика
региона (по материалам гуманитарных исследований) ..... 1697.1.3. Определение границ регионального культурного
ландшафта 172

7.2. Вековые циклы и пространственное развитие Русского Севера 177

7.2.1. Проблема времени в этнокультурном ландшафтоведении 177

7.2.2. Заволоцкий цикл Русского Севера 179

7.2.3. Поморский цикл Русского Севера 187

7.2.4. Севернорусский цикл Русского Севера 196

ГЛАВА 8

Селения в севернорусском культурном ландшафте 201

8.1. Севернорусская деревня: пространственная организация,
планировка, ориентация, связь с природными ландшафтами 201

8.1.1. Кусты деревень на Русском Севере 202

8.1.2. Социопропространственная организация
севернорусской деревни ..... 2048.1.3. Пространственная планировка и пространственная
ориентация севернорусской деревни ..... 2098.1.4. Ландшафтная типология местоположений
пинежских селений 214

8.2. Феномен странствующего селения на Русском Севере 216

8.2.1. Значимость феномена странствующего селения
в культурно-географических исследованиях Русского Севера 216

8.2.2. Механизм перемещения: модель многоножки 218

8.2.3. Историко-этимологическое исследование
понятия деревня ..... 2198.2.4. Фольклорная индикация феномена
странствующего селения ..... 2208.2.5. Выявление разрывов и отсутствия преемственности
исторических рядов
(на примере пинежской деревни Марьино) ..... 2228.2.6. Пространственная локализация странствующих селений
(на примере сурских деревень Пинежья) 225

ГЛАВА 9

Топонимия севернорусского культурного ландшафта 229

9.1. Теоретические вопросы топонимии культурного ландшафта 229

9.2. Ландшафтная топонимия Пинежья 231

9.2.1. Ландшафтные топонимы Пинежья как индикаторы
особенностей ландшафта 231

9.2.2. Некоторые ландшафтно-топонимические закономерности Пинежья	233
9.3. Ландшафтная топонимия Кенозерья	235
ГЛАВА 10	
Географические песни — ландшафтный фольклор Русского Севера	241
10.1. Географические песни: теоретические и методологические вопросы	241
10.1.1. Географические песни в контексте культурного ландшафта	241
10.1.2. Распространение географических песен.....	243
10.1.3. Пространственные механизмы и структуры географических песен	244
10.2. Географические песни в территориальном аспекте	251
10.2.1. Страновые географические песни	251
10.2.2. Региональные географические песни.....	254
10.2.3. Субрегиональные географические песни.....	257
10.2.4. Локальные географические песни	261
10.2.5. Многоуровневые географические песни	262
ГЛАВА 11	
Святые места в севернорусском культурном ландшафте	265
11.1. Сакрально-ландшафтная проблематика	265
11.1.1. Святые места в пространстве культурного ландшафта Русского Севера	266
11.1.2. Структура святого места.....	269
11.1.3. Обетная традиция на Русском Севере	270
11.1.4. Типология святынь	272
11.2. Сакрально-ландшафтная проблематика: региональный аспект	273
11.2.1. Святые места как региональная система (на материале Пинежья).....	273
11.2.2. Региональные особенности сакральной географии (на материале Пинежья).....	278
ГЛАВА 12	
Таксономия и районирование культурных ландшафтов Русского Севера.....	281
12.1. Таксономия культурных ландшафтов Русского Севера.....	281
12.2. Культурно-ландшафтное районирование Архангельской области	285
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	293
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	295
ПРИЛОЖЕНИЯ	311
Приложение 1. Основные понятия и термины	311
Приложение 2. Словарь диалектных слов	316
SUMMARY	318

*Посвящается
светлой памяти
моих родителей*

ВВЕДЕНИЕ

В последнее десятилетие в российской географии всё более важное место занимает культурно-географическая проблематика. Такой интерес к ней со стороны российских географов связан с намерением быстрее преодолеть существовавшие в течение долгих лет запреты на исследования в этой области. С другой стороны, вполне естественно стремление географов к познанию своего общественного бытия, поскольку именно география обладает уникальными подходами и инструментарием.

Притягательным является и освоение богатого и многопланового опыта западной культурной географии. Кроме того, «как оказалось», у современной российской географии есть мощный предшественник в виде русской антропогеографии первой четверти XX века. Авторы научных работ в этой области «были на уровне, а зачастую опережали зарубежных современников» [Рагулина, 2004, с. 4].

Всё это позволяет лучше понять своеобразие **гуманизации** современной российской географии России. Вместе с тем эти процессы протекают довольно болезненно. И было бы большим упрощением во всём видеть только идеологические причины. Вероятно, в гораздо большей степени на гуманизацию географии влияют сложившиеся научные традиции, включая институциональные формы организации науки, и традиции географического образования. Вместе с тем в каждой географической области, в каждой её научной дисциплине (даже очень, казалось бы, далёкой от гуманитарных вопросов) существуют точки роста, влияющие на процесс гуманизации науки.

В культурной географии одной из таких точек роста является **ландшафтная концепция**, методологический потенциал которой далеко не исчерпан. Хорошо известно, что использование идеи ландшафта в сфере комплексной физической географии, геохимии и геофизики ландшафта дало важные теоретические

и методологические результаты [Арманд, 1975, Глазовская, 1988, Дьяконов, Пузаченко, 2004, Исаченко, 1991, Касимов, 2002, Касимов, Перельман, 1999, Мильков, 1973, Солнцев, 1948]. Многое сделал для обоснования ландшафтной концепции как общегеографической В.С. Преображенский [Преображенский, 1966, 1988].

Систематическая разработка проблематики культурного ландшафта в российской культурной географии активно осуществляется в 1990-е годы. В этот период формируется адекватный понятийно-терминологический аппарат, складываются разные подходы к культурному ландшафту, выстраивается система методов, проводятся первые полевые исследования культурных ландшафтов (работы Ю.А. Веденина, Ю.М. Мягкова, Б.Б. Родомана, В.Л. Каганского, Е.Ю. Колбовского, Р.Б. Туровского, М.В. Рагулиной, Т.М. Красовской, М.Е. Кулешовой и др.) [Веденин, 1997, Каганский, 2001, Каганский, Родоман, 1995, Калущков, Красовская, 2000, Колбовский, 2006, Культурный ландшафт..., 2004, Мягков, 2001, Рагулина, 2004, Туровский, 1998].

В настоящее время быстро развиваются новые ландшафтно-ориентированные дисциплины — ландшафтная эстетика и дизайн (В.А. Николаев), учение о культурном ландшафте как объекте наследия (Ю.А. Веденин), концепция антропогенного ландшафтогенеза (В.А. Низовцев), ландшафтное планирование (Е.Ю. Колбовский, А.В. Дроздов), исследования по этнокультурному ландшафтоведению и т.д. Весьма продуктивно применение ландшафтных методов в сфере социальной, политической, культурной и этнической географии (В.А. Колосов, Н.С. Мироненко, А.Н. Ямсков и др.) [Веденин, Кулешова, 2001, Дроздов, 2006, Колосов, Мироненко, 2001, Низовцев, 1999, Николаев, 2003, Колбовский, 2006, Ямсков, 2003].

Между тем в западной культурной географии ландшафтная концепция уже не одно десятилетие считается одной из самых востребованных и продуктивных. На концепции культурного ландшафта более полувека строит свои исследования берклийская школа культурной географии, основанная К. Зауэром [Sauer, 1925, 1974]. Среди многочисленных исследований культурных ландшафтов выделяются фундаментальные работы Дж. Б. Джексона, Д. Косгроува [Jackson, 1986, Cosgrove, 1984, 1993]. Культурно-ландшафтная тематика разрабатывается такими крупными географами, как И-Фу Туан, Дэвид Лоуенталь, Поль Клаваль [Tuan, 1966, 1974, 1975, Lowenthal, 1964, 1972, Claval, 2003].

Наряду с внутренней потребностью географии в культурно-ландшафтной проблематике необходима и внешняя — общественная — востребованность таких исследований. И она уже существует.

Во-первых, это сфера культурного и природного наследия [Культурный ландшафт..., 2004]. Эффективность ландшафтного подхода в данном случае проявилась в формировании принципиально новых объектов наследия, сочетающих в себе уникальные природные и культурные свойства: так в Списке Всемирного наследия ЮНЕСКО появилась новая категория — культурные ландшафты. В нашей стране в число первых номинантов попали Куршская коса и Соловецкий культурно-природный комплекс [Кулешова, 2004а].

Во-вторых, это сфера национальной и региональной культурной политики. В данном случае актуальность культурно-ландшафтной тематики заключается в том, что культурное разнообразие, наряду с природным разнообразием, является важным ресурсом развития страны и её регионов. Необходимы усилия по поддержанию самобытных традиционных культурных ландшафтов малых народов [Ямсков, 2003]. Кроме того, в такой же государственной и общественной поддержке нуждаются многие русские исторические города и регионы.

В-третьих, к исследованиям региональных и городских культурных ландшафтов большой интерес проявляет сфера развивающегося экологического и историко-культурного туризма.

В-четвёртых, процессы регионализации и муниципализации страны требуют мобилизации внутренних культурных ресурсов в контексте формирования городского менталитета, новых местных идентичностей [Крылов, 2001].

Таким образом, сформировались потребности в дальнейшем развитии ландшафтной концепции в российской культурной географии и разработке нового направления культурно-географических исследований — этнокультурного ландшафтоведения.

Глава 1

ЛАНДШАФТНАЯ КОНЦЕПЦИЯ: ИСТОКИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Часть 1 ИССЛЕДОВАНИЯХ

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

«Ландшафт, в широком смысле, — это высказывание культуры в географическом языке», — это высказывание принадлежит Хартнорну, известному американскому исследователю культурно-ландшафтных критиков ландшафтной концепции (Hartshorn, 1939). И действительно, в первой половине XX века при американской национальной специфичной идея ландшафта была воспринята всеми географическими школами мира.

В то же время уже на первых этапах непростой и спорной идеи ландшафта убедительно демонстрировал неоднозначность двойственности представлений о ландшафте. Одним из первых географов, проанализировавших проблему смысловой двойственности ландшафта (ландшафт как внешний, «обрисованный» вид земной поверхности и ландшафт как социальный «среда, территория») в своем фундаментальном исследовании «Природа географии» был вышеупомянутый Ф. Хартнорн (Hartshorn, 1939). «Приговор» для ландшафта был и этологическим исследователем предложил географам отказаться от употребления такого «расплывчатого» концепта как ландшафт.

Каковы же причины неоднозначности представлений о ландшафте? Как реализуется эта понятийно-терминологическая и методологическая проблема? Двойственность ландшафта — ресурс или тормоз в развитии культурно-ландшафтных исследований? Как реализуется ландшафтная концепция в разных национальных культурно-географических школах? Какие при этом возникли

Часть I

ТЕОРИЯ, ТЕОРИИ
И МЕТОДОЛОГИИ
ИССЛЕДОВАНИЙ
КАЛИБРАТО
АНАЛИЗА

Глава 1

ЛАНДШАФТНАЯ КОНЦЕПЦИЯ: ИСТОКИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ В КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

«Ландшафт, возможно, самое важное слово в географическом языке», — это высказывание принадлежит Ричарду Хартшорну, известному американскому географу и одному из самых последовательных критиков ландшафтной концепции [Hartshorne, 1939]. И действительно, в первой половине XX века вне зависимости от национальной специфики идея ландшафта была воспринята всеми географическими школами мира.

В то же время уже на первых этапах непредвзятый теоретический анализ убедительно демонстрировал неоднозначность, двойственность представлений о ландшафте. Одним из первых географов, проанализировавших проблему **смысловой двойственности ландшафта** (ландшафт как внешний, обозримый вид земной поверхности и ландшафт как определённый ареал, территория) в своем фундаментальном исследовании «Природа географии», был вышеупомянутый Р. Хартшорн [Hartshorne, 1939]. «Приговор» для ландшафта был неутешительным: исследователь предложил географам отказаться от употребления такого «расплывчатого» концепта как ландшафт.

Каковы же причины неоднозначности представлений о ландшафте? Как решается эта понятийно-терминологическая и методологическая проблема? Двойственность ландшафта — ресурс или тормоз в развитии культурно-ландшафтных исследований? Как реализуется ландшафтная концепция в разных национальных культурно-географических школах? Какие при этом возникают теоретические и методологические проблемы?

1.1. ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЕ И КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ЛАНДШАФТНОЙ КОНЦЕПЦИИ

1.1.1. Представления о ландшафте в сферах политики и искусства

Первичные представления о ландшафте сформировались за пределами географии, в сфере политики и искусства. Рассмотрим ситуации, в которых они складывались, выделяя при этом основные смысловые элементы, которые привнесли разные сферы деятельности в наши представления о ландшафте.

Представления о ландшафте в сфере политики. Многие из учёных полагают, что термин *ландшафт* возник в сфере живописи [Cosgrove, 1984, Groth, Wilson, 2003]. Однако историко-терминологические и семантические изыскания убедительно показывают, что генетически слово восходит к другой сфере деятельности — политике, включая геополитику, региональную политику и местное самоуправление [Olwig, 1996, Савицкий, 1997, Тютюнник, 2004]. Именно в политической сфере оказался востребован термин *ландшафт*, который в форме *lantscap* впервые был использован в IX веке Карлом Великим и Людовиком Благочестивым в ситуации государственного строительства — объединения разобщённых германских племён в одно государственное целое [Тютюнник, 2004]. При этом термин *ландшафт* включает в себя не только земли, но и людей этих земель. Тем самым природа и этнос рассматривались как одно целое, как природно-культурный комплекс.

Исследуя ранний этап использования слова ландшафт, шведский географ Кеннет Олвиг показал, что его доживописное использование было связано с вопросами политической и местной идентичности в нижненемецких землях (территория современной Голландии, частично Дании). Так, в Северной Фризии в XV–XVI веках ландшафтом называли не только территории, но и сословие, представленное в местном парламенте (*Landtag*). В XIX веке в Дании под ландшафтом понимался округ, который имел свой устав, органы самоуправления и обладал относительной независимостью в решении внешних и внутренних вопросов [Olwig, 1996].

В XVI веке в ситуации европейского национального возрождения и романтизма, опиравшегося на культурные традиции и правовые нормы, политическая идея ландшафта была снова задейст-

вована, но уже в сфере живописи. В этом контексте далеко не случайно, что родиной пейзажного направления в живописи явилась Голландия. Пейзажи изображали мосты, дороги, поля, границы владений, за поддержание которых, согласно обыденному праву, отвечало именно местное (муниципальное) сообщество (рис. 1). По мнению историка искусства Майкла Розенталя, живопись Брейгеля подчёркивала не только логику местности, но и логику человеческой деятельности [Rosenthal, 1982]. Тем самым, в Голландии XVI века пейзажная (ландшафтная) живопись была политически окрашена, сохраняя первичное политическое понимание ландшафта как самоуправляемой (земской) территории. В таком контексте под ландшафтом понимаются не только земли и местное сообщество, живущее и работающее на этих землях, но и право (муниципальное право) этих людей на самостоятельность и самоуправление.

Рис. 1. Брейгель П. Цикл картин «Месяцы». Жатва. Месяц август. 1565 г.

Ю.Г. Тютюнник подметил геополитические циклы использования самого слова *Landschaft* в немецком языке и культуре: это IX век, XVI век (ситуация Контрреформации) и XIX (строительство единой Германии) [Тютюнник, 2004]. Всё это периоды «собира-

ния» Германии, периоды национального романтизма, почвенничества, стремления опереться на обычай, обыденное право.

В XX веке ландшафтная концепция привлекает внимание евразийцев. Географ и один из идеологов евразийства П.Н. Савицкий вводит понятие *месторазвитие*, под которым понимается «...общезитие живых существ, взаимно приспособленных друг к другу и к окружающей среде и её к себе приспособивших». В качестве формы территориального взаимодействия культуры и природы и выступает ландшафт: «Социально-историческая среда и её территория должны слиться для нас в единое целое, географический индивидуум, или ландшафт» [Савицкий, 1997, с. 283].

Месторазвитие — синтетическое понятие, позволяющее учитывать исторический опыт, «географические начала», «принцип порайонности», позволяющее «сразу смотреть на социально-историческую среду и занятую ею территорию».

В сущности, для евразийцев понятия *месторазвитие* и *ландшафт* синонимичны: «Россия-Евразия есть “месторазвитие”, “единое целое”, “географический индивидуум” — одновременно географический, этнический, хозяйственный, исторический и т.д. и т.п. ландшафт» [Савицкий, 1997, с. 283].

Таким образом, политическое (муниципальное, геополитическое) прочтение ландшафта является первичным, накладывающим определённые ограничения на использование термина в других сферах деятельности. Понятно, что муниципально-демократическое понимание ландшафта значимо для современной европейской культурной традиции [Olwig, 1996].

Важнейшим моментом политического прочтения ландшафта является его целостность, нерасчленимость, телесность. Она реализуется за счёт связи местного сообщества с землёй, с определённой земной местностью.

Другая особенность политического понимания ландшафта — его преимущественно «горизонтальное» видение. Это привносит важный для географии территориальный аспект и ориентирует на возможность картографических репрезентаций.

В современных условиях оно актуализируется в контексте проблематики территориальной (региональной, городской, деревенской) идентичности [Olwig, 1996, Туровский, 2003 и др.], а также в этноландшафтных исследованиях, при изучении «внутренних» культурных ландшафтов местных сообществ [Калуцков, Иванова, Давыдова и др., 1998, Рагулина, 2004, Бубнова, Стрелецкий, 2005, Калуцков, Иванова, 2006 и др.]

«Ландшафт» в живописи. В XVI–XVII веках термин *ландшафт* начинает использоваться в живописи [Olwig, 1996, Groth,

Wilson, 2003]. Однако общеевропейский культурный контекст развития пейзажной живописи оказался иным, чем в Голландии. Историко-культурная ситуация XVI века — это ситуация эпохи Возрождения, связанная с преодолением кризиса средневековой, оторванной от природы схоластической живописи. Пейзажи, изображающие «дикую» или сельскую местность, открыли для «просвещённого» европейского общества эстетику **природы**. Это открытие имело важное мировоззренческое значение — в преодолении границы между европейской деревней и европейским городом, отгороженным от неё в переносном и прямом смысле (крепостной стеной), между культурой и природой, между космосом и хаосом. Воздействие ландшафтной (пейзажной) живописи на европейское общество оказалось настолько велико, что оно проявилось не только в формировании эстетических вкусов и предпочтений. **Пейзаж** представляет собой новую культурную форму — **репрезентационный экран окружающего мира**. Благодаря этой форме ландшафт органично и прочно входит в европейскую культуру, а будущая ландшафтная наука получает пейзажную форму репрезентации своего объекта.

Ландшафтная (пейзажная) живопись способствовала **визуализации** и материализации **ландшафта**, создавая и тиражируя образы стран, городов, местностей (рис. 2).

Однако пейзаж и пейзажное видение формируют другой — вертикальный — тип восприятия ландшафта (в отличие от политического горизонтального). Этот момент объективно способствует уменьшению роли территории, в потенциале — «безместности» ландшафта.

Наряду со сменой восприятия обществом ландшафта с горизонтального на вертикальное пейзаж создаёт другие ландшафтные смыслы, например природный смысл ландшафта, способствует новым интерпретациям ландшафта.

Благодаря живописи, сам термин **ландшафт/пейзаж** активно входит в европейские языки. При этом во многих европейских языках (самый характерный пример польского языка — *krajobraz*) именно **пейзаж** и обозначает **ландшафт**.

В русской и зарубежной антропогеографии пейзажу уделялось огромное внимание: «... искание типов местностей есть первая, важнейшая, необходимейшая, неотъемлемая черта географической науки, неразрывно сближающая её с **изобразительным искусством** и сообщающая ей обязательный **художественный элемент**, чем географическая наука и отличается от многих других». И далее: «В географии тесное сближение с **художником-пейзажистом** едва ли не столь существенно, как в философии

сближение философа с поэтом и музыкантом» [Семёнов-Тян-Шанский, 1928, с. 48]. Напомним, что В.П. Семёнов-Тян-Шанский термин *пейзаж* использовал в качестве синонима *ландшафта*, предпочитая его. В.П. Семёнову-Тян-Шанскому вторит А.А. Борзов: «Схватить и передать органическое единство всех взятых черт местности вряд ли в настоящее время под силу даже **художнику-географу**» [Борзов, 1908].

Рис. 2. Шишкин И.И. Вид на острове Валааме (местность Кукко). 1859–1860 гг.

В своей программной работе «География, её история, сущность и методы» Альфред Геттнер выделяет специальный раздел под названием «Географические картины», в котором обсуждает роль рисунка в географическом исследовании. По его мнению, ландшафтная живопись, пейзажи «... могут стать не только украшением любого географического произведения, но и существенно облегчить научное восприятие» [Геттнер, 1930]. Он считает, что художник должен изучать географию, особенно морфологию (геоморфологию. — В.К.) и фитогеографию, чтобы правильно воспринимать ландшафт. Сравнивая возможности рисунка и фотографии, А. Геттнер предпочитает картину, считая, что фотогра-

фия даёт обилие подробностей, за которыми сущность отступает на второй план.

Большое значение ландшафтной живописи придавал и Карл Зауэр, основатель берклийской ландшафтной школы. В своей работе «Морфология ландшафта» он специальный раздел «За пределами науки» посвящает ландшафтной живописи [Sauer, 1925].

Развитие представлений о ландшафте в романтической литературе. Третьей областью, подхватившей и развившей представление о ландшафте в XVIII–XIX веках, следуя определённой общественной потребности, стала романтическая (или сентиментальная) литература. Благодаря романтической литературе ландшафт перестаёт быть красивым, но чужим, привлекательным, но непонятым и опасным. В самой романтической литературе ландшафт, понимаемый как удалённая природная или сельская местность, воспринимается как пространство размышления, отдохновения, мечтания. Тем самым преодолевается психологическая отчуждённость человека и природы, ландшафт становится разнообразным, дифференцированным и прочно занимает свое место в культуре.

Какие же ландшафтные местности, урочища наиболее привлекательны для русского романтического путешественника? Характерно название повести неизвестного автора — «Новый чувствительный путешественник, или моя прогулка в А ...», изданной в 1802 году. Не менее симптоматично название другой повести — «Ландшафт моих воображений» — А. Кропотова.

Среди близких для романтического сердца местностей: озеро (В. Измайлов «Ростовское озеро»), пруд (Н. Карамзин «Бедная Лиза»), берег реки (А. Кропотов «Ландшафт моих воображений»), остров (В. Попугаев «Аптекарский остров, или Бедствия любви»), лужайка (И. Лажечников «Спасская лужайка»), тенистая роща (П. Шаликов «Тёмная роща, или Памятник нежности»), сельские окрестности города (В. Измайлов «Прекрасная Татьяна, живущая у подножья Воробьёвых гор»).

Такова ландшафтная топография русской романтической литературы. Все эти типы мест с позиции городского (московского) жителя воспринимаются как природные. Из названий романтических повестей хорошо заметно, что литераторы имеют представление о разнообразии ландшафта и что настроения, чувства сентиментального героя тесно связаны с теми или иными местностями.

Интеллектуальный вклад романтической литературы в становление ландшафтной концепции заключается в **психологизации и одухотворении ландшафта**: разные типы ландшафт-

тов и разные местности благодаря литературному творчеству получают определённые культурные оценки, приобретают символическое содержание.

Этой приобретённой культурной традиции следуют многие антропогеографы. Так, В.П. Семёнов-Тян-Шанский для разных типов ландшафта подбирает адекватные образные характеристики и оценки. Для пейзажа каменистых или песчаных пустынь он находит образное выражение «Ангел смерти пролетел здесь». Лунный кратерный пейзаж он сравнивает с впечатлением, которое получается от собрания голых черепов и костей животных и человека. Мрачно-фантастическое впечатление вызывает пейзаж пещер, который В.П. Семёнов-Тян-Шанский называет источником человеческой демонологии. Напротив, для лесного пейзажа, отталкиваясь от известной формулы «Мать сыра земля», он придумывает выражение «Мать зелёная пустыня». Представляет интерес его образная характеристика пейзажа большого города американского типа с гигантскими домами-небоскрёбами: «Впечатление от этой крайности — или скучное, или жутко-нервное, подобное тому, какое производит беспокойная толпа» [Семёнов-Тян-Шанский, 1928, с. 52].

Ландшафтные изыскания русской романтической литературы XVIII — начала XIX века были освоены и развиты ведущими русскими писателями, живописцами, музыкантами. В произведениях А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, И.А. Бунина, А.П. Чехова мы встречаем не только блестящие описания разнообразных ландшафтов России, но и связанные с ними чувства и переживания героя или автора.

Русское искусство XIX века — это во многом искусство дворянской усадьбы. В культурный ландшафт дворянской усадьбы входили не только дворцовый комплекс, парк, но и прилегающая деревня, дальние покосы, лесные урочища. Далеко не случайно, что воспевание русской деревни и русской природы представляет собой одну из важнейших линий художественного творчества XIX века.

В целом русское искусство XIX века представляет собой культурную среду отечественной географии, сильно повлиявшую на внедрение и становление ландшафтной концепции [Семёнов-Тян-Шанский, 1928]. В.П. Семёнов-Тян-Шанский провёл специальное исследование: как отражается географический ландшафт (пейзаж в его терминологии) в разных областях художественного творчества и как использовать эти наработки в географическом исследовании. Полученные результаты он обобщил в отдельной главе «География и искусство» монографии «Район и страна».

Среди различных жанров, по мнению автора, особенно близка научному географическому описанию художественная проза. «Описание лесостепи Сергеем Аксаковым или Тургеневым, степи — Гоголем или Чеховым производит неизгладимое в чисто географическом смысле впечатление. Тут можно встретить и целые географические панорамы широкого макрпейзажа, и микропейзаж, и сезонный пейзаж. Впечатление, производимое на географа словом художественной прозы, нередко углубляется и делается ещё обворожительнее в стихах, с их правильно чередующимися ударениями и созвучиями, вносящими сюда музыкальный элемент» [Семёнов-Тян-Шанский, 1928, с. 267].

«Пейзаж нашёл своё глубокое отражение и в эпической, и в лирической поэзии... В современной эпике можно встретить подчас замечательные картины географического пейзажа, как, например, описание леса и лесостепи в “Песне об Евпатии Коловрате” у Мея». Ещё шире представлен географический пейзаж в русской лирике: «Вспомним грандиозную панораму макрпейзажа в стихотворении Пушкина “Кавказ подо мною”, резкую расщелину Дарьяла в его же стихотворении “Дробясь о мрачные скалы”, где самый стих силён, короток, ударен и вертикален, если можно так выразиться, очаровательный, мягкий и милый микропейзаж в стихотворении Фета “Сядем здесь у этой ивы”:

Сядем здесь, у этой ивы:

Что за чудные извивы

На коре вокруг дупла,

А под ивой как красивы

Золотые переливы

Струй дрожащего стекла...»

[Семёнов-Тян-Шанский, 1928, с. 267–268].

Семёнов-Тян-Шанский собрал большой сборник лирических стихов, наиболее верно, с научной точки зрения, отображающих географические пейзажи районов России и сопредельных стран. То же сделал историк музыки А.В. Оссовский для музыкальных произведений, отражающих географический пейзаж. Связь музыки с географическим пейзажем, по мнению Семёнова-Тян-Шанского, выражена двояко: «С одной стороны, пейзаж влияет на характер самого музыкального творчества целых народов и их частей, а с другой — и отдельные их представители при помощи звуков вольно или невольно живописуют географический пейзаж» [Семёнов-Тян-Шанский, 1928, с. 268].

Такой же вывод о взаимосвязи народа с ландшафтом исследователь делает относительно и других видов искусства. Заканчивая исследование, Семёнов-Тян-Шанский выделяет самых ярких пейзажистов («ландшафтоведов») русской художественной культуры XIX века: в музыке это — Римский-Корсаков, в живописи — Куинджи, в поэзии — Алексей Толстой и Фет.

1.1.2. Концепт ландшафта

Проблемы исследований концепта ландшафта. Одна из актуальных теоретико-методологических проблем культурной географии — развитие теории ландшафта на основе полноценного использования культурологических и лингвистических ресурсов языка.

В последние годы в связи с быстрым развитием лингвистики во многих гуманитарных науках большое внимание уделяется особенностям языка, его структурам, их смысловому (семантическому) наполнению. Этот интерес определяется не столько особым статусом языка в культуре, сколько теми дополнительными исследовательскими возможностями, которые открываются при таких междисциплинарных подходах — лингво-этнографическом, лингво-культурологическом, лингво-географическом.

В лингвистике активно разрабатываются представления о концепте и концептосфере как системе основных концептов определённой культуры, задающих её культурно-языковую модель мира [Вежбицкая, 2001, Цивьян, 1990, Щепанская, 2003]. В Философском словаре концепт (от латинского *conceptus* — понятие) трактуется как содержание понятия, его смысл [Философский энциклопедический словарь, 1983].

Под концептом понимается система устойчивых смыслов и значений слова, существующих в определённом языке и культуре.

Одно из перспективных направлений теоретико-методологических исследований, значимых для развития культурной географии, представляет собой разработка и изучение **географических концептов**.

В географии 1960–80-х годов лингвогеографические вопросы рассматривались в основном сквозь призму топонимических исследований. Нельзя не отметить огромный вклад Э.М. Мурзаева в разработку топонимических проблем и в поддержание внимания сообщества отечественных географов к вопросам языка [Мурзаев, 2001]. Созданный им два десятилетия назад фундаментальный словарь-справочник народных географических терминов, охва-

тывающий всю территорию бывшего СССР, не потерял актуальности для любой региональной работы [Мурзаев, 1984].

В современной российской культурной географии пока не сложилось устойчивой традиции и, в определённом смысле, стиля работы с концептами. Одно из первых исследований по культурно-языковому соотнесению важнейших географических концептов — территории, региона, места, пространства — представляет собой методологическая работа Г.Д. Костинского «Географическая матрица пространственности» [Костинский, 1997]. Отметим также разработки концепта культуры [Рагулина, 2004], концепта ландшафта [Калуцков, 1995а, Тютюнник, 2004].

Между тем, в западной культурной географии вопросы языка, лингвистические вопросы уже не одно десятилетие находятся в поле пристального внимания в теоретико-методологическом и в конкретно-исследовательском плане, а сам термин концепт широко внедрён в научный дискурс. К примеру, теоретические и методологические проблемы, связанные с концептом культуры, обсуждаются во многих работах [Duncan, 1980, Jackson, 1989, Price, Lewis, 1993, Mitchell, 1995]. Значительное внимание уделяется разработке концепта ландшафта [Schein, 1997, Olwig, 1996, Cosgrove, 2005 и другие].

Важная научная задача современной культурной географии, задача, решение которой возможно в результате взаимодействия культурной географии и лингвистики — структурирование, описание и обсуждение важнейших теоретических вопросов культурной географии как концептов. Например, концепта территории, концепта комплекса, концепта региона. Такой подход позволит лучше понять глубинные возможности и ресурсы языка, с одной стороны, и реальное их использование в географии, с другой. Исследование географических концептов представляет собой одно из направлений гуманизации современной отечественной географии.

Концепт *Landschaft*'а: морфологический анализ. Применительно к ландшафту такой анализ проводился в ряде работ [Калуцков, 1995, Olwig, 1996, Тютюнник, 2004 и др.]. Морфологически слово *Landschaft* разделяется на две части — *land* и *schaft*.

Согласно исследованию Ю.Г. Тютюнника, слово *land* имеет морфологические и семантические аналоги во многих европейских языках, современных и древних. Так, *land* в готском, древнеанглийском и древнесаксонском означает *пространство земли, свободное от леса, пустошь, целина*, *lant* в древне-верхненемецком и *lenden* в средне-верхненемецком — *земля, страна, край*, *lindan* на древнепрусском — *долина*, а *linda* в швабском диалекте

немецкого языка — поле под паром. Близкое по форме слово *lann* в древне-ирландском языке значит *свободное пространство земли, равнина, двор*, а *lansi* (финский язык) — *низина*. Схожая ситуация обнаруживается и в славянских языках. В чешском языке *lada, lado* и русское диалектное *ляда* означают *пустошь, поле, луг на месте выкорчеванного леса*. *Лядо* в белорусском, *ледина* в древнеболгарском и *лан* на украинском имеют сходный круг значений — *безлесная равнина, поле* [Тютюнник, 2004]. Таким образом, в европейских языках за словом *land* обнаруживается сходный круг значений. Это, прежде всего, освоенное пространство — **земля, свободная от леса, поле, луг**; причём пространство это расположено в долине или в низине: именно эти территории наиболее удобны и, вне зависимости от народа и окружающих его природных условий, осваивались в первую очередь.

Суффикс *-schaft* произошел от древне немецкого отглагольного существительного *scaf*, которое означало *форму, вид, порядок, план, состояние* (Тютюнник, 2004). В современном немецком языке суффикс *-schaft* встречается довольно широко, подчёркивая ситуацию оформления, другого состояния, концентрации, «собирания» чего-либо. Так, *Bruderschaft* — дружба как собирание друзей, переход людей в новое качество, *Bauerschaft* — крестьянство как объединение крестьян, новое социальное состояние, *Bereitschaft* — готовность как новое состояние концентрации человека.

Концепт ландшафта: сравнительно-семантический анализ. Семантический анализ слова *ландшафт* в немецком языке демонстрирует многозначность его значений. Так, один из самых полных и авторитетных толковых немецких словарей — Словарь братьев Гримм — выделяет семь уровней значений *Landschaft*'а [Landschaft, 1885]. Под ландшафтом понимается, во-первых, местность определённого состояния и естественных свойств, например, зимний ландшафт, во-вторых, художественное изображение подобной местности. Имеются территориальные значения ландшафта — как страны, провинции. Все остальные и довольно многочисленные значения ландшафта связаны с общественными и политическими отношениями людей между собой по поводу земли: ландшафт понимается как общественная целостность, округ (в политическом смысле), противоположность городу, негород; как житель округа, провинции; как представитель территории или земли. Как видим, несколько пластов значений слова связаны с земскими общественными и политическими отношениями.

Современный немецкий язык также фиксирует несколько уровней значений слова, а именно: 1. Страна, край; местность, об-

ласть, провинция, округ, кантон. 2. Ландшафт, пейзаж, вид. 3. Феодальное сословное представительство, государственные чины; земские чины, земство [Landschaft..., 1969]. Очевидно, что за столетие в немецком языке усилились территориальные значения ландшафта, сохранились пейзажно-визуальные и уменьшились, но не исчезли его земские значения.

Территориальный концепт Landschaft'a охватывает круг его территориальных значений — страна, край; местность, округ, провинция и другие (табл. 1). Поэтому он наиболее близок географии, но его истоки, вероятно, связаны со сферой политики и местного самоуправления.

Этот момент сыграл огромную роль в развитии ландшафтной концепции географической науки.

Таблица 1
Структура концепта Landschaft в немецком языке [Landschaft..., 1969]

Смысловые слои	Значения	Сферы употребления
Территориальный	Страна, край; местность, область, округ, провинция, кантон	География, политика
Визуальный	Ландшафт, вид	Обыденная сфера, фотография
Художественный	Ландшафт, пейзаж	Искусство, география, обыденная сфера
Земский	Феодальное сословное представительство; земские чины, земство	Политика, управление

Обыденное **визуальное** понимание Landschaft'a как вида части земной поверхности в перспективе, облика земной поверхности, вида окрестностей широко распространено в европейских языках (табл. 2). С таким представлением связано выражение «красивый ландшафт». Развитие фотографии создаёт дополнительные исследовательские возможности.

Третий уровень значений ландшафта — **художественный** — генетически связан с живописью и другими видами искусства и обладает значительным культурным потенциалом.

Наконец, последний — **земский** — пласт значений, как показал анализ в разделе 1.1.1., представляет собой самый архаичный языковой слой, исходно связанный с политической сферой.

Этот смысловой пласт оказался специфичен не только для немецкого языка, генерировавшего это слово. По мнению К. Олвига, в английском языке есть аналог муниципального прочтения

ландшафта в форме township, который включает в себя горожан, их политических представителей и их земельную собственность. Но, вероятно, более адекватен земскому концепту Lanschaft'a концепт country, в котором также отражаются вопросы территории, местного сообщества и муниципального права [Olwig, 1996]. Интересно, что латинское слово *pagus*, к которому восходит французский концепт *paysage*, также характеризуется целым спектром земских значений: сельская община, сельское население, область. В таком контексте представляется уместной интерпретация *pagus*'а как совокупности сельского пространства и сельского населения [Тютюнник, 2003].

Таблица 2

Концепт ландшафта в некоторых языках Восточной Европы
[Urbanc and other, 2004]

Язык	Термин	Значения
Эстонский	Maastik	«Маа» обозначает страну, землю и местность, суффикс «-stik» означает, что слово молодое (начало XX века). Термин пришёл из литературы и живописи. Обозначает: 1. Конкретная территория. 2. Тип территории. 3. Вид окрестностей. 4. Позже произошел смысловой сдвиг и в настоящее время используется метафорически (политический ландшафт).
Венгерский	Tàù	1. Небольшая территория, где географические факторы (растительность и др.) однородны и когерентны. 2. Визуально воспринимаемая окружающая нас природа. 3. Местность, окрестности (вокруг какого-либо дома).
Польский	Krajobraz	«Kraj» означает местность, «obraz» — картину, вид, поэтому «krajobraz» может быть буквально переведён как «картина местности». В обыденном понимании обозначает вид, картину или пейзаж ближайших окрестностей; облик земной поверхности.
Словенский	Pokrájina	1. Тип территории. Определённая освоенная территория, провинция. Край (в политико-географическом смысле). 2. Пейзаж в живописи. 3. Метафорическое использование: ментальный, духовный ландшафт.

Отметим: визуальный и художественный концепты ландшафта выделяются относительно других тем, что они обладают собственными **формами репрезентации ландшафта** — пейзажной и фотографической, что открывает широкие возможности для культурно-географических интерпретаций (более подробно об этом — в главе 4).

Многозначность концепта ландшафта является отличительной чертой и других европейских языков (табл. 2).

Наиболее характерны для европейских языков территориальное и визуально-пейзажное понимание ландшафта. Общепринятым является также метафорическое использование концепта, активно развивающееся в последние годы.

Русский язык, вероятно, является единственным среди европейских языков, в котором в качестве концепта ландшафта используется иностранное слово.

Использование в качестве научного термина иностранного слова, не обременённого культурными смыслами, обладает определёнными преимуществами. Этот момент сыграл огромную роль в дальнейшем развитии ландшафтной концепции географии в России, включая институциональное оформление всего спектра ландшафтных исследований в единую науку — ландшафтоведение. Если предположить, что для обозначения ландшафта было бы использовано русское слово, например, окоём или местность, вряд ли было возможно ожидать появления ландшафтоведения в том виде, как оно сложилось в российской географии. Сам язык становится непреодолимым барьером на пути создания «окоёмологии» или «местностноведения».

В словаре В.И. Даля пейзаж и ландшафт рассматриваются как синонимы и тракуются как видопись, картина местности, вид природы, сельский вид [Даль, 1882].

В Советском энциклопедическом словаре ландшафту отведено две статьи, одна для его трактовки в искусстве (изображение какой-либо местности), другая — в науке [Ландшафт, 1983, Ландшафт географический, 1983].

Очевидно, что в русском языке возобладали территориальный и художественный смыслы ландшафта. Хотя земские коннотации, как в концептах *Landschaft* и *country*, в русском концепте ландшафта выражены слабо, в культурно-ландшафтных работах, особенно на местном уровне, их уместно развивать и моделировать.

1.2. РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ ГЕОГРАФИИ

Смысловая неоднозначность концепта ландшафта в разных языках создала разные возможности его реализации в национальных географических школах при построении научных ландшафтных концепций. Заметим, что во всех случаях ландшафтные исследо-

вания занимали важное место во всём спектре культурно-географических исследований. Обзор основных направлений в англо-американской культурной географии выполнен Дж. Голдом [Голд, 1990]. В монографии М.В. Рагулиной «Культурная география: теория, методы, региональный синтез» дан обзор и сравнительная аналитика состояния англо-американской, немецкой, французской и современной российской культурно-географических школ [Рагулина, 2004].

Основная задача представленного ниже анализа — выявление концептуального своеобразия и значимых моментов в исследовании культурных ландшафтов наиболее крупными зарубежными географическими школами.

1.2.1. Исследования культурного ландшафта в англо-американской географической традиции

В англо-американской географической традиции ландшафтная концепция оценивается очень высоко. В этом контексте основоположник американской культурно-ландшафтной школы Карл Зауэр писал: «Становление культурной географии как науки было связано с формулировкой концепции культурного ландшафта» [Sauer, 1974, p. 190]. Сходной позиции придерживаются многие современные географы, например, Р. Шейн, который называет ландшафт фундаментальным концептом североамериканской географии XX столетия [Schein, 1997].

На первых этапах под культурным ландшафтом понималась территория, характеризующаяся специфической взаимосвязью природных и культурных форм [Sauer, 1925]. Культурный ландшафт рассматривался как результат борьбы культуры с природным окружением за своё существование и как своего рода хранилище свидетельств этой борьбы. «Ландшафт выступает в роли скрупулезного свидетеля приспособления человека к окружающей среде» [Голд, 1990].

По мнению К. Зауэра, культура представляет собой действующее начало, природный ареал — посредник, а культурный ландшафт — результат (индикатор) их контакта [Sauer, 1925]. В этом постулате заложены важные методологические основания, которые стали характерными для всей американской ландшафтной географии — её ярко выраженная «бесприродность» и гипертрофированная антропоцентричность. Природа рассматривается лишь как фон, арена, но не как естественное основание культуры.

К. Зауэр разработал схему морфологии культурного ландшафта (рис. 3). К её несомненным достоинствам относятся учёт взаи-

мосвязи природного и культурного ландшафта, а также внешние, измеримые характеристики культурного ландшафта. Структурная морфология концентрируется на морфологии внешних форм ландшафта. В качестве форм проявления взаимодействия культуры и природной среды могут выступать население (его плотность и подвижность), жилищная застройка (её планировка, структура), производственные процессы, коммуникации. Структурная морфология ландшафта нацелена на создание синтетического знания, основанного на анализе его элементов. Все элементы культурного ландшафта, проявленные в физическом пространстве, становятся доступными для измерения и изучения. В таком контексте крупномасштабная географическая (топографическая) карта является важным источником информации о культурном ландшафте.

Фактор	Среда	Формы проявления
Культура → Время → Природный ландшафт	→	Население: плотность подвижность
		Жилищная застройка: планировка структура
		Производственные Процессы Коммуникации и др.
		Культурный ландшафт

Рис. 3. Схема морфологии культурного ландшафта [Sauer, 1925].

Применительно к ситуации США К. Зауэр выделял и описывал разные временные состояния американского культурного ландшафта — индейский ландшафт, пионерный ландшафт, фермерский ландшафт [Sauer, 1974].

Основанная К. Зауэром культурно-ландшафтная школа в университете Беркли (Калифорния) оказала сильное влияние на формирование национальной исследовательской традиции. К примеру, сформировалась такая важная особенность американской ландшафтной географии как преобладание социологичности над этничностью в исследованиях американского культурного ландшафта. Этот момент (сказывается влияние хорошо развитой американской социологии) проявляется и в терминологии: применительно к культурному ландшафту обычно используется термин «социальная группа», а не «этническое сообщество».

Традиция научной критики представляет собой неотъемлемую черту американской культурной географии. Одной из самых уяз-

вимых для критики явилась проблема неоднозначности, двойственности представлений о ландшафте. При этом в рамках англо-американской географии проблемы природного ландшафта не существовало, поскольку считалось, что с появлением человека ни о каких природных ландшафтах не может быть и речи [например, Hartshorne, 1939]. По этой причине проблема двойственности ландшафта обсуждалась как понятийно-терминологическая — как **проблема двойственности концепта ландшафта**.

Как было показано выше, одним из первых серьёзных критиков концепта ландшафта явился Р. Хартшорн [Hartshorne, 1939].

Во-первых, его не устраивала семантическая неоднозначность концепта — обыденные смыслы слова («вид части земной поверхности в перспективе» или «внешняя обозримая поверхность Земли») существенным образом не совпадали с его научным содержанием («участок земного пространства с определёнными характеристиками»), которое было сориентировано на изучение неоднородностей земной поверхности [Hartshorne, 1939, p. 150].

Во-вторых, многочисленные определения ландшафта как единства, целостности, набора предметов, которые вызывают целостные ощущения, по мнению Р. Хартшорна, не являются определениями, поскольку не отражают этого нового качества.

Особую критику вызвала визуальность, репрезентативность ландшафта, поскольку она отражает только часть свойств географического объекта, такого, например, как ареал. К недостаткам концепта ландшафта отнесено и то, что это иностранное для американцев слово.

Проблему перевода для англоязычных географов Р. Хартшорн предлагает решать следующим образом: «Если использовать ландшафт в значении части ареала, следуя Пенку, то можно его перевести как регион. В некоторых случаях корректно его перевести как “ландшафтные ощущения”, в других — как *landscape* (в обыденном смысле, как вид местности. — В.К.). Точно знать, что он означает, читатель может решить сам, исходя из контекста или при реферировании оригинала. В общем, термин ландшафт можно использовать в значении ареал, регион или округ, или что-то подобное, с добавлением при необходимости некоторых атрибутов» [Hartshorne, 1939, p. 169].

В результате ландшафту был вынесен суровый «приговор»: «Возможно, этот концепт значим для других наук, но для географии он имеет небольшое значение — нам в нём нет необходимости. В будущем большинство географов будут мало пользоваться или вообще откажутся от концепта, который базируется на их физических ощущениях ареала» [Hartshorne, 1939, p. 160]. Разра-

бывшая региональную концепцию географии, Р. Хартшорн нуждался в строгих и однозначных терминах, поэтому и предложил отказаться от употребления такого двойственного термина как ландшафт.

Не удовлетворила Р. Хартшорна и ландшафтная концепция Карла Зауэра. По его мнению, в «Морфологии ландшафта» К. Зауэра трудно отличить ландшафт от региона. В одном случае Зауэр даёт определение ландшафта как ареала, созданного различными ассоциациями форм, а в другой работе указывает, что структура ландшафта включает (1) особенности природного ареала и (2) формы, противопоставленные природному ландшафту человеческой деятельностью, — культурный ландшафт» [Hartshorne, 1939, p. 155]. Поэтому концепт ландшафта Зауэра может быть определён как ареал минус нематериальные (духовные) феномены.

Заметим, что Берклийская ландшафтная школа не только устояла под огнем жёсткой критики, но и плодотворно в течение десятилетий исследовала американские культурные ландшафты. Влияние критики привело к большому разнообразию исследовательских позиций в американской ландшафтной географии и максимально возможному использованию полисемантического потенциала концепта ландшафта. Всё многообразие пониманий ландшафта и связанных с ним направлений исследований можно свести к двум основным позициям — территориальной социокультурной и пейзажной образно-символической. Нетрудно заметить, что эти позиции соответствуют разным слоям концепта ландшафта — земскому и художественному.

В рамках **социокультурных исследований ландшафта** ландшафт понимается как биография местности, как продуцент социальной жизни (например, классовый ландшафт, гендерный ландшафт, фермерский ландшафт), как часть повседневной жизни (вернакулярный, или обыденный ландшафт) и т.д. [Schein, 1997 и др.]. К примеру, гендерное направление исследований ландшафта ведётся сквозь призму мужского и женского начал. По мнению Дж. Роуз, природная сторона в культурном ландшафте, например, в образах нимф, дриад пассивных и послушных, ассоциируется с женским началом, а его освоение, окультуривание ландшафта — с мужским [Rose, 1993].

Содержательные положения территориального социокультурного направления исследований культурного ландшафта сформулированы Дж. Б. Джексоном:

- человек живет в культурном ландшафте социально;
- культурный ландшафт — это единство людей и окружающей их среды;

— культурный ландшафт — это пространство тех, кто живет и работает на его территории;

— все культурные ландшафты символичны: они выражают настойчивое желание человека превратить Землю в небесный рай;

— культурные ландшафты подвержены изменениям, так как они являются выражением желания сообщества людей [Jackson, 1979].

В ландшафтном исследовании Дж. Б. Джексон выделяет два базовых момента: частное жильё как первичный ландшафтообразующий элемент и прототип большого мира в культуре и этнический (этнокультурный) аспект ландшафта.

Социокультурные исследования культурного ландшафта, опирающиеся на представление о культурном ландшафте как о территории и уделяющие большое внимание исследованию артефактов, подверглись критике со стороны представителей новой культурной географии за чрезмерное внимание к материальной стороне культуры и за мелкотемье [Cosgrove, Jackson, 1987, Daniels, Cosgrove, 1988].

Образно-символические исследования ландшафта отличаются большим разнообразием смыслов — от образа места до его репрезентации. «Ландшафт — это больше, чем природа, на которую накладываются материальные проявления деятельности человека ... Мы сами привнесли в ландшафт разные содержания, которые могут быть описаны как психологическое, религиозное, эстетическое и моральное» [Tuan, 1966]. В таком контексте под ландшафтом могут пониматься и пространственно-визуальный ансамбль места, и репрезентация местности, и символический феномен, и символ места, и метафора (например, политический ландшафт, ландшафт страха), и даже текст в лингвистическом смысле («чтение ландшафта»).

Во всех случаях пейзаж в исследованиях этого направления имеет огромное значение. Заметим, что пейзажное направление ландшафтных исследований наиболее характерно для британской культурной географии [Lowenthal, Prince, 1964, 1965, Lowenthal, 1972, Cosgrove, 1984, 2005 и др.].

Ярким примером образно-метафорического понимания ландшафта предстаёт исследование известного ландшафтного географа Д. Костроува, посвящённое пространственной организации культурного ландшафта [Cosgrove, 1993]. Д. Костроув выделяет три основных типа ландшафта: *город*, *срединный ландшафт* и *пустыня*. Для характеристики этих типов он активно использует метафорические образы. Так, *город* он называет королевством культуры, представляющим собой центр во многих отношениях.

В качестве центра власти и управления город характеризуется тем, что именно в нём живёт правящая элита общества. В гендерном плане *город* представляет собой мужское пространство: именно так воспринимаются в обществе сила и власть. Применительно к *срединному ландшафту* Д. Косгроув использует образ сада как окультуренной и управляемой природы. Эта часть общего ландшафта связана с женским началом, она самая плодородная и продуктивная. *Срединный ландшафт* предстаёт неким идеалом сбалансированной и счастливой жизни общества. Это локус ностальгии. *Пустыня* — третий тип ландшафта, в классической традиции он мыслится нейтральным, поскольку он прото-социален. В таком контексте *пустыня* обладает самым низким статусом.

Каждый из выделенных типов ландшафта обладает большим количеством значений в зависимости от контекстуальных отношений друг к другу. Например, пустыня может рассматриваться как источник социальной жизни, как место, где она начинается, а город воспринимается как зрелый тип общества. Срединный ландшафт — это тип, который позволяет сохранять общий баланс. Отметим, что схема Д. Косгроува отражает христианскую мировоззренческую позицию организации культурного ландшафта. В целом пространственно-статусная схема культурного ландшафта Д. Косгроува выглядит следующим образом: город — сад (срединный ландшафт) — пустыня [Cosgrove, 1993].

В англо-американской географической традиции широко представлены исследования ландшафтных символов. Для понимания символики культурного ландшафта необходимо уяснить ценностные установки и предпочтения тех людей, которые его сформировали, а также тех, кто «располагает» образами данного ландшафта. Такой подход предполагает выстраивание исследования в соответствии с двумя уровнями: пространственными традициями местного сообщества и образами ландшафта среди «краеведов» — носителей истории края. В ландшафтно-символических исследованиях акцент делается на выявление этнокультурного разнообразия стран и отдельных регионов. Одна из наиболее интересных тем ландшафтно-символических исследований связана с представлениями о топофильных и топофобных, то есть о безопасных и опасных, ландшафтах. При этом всячески подчёркивается относительность таких оценок, связанная с этнокультурным, социальным и другими факторами.

Один из классиков современной американской культурной географии Й.Ф. Туан показал, что в некоторых культурах сакральное восприятие городского ландшафта «как небесной благодати

на земле» связано с представлением о том, что город символизирует конечную цель развития человеческого общества и потому противостоит первозданному хаосу и дикости как, например, Иерусалим [Tuan, 1974].

Образно-символический компонент в составе культурного ландшафта потребовал поиска особых методов и средств для его выявления и представления. Дж. Голд для исследования ландшафтных предпочтений предлагает такие методы, как интервьюирование, непосредственные наблюдения, фотографирование [Голд, 1990].

Ландшафтно-искусствоведческие исследования базируются на изучении восприятия произведений ландшафтной живописи как источников географической информации (один из наиболее ярких примеров использования художественного концепта ландшафта в культурной географии). По мнению С. Даниэльса, ландшафтная картина может определять видимую форму нации (этноса), выражая суть национального самосознания, этнического характера [Daniels, 1993]. Например, картина Дж. Констебля «Повозка для сена», изображающая сельскую Англию, по его словам, оценивалась британцами как страна в миниатюре, то, что должно защищать и ради чего стоит умереть. Тем самым демонстрируется, что ландшафт для британцев — это средство выражения национального достоинства. Таким образом, в ландшафтной живописи воплощается множество форм национального (этнического) самосознания — его региональное и местное своеобразие, религиозные, социальные, семейные особенности (рис. 4).

Рис. 4. Констебль Дж. Парк Уайвенхо, Эссекс. 1816 г.

Интересны пространственно-временные «переключки» размышлений о роли ландшафта в формировании национального характера и национального сознания. Так, определение географии Америки как американского сознания, реально созданного в ландшафте [Watson, 1970], почти дословно повторяет сходные высказывания В.П. Семёнова-Тян-Шанского о влиянии окружающего ландшафта на формирование психологии народа, сделанные им на полвека раньше [Семёнов-Тян-Шанский, 1927].

Опирающиеся на художественное понимание ландшафта образно-символические исследования активно привлекают материал искусства, подчёркивая плодотворность пограничного положения ландшафтной концепции между наукой и искусством. С другой стороны, в силу экстерриториальности пейзажных репрезентаций в исследованиях этого направления существует риск утраты территориальных смыслов ландшафта [например, Daniels, Cosgrove, 1988].

1.2.2. Die Landschaft и die Kulturlandschaft в немецких географических исследованиях

Национальная школа немецкого ландшафтоведения, вне всякого сомнения, относится к самобытным географическим школам. Велико её влияние на формирование других национальных школ; и она сама испытывала и испытывает такие воздействия, особенно со стороны американской и русской (советской) географии.

Традиционна связь немецкого ландшафтоведения с философией. Глубоко симптоматично, что Иммануил Кант сам преподавал географию, а его классификация наук на сущностные, хронологические и хорологические существенно повлияла на развитие самой географии и становление в ней хорологического подхода в XX веке. Отсюда истоки мощной пространственной (хорологической) традиции немецкого ландшафтоведения, неослабевающий интерес к вопросам классификации ландшафтов, научного и прикладного картографирования.

Одним из первых среди немецких учёных, применившим понятие культурного ландшафта, был О. Шлютер [Schluter, 1920]. Он трактовал его комплексно как единство природных и культурных объектов, доступных восприятию человека. При этом значительное внимание уделялось роли социального человека, территориальных общностей людей в формировании самого культурного ландшафта. Заметим, что основатель Берклийской школы культурного ландшафта, немец по происхождению, Карл Зауэр высоко ценил его работы и испытал влияние его идей.

Практически все крупные немецкие географы понимали и чувствовали смысловую энергетику слова *Landschaft*, не сводя всё многообразие его смыслов к тем, которые привнесла живопись. Никто из немецких географов не рассматривал концепт ландшафта только как эстетический. Даже А. Гумбольдт, задолго до начала научной эры ландшафта, хотя и использовал пейзажный метод в научных целях при проведении полевых работ, не сводил представления о ландшафте к эстетическим [Гумбольдт, 1886]. При этом живопись, художественное восприятие ландшафта оказали огромное влияние не только на продвижение самого концепта в немецкой географии, но и на формирование представлений о ландшафте как основном объекте географических исследований. Символично высказывание Г. Лаутензаха о том, что география начинается с картины местности [Lautensach, 1938]. Иначе говоря, география начинается с пейзажа.

Приведённое образное выражение отражает только один аспект сильного и разнопланового воздействия пейзажной живописи на становление географии как науки о ландшафте. Это воздействие проявилось не только в том, что искусствоведение и география используют один термин *ландшафт*, не только в эстетическом отношении географов к природе (отношении, которое далеко не чуждо и современным прагматичным географам), которое определённо сформировалось под влиянием живописного творчества. Главным образом это воздействие сказалось на формировании географического мировоззрения, на развитии теории и методологических подходов географии.

В немецкой географии пейзажность ландшафта особенно сильно ощущается в первой трети XX века. Так, немецкий географ Лео Вайбель определяет ландшафт как «часть земной поверхности и небосвода, которые лежат в поле нашего зрения и видятся в перспективе с определённого места» [Waibel, 1928, цит. по Harthshorne, 1939, p. 152]. В это определение из пейзажной живописи привнесён и небосвод, который «пропадает» в более поздних определениях ландшафта, и представление о перспективе, и, на наш взгляд, самое главное — вертикальное видение окружающего мира.

Определённый сдвиг в представлении о ландшафте — через его психологизацию — проявляется в определении В. Хеллпаха. В данном случае ландшафт понимается как «общее впечатление, вызываемое в нас частью земной поверхности и соответствующей частью небосвода» [Hellpach, 1923, цит. по Harthshorne, 1939, p. 152]. Как справедливо замечает Р. Хартшорн, такое представление о ландшафте предполагает наблюдателя, рассматривающего конкретный вид (*the scene*) вертикально — так, как он проявляется в перспективе [Harthshorne, 1939, p. 152].

Этот «видимый ландшафт» формирует основу концепции И. Гранё, который включает в него не только визуальные, но и звуковые ощущения, запахи и чувства, которые он вызывает. В результате И. Гранё приходит к представлению о ландшафте как тотальном впечатлении. Тем самым он расширяет это представление, уходя от абсолютизации визуального восприятия [Granö, 1935]. Не останавливаясь на этом, он осуществляет объективизацию ландшафта, включая в него предметы, которые ответственны за восприятие ландшафта. Позиция предельно ясна: от восприятия ландшафта к ландшафту как таковому (пока ещё без разрыва этих моментов).

Важную роль в придании концепту ландшафта нового научно-географического содержания и в этом смысле — в формировании научной ландшафтной концепции сыграл А. Геттнер [Геттнер, 1930].

Одним из важнейших теоретических и методологических принципов немецкой географии является принцип целостности [Bastian, 2004]. Он понимается многоаспектно, онтологически и гносеологически, на уровне теоретического представления объекта и на уровне методологии ландшафтного исследования. Для современной немецкой географии этот принцип особенно актуален, поскольку после объединения страны возникла необходимость пересмотра оснований ландшафтных исследований, существенно различающихся в Западной и Восточной Германии, поиска и разработки взаимоприемлемых принципов для сближения позиций. При этом было бы сильным упрощением сводить различия восточной, постгэдээровской, и западногерманской географии к исключительно идеологическим причинам. Обе географии следуют традициям немецкой культуры и географии XIX — начала XX века, но разным традициям.

Западная ветвь немецкой географии (и ландшафтоведения) более гуманитарна и социологична, она в большей степени унаследовала традиции немецкой антропогеографии [Ратцель, 1902, Геттнер, 1930]. Именно здесь в исследованиях культурных ландшафтов широко применяются экзистенциальные, феноменологические, перцепционные подходы [Стрелецкий, 2003]. Проявляется значительный интерес к исследованиям региональных культурных ландшафтов, отражающих значительное регионально-культурное разнообразие германских земель, а также культурных ландшафтов исторических городов.

В восточной Германии в развитии ландшафтной концепции традиционно велика роль естественнонаучного мировоззрения. Она проявляется в большем внимании к природным компонен-

там, в разработке методов количественного моделирования, тесной связи ландшафтных изысканий и ландшафтного планирования на локальном уровне. Очевидно, что в таком, во многом натуралистическом, подходе к ландшафту можно увидеть, и не без основания, влияние советской ландшафтной школы, но не будем забывать, что одним из первых активных сторонников «привлечения» природы в ландшафтную географию был А. Геттнер [Геттнер, 1930].

Примечательны направления гуманизации традиционных ландшафтных исследований саксонской (восточногерманской) школы Э. Неефа. Первое направление гуманизации проявляется в расширении состава ландшафтного комплекса за счёт «культуры». Ученики Неефа, наряду с рельефом, почвой, климатом, водным балансом, флорой и фауной, включают в ландшафт человека, результаты его хозяйственной деятельности и даже артефакты. Сущность другого направления гуманизации заключается в отказе от принципа редукционизма по отношению к ландшафту: «Каждый должен понимать, что *ландшафт* представляет собой термин, обладающий разнообразными скрытыми смыслами (коннотациями), и потому у него не может быть единственного и окончательного определения» [Bastian, 2004]. Такая позиция привела к принятию важного методологического принципа — дополнителности, или комплиментарности, выдвинутого ещё Неефом. Каждый из двух принципиально разных подходов к пониманию ландшафта (как реального объекта и как искусственного конструкта нашего сознания) имеет право на существование, поскольку ландшафт — очень сложный феномен для анализа и описания [Neef, 1985]. От принципа комплиментарности остаётся один шаг до признания необходимости междисциплинарных исследований ландшафта. «Ландшафт не является ни единственно объективной, ни чисто субъективной реальностью; он и то, и другое одновременно. Научное исследование ландшафта нуждается в совместных усилиях разных дисциплин. Раздельное рассмотрение геологических, биологических, эстетических, исторических, психологических, социальных и экономических аспектов не свойственно для комплексной ландшафтной реальности» [Tress et al, 2001].

Нельзя не согласиться с М.В. Рагулиной в том, что ландшафтная концепция, родиной которой явилась Германия, и в настоящее время представляет собой теоретическое ядро национальной общественной (и не только общественной. — В.К.) географии [Рагулина, 2004].

1.2.3. Le paysage во французской географии

Французская ландшафтная география представляет собой важную часть общественной географии, или *la géographie humaine* (дословный перевод — «человеческая география»). Для французской ландшафтной географии в теоретических и методологических вопросах традиционно характерна неразрывность природы и культуры, тесная связь человеческого сообщества со своим окружением. В её развитии отсутствует типичный для русской и отчасти немецкой ландшафтных школ период «потери» культурного компонента. Поэтому ландшафтная (точнее — пейзажная) проблематика рассматривается всегда в культурном контексте. Такой подход был заложен ещё Полем Видаль де ля Блашем, для которого важнейшим понятием, связывающим в одно целое культуру и ландшафт, было понятие образа жизни [Blache, 1926].

Усилиями Жана Брюна, Пьера Деляфонтена, Огюста Мейтцена, Альбера Деманжона, Марка Блока (известного историка, ученика Поля Видаль де ля Блаша) основное внимание французских географов в первой половине XX века было приковано к исследованиям сельских культурных ландшафтов. При этом в методическом арсенале французских географов (как и современных им русских антропогеографов) были широко представлены этнографические и фольклористические методы.

По мнению Поля Клаваля, одного из крупных современных специалистов по культурной географии, ландшафт (очевидно, культурный ландшафт. — В.К.), с одной стороны, является отражением («отпечатком») культуры, а с другой, выступает в качестве матрицы, определяющей её дальнейшее развитие [Claval, 2003]. Отражая религиозные устремления, идеологические страсти, эстетические предпочтения, (культурные) ландшафты тем самым представляют собой интересный объект для культурной географии. Однако их интерпретация — непростая задача для исследователя, так как ландшафты отражают потребности и стремления не только современных людей, но и людей прошлых эпох, которые не всегда легко определить.

Особенностью современных пейзажных исследований во Франции является их ярко выраженный междисциплинарный характер. Пейзаж (*le paysage*) привлекает внимание представителей разных научных дисциплин, а также территориальных проектировщиков, работников органов государственного и муниципального управления. Тем самым де факто признаётся, что сложность феномена пейзажа заведомо выше возможностей одной дисциплины.

Концепция пейзажа как существенного измерения отношения общества к миру стала базовой при создании междисциплинарного Центра по изучению истории и культуры, созданного в 1991 году в Бордо [Фролова, 1996]. В деятельности Центра принимают участие географы, историки, археологи, архитекторы, этологи, философы, дизайнеры, землеустроители. Междисциплинарные ориентированные на пейзаж исследования Центра разворачиваются в трёх направлениях — анализ эволюции пейзажа, исследование восприятия пейзажей и взаимосвязь пейзажа и ландшафтного планирования.

Процесс эволюции пейзажей рассматривается как отражение взаимодействия общества и природы, для понимания которого требуется комплексное исследование, использующее методы естественных и социальных наук. Это позволяет выявлять состояния пейзажей, идентифицировать фазы их трансформации и объяснять ведущие факторы их динамики. При этом состояние пейзажа определяется не только природными, но и культурными, хозяйственными, управленческими факторами. Считается, что подобные исследования обладают определённым прогностическим потенциалом.

При исследованиях восприятия пейзажей большое внимание уделяется методу наблюдения — «без наблюдения нет пейзажа». Исследования строятся как на основе анализа самого пейзажа, так и взаимодействия человека и пейзажа как отношений зрителя и зрелища. При этом анализируются исторические (история восприятия отдельных значимых пейзажей), социальные (восприятие пейзажей разными социальными группами), психологические аспекты взаимодействия (влияние состояния человека на восприятие пейзажа и влияние самого пейзажа на состояние человека). Особое внимание уделяется выявлению культурных кодов, которые играют доминирующую роль в нормах восприятия и понимания пейзажа, во многом определяют модели его развития. Действительно, этнический фактор, фактор воспитания, образования играют существенную роль в формировании культурных кодов и, соответственно, представлений о красоте пейзажа. Определённый интерес представляет типология пейзажей, которая выстраивается в соответствии с разными типами культурных кодов. Выделяются шесть типов пейзажей: 1) *пейзаж-текст* (литературное описание или художественный образ ландшафта); 2) *эмблематический пейзаж* (ландшафт историков и географов, связанный с самоидентификацией нации); 3) *органический пейзаж* (типичный ландшафт региона, объект защиты региональных экологических движений); 4) *пейзаж современности* (символ стра-

ны, региона, города, объект паломничества туристов); 5) *научный и экологический пейзаж* (ландшафты — научные лаборатории); 6) *внутренний пейзаж*, представляющий собой мысленный ландшафт пользователей [Фролова, 1997].

В рамках прикладного междисциплинарного направления деятельности усилия направлены на учёт особенностей пейзажа в ландшафтном планировании. Предпринимаются попытки по внедрению пейзажного подхода в практику территориального проектирования и планирования. Об общественной значимости проблемы пейзажей во Франции свидетельствует факт принятия в 1993 году специального Закона «Об охране пейзажей» [Фролова, 1997].

1.3. ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В РУССКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Как и во всём мире, идея ландшафта была воспринята в русской географии в ситуации её системного кризиса в начале XX века [Семёнов-Тян-Шанский, 1928, Берг, 1929, Исаченко, 1971]. Вместе с тем ландшафтная концепция в России, её понимание и реализация отличаются своеобразием, причины которого кроются не только в сферах языка, идеологии и политики, но и связаны с внутренней логикой развития науки.

Первое принципиальное отличие заключается в использовании в качестве концепта иноязычного термина *ландшафт* (die Landschaft), пришедшего из Германии.

Второе отличие от западных географических школ связано с особенностями самой русской географии, и, прежде всего, с её сильными натуралистическими традициями; оно проявилось в приоритетном и весьма продуктивном развитии в течение всего XX века концепции природного ландшафта. При этом концепция культурного ландшафта длительное время оказывалась на периферии внимания отечественных географов.

В исследованиях культурного ландшафта в России можно выделить три этапа — антропогеографический, антропогенный и гуманитарный.

1.3.1. Антропогеографический этап

На антропогеографическом этапе (1910–30-е гг.) понимание ландшафта в русской географической школе и содержание культурно-ландшафтных исследований по многим основаниям близки к таковым в других национальных школах. Для этого этапа характер-

но безусловное принятие ландшафта как центральной идеи географии, многозначность самого концепта ландшафта, преобладание представлений о ландшафте как природно-культурном комплексе, сильный этнографический элемент, связь географии и искусства. Большую роль в формировании представлений о ландшафте сыграли антропогеографы. Антропогеографией назывался отдел географии, рассматривающий Землю как место обитания человека [Крубер, 1926].

Среди ведущих русских антропогеографов первой трети XX века выделяются имена Д.Н. Анучина, В.П. Семёнова-Тян-Шанского, А.А. Крубера, П.Н. Савицкого, Л.С. Берга.

Первым из русских географов термин *культурный ландшафт* использовал Л.С. Берг [Берг, 1915]. При этом он сразу ввёл представление о двух ландшафтных объектах — природном и культурном ландшафте.

Русская антропогеография испытала сильные воздействия, особенно со стороны немецкой географической школы. Одной из наиболее важных работ явилась книга Альфреда Геттнера «География. Её история, сущность и методы», переведённая на русский язык в 1930 году. С другой стороны, на русских антропогеографов сильное влияние оказала школа В.В. Докучаева, выдающегося натуралиста и почвоведом, и особенно его учение о природных зонах как целостных природно-культурных системах, которое по своей сути является антропогеографическим [Докучаев, 1948].

Русская антропогеография тех лет была тесно связана с гуманитарными науками — историей, этнографией, топонимикой, фольклористикой. С другой стороны, под влиянием географии в исторической науке начинают использовать термины *историко-культурный ландшафт* и *культурный ландшафт* [Анциферов, 1928].

Ландшафт как природно-культурный территориальный комплекс. Идея ландшафта настолько сильно и безоговорочно увлекла сообщество географов своей глубиной и многоплановостью, что каждый находил в ней своё. Поэтому антропогеографический этап развёртывания ландшафтной концепции отличается наибольшей многоаспектностью.

Л.С. Бергом под ландшафтом понимается **определённая территория и тип территории**, в которой взаимодействие компонентов даёт новое качество [Берг, 1929]. А.А. Григорьев соотносил ландшафт с **экономическим районом**, считая его исходным объектом экономической географии [Григорьев, 1925]. Для В.П. Семёнова-Тян-Шанского географический ландшафт представляет собой **репрезентацию местности** — определённую, гармоничную, закономерную картину, типичную для данной местности [Семёнов-Тян-Шанский, 1928].

Среди важнейших научных результатов антропогеографии — представление о ландшафте как о сложном природно-культурном территориальном комплексе (рис. 5).

Рис. 5. Компоненты ландшафта в разработках русской антропогеографии.

Одно из наиболее компактных определений ландшафта как объекта-комплекса, состоящего из трёх основных частей-компонентов, дано в первой советской энциклопедии (рис. 5). «*Географический ландшафт* — термин, охватывающий природу определённого участка земной поверхности, его население и созданные населением видоизменения природных условий как единую цельную картину, все элементы которой генетически между собой связаны» [Каменецкий, 1929].

Л.С. Берг детализирует компоненты природной и культурной частей ландшафта: «Под именем географического ландшафта следует понимать область, в которой характеры рельефа, климата, растительного покрова, животного мира, населения и, наконец, культуры человека сливаются в единое гармоническое целое...» [Берг, 1929]. В определение географического ландшафта включается шесть компонентов — два культурных (население, культура человека) и четыре природных компонента (рельеф, климат, растительный покров, животный мир). Ниже, в самом тексте энциклопедической статьи, приводится уже восемь компонентов ландшафта — два культурных (сообщества человека, произведения его хозяйства и культуры) и шесть природных (рельеф, воды, климат, растительность, животный мир и почвенный покров).

Зафиксируем некоторые методологические следствия антропо-ландшафтных разработок. Первое из них заключается в том, что для русской антропогеографии характерен природоцентричный подход к ландшафту, когда природное начало оказывается в центре исследования, а культурное — на периферии. Он проявляется в развёрнутом и более устойчивом представлении о природных компонентах ландшафта и в определённой неустойчивости представления о культурных компонентах. Это связано с натуралистическими традициями и сильной физико-географической подготовкой русских географов.

Тем не менее, формируется представление о ландшафте как о **природно-культурном комплексе**: «... такие факты и явления, как население, пути сообщения, возделанные площади земли и т.д., не в меньшей степени характеризуют ландшафт большей части стран, чем особенности рельефа, климата, растительного покрова» [Крубер, 1926, с. 108]. Для антропогеографических работ базовыми составляющими ландшафтного комплекса являются **природа и культура**. Такую обобщённую позицию занимал антропогеограф П.Н. Савицкий, который в составе ландшафта, или географического индивидуума, выделял всего два компонента — географическую (физико-географическую) обстановку и охватывающую её социально-историческую среду [Савицкий, 1997].

Ландшафт как пейзаж. Однако не всех антропогеографов устраивал термин *ландшафт*. В.П. Семёнов-Тян-Шанский предпочитал использовать французское слово пейзаж, которое в России было воспринято в живописи. Для различения от живописного пейзажа он предложил термин **географический пейзаж**. В ставшей классической монографии «Район и страна» под географическим пейзажем он понимает определённую, гармоничную, закономерную картину, типичную для данной местности [Семёнов-Тян-Шанский, 1928].

По сути, географический пейзаж представляет собой **репрезентацию местности**. Для В.П. Семёнова-Тян-Шанского пейзажная репрезентация ландшафта, подчёркивающая связь географии и искусства, имела особое значение. Он был одним из самых активных сторонников сближения географии и искусства, специально посвятив этой теме в монографии «Район и страна» отдельную главу, которая так и называется «География и искусство».

Учёный разработал несколько типологий географических пейзажей. По соотношению природного и культурного начал в пейзаже-ландшафте «с антропогеографической точки» он выделил 5 типов: «1) Пейзаж **первобытный**, дикий, девственный... 2) Пейзаж **полудикий**... 3) Пейзаж **культурный**, в котором человек использовал и переместил по своей воле в полной мере с большим техническим совершенством все элементы минеральные, растительные и животные, истребив часть первобытных из них дотла и заполнив всю территорию совершенными произведениями своего труда над Землёй. 4) Пейзаж **дичающий**... 5) Пейзаж **одичавший**...». По площади охвата автор различал макрпейзаж, мезопейзаж, микропейзаж. В горных странах преобладает макрпейзаж, на равнинах — мезопейзаж («...сравнительно редко появляется открывающийся с плоских возвышенностей окоём, дающий панорамы, по обширности приближающиеся к горным...»). Было введено представление о постоянном и сезонном пейзаже.

Особенности антропогеографического этапа в России.

Своеобразие разработки ландшафтной концепции в русской географии определялось лингвистическими и историческими причинами. К примеру, проблема смысловой **двойственности центра ландшафта** занимала (и занимает) умы многих западных географов [Hartshorne, 1939, Olwig, 1996, Schein, 1997 и другие]. В России же эта проблема широко не обсуждалась, хотя, как было показано выше, наряду с территориальным пониманием существовало и пейзажное понимание ландшафта [Семёнов-Тян-Шанский, 1928]. Вследствие неудовлетворённости со стороны Л.С. Берга устойчивой ассоциацией ландшафта с пейзажем он предложил новый термин — *географический аспект*, который не прижился [Берг, 1931].

В отличие от англо-американской географической традиции проблема двойственности ландшафта рассматривалась русскими антропогеографами на **объектном уровне** — ландшафт природный и ландшафт культурный. В американской географической традиции такой проблемы не было: природный ландшафт рассматривался как фон, как арена деятельности, но никогда как

самоценный объект географических исследований [Sauer, 1925, Harthshorne, 1939].

Была предпринята попытка институционального решения проблемы двойственности ландшафтного объекта. В конце 1920-х годов, исходя из внутренней логики науки, был сделан прогноз дальнейшего развития ландшафтных исследований; предполагалось, что они могут «пойти по разным географическим направлениям: по линии преобладания географии физической, причём в природный ландшафт включается и человек как фактор, его изменяющий, и по линии антропологической, причём ландшафт сводится большей частью к роли “географической среды”, так или иначе влияющей на жизнь и деятельность человека» [Каменецкий, 1929]. Тем самым предвиделось развитие таких ландшафтных направлений, как учение о природном и антропогенном ландшафте (природное и антропогенное ландшафтоведение) и учение о культурном ландшафте (антрополандшафтоведение).

Антропогеографические работы оказали значительное влияние на географическое образование, особенно в 20-е годы XX века. Так, в рамках направления «география человека» в учебном плане географического факультета МГУ в 1926 году были следующие дисциплины: систематика и география человеческих рас, демографическая статистика, география колоний, этнография СССР, история культуры, экономическая география и другие [Дронин, 1999]. Однако по идеологическим причинам антропогеографическое направление (и антрополандшафтоведение) в СССР было свёрнуто: уже к 1929 году из всех перечисленных дисциплин в МГУ сохранилась лишь экономическая география, а в 1931 году был ликвидирован и отдел этнографии в Географическом обществе СССР [Дронин, 1999].

В последующие десятилетия основное внимание российских географов оказалось сосредоточенным на изучении природных ландшафтов.

1.3.2. Антропогенный этап

Антропогенный этап развития концепции культурного ландшафта охватывает период с 1940-х по 1980-е годы. На этом этапе представление о культурном ландшафте находилось на периферии научного внимания. Исключение составляли работы Л.С. Берга, Ю.Г. Саушкина, Л.Н. Гумилёва [Берг, 1945, 1947, Саушкин, 1946]. Ю.Г. Саушкин разработал идеологическую типологию культурных ландшафтов (ландшафты феодализма, капитализма, социализма), но в качестве критериев их выделения рассматривались

не географические и социальные показатели, а уровень развития технологии.

На этом этапе в русской географии происходит **натурализация и дегуманизация** ландшафтной концепции, формируются представления об антропогенном ландшафте.

В 1940-е–60-е годы в отечественной географии в полной мере проявился природоцентричный подход к ландшафту, который во многом и определил самобытность русской (советской) географической школы. На основе массовых полевых исследований были разработаны теория и методология изучения природного ландшафта, создана уникальная методика картографирования природных ландшафтов, не имеющая аналогов в западной географии [Солнцев, 2001]. В 1950-е–60-е годы сформировалась ландшафтная школа Московского университета [Дьяконов, Пузаченко, 2004]. Её значение для русской (советской) географии сопоставимо с тем влиянием, которое оказала на развитие американской географии Берклианская культурно-ландшафтная школа Карла Зауэра.

В 1940-е годы завершается процесс «перевода» ландшафта из предмета географии в объект географических, точнее физико-географических, исследований, то есть процесс объективизации ландшафта. Схема предмета обновляемой географии (так называемый круг географии), разработанная В.П. Семёновым-Тян-Шанским, интерпретируется Н.А. Солнцевым по-новому, уже в качестве шестикомпонентной модели объекта; при этом в схеме морфологии ландшафта Солнцева место человека занимает почва [Семёнов-Тян-Шанский, 1928, Солнцев, 1948].

На этапе выдвигания идеи представление о едином природно-культурном, или тотальном, ландшафте казалось очевидным. Однако в процессе практической реализации идеи произошло значительное сужение понимания ландшафта. Вероятно, такова закономерность внедрения в науку любой новой концепции, а не только ландшафтной.

Этот момент утраты целостности по-разному в разных национальных научных школах подмечен М.В. Рагулиной [Рагулина, 2004]. Так, в американской географической традиции упор в исследованиях, в ущерб природной стороне, делался на антропогеографию ландшафта: начало «потери» природных компонентов ландшафта, как показано выше, было положено ещё работами К. Зауэра. Напротив, в русской советской географической традиции идея единого ландшафта редуцировалась до природного ландшафта и наиболее продуктивно развивалась в рамках физической географии. Это сужение понимания ландшафта произошло за счёт «утраты» человека (культуры) как неотъемлемого ком-

понента ландшафта. Важнейшими факторами в этом процессе выступили традиции русского естествознания, определённую роль сыграл и «идеологический пресс» [Дронин, 1999].

«Открытие» антропогенного ландшафта и антропогенное ландшафтоведение. С другой стороны, в 1930–1950-е годы в СССР под влиянием хозяйственной деятельности протекают масштабные процессы **антропогенизации ландшафтов**. На глазах географов распахиваются массивы степных земель, по площади сопоставимые с европейскими странами. В СССР строятся тысячи промышленных предприятий, сотни новых городов и посёлков. Несмотря на огромную территорию России, изменения природы трудно не заметить.

Однако концепция природного ландшафта не учитывает культуру человека и его деятельность. И уже в конце 1940-х годов «равноправность» человеческой деятельности как компонента ландшафта, такого же, как климат, растительность, стала ставиться под сомнение. К примеру, в относящемся к этому периоду определении ландшафта, данном Л.С. Бергом, появляются нотки неопределённости, разбалансированности: «...географический ландшафт есть такая совокупность, или группировка, предметов и явлений, в которой особенности рельефа, климата, вод, почвенного и растительного покрова, а также **до известной степени** деятельности человека сливаются в единое гармоническое целое, типически повторяющееся на протяжении данной зоны Земли» [Берг, 1947; выделено мною. — В. К.]. Тем самым, идея ландшафта, с позиции научного натурализма воспринимаемая как гармония компонентов, начала давать трещину. Об этом же свидетельствует примечание к приведённому определению ландшафта, данное самим Л.С. Бергом: «Взаимодействие человека и прочих элементов ландшафта в большей степени обнаруживается в сфере сельскохозяйственной деятельности, чем в области промышленной». А это значит, что ландшафтов (очевидно, гармоничных ландшафтов) в промышленных областях нет. Интересно, что такой же вывод, но уже по поводу отсутствия ландшафтов в крупных городах, делает другой географ — И.М. Забелин [Забелин, 1959].

Этот **кризис ландшафтной идеи**, несоответствие натуралистического взгляда на территорию и реальных процессов преобразования природы в стране, разрешился путём создания **антропогенного ландшафтоведения**, через «открытие» антропогенного ландшафта. Один из родоначальников антропогенного ландшафтоведения — Л.Г. Раменский указывал на то, что причиной разделения ландшафтов на природные и окультуренные ландшафты является хозяйственная деятельность человека [Раменский, 1938].

Под её влиянием природные ландшафты превращаются в антропогенные, а составляющие их фации приобретают культурные модификации.

Антропогенное ландшафтоведение многое заимствовало у природного ландшафтоведения — терминологию, основные понятия, систему методов, навыки полевой работы и другое [Мильков, 1978]. Наибольших результатов в развитии антропогенного ландшафтоведения добилась воронежская школа, в рамках которой в 1950–70-е годы проведены многочисленные полевые исследования антропогенных ландшафтов [Мильков, 1973].

В русской антропогеографии термины *культурный* и *изменённый деятельностью человека (антропогенный)* рассматривались как синонимы [Семёнов-Тян-Шанский, 1928]. В рамках же антропогенного ландшафтоведения, в связи с активным использованием термина *антропогенный ландшафт*, представление о культурном ландшафте претерпело существенные изменения: культурный ландшафт стал пониматься как «хороший» (оптимально спроектированный) и противопоставляться «плохому» — акультурному (рис. 6). Тем самым, преобладающим стало оценочное понимание культурного ландшафта [Исаченко, 1980].

Рис. 6. Соотношение культурных, антропогенных и природных ландшафтов (по Ф.Н. Милькову).

Методологическим следствием утраты целостности ландшафта стало противопоставление природного и культурного ландшафта, казавшееся особенно убедительным в рамках парадигмы освоения территории. Культурный ландшафт рассматривался как освоенный, а природный — как неосвоенный. В условиях огром-

ных пространств России такое утверждение, казалось, не требовало особых доказательств. Но при этом не учитывалось, что освоенность территории всегда этнокультурна и потому относительна [Калуцков, 2000].

При антропогенном понимании культурного ландшафта «выпадает» гуманитарная сторона — социальная, этническая, конфессиональная, языковая. Человек духовный и человек социальный в ландшафте не может быть сведён к человеку техническому и материальному.

Антрополоandscapeведение Л.Н. Гумилёва. Лев Николаевич Гумилёв оставался одним из немногих географов, который продолжал антропогеографические традиции. В 1960–70-е годы он создал свою (во многом ландшафтно-географическую) теорию этноса. Развивая хрономический принцип Л.С. Берга о воздействии ландшафта на организмы, он распространяет его на этнические сообщества, публикуя в 1960-е годы в географическом журнале серию статей с символическим названием «Ландшафт и этнос».

В соответствии с представлениями о природно-культурном комплексе, разработанными его учителями-антропогеографами, Л.Н. Гумилёв выделял «этно-ландшафтные регионы», в которых этнические коллективы выступают как часть природы и как регулятор (через хозяйственную деятельность) природных процессов, обеспечивающих их жизнедеятельность. Среди крупных пустынно-степных этноландшафтных регионов он выделяет Арало-Каспийские степи и пустыни, Восточный Казахстан и Джунгарию, Монголию и Забайкалье, лесостепь. Подчёркивая зависимость человеческого коллектива от вмещающего ландшафта, Л.Н. Гумилёв убедительно показал преемственность способов хозяйственной деятельности и систем расселения у разных этносов, проживавших в пределах одного этноландшафтного региона в разные исторические периоды. К примеру, воздействие дельтового ландшафта Волги оказалось настолько велико и устойчиво, что хазарские поселения и система расселения терских казаков обнаруживают высокую степень соответствия, несмотря на разделяющее эти человеческие сообщества тысячелетие [Гумилёв, 1993].

Рассматривая взаимодействие этноса и ландшафта, он выделял два типа взаимодействий — персистентное и активное. Первое предполагает пассивное отношение этноса к ландшафту, поддержание созданного ландшафта; этническое сообщество выступает как часть культурного ландшафта. Второй тип взаимодействия характерен для этноса, находящегося в пассионарном состоянии. Этнос «выходит» за рамки вмещающего ландшафта, осваивает

новые территории, нередко существенно отличающиеся от исходных земель. «Этносы всегда связаны с природными условиями, ландшафтами... Ландшафт определяет возможности этнического коллектива при возникновении, а новорожденный этнос изменяет ландшафт применительно к своим потребностям. Затем наступает привычка к создавшейся обстановке, становящаяся для потомков близкой и родной. Привязанность к ландшафту бессознательно хранится в людях» [Гумилёв, 1993]. Л.Н. Гумилёв не пользовался термином *культурный ландшафт*, предпочитая *антропогенный ландшафт*. Однако, учитывая то значение, которое он придавал культурным традициям, антропогенный ландшафт Л.Н. Гумилёва соотносится с пониманием этнокультурного ландшафта в современной российской географии.

1.3.3. Современный гуманитарный этап

В конце 1980-х — начале 1990-х годов в отечественной географии наблюдается возрождение интереса к культурному ландшафту как самоценному объекту специальных и междисциплинарных исследований. Можно говорить об «открытии» культурного ландшафта в российской географии. В научный оборот введены связанные с ним теоретические представления и методологические принципы, проведены полевые исследования в ряде регионов, описаны конкретные культурные ландшафты, выполнены работы по культурно-ландшафтному районированию на разных иерархических уровнях. Таким образом, культурный ландшафт перестал быть только красивой метафорой.

«Открытие» культурного ландшафта было сделано целым рядом исследователей — Ю.А. Ведениным, М.А. Кулешовой, В.Л. Каганским, Р.Б. Туровским, Т.М. Красовской, В.Н. Калуцковым и другими [Веденин, 1997, Каганский, 1995, 2001, Туровский, 1998, Калуцков, 1995, 2000 и др.]. Это совпало с тенденциями развития мировой географии, ещё раз подтверждая мощный интеллектуальный потенциал ландшафтной концепции, возможности которой далеко не исчерпаны. Её положение на стыке географии и других областей знания и сфер деятельности способствует созданию новых научных направлений в исследовании культурных ландшафтов.

Основные направления культурно-ландшафтных исследований в современной российской географии. Обзор современного состояния исследований культурного ландшафта в России представлен в ряде работ [Рагулина, 2004, Стрелецкий, 2002, 2004, Веденин, Кулешова, 2004]. Согласно данным боль-

шинства исследований, выделяется пять основных направлений: антропогенное, эстетическое, культурно-экологическое, феноменологическое и этнокультурное (табл. 3). Несмотря на традиции русской антропогеографии, все эти направления культурного ландшафтоведения, за исключением антропогенного направления, новые, недостаточно устоявшиеся. Кроме того, быстро формируются новые направления. Так, под влиянием работ Д.Н. Замятина, заложивших теоретико-методологические основы имажинальной географии, возникла ситуация для развития образного ландшафтоведения [Замятин, 1999, 2003а, 2003б, 2006].

Таблица 3

Направления культурно-ландшафтных исследований в современной российской географии

Направления исследований	Авторы			Исследователи – основные движители направления
	Стрелецкий (2004)	Рагулина (2004)	Веденин, Кулешова (2004)	
Антропогенное	Антропогенное		Классическое географическое	В.А. Николаев, Г.А. Исаченко, В.А. Низовцев
Эстетическое		Эстетико-географическое		В.А. Николаев, Е.Ю. Колбовский
Культурно-экологическое	Ноосферное	Ноосферное	Информационно-аксиологическое	Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова
Феноменологическое	Феноменологическое	Феноменологическое		В.Л. Каганский
Этнокультурное	Экологическое	Средовое	Этнолого-географическое	М.В. Рагулина, Т.М. Красовская, В.Н. Калущков

Рассмотрим более подробно теоретико-методологические и организационные основы каждого из выделенных направлений.

Антропогенное направление. Истоки этого направления были подробно рассмотрены выше. Среди наиболее интересных исследований последних лет укажем на разработку модели сельскохозяйственного ландшафта, выполненную В.А. Николаевым, работы В.А. Низовцева по ландшафтному антропогенезу, исследование процессов запустения ландшафта, выполненное Г.А. Исаченко, исследования антропогенной трансформации природных зон Земли [Николаев, 1987, Низовцев, 1999, Исаченко, 2003, Алексеев, Алексеева, Аршинова и др., 2004]. Заметим, что Г.А. Исачен-

ко считает *антропогенный ландшафт* неудачным, семантически неадекватным термином, предлагая заменить его на *культурный ландшафт*.

Эстетическое направление. Эстетическое ландшафтоведение представляет собой важное направление гуманизации географии. Оно снимает важную для ландшафтной географии методологическую проблему противопоставления природы и культуры, «возвращает» в географию пейзаж как объект ландшафтного исследования и анализа.

Одно из самых интересных пейзажно-ландшафтных исследований последнего времени, выполненное в форме учебного пособия, — работа В.А. Николаева «Ландшафтоведение: эстетика и дизайн» [Николаев, 2003].

В исследовании рассматриваются основные понятия эстетики ландшафта, анализируется история эстетической мысли. Важнейший теоретический вопрос соотношения ландшафта и пейзажа решается с ландшафтных позиций: ландшафт представляет собой сущность, а пейзаж — явление. С другой стороны, автор, признавая связность, неразрывность пейзажа и ландшафта, подчёркивает: «Игнорируя пейзаж, нельзя постичь всю глубинную суть ландшафта» (с. 69). Особо рассматриваются методы эстетической оценки пейзажа.

Принцип неразрывности пейзажа и ландшафта реализуется в первой (при рассмотрении влияния ландшафта на этнический характер) и особенно во второй части книги, посвящённой ландшафтному искусству. Одна из самых интересных глав посвящена обзору разных культурных традиций садово-паркового искусства — античной, европейской, китайской и японской.

Пейзажные исследования всегда привлекали внимание географов. Ценность исследования В.А. Николаева заключается в том, что оно восстанавливает «сожжённые мосты» между русской антропогеографией и современностью, задавая ориентиры для будущих исследований.

Другую — этнокультурную — грань взаимосвязи пейзажа и ландшафта исследует Е.Ю. Колбовский в своей работе «Культурный ландшафт и национальный пейзаж: две стороны одной реальности» [Колбовский, 2004]. Автор считает, что национальные представления о красивом ландшафте оказываются тесно связанными с этнически укоренённым сельским пейзажем любой страны. Он вводит понятие *ландшафтного кода*, под которым понимается эстетико-семантическая система, позволяющая «читать ландшафт». «Ландшафтное сообщение» создаётся помещением значимой формы на определённое место. «Лес и луг, поле и тропа, речка

и мельница — всё это знаки ландшафтного кода, сообщения “пространственного текста”, в каждом из которых таятся смысловые сокровища» [Колбовский, 2004].

Культурно-экологическое направление. Сами последователи данного направления называют его информационно-семантическим [Веденин, 2004]. Другие «культур-ландшафтоведы» считают, что более точно его сущность отражает название ноосферное [Стрелецкий, 2004, Рагулина, 2004]. На наш взгляд, ключевым понятием, отражающим отношение представителей рассматриваемого направления к культурному ландшафту, является понятие **наследия**. Для данного направления характерна экологическая направленность, комплексное охранительное научно-прикладное отношение к культурному ландшафту. Не будем забывать, что у истоков направления стоял академик Д.С. Лихачёв, разработавший методологические основы **экологии культуры**.

Культурно-экологическое направление в организационном плане во многом связано с деятельностью Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва. Работы Ю.А. Веденина и его учеников были одними из первых, внесших свежую струю в ландшафтную географию в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Вклад представителей направления в формулирование задач и продвижение исследований культурного ландшафта в отечественной географии и смежных областях деятельности трудно переоценить.

«Культурный ландшафт — природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности» [Веденин, Кулешова, 2004]. В рамках направления выполнены теоретические разработки, включая представление о вертикальной структуре культурного ландшафта [Веденин, 1997]. В состав его компонентов впервые в отечественной географии введён компонент духовной культуры, а в описании его модели внимание акцентируется на потенциале интеллектуально-духовной энергии культурного ландшафта. В вертикальной структуре культурного ландшафта автор выделяет 2 основных слоя — природный и культурный, хотя допускает возможность выделения самостоятельного технического, или природно-технического слоя (рис. 7).

Мощность культурного слоя определяется длительностью освоения и собственно культурными факторами. Природный слой

рассматривается как совокупность природных компонентов, главные из которых представлены естественной и преобразованной природой. Этот слой (вероятно, имея в виду его «неклассическую природность») Р.Ф. Туровский предлагает называть супраприродным, подчёркивая значимость не происхождения и состояния природных компонентов, а их место в культурном ландшафте: к примеру, рельеф города во многом сформирован искусственно, но его роль в культурном ландшафте города от этого не снижается [Туровский, 1998].

Рис. 7. Вертикальная структура культурного ландшафта (по Ю.А. Веденину).

Культурный слой ландшафта может быть разбит ещё на 3 компонента:

- 1) ментифакты, отражающие наиболее устойчивые элементы культуры (религия, язык, фольклор, традиции искусства и др.),
- 2) социофакты, характеризующие обусловленные культурой связи между людьми (структура семьи, принципы воспитания детей, политическое устройство, система образования),
- 3) артефакты, опосредующие связь людей с материальной средой (виды производственной деятельности, орудия труда, жилище, одежда и т.д.).

В схеме культурного ландшафта Ю.А. Веденина (в этом и проявляется специфика экологического направления) особо обозначается место культурного наследия, специально рассматриваются компоненты культурного наследия и современной культуры, инновационной и традиционной культуры (рис. 7).

Во многом именно благодаря работам Института наследия восстановлена былая тесная связь географии и искусства, а также географии с искусствоведением, культурологией, музыковедением, другими гуманитарными науками; развиваются новые гуманитарно-географические науки — география искусства, семантика культурного ландшафта и другие [Веденин, 1997, Экология культуры, 2000, Лавренова, 1996 и др.]. Разработана классификация культурных ландшафтов [Туровский, 1998]. Осуществлены многочисленные работы по культурно-ландшафтному районированию от уровня страны до региона и конкретного национального парка [Веденин, 2004 а, Чалая, Веденин, 1997, Кулешова, 2004 б, Веденин, Тормосов, 2004 и др.].

Среди самых сильных сторон культурно-экологического направления — его прикладная направленность. Сложная тематика наследия «оказалась» структурирована и более точно иерархически выстроена именно благодаря применению концепции культурного ландшафта. Другая — просветительская — грань деятельности Института Наследия заключается в обучении сотрудников национальных парков и музеев-заповедников, среди которых музей-заповедник «Бородинское поле», Кенозерский национальный парк и другие, практической работе с культурными ландшафтами [Горбунов, 2002, Веденин, Тормосов, 2004].

Экологическое направление гармонично реализует возможности ландшафтной концепции. На новом этапе её эффективность проявилась в формировании принципиально новых объектов наследия, сочетающих в себе уникальные природные и культурные свойства: так, в Списке Всемирного наследия ЮНЕСКО появилась новая категория — культурные ландшафты.

Культурно-экологическое направление весьма продуктивно и высоко оценивается культур-географами [Стрелецкий, 2004]. Можно говорить о новом институциональном качестве культурно-экологического направления исследований культурного ландшафта — о формировании **культурно-ландшафтной научно-проектной школы наследия**.

Феноменологическое направление. В России известен только один ландшафтовед-феноменолог — В.Л. Каганский, продуктивный исследователь, который реально «удерживает» целое научное направление («человек-направление»).

В своём определении культурного ландшафта В.Л. Каганский обращает внимание на роль человеческого сообщества в его создании и поддержании: «Всякое земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей — культурный ландшафт, если это пространство одновременно

цельно и дифференцировано, а группа освоила это пространство утилитарно, семантически и символически» [Каганский, Родман, 1995]. Подчёркивается сплошность пространства культурного ландшафта и принципиальная несводимость его к отдельным феноменам, артефактам: «Культурный ландшафт — такое культурное пространство, где культура явлена телесно и сплошно, да не множеством отдельных артефактов, а непрерывным покровом, тканью» [Каганский, 2001, с. 60]. При таком понимании противопоставление культуры и природы в ландшафте не имеет смысла.

Ландшафт для В.Л. Каганского больше, чем объект научного интереса: он сам по себе человек-ландшафт. Со своими неровностями и неоднородностями, со своими центрами и провинциями, жёсткими и размытыми границами, со своими ценностями, топофилиями и топофобиями.

Ландшафт для В.Л. Каганского — всё: и объект, и предмет, и образ, и символ, и метафора, и **текст**. Последняя интерпретация является ключевой: **ландшафт воспринимается как текст, текст выстраивается как ландшафт, а работа с ним — это «путешествие» по ландшафтным контекстам**. «Культурный ландшафт — один из многих контекстов культуры, а работа с ним — один из многих подходов к ней» [Каганский, 2001, с. 60].

В публикациях В.Л. Каганского нет карт и рисунков. Это не характерно для исследователя-географа, но возможно для географа-теоретика, географа-феноменолога. Есть текст и много матриц-таблиц, которые для автора имеют принципиальное значение: это и ступок, суть текста, и программа разворачивания текста.

Важнейшая для понимания работ В.Л. Каганского матрица состоит всего из четырёх базовых элементов:

Центр	Провинция
Периферия	Граница

Матрица легко разворачивается в пространственную (пространственно-статусную, по В.Л. Каганскому) схему:

Центр — Провинция — Периферия — Граница

Для каждого пространственного элемента, поясняя его, приводятся метафорическо-смысловые ряды:

Центр — метрополия, районообразующий узел, столица, фокус, ядро;

Провинция — база, базовая территория, середина, средняя зона, ядро, ядро типичности;

Периферия — зона освоения, колония, окраина, резервная территория, экотон;

Граница — барьер, маргинальная зона, край, рубеж, экотон [Каганский, 2001, с. 65].

Эту схему можно интерпретировать как пространственную зонально-статусную модель культурного ландшафта. Предложенная схема хорошо работает в ряде исследовательских ситуаций, например, в геополитических, культурно-географических, социо-географических исследованиях. Возможно её использование и в усечённых, более традиционных вариантах, например, Центр — Периферия или Центр — Периферия — Граница.

Основная проблематика культурного ландшафта лежит в системе Центр — Провинция, что соответствует инновационному городскому и традиционному деревенскому началам культуры. При проведении кросс-ландшафтных (кросс-культурных) исследований необходимо расширение пространственной модели за счёт Границы.

Вариантов и типов использования предложенной модели множество. Один из них — применение схемы к характеристике направлений исследования культурного ландшафта. К примеру, для Периферии, где культурный слой тонок, природа нарушена хозяйственной деятельностью, применение подходов антропогенного ландшафтоведения возможно и эффективно. Напротив, основная зона деятельности культурно-экологического и этнокультурного направлений ландшафтных исследований связана с Провинцией, поскольку именно Провинция является консерватором и хранителем культурных традиций. В свою очередь феноменологическое направление «неприкаянно» (заметим, что симпатии автора проступают во многих текстах и, безусловно, связаны с культурной Провинцией). Не имея своей собственной пространственной зоны, феноменологическое направление выстраивает свою деятельность на соотношении пространственных процессов в разных зонах. Эту особенность феноменологического направления отмечают и другие исследователи [Рагулина, 2004].

Сам автор демонстрирует разные варианты использования схемы «Центр — Провинция — Периферия — Граница». К примеру, используя свойство редупликации матрицы-таблицы, В.Л. Каганский выстраивает типологию ландшафтов (культурных ландшафтов) России (рис. 8).

Читать и понимать феноменолога трудно. Иногда тексты чересчур перегружены смыслами. Категория смысла у В.Л. Каган-

ского вообще играет большую, если не ведущую, роль. «Основная ценность ландшафта — богатство смыслом...» [Каганский, 2001, с. 47]; «... каждое место имеет смысл, и он связан с природной основой ландшафта и его пространственным положением» [Каганский, 2001, с. 61].

Ландшафт	Статус			
	ЦЕНТР	ПРОВИНЦИЯ	ПЕРИФЕРИЯ	ГРАНИЦА
ЦЕНТР	Центр МОСКВА	Провинциальный Центр С-ПЕТЕРБУРГ	Периферийный Центр ТОРЖОК	Пограничный Центр ШЕРЕМЕТЬЕВО
ПРОВИНЦИЯ	Центральная Провинция ПОДМОСКОВЬЕ	Провинция ЯРОСЛАВЛЬ	Периферийная Провинция МУРОМ	Пограничная Провинция ЭСТОНИЯ
ПЕРИФЕРИЯ	Центральная Периферия АРЗАМАС-16	Провинциальная Периферия СУРГУТ	Периферия СЕВЕР	Пограничная Периферия АРКТИКА
ГРАНИЦА	Центральная Граница КАМЧАТКА	Провинциальная Граница ПРИМОРЬЕ	Периферийная Граница ТУВА	Граница КАЛИНИНГРАД

Рис. 8. Основные типы культурного ландшафта на примерах бывшего СССР [Каганский, 2001]. Города означают регионы.

Стиль ландшафтно-феноменологических текстов парадоксально-логический, жанр исследования — методологическая рефлексия о ландшафте и по поводу ландшафта. Выбрав ландшафт в качестве отправной и конечной точки исследования, автор совершает путешествия по «своему», «своим» ландшафтам, или, точнее, ландшафтным контекстам... Нередко трудности понимания автора связаны с самой спецификой феноменологического исследования-путешествия: ведь феноменологическое исследование — это всегда не просто строгое научное исследование, но и переживание, и перечувствование ландшафта. Не будем забывать, что у читателя с автором в этом возможны несовпадения.

Но из парадоксов нередко рождаются яркие пространственные образы стран, краёв и городов: «наш маленький Советский Союз» (Арзамас-16), «купленный регион» (Норильский район), «геополитический кулон» (Украина), «столица вне страны» (Москва), «степной Санкт-Петербург» (Оренбург).

Ландшафт для В.Л. Каганского не только объект, но и метод, точнее подход. Но подход в данном случае понимается не мето-

дологически, а феноменологически («подход как способ жизни»), включая в себя не только рациональные конструкции, но и особенности социального поведения, характер физических перемещений, психологические отношения с ландшафтом. Выделяется 6 подходов к ландшафту: натурализм, геоморфизм, наука о ландшафте, проектизм, эстетизм и эскапизм [Каганский, 1995, 2001].

Натурализм, по В.Л. Каганскому, как подход к ландшафту связан, прежде всего, с ощущением и эстетическим переживанием ландшафта. Ландшафт для натуралиста — это одухотворённая природа с минимальным присутствием, а лучше — отсутствием, человека. В рамках натурализма развивалось всё классическое естествознание. Его роль в географии по-прежнему велика. Автор высоко оценивает натурализм, относя его к аристократическим и элитарным подходам.

В подходе, который назван «*наука о ландшафте*», последний выступает в качестве предмета научного исследования. Ландшафт в рамках подхода представлен моделями, теоретическими схемами, комплексами эмпирических данных. Наиболее полно подход реализуется в географии и смежных с ней сферах деятельности.

Для *проектизма* «ландшафт — материал и среда реализации проектов в широком смысле (от создания мирового города до поездов за грибами)». В практическом плане подход реализуется через проектирование, то есть через проекты любой деятельности, связанной с территорией. Отношение к ландшафту — как к материалу следующего проекта: «*Всякий ландшафт в этом подходе “недопроектирован”...*» [Каганский, 2001, с. 52]. Широкое участие географов совместно с архитекторами и территориальными проектировщиками в работах по районной планировке и разработке генпланов городов, а позже, в 1980-е — 90-е годы, — в территориальных комплексных схемах охраны природы способствовало переносу многих черт проектизма в научное творчество.

Эстетизм. В основе подхода лежит пребывание в ландшафте для получения эстетических впечатлений и их выражение в художественной форме. Формула подхода: «*Мир есть картина*» (в художественном и философском понимании). С позиции методологии географии выделение этого подхода избыточно: как было убедительно показано В.В. Валебным, для натуралиста естественно эстетическое восприятие мира [Валебный, 1998].

Эскапизм как крайняя форма проектизма предполагает использование ландшафта маргинальными социальными группами как убежища и пристанища от основной части социума. В.Л. Каганский называет эти группы «*культурными партизанами*». Культурные и природные свойства выбранного ландшафта не всегда

имеют решающее значение, а иногда и вообще не значимы. Пример — фестиваль бардовской песни, ежегодно проводимый на Самарской луке, для участников которого уникальные Жигули не являются ядром притяжения.

Геоморфизм (не случайно он назван как ландшафтный подход к ландшафту) для автора имеет особое значение. Именно к нему «приложено» путешествие как особая форма постижения ландшафта. Под путешествием понимается тройное, точнее, триединое, движение — физическое перемещение по территории, движение мысли (знаний) о территории и её переживание. Заметим, что натуралистический и эстетический подходы тоже связаны с таким же трёхаспектным путешествием. В основе подхода лежит традиционное для географии сравнение, соотнесение отдельных мест, что позволяет переносить знания и смыслы между ландшафтами.

В рамках феноменологического направления наметились и активно разрабатываются такие темы, как теория и методология культурного ландшафта в контексте теоретической географии; герменевтика ландшафта; ландшафтная регионалистика; ландшафтная геополитика и ландшафтная культурология и мифология.

Этнокультурное направление. Этнокультурное направление исследований имеет давнюю традицию, имея в виду, что в российской университетской географии вплоть до 30-х годов XX века этнографическая подготовка была очень сильной. Одним из «модераторов» исследовательского интереса к этнокультурной тематике в современной географии явился С.М. Мягков, который рассматривал глобальные экологические проблемы сквозь цивилизационную призму [Мягков, 2001].

Основное внимание в рамках данного направления уделяется культурному (этнокультурному) своеобразию этнических или регионально-локальных групп в контексте их взаимодействия с окружающей средой, со «своим» культурным ландшафтом. Учитывая размеры России, этноландшафтные исследования ведутся, как правило, в районах, слабо изменённых промышленным освоением, с хорошо сохранившимися комплексами и элементами **традиционной культуры** — на Русском Севере, в Сибири, на Юге России.

Одной из первых работ, выполненных в рамках этнокультурного направления, явилось комплексное исследование отдельных регионов Русского Севера, в котором приняли участие географы, этнографы и фольклористы. Результаты этого исследования представлены в монографическом сборнике «Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье» [Калуцков, Иванова, Давы-

дова и др., 1998]. В нём убедительно доказаны огромные возможности ландшафтной концепции при исследованиях регионов с хорошо сохранившейся традиционной культурой. Для географов было внове активное применение методов полевой фольклористики, существенным образом расширяющее «обычные» географические методы и позволяющее привлекать материал народной географии. С другой стороны, пространственный анализ, картографические методы, методы полевой физической географии расширяют исследовательские возможности фольклорных и этнографических работ.

Но главным результатом этой непростой работы явилась реальная — теоретическая, методологическая и методическая — «обкатка» концепции культурного ландшафта. Организационную поддержку поисковой работе оказал междисциплинарный семинар «Культурный ландшафт», организованный на базе географического факультета МГУ в 1993 году. Все авторы монографии «Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье» выступили в течение 1997–98 гг. с докладами на семинаре, а сама книга явилась первым выпуском научных трудов семинара.

Концепция культурного ландшафта позволила существенно расширить, по сравнению, например, с этнической экологией, проблемное исследовательское поле, включая в него, наряду с исследованием систем традиционного жизнеобеспечения, социокультурную, языковую, фольклорную проблематику.

Другим крупным центром этноландшафтных исследований является Институт географии Сибири и Дальнего Востока, на базе которого в течение ряда лет разворачиваются исследования традиционных этнических групп и старожильческого русского населения Сибири [Экологические традиции..., 1992, Мангатаева, 2000, Рагулина, 2002 и др.]. Под культурным ландшафтом понимается самоорганизующийся природно-культурный комплекс, целостно репрезентируемый в сознании членов социума и их соседей (ауто- и гетерообразы), в рамках которого осуществляется жизнеобеспечивающая деятельность человеческого коллектива [Рагулина, 2004, с. 101].

В данном случае методология культурно-ландшафтного исследования базируется на четырёх «гранях»: территория, деятельность, репрезентация и жизненная среда (рис. 9). Круг вопросов, которые при этом последовательно рассматриваются, довольно широк и требует междисциплинарных усилий. Среди важнейших исследовательских тем выделяются вопросы ареальной динамики территории, внутренней структуры и природных предпосылок развития этнокультурного сообщества, систем природопользова-

ния и жизнеобеспечения сообщества в пространственном и временном аспектах, проблемы образов окружающего мира и родного места, их топонимическая индикация. Для решения поставленных задач, наряду с традиционными географическими методами, включая методы комплексного профилирования и картографирования, применяются методы этнолингвистики, топонимические методы, методы полевой фольклористики, этнологический анализ.

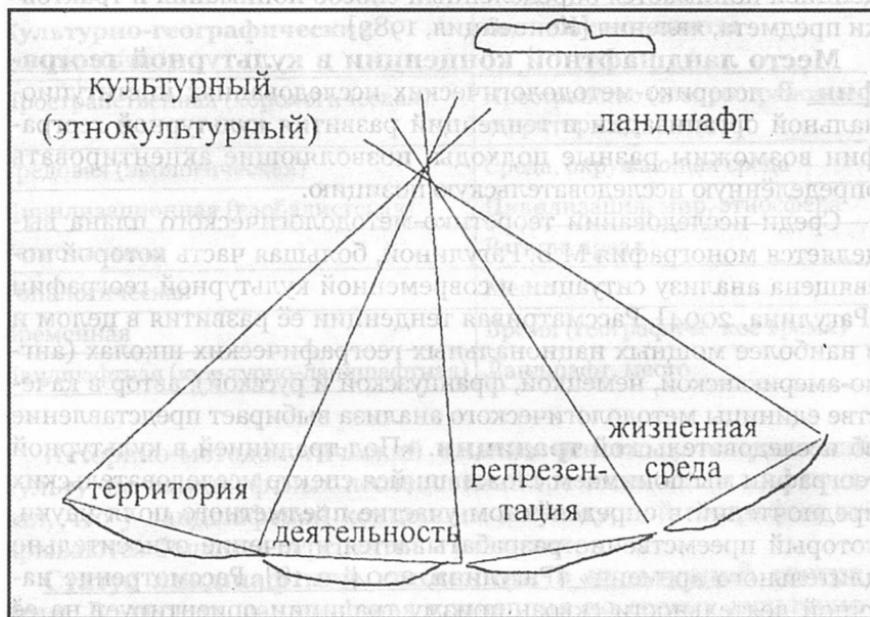

Рис. 9. Грани исследования культурного (этнокультурного) ландшафта [Рагулина, 2004].

В последние годы новый центр этноландшафтных исследований формируется на базе Института географии РАН [например, Бубнова, Стрелецкий, 2005].

1.4. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ЛАНДШАФТНОЙ КОНЦЕПЦИИ В КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ

Среди важнейших теоретических и методологических вопросов, связанных с перспективами развития ландшафтной концепции в культурной географии, выделяются вопросы её места и статуса

среди других ведущих концепций, а также вопросы структуры самой концепции.

1.4.1. Место и статус ландшафтной концепции в культурной географии

Согласно Философскому энциклопедическому словарю, под концепцией понимается определённый способ понимания и трактовки предмета, явления [Концепция, 1983].

Место ландшафтной концепции в культурной географии. В историко-методологических исследованиях институциональной организации и тенденций развития культурной географии возможны разные подходы, позволяющие акцентировать определённую исследовательскую позицию.

Среди исследований теоретико-методологического плана выделяется монография М.В. Рагулиной, большая часть которой посвящена анализу ситуации в современной культурной географии [Рагулина, 2004]. Рассматривая тенденции её развития в целом и в наиболее мощных национальных географических школах (англо-американской, немецкой, французской и русской), автор в качестве единицы методологического анализа выбирает представление об исследовательской **традиции**. «Под традицией в культурной географии мы понимаем сложившийся спектр исследовательских предпочтений в определённом участке предметного поля науки, который преемственно разрабатывается в течение относительно длительного времени» [Рагулина, 2004, с. 18]. Рассмотрение научной деятельности сквозь призму традиции ориентирует на её институциональную устойчивость. Соответственно выделяется 7 основных исследовательских традиций в культурной географии — пространственная, средовая, культурно-ландшафтная, глобалистская (культурно-этносферная), региональная, топологическая и временная.

Рассмотрение предметного поля культурной географии на основе представления о научной **концепции** предполагает анализ теоретико-методологических оснований каждой из них. В нашем понимании, в основе любой научной концепции лежат представления об одном или нескольких концептах. Под концептом понимается система устойчивых смыслов и значений слова, существующих в определённом языке и культуре (раздел 1.1.2.). Тем самым через понятие концепта вскрывается механизм трактовки предмета культурной географии, различный для каждой из выделенных культурно-географических концепций.

Так, для пространственной, или хорологической, концепции в таком качестве выступают концепты *пространства* и *территории*, а базовыми концептами культурно-ландшафтной концепции выступают концепты *ландшафта* и *места* (табл. 4).

Таблица 4

Соотношение основных культурно-географических концепций и лежащих в их основаниях концептов

Культурно-географические концепции	Базовые концепты
Пространственная (хорологическая)	Пространство (геопространство), территория
Средовая (экологическая)	Среда, окружающая среда
Цивилизационная (глобалистская)	Цивилизация, мир, этносфера
Региональная	Регион, ареал
Топологическая	Место
Временная	Время (географическое время)
Ландшафтная (культурно-ландшафтная)	Ландшафт, место

Историко-методологический анализ основных направлений культурно-ландшафтных исследований (разделы 1.2. и 1.3.) показал, что у ландшафтной концепции в культурной географии открываются большие перспективы развития.

Статус ландшафтной концепции в культурной географии. Во-первых, ландшафтная концепция по своему культурно-методологическому статусу **междисциплинарна**. Она родилась за пределами географии и ныне бытует не только в географии, но и в других областях знания и сферах деятельности. Междисциплинарный статус ландшафтной концепции представляет собой одно из условий её жизнеспособности и методологической гибкости. Он позволяет искать и находить решения в сложных проблемных ситуациях.

Собственно, смысловая неоднозначность самого концепта ландшафта и связана с исторической и современной междисциплинарностью ландшафтной концепции. Как было показано выше, «борьба» с неоднозначностью ландшафта в разных научных географических традициях осуществлялась по-разному. В советской географии она привела к временному «игнорированию» культурных аспектов ландшафта. В американской географии предлагался широкий спектр решений проблемы — от радикального призыва

отказаться от употребления термина *ландшафт* до разработки суперорганической (надприродной) концепции культуры. Однако уникальность ландшафтной концепции определяется не столько междисциплинарностью: её принципиальное отличие от других научно-методологических концепций культурной географии определяется её **научно-художественным статусом**, исторически связанным с использованием ландшафтной концепции не только в сфере науки, но и в разных областях художественного творчества, в сфере искусства.

Методологическую проблему учёта научно-художественного статуса ландшафтной концепции может решить новая междисциплинарная теория ландшафта, которая должна осмыслить и соединить географические (физико-географические, культурно-географические) и ландшафтно-дизайнерские и ландшафтно-архитектурные разработки и стать основой для развития новых ландшафтно-ориентированных наук и практик. На наш взгляд, такая «смычка» научного и художественного творчества обладает огромным потенциалом развития.

1.4.2. Структура ландшафтной концепции в культурной географии

Методологический вопрос структуры ландшафтной концепции непосредственно связан с проблемой её саморазвития.

Базовыми «компонентами» ландшафтной концепции в культурной географии являются:

- концепт ландшафта;
- связанное с концептом саморазвивающееся «тематическое поле»;
- институциональные формы в виде научных направлений и дисциплин, придающие ландшафтной концепции определённую организационную устойчивость.

Как уже отмечалось, неоднозначность ландшафта для культурной географии является важным ресурсом, поэтому для развития ландшафтной концепции значимы все смысловые слои концепта ландшафта. Это определяется той ролью, которую играет концепт в формировании тематического поля культурно-ландшафтных исследований (рис. 10).

Тематика культурно-ландшафтных исследований «вырастает» как в продолжении, так и на пересечении смысловых «стволов» ландшафтного дерева (рис. 10). Например, с территориальными смыслами связаны такие исследовательские темы как таксономия и районирование культурных ландшафтов, исследование сель-

ских, городских и мегалополисных ландшафтов. Художественными смыслами определяется пейзажно-репрезентационная тематика: географический анализ пейзажа, репрезентация культурного ландшафта, моделирование и реконструкция его образов.

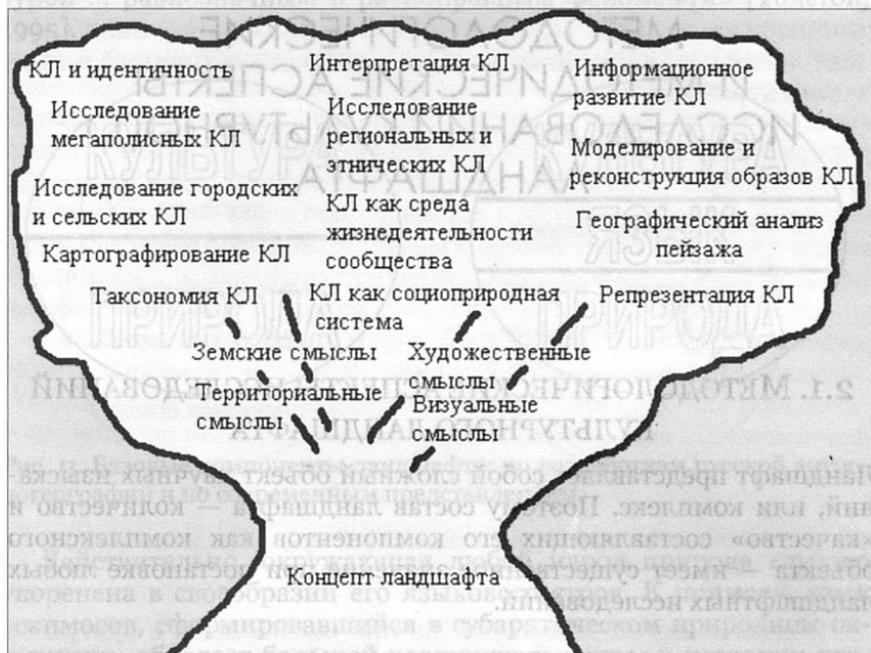

Рис. 10. Культурно-ландшафтная тематика, связанная с концептом ландшафта (КЛ — культурный ландшафт).

На пересечении разных смысловых «стволов» формируются вопросы интерпретации культурного ландшафта, тематика, связанная с ландшафтными аспектами идентичности.

Среди культурно-географических научных направлений, задающих определённую институциональную устойчивость ландшафтной концепции, выделяются эстетика и дизайн ландшафта [Николаев, 2003], ландшафтная феноменология [Каганский, 2001], учение о ландшафте как объекте наследия [Культурный ландшафт как объект наследия, 2004]. К значимым научным направлениям реализации ландшафтной концепции в культурной географии может быть отнесено этнокультурное ландшафтоведение [Калуцков, 2000, 2006].

Глава 2

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

2.1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Ландшафт представляет собой сложный объект научных изысканий, или комплекс. Поэтому состав ландшафта — количество и «качество» составляющих его компонентов как комплексного объекта — имеет существенное значение при постановке любых ландшафтных исследований.

2.1.1. Компонентная структура культурного ландшафта

Представление о ландшафте как о сложном **природно-культурном территориальном комплексе** относится и к культурному ландшафту.

Базовые компоненты культурного ландшафта. Представление о базовом компоненте ландшафта позволяет по-новому решить вопрос его структуры: базовый компонент задаёт инвариантность структуры ландшафта, а вариативный набор компонентов обеспечивает её модульность. Кроме того, базовые компоненты культурного ландшафта задают требования на структуру предмета этнокультурного ландшафтоведения.

Согласно разработкам русской антропогеографии, культурный ландшафт на принципиальном уровне рассмотрения состоит из двух базовых компонентов — природы и культуры (рис. 11).

Однако во второй половине XX века гуманитарные науки, особенно лингвистика, претерпели сильные изменения. Развитие лингвистики как учения о языке, его структуре, функциях приве-

ло к пониманию его особого статуса в культуре: «Язык может быть воспринят как компонент культуры. ...Однако язык в то же время и автономен по отношению к культуре в целом, и его можно рассматривать отдельно от культуры... или в сравнении с культурой ... равнозначным и равноправным феноменом» [Толстой, 1995].

Рис. 11. Базовые компоненты ландшафта: по разработкам русской антропогеографии и по современным представлениям.

Действительно, окружающая любой народ природа глубоко укоренена в своеобразии его языкового строя. К примеру, язык эскимосов, сформировавшийся в субарктическом природном окружении, обладает большой различительностью в названии разных состояний снежного покрова, а севернорусский, действительно «таёжный» в ландшафтном смысле, диалект содержит свыше 10 наименований болот. Тем самым культура «говорит» на языках окружающей её природы — «морском», «речном», «лесном», «степном». С другой стороны, и природа «говорит» на разных языках, языках культуры — топонимическом, диалектологическом, фольклорном, архитектурном. В этнолингвистике, науке о языках культуры, введено и успешно разрабатывается представление об языковой картине мира как хранилище и своеобразном зеркале природно-культурной среды этноса. Поэтому роль языка — особая роль: он выступает не только «зеркалом» природы, но и своеобразным «полупроводником» между двумя базовыми компонентами ландшафта, усиливая и разрабатывая одни природные свойства и явления и «не замечая» другие. **Иначе, язык представляет собой третий базовый компонент культурного ландшафта**, его «двойное зеркало», в котором «отражаются» и природа, и культура (рис. 11).

Компонентная структура культурного ландшафта и её вариативность. При детализации каждого из базовых компонентов культурный ландшафт в качестве объекта этноландшафтных исследований имеет сложный состав, который может быть различным (рис. 12). Это зависит от исследовательской позиции и выбранного подхода. Применительно к культурному ландшафту выделяются два различных подхода — природоцентричный и культуроцентричный.

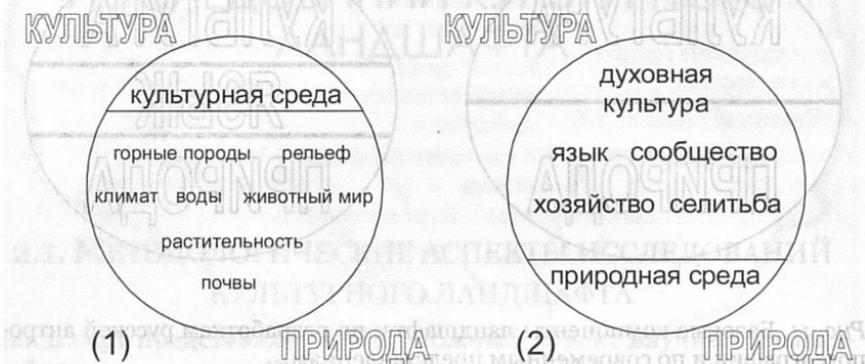

Рис. 12. Компоненты культурного ландшафта при природоцентричном (1) и культуроцентричном (2) подходах.

В первом случае природное начало оказывается в центре исследования, а культурное — на периферии. Соответственно более полную развёртку получают природные компоненты культурного ландшафта, а культурные компоненты предстают в свёрнутом виде и рассматриваются как культурная среда. Структура культурного ландшафта при природоцентричном подходе выглядит следующим образом: горные породы, рельеф, климат, воды, почва, растительность, животный мир и культурная среда (рис. 12-1). Набор природных компонентов заимствован из разработки Н.А. Солнцева [Солнцев, 1954]. Примером применения такого подхода является разработка структуры этноландшафта как основного объекта этноэкологии, которая включает: рельеф, климат, воды, почву, растительность, животный мир и этническое сообщество [Гладкий, 2003].

При культуроцентричном подходе, когда культурному началу ландшафта уделяется приоритетное внимание и компонентная развёртка культурного ландшафта предполагает более полную представленность культурных компонентов, природа рассматривается как физико-географическая обстановка, или природная

среда, культуры. При культуросцентричной развёртке структура культурного ландшафта состоит из таких компонентов, как природная среда, человеческое сообщество, хозяйство, селитьба, язык, духовная культура (рис. 12-2 и 13). Эта модель получила название «ромашки» [Калуцков, 2000, 2003а].

Природная среда через совокупность природных условий и ресурсов во многом ответственна за формирование определённого типа традиционного **хозяйства**, а на зональном уровне — определённого хозяйственно-культурного типа. Сохранение даже в неполной форме традиционного хозяйства (земледельческого, промыслового, оленеводческого, скотоводческого, домашнего хозяйства) способствует поддержанию и других культурных компонентов и традиционной культуры в целом. Напротив, разрушение традиционного хозяйства приводит по отношению ко всей традиционной этнической культуре к катастрофическим последствиям.

Сообщество людей может быть рассмотрено в этнологическом, социальном, семейном, конфессиональном и прочих аспектах. Любой культурный ландшафт обладает собственным сообществом, которое неразрывно, как часть целого, с ним связано и воспринимает ландшафтную территорию как свою.

Селитебный компонент (**селитьба**) через систему расселения способствует формированию пространственной инфраструктуры культурных ландшафтов и может рассматриваться как способ пространственной организации/самоорганизации сообщества.

Для этнокультурного ландшафтоведения важно, что даже небольшое селение представляет собой центр мировосприятия и миропонимания, источник формирования собственной картины мира. Собственная картина мира формируется с помощью **языка**. Местная народная географическая терминология, топонимическая система отражает природные и культурные особенности культурного ландшафта.

Духовная культура культурного ландшафта охватывает вопросы верований сообщества, ритуальной практики, фольклора, других видов народного искусства [Иванова, 1998].

Два последних компонента (язык и духовная культура) являются также универсальными способами описания, сохранения и ретрансляции культурного ландшафта во времени и пространстве.

При проведении конкретных культурно-ландшафтных исследований компонентный состав культурного ландшафта может быть ещё более детализирован: главное при этом — следовать инвариантному принципу базовых компонентов и представлению о ландшафтном объекте как природно-культурном территориальном комплексе.

2.1.2. Культурный ландшафт: «внешний» и «внутренний»

Проблема «внешнего» и «внутреннего» культурного ландшафта. Любой культурный ландшафт может быть представлен в двух ипостасях — как «внешний» и как «внутренний». В западной географической традиции «внутренние» ландшафты нередко называются вернакулярными, или обыденными [Jackson, 1986, Vistad, 1999]. Исследуя социально-психологические причины образования «двух» ландшафтов, С. Аасбё выделяет две соответствующие им позиции — внутреннюю (внутриландшафтную) и внешнюю [Aasbø, 1999]. К типичным «внутриландшафтикам» культурных ландшафтов Норвегии он относит фермеров, жителей мест, а к типичным представителям внеландшафтной позиции — управленцев, учёных. Заметим, что внешняя позиция в большей степени характерна для учёных — представителей естественнонаучного подхода (и связанного с ним управленческого), гуманитариям же более близка внутриландшафтная позиция.

По мнению С. Аасбё, у первых («внутриландшафтников») в оценке ландшафта преобладают социальные и хозяйственные факторы, в то время как для вторых определяющее значение имеют визуальные и физические. Такое разделение носит упрощённый характер, оно не учитывает более мощные факторы, к которым относятся разные ценностные установки по отношению к ландшафту.

Таким образом, объективное существование двух позиций — внутри- и внеландшафтной — по отношению к культурному ландшафту является, на наш взгляд, главной причиной существования на одной и той же территории «двух» ландшафтов — вернакулярного, или внутреннего, и внешнего. Первый — живой, содержательный, мифологический, топонимический, фольклорный, этнический. Второй — внешний, пейзажно-визуальный, формальный (оформленный), «управленческий». Возможны ситуации в районах длительного туристского освоения, где внутренний ландшафт почти размыт: по мнению В.Л. Каганского, к таким местам, например, относится Суздаль [Каганский, 1995]. Но даже в таких случаях мифология места представляет собой один из механизмов поддержания «внутреннего» культурного ландшафта.

Игнорирование «внутреннего» ландшафта при управлении охраняемыми территориями может привести к устойчивым проблемным ситуациям в отношениях с местным сообществом. С другой стороны, культурные ресурсы «внутреннего» культурного ландшафта (исторические, этнологические, фольклорные, топонимические и другие) часто остаются невостребованными в рабо-

тах по ландшафтному планированию, при разработке менеджмент-планов охраняемых территорий в силу непонимания, отсутствия опыта и специалистов.

Проблема «внешнего» и «внутреннего» культурного ландшафта как соотнесение «этногического» и «эмного» начал культуры. Другой аспект в исследовании проблемы «внешнего» и «внутреннего» культурного ландшафта выделил А.Н. Ямсков [Ямсков, 2003]. Для этого он использовал, разработанное в этнолингвистике Кеннетом Пайком представление об «эмном» (emic) и «этногическом» (etic) началах культуры [Seymour-Smith, 1986]. Этногическое начало культуры как фонетику, то есть отдельные звуки любого языка, одинаково воспринимают все люди на Земле, тогда как эмное — фонемическое (определённые значения звуко сочетаний) — начало культуры понятно только представителю данной культуры и носителю этого языка.

Соответственно, в исследовательском плане «этногические» элементы культуры другого народа, чаще всего связанные с расселением, хозяйством и материальным жизнеобеспечением (пищей, одеждой, жилищем) может зафиксировать и адекватно объяснить внешний, неподготовленный наблюдатель, но при этом мотивация действий людей останется для него в значительной степени непонятной. Понять и описать «эмные» явления, преимущественно связанные с гуманитарной или социо-нормативной составляющими культуры, способен только специально подготовленный исследователь либо представитель данного народа.

Учитывая разработки этнокультурного ландшафтоведения и принципы американской культурной антропологии по описанию культуры в соответствии с её восприятием местным сообществом, А.Н. Ямсков предлагает «внутренний», или «эмный», ландшафт называть этнокультурным ландшафтом (табл. 5).

Таблица 5

«Внешний» и «внутренний» культурный ландшафт
(по А.Н. Ямскову, 2003)

Геокультурный* ландшафт («внешний», или «этногический»)	Этнокультурный ландшафт («внутренний», или «эмный»)
отражает восприятие культурного ландшафта внешним наблюдателем	отражает восприятие культурного ландшафта изучаемым населением
определяется исследователем, не знакомым с языком и особенностями культуры местного населения	определяется исследователем — знатоком его языка и особенностей культуры

* культурный по А.Н. Ямскову.

Этнокультурный ландшафт как «внутренний» культурный ландшафт. Впервые термин был использован выдающимся этнолингвистом Н.И. Толстым в начале 1980-х годов; ему же принадлежит его первое, хотя и не «строгое», определение: «Народный язык, говоры, народные обряды, представления и вся народная духовная культура вкупе с элементами включённой в неё материальной культуры представляют собой единое целое и с научной точки зрения, и в представлении носителей этой культуры» [Толстой, 1995, с. 21].

Под влиянием школы Н.И. Толстого под этнокультурным ландшафтом понимается традиционный этнический ландшафт. К основным регионально-локальным критериям этнокультурного ландшафта относятся: сохранение традиционных форм природопользования, преобладание традиционных архитектурных и планировочных форм, сохранение этнографических и фольклорно-языковых традиций, поддержание традиционных верований. В качестве дополнительного может рассматриваться критерий образа места или края как «хранителя той или иной культурной традиции».

В этнокультурном ландшафтоведении термин «этнокультурный ландшафт» используется как синоним культурного ландшафта. Самостоятельное значение этот термин имеет в следующих ситуациях:

- 1) в исследованиях «неиндустриальных» этнических сообществ [Рагулина, 2004];
- 2) если необходимо особо подчеркнуть этнический аспект культурного ландшафта [Калуцков, 2000];
- 3) при методологической установке на «встроенный» характер исследования, при изучении «внутреннего» культурного ландшафта сообщества [Ямсков, 2003].

2.1.3. Концептуальные модели культурного ландшафта

Модели культурного ландшафта. Обобщённая модель культурного ландшафта при проведении комплексных междисциплинарных исследований на локальном уровне детализируется. Соответственно понятийно-терминологическая система «приземляется» и выстраивается на основе локальных характеристик [Калуцков, 2003]. Язык (языковая система) «превращается» в местную языковую систему, хозяйство — в местное хозяйство, сообщество людей — в местное (локальное) сообщество, селитьба — в конкретное селение, а природная среда «становится» конкретным природным ландшафтом, или ландшафтами (рис. 13 а).

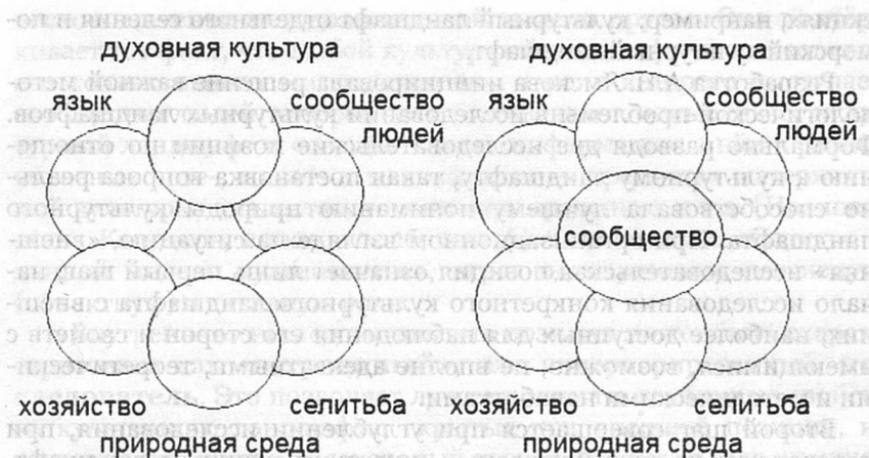

Рис. 13. Объектно-компонентная (а) и методологическая (б) модели культурного ландшафта.

Практическое значение модели заключается в том, что она задаёт требования на комплексность при исследовании объекта, ориентируя исследователя на учёт всей системы внутриландшафтных взаимосвязей. При монодисциплинарном подходе природная среда оказывается в зоне интересов географии, языковая система — диалектологии, фольклор — фольклористики и т.д. При изучении культурного ландшафта, взятого в его целостности, в поле зрения исследователя оказываются не только отдельные компоненты, но и их внутренние (системные) связи. Сопряжением нескольких компонентов, а следовательно, и научных дисциплин, к ним обращённых, и достигается проблемное междисциплинарное комплексирование.

Модель очень удобна для проведения междисциплинарных исследований в силу своей пластичности, поскольку позволяет по-разному расставлять акценты в зависимости от того, учёный какого профиля с ней работает. Сосредоточенность на одном из компонентов не исключает, а предполагает учитывать его фоновые связи с другими, а это означает, что концепция культурного ландшафта позволяет получать достаточно объективные результаты при изучении таких сложных феноменов как культурная традиция.

Другое преимущество предложенной модели состоит в том, что она даёт возможность изучать и представлять культурные традиции в конкретных и типологических пространственных про-

екциях, например: культурный ландшафт отдельного селения и морской культурный ландшафт.

Разработка А.Н. Ямскова инициировала решение важной методологической проблемы в исследовании культурных ландшафтов. Формально разводя две исследовательские позиции по отношению к культурному ландшафту, такая постановка вопроса реально способствовала лучшему пониманию природы культурного ландшафта. При организационном взгляде на ситуацию, «внешняя» исследовательская позиция означает лишь первый шаг, начало исследования конкретного культурного ландшафта с внешних, наиболее доступных для наблюдения его сторон и свойств с имеющимися, возможно, не вполне адекватными, теоретическими и методическими наработками.

Второй шаг совершается при углублении исследования, при переводе его на другой уровень — при «погружении» в ландшафт. Параллельно осуществляется теоретическое осмысление нового материала, разработка дополнительного методического аппарата, соответствующего «внутреннему» культурному ландшафту.

Заметим, что такое решение этой методологической проблемы предлагал ещё классик американской экологической антропологии Рой Раппапорт. Основным объектом исследования в экологической антропологии является этноэкосистема (human ecosystem), которая включает человеческое сообщество как один из компонентов; в нашем понимании этноэкосистема близка культурному ландшафту. Р. Раппапорт подчёркивал, что исследователь, поняв функционирование этноэкосистемы, должен разработать две модели. Первая модель — операциональная — описывает этноэкосистему в терминах современной науки, вторая — когнитивная — характеризует систему связей и отношений между людьми и окружающей их средой в том виде, как их осознаёт и называет изучаемое людское сообщество. Очевидно, что в когнитивной модели, построенной для традиционного общества, не будет таких средовых факторов, как болезнетворные микроорганизмы и очаги их концентрации, но зато будут добрые и злые духи или знамения, которые реально и серьёзно влияют на поведение людей [Rapaport, 1979, цит. по Ямскову, 2003].

В результате методологического экскурса в проблему «объект — исследователь» предлагается методологическая модель культурного ландшафта, которая выстроена на основе шестикомпонентной модели «ромашки» (рис. 13 б). Эта модель центрирована и в её центре находится основной системообразующий элемент культурного ландшафта, удерживающий его целостность, — сообщество людей (на местном уровне — местное сообщество). Практи-

ческое значение методологической модели другое. Она подчёркивает тот факт, что любой культурный ландшафт уже имеет своего коллективного «исследователя», в роли которого выступает сообщество людей, которое создаёт, осваивает, осмысливает культурный ландшафт и «овеществляет» информацию о нём в разнообразных арте-, социо- и ментифактах — предметах материальной культуры, диалектах, топонимии, преданиях и т.д. [Иванова, 2002, Калуцков, 2002а, 2002б, 2004б]. Тем самым сообщество в данной модели «удваивается», играя одновременно пассивную (объектную) и активную роли.

«Внутренняя» исследовательская позиция может быть охарактеризована как **«встроенный»**, или инкорпорированный, **исследователь**. Это позволяет лучше понимать глубинные свойства культурного ландшафта, скрытые при внешней позиции, и, сохраняя при этом рефлексивный взгляд, выступать для внешнего мира ландшафтным «переводчиком», то есть интерпретатором культурных кодов культурного ландшафта.

2.2. МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

В исследованиях культурных ландшафтов может быть разработан и применён самый широкий спектр приёмов и методов. Этот момент определяется междисциплинарностью ландшафтной концепции, с одной стороны, и направленностью конкретного исследования, с другой. При разработке и применении методов исследования культурного ландшафта необходимо учитывать системный (природно-культурный) характер культурного ландшафта, а также рассмотренные выше представления о «внешнем» и «внутреннем» ландшафте.

Природно-культурный характер культурного ландшафта как системы, состоящей из культурных и природных компонентов, должен учитываться в методических разработках; особенно важно методическое увязывание культурных особенностей ландшафта с его природными свойствами.

При соотношении «внешнего» и «внутреннего» ландшафтов необходимы методики, позволяющие изучать глубинные свойства культурного ландшафта и тем самым раскрывающие своеобразие «внутренней» исследовательской позиции.

Особое место в методическом арсенале занимают вопросы репрезентации культурного ландшафта, включая применение визуальных и художественных приёмов.

Выбор методов существенным образом зависит от уровня исследования. На региональном уровне исследования важную роль играют методы районирования и историко-географические методы (для выделения ядер и границ региональных культурных ландшафтов), методы опроса и анкетирования (для выявления и локализации региональных идентичностей).

На субрегиональном и локальном уровнях активно используются методы полевой этнографии и фольклористики, включая тематические опросы и интервьюирование, методы ландшафтно-топонимического картографирования и профилирования.

На всех уровнях важно использовать методы физической географии для выявления природных границ и их соотношения с культурными границами.

Также на всех уровнях эффективно применение образно-географических подходов, особенно в ситуации моделирования образов мест и регионов.

В исследованиях культурных ландшафтов отдельно выделяют полевые методы, большая часть которых направлена на получение информации о «внутреннем» культурном ландшафте, а также аналитические методы, позволяющие соотносить информацию о разных компонентах культурного ландшафта, выявляя проблемные моменты.

2.2.1. Полевые культурно-ландшафтные методы

Полевые культурно-ландшафтные методы играют важную роль при проведении субрегиональных и локальных исследований. В этой области значительный опыт накоплен полевой этнографией и полевой фольклористикой [Иванова, 2002]. Среди методов полевой этнографии и фольклористики выделяются метод встроеного исследования, опросные методы, метод интервьюирования. В последнее время всё чаще применяются экспериментальные методы, связанные с мониторингом и моделированием региональной или локальной культурной ситуации [например, Морозов, Старостина, 2003]. Полевые экспериментальные методы могут быть востребованы и при проведении культурно-ландшафтных исследований.

Методика полевого обследования деревенского культурного ландшафта. Методика полевого обследования деревенского культурного ландшафта опирается на шестикомпонентную модель культурного ландшафта (раздел 2.1.3.). Она включает в себя методы наблюдения, интервьюирования, а также репрезентационные методы (фотографирование, ауди- и видеофиксация культурных фактов).

1. Рекогносцировка. Рекогносцировочный обход деревни и её окрестностей с фиксацией и фотографированием наиболее примечательных объектов и мест.

Наблюдение местоположения деревни в ландшафте. Выявление её связи с природой и отдельными природными объектами — рекой, оврагом, лесом и т.д. Пейзажное фотографирование.

Фиксация характера планировки и ориентации домов деревни (глава 8). Первичный ситуационный опрос жителей в ходе рекогносцировки.

2. Блок «Деревня». Фиксация названия и самоназвания деревни и её жителей (с вариантами), запись топонимических преданий и преданий об её основании или первопоселенцах. Фиксация основных вех устной истории деревни.

Исследование пространственной организации деревни с выявлением названий и самоназваний околков деревни и их картографической фиксацией (более подробно — в главе 8).

3. Блок «Местное сообщество». Выявление коренных фамилий, прозвищ. Фиксация географически ориентированного фольклора — частушек, присловий, песен (см. главу 10), — отражающего своеобразие деревни и её жителей, а также воспоминаний о выдающихся и необычных её жителях.

4. Блок «Дом». Экскурсия по наиболее старинному и хорошо сохранившемуся дому с фиксацией названий и функций его отдельных частей. Фотографирование. Описание традиционной технологии строительства дома. Запись примет и присловий, связанных с домом.

5. Блок «Местное хозяйство». Описание основных черт традиционного сельского хозяйства. Выявление реликтов традиционного хозяйства (в топонимии и фольклоре). Запись примет на погоду и на урожай.

Описание основных деревенских промыслов.

Описание охоты, рыбалки, собирательства. Описание поведения и запретов в лесу и на реке. Запись экстремальных случаев и выхода из них. Фиксация примет, связанных с рыболовством и охотой.

Описание традиционного домашнего хозяйства (кухня, огород, домашний скот).

Фиксация исторических рассказов об отходничестве и деревенских ярмарках.

6. Блок «Топонимия и географическая терминология». Последовательный сбор местных географических терминов, включая местные названия природных объектов (растений, животных, рыб), с записью их интерпретации у жителей и краеведов.

Составление местного топонимического свода, включая интерпретацию «непонятных» топонимов.

Составление свода местных топосов (более подробно см. раздел 3.2.).

7. Блок «Духовная культура». Запись сведений о деревенских праздниках. Выявление местных сакральных мест и взаимоотношения с ними местного сообщества. Запись тематических преданий и легенд. Посещение и фотографирование сакральных мест.

Собранная информация расшифровывается и переводится в электронную форму для удобства хранения и пользования.

Методика ландшафтно-топонимического картографирования. Методика крупномасштабного ландшафтно-топонимического картографирования деревни опирается на теоретическое представление о топосе как местоназвании (раздел 3.2.).

Топос принимается в качестве основной единицы картографирования. На заранее подготовленную крупномасштабную картографическую основу в результате опроса и (лучший способ) в результате совместной с краеведами полевой рекогносцировки наносятся все известные топонимы. Для сравнения и корректировки полученных результатов проводится опрос нескольких жителей. Учитываются профессиональные занятия опрашиваемого: работник сельского хозяйства, агроном, бригадир, как правило, хорошо знают сельскохозяйственную топонимию, лесничий — лесную и болотную, опытный рыбак — речную и озёрную.

Индикаторами центра культурного ландшафта нередко выступают «чистые» топосы в тех случаях, когда фиксируются названия типа ручей Ручей (— *Как называется ручей в центре деревни? — Ручей*), озеро Озеро и т.п. Другими индикаторами центра являются названия, связанные с домом, типа Кошкин ручей или Курицына новина.

Индикаторами ближней периферии культурного ландшафта являются названия типа Домашние поля, Домашний луг, Ближняя речка и т.п.

Хорошим топонимическим маркёром дальней периферии считается северный термин *сузём*, означающий глухой дальний лес.

Граница деревенского культурного ландшафта, если она связана с сельскохозяйственными угодьями, маркируется топонимами типа Конец, Дальний, Крайний, Угол [Березович, 2000]. Если граница между двумя деревенскими культурными ландшафтами проходит по лесу или болоту, индикатором её является наличие двух названий одного пограничного объекта-топоса со стороны каждой деревни.

Легенда ландшафтно-топонимических карт строится на региональной типологии топосов. Для Русского Севера характерны

топосы комплексные, сакральные, селитебные, сельскохозяйственные, лесные, речные, озёрные, болотные, дорожные и граничные

2.2.2. Аналитические культурно-ландшафтные

методы

С помощью аналитических методов исследования культурного ландшафта в полной мере реализуются возможности междисциплинарной ландшафтной концепции. Значимость аналитических методов заключается в том, что они позволяют получать новые результаты на соотнесении данных разных научных дисциплин. В процессе проведения специальных исследований культурных ландшафтов автором были разработаны такие методы, как метод идентификационного картирования культурных ландшафтов, метод пространственной локализации социокультурной информации, индикационный ландшафтно-топонимический метод и метод комплексной ландшафтной индикации.

Метод идентификационного картирования культурных ландшафтов. Суть разработанного метода заключается в выявлении и локализации территориальных идентичностей, соответствующих определённым культурным ландшафтам. В результате определяются территориальные ядра соседних культурных ландшафтов, а затем уже прорабатывается вопрос границ между ними. Такая работа может вестись на любом уровне — страновом, региональном или локальном.

Идентификационное картографирование обладает гибкой технологической схемой. Привлекается самый разнообразный материал:

1) Для ситуаций раннего средневековья используется исторический, археологический материал, опубликованные летописные своды.

2) Для ситуаций позднего средневековья и нового времени широко привлекается фольклорно-этнографический материал географической направленности, содержащий топонимы и этнонимы, от былин до частушек и топонимических преданий. Возможно использование материалов писцовых книг, старых географических карт.

3) Для исследования современной ситуации важны результаты этнокультурных и социокультурных исследований, включая опросы местных сообществ, картографические, статистические и другие материалы.

Перекрёстная междисциплинарная экспертиза представляет одно из важнейших условий применения метода.

В технологическом плане процедура районирования территории начинается с выявления этнонимов (названий этнических общностей) и этниконов (названий неэтнических общностей) в имеющихся текстах, поскольку не всегда, особенно в историческое время, можно выявить между ними разницу. Далее происходит соотнесение с региональным или локальным топонимом и нанесение его на картооснову. При этом полученный ареал проверяется и корректируется по историческим, археологическим, топонимическим и другим имеющимся материалам. В результате определяется ядро ареала сообщества, что представляет собой важный шаг в пространственном определении исторического культурно-ландшафтного района.

С картой выполняется необходимая аналитическая работа. Важным моментом является пространственное соотнесение полученных ареалов. Необходимо обращать внимание на последовательность перечисления этнонимов (этниконов), выявлять с помощью карты пространственные связи между этнонимами, между этнонимами и топонимами.

Метод идентификационного картирования может быть применён как при решении историко-географических задач, так и современных прикладных, например, при исследовании вопросов идентификации и самоидентификации сообществ.

Наряду с «естественными» условиями формирования идентичностей и соответственно культурных ландшафтов (система расселения, этнические, конфессиональные, природные факторы) большое значение имеет система административного деления территории.

Результаты применения метода показаны в главе 7 при картировании средневековых культурных ландшафтов Русского Севера по материалам летописи.

Метод пространственной локализации социокультурной информации. Метод пространственной локализации (или картографирования) культурной информации был специально разработан в процессе проведения междисциплинарного исследования географических песен [Горелова, Иванова, Калущков, 2006]. Сущность его заключается в картографической фиксации топонимической (шире — социокультурной) информации, содержащейся в песенном материале, и её последующей географической интерпретации.

Метод состоит из двух основных этапов. На первом — культурно-географическом — этапе осуществляется фиксация (запись) и территориальная локализация фольклорной информации. На втором — картографическом — этапе производится собственно картографирование полученных данных.

1. *Культурно-географический этап.* В технологическом плане этот этап состоит из следующих исследовательских процедур:

- подготовка топонимической информации, включая реконструкцию топонимии и учёт своеобразия культурного ландшафта;
- подбор адекватной картографической основы;
- локализация топонимов.

Подготовка топонимической информации. При подготовке топонимической информации важное место занимает реконструкция топонимии исследуемого культурного ландшафта.

Во-первых, топонимическая информация в географических песнях может содержаться в прямом или опосредованном виде (в виде катойконимов, этниконов, этнонимов, оценок, характеристик, прозвищ местных сообществ и отдельных людей). При этом нужно учитывать, что этниконы и прозвища могут быть приведены в уменьшительной или даже сознательно искажённой форме. В этих случаях требуется специальная работа по подготовке топонимической информации к картографированию.

Во-вторых, необходимость реконструкции топонимии определяется её относительно быстрой динамикой во времени, связанной с внешними и внутренними причинами изменения культурного ландшафта. Не будем забывать, что тексты географических песен описывают прошлые культурно-ландшафтные ситуации, иногда удалённые от современности на 100–150 лет.

Необходимость учёта своеобразия культурного ландшафта — один из обязательных моментов ландшафтно-топонимических исследований. В каждом регионе этот момент проявляется по-разному. К примеру, во многих районах Русского Севера широко распространены двойные названия селений — официальное и народное. В таких случаях тексты песен содержат неофициальные топонимы и этниконы, а карты, как правило, официальные. Применительно к географическим песням XVIII–XIX веков эта ситуация усугубляется ещё более в связи с утратами, изменениями или искажениями топонимов.

Другой пример связан с необходимостью учёта иерархической структуры северной деревни, которая, как правило, состоит из «макродеревни» (деревня в среднерусском понимании) и «микродеревень». Последние в ряде районов (Мезенский, Пинежский районы Архангельской области) имеют свой народный термин — околос или околосок (более подробно — глава 8). В других районах культурно-терминологическая ситуация ещё сложнее. Например, в Шенкурском и Вельском районах Архангельской области деревней называют и «макродеревню» и «микродеревню». При этом современная общегеографическая карта не всегда отображает эту ситуацию.

Трудности такого рода частично могут быть преодолены с помощью использования справочных изданий «Списки населённых мест N-ской губернии/области», широко распространённых в дореволюционное и советское время. Так, «Списки населённых мест Архангельской губернии», изданные в 1907 и 1922 годах, содержат ценнейшую топонимическую информацию: в них приводятся не только пары названий (официальное и народное), но иногда и варианты народных топонимов [Список... , 1907; Список... , 1922].

В подавляющем большинстве случаев необходимо проведение дополнительных полевых исследований. В процессе полевого обследования территории устраняются картографические и топонимические неточности и ошибки.

Каждому члену исходного или подготовленного (реконструированного) топонимического ряда географической песни по мере его упоминания в тексте присваивается порядковый номер.

Подбор адекватной картографической основы. Эта задача решается последовательно. Сначала определяется административный регион, к которому относится текст географической песни. Для удобства работы с материалом все тексты по возможности приводятся в соответствие с современным административным делением России по субъектам Федерации. Это сделано для избежания путаницы в связи с тем, что административное деление России в последнее столетие претерпело значительные изменения, а географические песни записывались на протяжении почти двух столетий в разных административных ситуациях.

После определения субъекта Российской Федерации, к которому относится текст географической песни, уточняется административный район (точнее, учитывая специфику современного административного деления на местном уровне, муниципальный район). И только после этого начинается собственно картографический поиск. Трудности такого поиска определяются рядом причин.

Во-первых, сам материал географических песен разнороден и может охватывать территории от небольшого селения до крупного административного региона. Большая часть корпуса текстов связана с территориями уровня волости, или современного сельсовета. Адекватная картографическая основа для таких текстов должна быть масштабом примерно 1:100 000. Ещё 10–15 лет назад решить такую задачу было бы невозможно. Однако в последние годы для многих субъектов РФ выпущены региональные атласы масштабом 1:200 000 (в одном см 2 км), в которых наряду с общегеографическими картами приведены и планы городов региона. Для Архангельской области, учитывая то, что значитель-

ная часть корпуса текстов географических песен относится к этому региону, издано несколько десятков карт в масштабе 1:100 000.

В некоторых случаях, например, в Малмыжском и Уржумском районах Кировской области, пришлось использовать дореволюционные крупномасштабные карты уездов, а для Каргопольского и Плесецкого районов Архангельской области — военно-топографические карты 1919–1920 годов, поскольку только на них удалось обнаружить искомые названия ныне не существующих селений.

Таким образом, в качестве картографической основы могут быть использованы разные карты — общегеографические, топографические, планы городов (современные и исторические). При этом карта может быть частично «разгружена». Главное условие — временное соответствие текста и карты. В ряде случаев из-за отсутствия для некоторых территорий крупномасштабных карт на конец XIX века не удалось локализовать часть топонимов в текстах, относящихся к этому периоду.

Локализация топонимов. Подготовленная картографическая основа используется для выявления и территориальной локализации топонимов. Для этого номер топонима (этнокона, этнонима и т.п.) в тексте географической песни переносится на подготовленную картографическую основу. Тем самым топонимы «закрепляются» на местности и относительно друг друга.

2. Картографический этап. На картографическом этапе после локализации всех топонимов конкретной географической песни (или хотя бы тех, которые удалось удовлетворительно локализовать) создается её карта, которая позволяет получить географические характеристики песни, важные для последующей её интерпретации.

Исходные карты, которые используются в качестве картографической основы, по возможности разгружаются. Так, из элементов общегеографической основы остаются населённые пункты, элементы гидрографии (реки, озёра, болота), лесные массивы, просёлочные дороги. Прочие элементы относятся к современному облику территории и затрудняют процесс последующей интерпретации географических песен.

Далее локализованные в тексте топонимы переносятся на картографическую основу, рисуется маршрут песни, отмечается место записи песни, место рождения автора песни.

Результаты применения метода представлены в главе 10.

Индикационный ландшафтно-топонимический метод. Идея этого метода строится на представлении о нормальной и проблемной ландшафтно-топонимических ситуациях. Под **нормальной ландшафтно-топонимической ситуацией** пони-

мается такая ситуация, при которой топоним соответствует топосу, то есть название географического объекта соответствует его современному ландшафтному местоположению, функции или статусу.

Под **проблемной ландшафтно-топонимической ситуацией**, при которой топоним не соответствует топосу. Это значит, что название географического объекта не соответствует его местоположению, новым хозяйственным или управленческим реалиям, отражая природные, хозяйственные или статусные реликты. Тем самым появляется возможность выявить те или иные несоответствия.

Для Русского Севера характерны три типа ландшафтно-топонимических несоответствий:

— природно-ландшафтное: топоним не соответствует местоположению топоса в ландшафте;

— хозяйственно-ландшафтное: название «объекта» не соответствует его современному хозяйственному использованию;

— иерархическое: топоним не соответствует административно-управленческому, сакральному и другому статусу места.

Природно-ландшафтное несоответствие может быть «горизонтальным» (например, в нормальной ситуации деревня *Березник* должна быть расположена среди берёзовых лесов, а деревни *Носовка* или *Мысовая* на носу или в излучине реки) и «вертикальным», при котором «пойменный» топоним соответствует пойменному местоположению селения, а «нагорный» — нагорному.

Процедура выявления проблемной ландшафтно-топонимической ситуации включает выявление:

а) особенностей объектов ландшафтной индикации;

б) круга ландшафтных топонимов, их отражающих;

в) для полиэтнических зон, к которым относится и Русский Север, наличия в их составе «чуждого» и русского топонимических слоёв.

Результаты применения метода представлены в главе 8 и в главе 9.

Метод комплексной ландшафтной индикации. Дальнейшее развитие ландшафтно-топонимического метода привело к разработке метода комплексной ландшафтной индикации. Его сущность заключается в выявлении топонимических, исторических, фольклористических и других природно-культурных парадоксов и их объяснении с позиции ландшафтного целого (табл. 6).

Данный метод был создан в процессе исследований феномена странствующего селения (глава 8). Обратим внимание на то, что сам феномен пространственного перемещения селений, важный с позиций не только культурной географии, был открыт только

с помощью метода комплексной ландшафтной индикации. При проведении специальных исследований — исторических, топонимических, фольклористических — феномен странствующего селения «невидим».

Сам метод включает в себя географические, картографические, топонимические, исторические, этнографические и фольклористические подходы (табл. 6).

Таблица 6

Метод комплексной ландшафтной индикации
(в исследовании феномена странствующего селения)

Последовательность	Содержание	Результаты
разработка и анализ базовых понятий и терминов	историко-этимологические исследования понятий «деревня», «конец», «околок»	расширение понимания исследовательской ситуации и границ исследования
выявление и разработка схемы процесса	выявление механизма миграции селения	модель «многоножки»
географический анализ: анализ структуры природных ландшафтов	выявление структуры природных ландшафтов	пространственная структура и границы природных ландшафтов
исторический анализ: анализ исторических рядов селений	выявление разрывов рядов и отсутствия преемственности	исторические парадоксы: массовое «исчезновение» деревень
ландшафтно-топонимический анализ	выявление ландшафтно-топонимических парадоксов и реликтов	ландшафтно-топонимические парадоксы и реликты
ландшафтно-фольклористический анализ	выявление ландшафтно-фольклорных парадоксов и реликтов	ландшафтно-фольклорные парадоксы и реликты
ландшафтно-пространственный синтез	картографирование феномена странствующего селения	пространственная локализация странствующих селений

Глава 3

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК СОЦИОПРИРОДНАЯ СИСТЕМА

Культурный ландшафт представляет собой социоприродную систему. Это означает, что человеческое общество, создавшее и освоившее «свой» культурный ландшафт, наделяет его теми качествами и свойствами, которые делают его типичным и уникальным, открытым и одновременно закрытым для внешнего мира, развивающимся и архаичным, хрупким и способным к модернизации.

Каждый народ, каждое региональное и местное сообщество осваивают «свой» культурный ландшафт постепенно, формируя его пространственную организацию, архитектурные доминанты, топофильные и топофобные места, «закрепляя» процесс освоения в топонимии и преданиях, исторических документах и картах.

С другой стороны, в каждой стране существует нормативная система понятий и терминов, описывающая пространственную организацию культурного ландшафта. Она создана наукой на базе официального языка, обычно «центрального» диалекта и часто вступает в противоречие с региональными традициями, особенно в полиэтнических и крупных странах. Россия не является исключением. К примеру, в начале XXI века во многих районах Архангельской области и за её пределами даже небольшие деревни состоят из целостных территориальных единиц — околков (или околодков), которые существуют уже не одну сотню лет, играют важную роль в организации всей хозяйственной, социальной и культурной жизни на местах, но при этом не зафиксированы ни в каких официальных документах.

Проблема пространственной организации культурного ландшафта — это во многом проблема соотнесения «внешнего» и «внутреннего» культурного ландшафта (см. главу 2). Исследова-

ние культурного ландшафта как социоприродной системы может быть осуществлено только на основе «внутреннего» ландшафта и его пространственной организации. Например, при проведении полевых исследований с внешней и внутренней позиции легко выявляются сельскохозяйственные угодья как важный элемент пространственной организации, но только при взгляде изнутри мы «видим» сакральные места. С внешней позиции хорошо выделяются селитебные территории, но только внутренняя позиция позволяет выделить внутри севернорусских селений целостные территориальные единицы — околки.

3.1. ОСНОВНЫЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ СВОЙСТВА КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

К важнейшим свойствам культурного ландшафта как социоприродной системы относятся: центрированность, полимасштабность, анизотропность. Эти свойства формируются процессами центрирования, масштабирования и анизотропирования.

3.1.1. Центрированность

Центрирование культурного ландшафта представляет собой один из важнейших процессов; его ландшафтообразующая роль заключается в организации пространства культурного ландшафта через «стягивание» мест относительно центра и других центрирующих ядер и формировании периферии. Тем самым формируется пространство с разной плотностью, с более плотным центром.

Процесс центрирования ландшафтного пространства «работает» за счёт наличия главного центра, который представляет собой центр мировосприятия. Любой культурный ландшафт даже самого малого поселения представляет собой отдельный мир. Главный центр этого культурного ландшафта является одновременно и центром этого мира, и центрирующим этот мир механизмом. Относительно главного центра организуется всё окружающее пространство независимо от уровня рассмотрения — страны, региона или локуса. Соответственно принципы центрирования организованного пространства одинаковы и для культурного ландшафта Москвы и для культурного ландшафта северной деревни. На уровне страны и региона в качестве центра миропорождения и мировосприятия выступают столицы.

1. «Остров соловечкой на нем манастырь»
2. «Полношь земля темная...»
3. «Царство конское...»
4. «Горы великия стеклянныя... Живут горбатые змеи великия...»
5. «Земля... люди в ней ходят наги...»
6. «... остров макарийский... птицы райския...»
7. «Остров... живут на нем люди главы у них видом песьи...»
8. «Остров... живут на нем людие власы у них имеют видом лбовы»
9. «Остров... живут на нем змии лица девичьи... змееви крылате а зовимы василиски...»

Рис. 14. Периферийное расположение «чудесных стран» на космографии XVIII века, часть из которых соответствует Русскому Северу [Калуцков, Иванова, Давыдова и др., 1998].

Культурный ландшафт представляет собой продукт освоения и обустройства сообществом «своего» пространства. Поэтому центрированность складывается исторически и неравномерно в связи с неравномерностью хозяйственного и культурного освоения. Осваиваемое пространство организуется в узлы освоения и осваиваемую периферию.

Разные типы освоения пространства — хозяйственный, административно-территориальный, селенческий, духовный — создают разные пространственные узлы-центры. Сдвиги хозяйственных границ (и изменения административного устройства) приводят к изменению статуса соответствующих центров и их значимости и к реорганизации пространства. Значительно более устойчив статус сакральных центров.

Процессы центрирования хорошо изучены и теоретически осмыслены, например, в теории центральных мест, построениях («решётках») Лёша — Кристаллера, концепции поляризованной биосферы Б.Б. Родмана, в пространственно-методологической схеме В.Л. Каганского «Центр — Провинция — Периферия — Граница» [Каганский, 1998, Родман, 2002].

Вместе с тем процесс освоения пространства всегда содержит культурную составляющую. Она проявляется и в этнической самоидентификации более освоенных мест («своё» / «чужое»), и в разной семантической окрашенности центральных и периферийных мест (плюс / минус), и в неравномерности топонимического освоения всего ландшафтного пространства. Через топонимы не только присваивается имя тому или иному месту, но и задаётся пространственная организация всего культурного ландшафта.

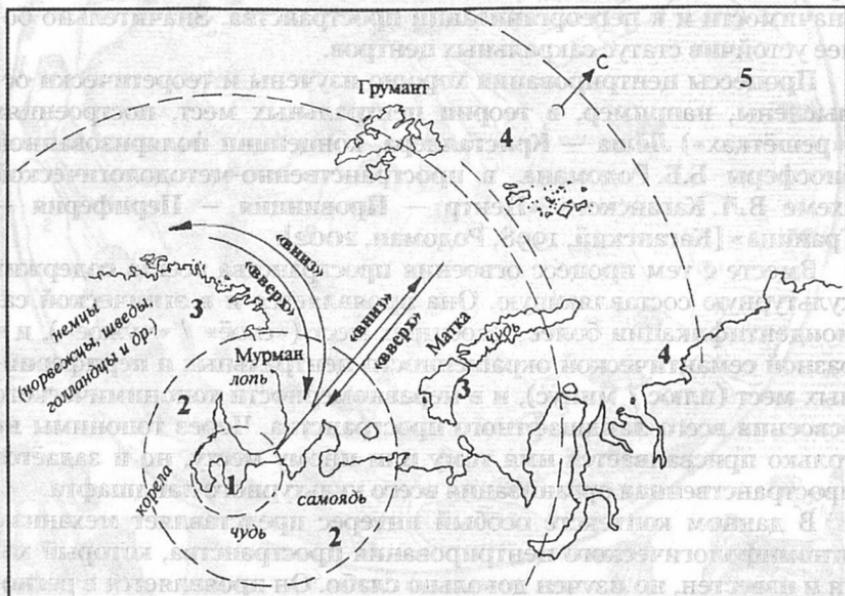
В данном контексте особый интерес представляет механизм этномифологического центрирования пространства, который хотя и известен, но изучен довольно слабо. Он проявляется в региональной мифологии, топонимии и в особой этнокультурной организации окружающего пространства [Давыдова, 1998]. В каждой культуре, глобальной или локальной, terra incognita (земля неизвестная) расположена всегда на периферии освоенного человеком мира и является источником порождения пространственных мифов (рис. 14, 15).

На глобальном уровне механизм этномифологического центрирования пространства хорошо проявляется в космографиях, картографических произведениях XVI–XVIII веков. В качестве примера приведена одна из поздних, относящихся к XVIII веку, космографий (рис. 14).

Она отражает не только состояние науки, но и, что для нашего исследования особенно важно, представляет собой ментальную

карту европейского сообщества своего времени. Карта центрирована, центром мира в ней выступает Иерусалим. Для центральных земель характерны точные и реалистичные (в соответствии с уровнем развития науки) описания. Напротив, северные и другие, расположенные на периферии, регионы мира «обречены» быть мифологичными. Для них преобладают характеристики типа «царство конское...» или «остров... живут на нём люди главы у них видом пёсьи» (рис. 14).

На региональном уровне механизм пространственного центрирования работает сходным образом (рис. 15).

Условные обозначения:

1 центр мира	2 земли ближних соседей
3 земли дальних соседей	4 "чудесные земли"
5 "царство мёртвых"	

→ направления движения поморских кораблей

Рис. 15. Поморская центрированная мифологическая картина мира. Реконструкция по данным фольклористики и этнографии [Калуцков, Иванова, Давыдова и др., 1998]:

Этномифологическое мировосприятие и соответствующая ему этноцентрированная картина мира характерны для каждой этни-

ческой группы. Идентификация и самоидентификация группы достигается через представления о своём / чужом и может выстраиваться по разным основаниям: через антропологические особенности, культурные традиции и верования, своеобразие хозяйства и организацию быта, языковые различия. Предлагаемые ниже фрагменты текста представляют собой пример исторической реконструкции центрированной картины мира поморов, выполненной Ю.А. Давыдовой по материалам фольклора, этнографии и историческим картам [Калуцков, Иванова, Давыдова и др., 1998].

Поморская картина мира в пространственном плане состоит из центра, трёх концентрических кругов и «запредельного» царства мёртвых (рис. 15).

1. Центр мира — Поморье. «В центре мира поморов находится Белое море и его берега, по которым живут русские рыбаки. Это своя, русская, земля. Фактически границами её на севере был Мурман и «воронка» Белого моря, на западе — северные страны: Швеция, Финляндия, Норвегия. Своя земля маркировалась как «христианская», «светлая», «чистая», в которой живёт православный русский народ: «наши крайние палестины», «коляне господни — народ израильский». Поморская земля, являясь «христианским» центром мира, окружённым соседями «тёмными», «нечистыми», должна была спасать и охранять мореплавателя в его путешествиях в дальние страны. На это был направлен целый ряд действий охранительной магии, связанной с камнями и землёй» [Калуцков, Иванова, Давыдова и др., 1998].

2. Первый круг — ближние соседи. «Первым чужим кругом, очерченным вокруг центра, являются земли «ближних соседей» — инородцев-язычников. Населённые реальными (немифологическими) народами, эти земли воспринимались как антими́р, в котором живут люди, обладающие большой колдовской силой: например, поморы верили в то, что все болезни и напасти посылают «с ветру» карелы и что для них ничего не стоит «положить в озеро» русского помора, то есть принести его в жертву озеру. К числу таких народов относились также самоеды и финны. Однако и этот мир был неоднородным. Считалось, что из двух соседей русских — карел и лапландцев — бóльшим колдовским потенциалом обладают последние» [Калуцков, Иванова, Давыдова и др., 1998]. Устойчивости этого верования способствовали три фактора. Во-первых, лопь жила в территориальном отношении дальше, чем «кореляки», и тем самым пространственная удалённость от центра проживания поморов в глазах последних придавала чужому этносу более сакральный характер. Во-вторых, и в фольклоре окру-

жающих стран (Норвегии, Дании, Швеции, Голландии) Лапландия считалась страной колдунов. Вероятно, это обстоятельство связано с шаманизмом саамов-лапландцев. Один из вариантов этимологии Кандалакшского залива — волшебный (колдовской) залив. Не будем также забывать, что реальный Кандалакшский залив имеет сложную вытянутую форму, берега его изрезаны, дно изобилует косами и отмелями, нередко густые туманы, что представляет опасность для мореходов, которые и эти явления связывали с колдовством аборигенов.

3. Второй круг — земли дальних соседей. К ним относятся земли Норвегии, Голландии, Дании, отчасти Новой Земли. «Эти территории рассматривались в основном как отдалённые холодные страны, как родина разбойников — морских пиратов, а также как места промысла и субъекты торговли. Основная масса преданий, легенд и песен повествует о долгих зимовках на Груманте, Нордкапе, Кенроге, о приключениях и путешествиях. Так, например, Грумант считался царством холода, льда и белых медведей и определялся как “злойка”, “чужа” страна» [Калуцков, Иванова, Давыдова и др., 1998]. Новая Земля, являясь пограничной территорией, нередко фигурирует в быличках и сказках о проклятых. Сын-зверобой, проклятый матерью в Поморье («чтоб ты лешой взял!»), оказывается на Новой Земле. Проклятых детей находят рыбаки в промысловой избушке на Новой Земле. Таким образом, в мифологических рассказах о Новой Земле реализуются представления о граничности с потусторонним миром.

4. Третьим «чужим» кругом, а вернее полукругом, очерченным с севера, в картине мира Поморья являются земли нечеловеческих существ. Здесь речь идёт уже не о реальных, а о легендарных, мифологических, народах. Это край обитаемого мира, место, близкое к границам мира необитаемого — царства мёртвых. На этой территории (труднодоступные острова, неизвестные земли) живут карлики, одноногие, пёсеголовые и т.д. Вариант предания, записанного со слов новоземельского самоеда, с точной территориальной привязкой был опубликован С. Писаховым, замечательным писателем и сказочником: «Если пройдёшь льды, идя всё к Северу, и перескочишь через стены ветров кружащих, то попадёшь к людям, которые только любят и не знают ни вражды, ни злобы. Но у тех людей одна нога, и каждый отдельно они двигаться не могут, но они любят и ходят, обнявшись, любя. Когда они обнимутся, то могут и ходить и бегать, а если перестают любить, то перестают обниматься и умирают. А когда они любят, они могут творить чудеса. Если надо за зверем гнаться или спастись от злого духа, те люди рисуют на снегу сани и оленя, садятся и едут так быстро, что ветер восточный догнать не может».

Если с жителями первого и второго кругов поморы общались довольно часто, то с обитателями третьего контакты носили редкий характер. В основном они сводились к наблюдению за чужим миром.

5. Царство мёртвых. Это последний и очень важный компонент поморской модели мира. Хотя это место сакрально, оно имеет географическую привязку — Северный Ледовитый океан и Северный полюс. Средневековые источники подчёркивают их необитаемость и непригодность для жизни: «северныя убо части до конца студёна, не живома есть» (Козьма Индикоплов), «стоит мёрзлое море..., яко не может человек тамо жити» (Луцидарий).

В своих воззрениях на недосыгаемый Север русское население однозначно восприняло аборигенную традицию. Вечный холод и темнота — два главных атрибута царства мёртвых. Считалось, что туда уходят души умерших рыбаков, передвигаясь от земли к небу по северному сиянию, а по небу к царству мёртвых — по Млечному пути. Земли, находящиеся в большем удалении от центра (Беломорья) в направлении к северу, считались опасными, близкими к царству смерти. Самой дальней континентальной территорией была Кола, расположенная на границе с Норвегией. В поморском фольклоре есть поговорка: «От Колы до ада всего только три версты». Путешествие в царство мёртвых (например, чудесное возвращение промысловиков, унесённых на льдине в океан) стало одним из популярных мотивов в фольклоре [Калуцков, Иванова, Давыдова и др., 1998].

Таким образом, центрированная пространственная организация поморов выстраивается в логике усиления мифологичности от центра мира к его периферии. Особый колорит таким знаниям придаёт локализация представлений о реальном или мифологическом этносе на конкретную территорию, определённый географический объект. Северный Ледовитый океан задаёт искажение пространства, выступая вторым центром после положительного, «светлого» Поморья, своего рода «чёрной дырой»: с позиции православного поморского мировосприятия Северный Ледовитый океан соотносится с адом.

По мере развития науки (включая научную географию) и образования этноцентрированное мировосприятие на глобальном и региональном уровнях претерпело существенные трансформации. Но на локальном уровне этот эффект по-прежнему очень силен, особенно в районах с мощными культурными традициями.

На локальном уровне центрированная пространственная хозяйственная организация жизни местного сообщества предопределяет также центрированную локальную мифологическую картину мира.

Для традиционной севернорусской деревни её жизненное пространство в связи с заболоченностью и труднодоступностью водоразделов ограничивается узкой полосой вдоль реки и имеет ярко выраженный зональный, экотонный характер.

Ядром в этой пространственной структуре, очевидно, выступает сама деревня (рис. 16). Перечислим все зональные экотоны, которые последовательно сменяют друг друга при традиционной пространственной организации северной русской деревни. Сама деревня находится, как правило, на высоком угоре между рекой и лесом.

Рис. 16. Центрированная пространственная организация северной деревни и локальная мифологическая картина мира.

В направлении к реке обычно расположены: жилая часть деревни с рядами («порядками») изб; далее — полоса придеревенских полей, так называемые «запольки» с овинами, гумнами, амбарами; ещё дальше — пойменная приречная полоса сенокосных угодий («наволо́к»), куда обычно из противопожарных соображений выносились чёрные бани; и, наконец, сама река.

В направлении к лесу к деревне примыкает полоса приусадебных огородов с амбарами; далее расположен ближний лес — «перелесок», перемежающийся новинами (лесными полями и сенокосами); наиболее удалённый от деревни экотон представлен сузёмом (глухим лесом) с разбросанными на большом расстоянии друг от друга лесными охотничьими избушками.

С такой центрированной пространственной организацией деревенской жизнедеятельности связана специфика севернорусской

мифологической картины мира и системы духов мест. Во-первых, она, в соответствии с характером освоения, имеет ярко выраженный линейно-центрированный характер, а не круговой, как в средней полосе России. Во-вторых, главенствующее место в ней занимают не два, а четыре персонажа: с одной стороны — домово́й, с другой — леший, водяной и дух бани — банник или обдери́ха [Иванова, Калуцков, 2000].

С упрощением пространственной организации жизнедеятельности в современных северных деревнях почти не осталось гумен и овинов, а бани стали «белыми» и их строят на территории жилой усадьбы. Соответственно произошли количественные и качественные изменения, как в мифологической картине мира, так и в связанных с ней фольклорных текстах. К примеру, в настоящее время почти не фиксируются поверья и былички об овиннике и гуменнике и всё реже — о духе бани [Калуцков, Иванова, Давыдова и др., 1998, Иванова, Калуцков, 2000]. Тем не менее, распределение духов места — от домового и банника до водяного и лешего — носит пространственно центрированный характер.

Центрированность культурного ландшафта — это организованность его пространства относительно системообразующего центра, задающая разную плотность пространства.

3.1.2. Полимасштабность

В практическом плане свойство полимасштабности культурного ландшафта связано с механизмом масштабирования пространства. Его содержание сводится к «укрупнению» масштаба центрального и других значимых мест культурного ландшафта в сознании сообщества и, соответственно, при его изображении на карте. Особенно хорошо поддаются масштабированию полиландшафтные места, «живущие» в культурных ландшафтах разных иерархических уровней (полимасштабные места). К ним относятся сакральные центры, столицы, селения. Причём наиболее значимые места наиболее «крупномасштабны».

При переходе с уровня на уровень может существенным образом меняться семантика места, вплоть до противоположной: места, обладающие положительным образом на верхних иерархических уровнях, могут его терять на нижних. Одним из показателей крупномасштабности места может выступать наличие микротопонимии — современной или реликтовой. Наряду с микротопонимией, которая демонстрирует большую плотность части пространства, хороший исследовательский материал представляет фольклор. Для Русского Севера феномен полимасштабности куль-

турного ландшафта исследовался по текстам «географических» песен (глава 10).

Полимасштабность культурного ландшафта определяется разнозначимостью слагающих его мест: «крупномасштабность» наиболее значимых, системообразующих центральных мест задаёт разную плотность и, как следствие, искривление пространства культурного ландшафта.

3.1.3. Анизотропность

Анизотропность культурного ландшафта зиждется на неравнозначности направлений в пределах ландшафта. Анизотропность культурного ландшафта вытекает из его полицентричности: неравнозначность направлений в традиционном культурном ландшафте связана с местоположением относительно ландшафтообразующих центров. Неравнозначность направлений определяется, с одной стороны, природными, хозяйственными и другими материальными факторами, а с другой — мифологическими и этнокультурными факторами.

Механизм анизотропирования «работает» через усиление отдельных направлений при ослаблении других. К более мощным и значимым направлениям относятся: направление к селению (центру культурного ландшафта) и другим селитебным местам, к реке, святым местам и т.д. Подобно масштабированию, анизотропность культурного ландшафта семантически окрашена, что может приводить к искривлению его пространства за счёт «приближения» к центру светлых мест и «удаления» опасных мест.

В практическом плане в традиционной народной культуре неравнозначность мест фиксируется в таких оппозициях, как *верх / низ, чистое / нечистое место, правый / левый* и других.

Каждая культурная традиция, каждый культурный ландшафт обладают своими нормами анизотропии. В свою очередь эти культурные нормы определяются разными пространственными конфигураторами. Наиболее значимыми пространственными конфигураторами в севернорусском культурном ландшафте выступают **деревня, река, озеро**. Именно они формируют определённые пространственно-организационные сегменты внутри культурного ландшафта.

Нужно учитывать роль природных и хозяйственных факторов. Природные факторы задают конфигурацию и расположение жизненно важных природных объектов: рек, озёр, лесов, болот. Расположенные, к примеру, к северу от деревни непроходимые леса и болота предопределяют опасность этого направления. Хозяйст-

венный фактор, освоение пространства меняют значимость направлений. Массив полей или лугов, компактно расположенный в определённом направлении, предопределяет большую безопасность этого направления. В данном контексте особенной мощностью обладают процессы сакрализации / десакрализации мест.

Таблица 7

Анизотропность севернорусского культурного ландшафта

Пространственный объект-конфигуратор	Соответствующая культурная пара	Норма анизотропии	Примеры
Деревня	Верх — низ	Вертикальная ориентация мест и объектов относительно (нагорного местоположения) деревни	Выше (орографически): <i>Подрадье, Подлесье</i> Ниже (орографически): <i>Низовки, Наволок</i>
Река + деревня	Верх — низ	Горизонтальная ориентация мест и объектов относительно деревни и верховий или низовий реки	Выше: <i>Верхний конец</i> Ниже: <i>Нижний конец</i>
«Лицо» деревни (преобладающая ориентация фасадов домов)	Перёд — зад	Пространственная ориентация мест и объектов относительно «лица» деревни	<i>Передняя улица</i> <i>Поля Озадки</i>
Положение Солнца	Север — юг	Пространственная ориентация относительно севера или юга	<i>Деревня Зимнее плёсо</i> <i>Летние поля</i>

На разных иерархических уровнях культурного ландшафта одни и те же направления, например, верх / низ, могут менять семантическую окрашенность.

Чутким индикатором анизотропных процессов (а также процессов центрирования и масштабирования) в ландшафте выступает топонимия. Для Русского Севера на большом фактическом материале такое исследование выполнено Е.Л. Березович [Березович, 2000].

Пара верх / низ в ситуации высотного местоположения деревни относительно реки — одна из наиболее распространённых. При этом «высоких» топонимов на Русском Севере оказалось в 5 раз

больше, чем «низких»: 150 на 30 [Березович, 2000]. Для верха широко используются такие лексемы, как верхний, горный, нагорный, боровой, для обозначения низа — нижний, низкий, луговой, наволочный. На наш взгляд, причина такой резкой топонимической асимметрии носит этнокультурно-хозяйственный характер: в процессе освоения русские создавали свой культурный ландшафт «наверху», на приречно-нагорных местоположениях. Не случайно один из самых распространённых топоформантов в названии северной русской деревни — гора (подробнее — глава 9).

При исследовании пары ближний / дальний оказалось, что в топонимии Русского Севера они относятся примерно как два к пяти, то есть на 250 ближних топонимов приходится 600 дальних. Типичный пример: Ближнее Петрово — Дальнее Петрово. Однако более распространены примеры типа Иваново — Дальнее Иваново. При этом пятая часть дальних топонимов вообще не имеет пары. Причина такой ситуации заключается в том, что если ближний всегда конкретен, то дальний не всегда: он обозначает неконкретную удалённость и потому более распространён. В конкретных локальных ситуациях для обозначения дальних мест активно используются названия дальних по отношению к региону городов и стран (макрогеография в микрогеографии). Широко применяются как русские — Камчатка, Сибирь (первые два наиболее употребительны), Сахалин, Воркута, Заполярье, Туруханский край, Питер, так и иностранные названия — Америка, Китай, Ерусалим, Тайвань, Турция, Финляндия, Румыния. Для обозначения дальних мест также привлекаются образы некоторых лесных животных, например, луг Медвежий угол, река Медвежья. В отношении к ближним местам активно используется идея дома (Деревенское поле, Домашнее озеро, луг Подоконный, болото Родимый Мох), идея собственности (Наш бор, Свой бор), образ женщины (болото Бабы, Бабий луг), образ домашних животных (Кошачий лог, ручей Куриный).

В паре правый / левый соотношение более равномерное: на 35 правых топонимов приходится 40 левых [Березович, 2000]. В южнославянской и восточнославянской гидронимии десна означает правый, а шуя — левый. Но часто правые притоки в топонимии оказываются левыми. Причина такого положения заключается в том, что названия давались не по логике научной географии, а согласно положению центра номинации, то есть относительно центра традиционного культурного ландшафта.

Анизотропность культурного ландшафта — это неравнозначность направлений в его пределах.

3.2. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО И ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Проблема изучения пространственной организации культурного ландшафта — это во многом проблема соотнесения «внешнего» и «внутреннего» культурного ландшафта. «Внутренняя» пространственная организация культурного ландшафта как социоприродной системы — это не столько актуальный срез, сколько **память культурного ландшафта**, сохраняющая прошлые пространственные организации в реликтовых местах, в реликтовых типах мест, в, казалось бы, утраченных топонимах.

Наряду с традициями сообщества среди факторов пространственной организации культурного ландшафта нужно указать на властно-административные и хозяйственные инновации, территориальные проектные разработки. В ситуации примыкания к центрам инноваций внешние факторы занимают важное место. В провинции, удалённой от центров, большое значение имеют факторы традиций, широко распространены культурные реликты. Роль и соотнесение инноваций и традиций в пространственной организации конкретного культурного ландшафта представляют собой интересное проблемное поле для исследования.

Основным субъектом пространственной организации культурного ландшафта выступает человеческое сообщество (на локальном уровне — местное сообщество). В таком контексте пространственная организация любого культурного ландшафта всегда имеет **социальное измерение**, являясь, тем самым, социопропространственной организацией [Калуцков, 2002 а, 2002 б, 2004 б]. Такую пространственную организацию ландшафта Е.Ю. Колбовский образно называет топологией ландшафта [Колбовский, 2006].

С одной стороны, пространственная организация культурного ландшафта представляет собой **ментальную конструкцию**. Она выстроена на значимости определённых мест, на запретах, местных мифологических представлениях, других поддерживаемых экологических традициях. К тому же она хранится и поддерживается в общественном сознании и памяти сообщества как коллективного создателя и организатора «своего» внутреннего культурного ландшафта. Такие ментальные карты сообщества выявляются только с помощью специальных исследований.

С другой стороны, пространственная организация культурного ландшафта — **реальная конструкция**, отражающая природные и хозяйственные особенности освоенной территории.

Наиболее зримо пространственная организация культурного ландшафта проявляется в его топонимической системе, фольклоре местного сообщества, в социальной памяти местного сообщества. Вековой опыт освоения сформировал у сообщества навыки знатока и коллективного исследователя «своего» культурного ландшафта.

В современной западной и отечественной культурной географии при исследовании временного фактора культурного ландшафта используется концепция **палимпсеста** [Urbanc and other, 2004, Митин, 2004 и др.]. Её сущность заключается в отношении к ландшафту как полустёртому от времени «пергаментному» тексту, в котором проступают ландшафтные элементы прошлых исторических эпох и человеческих сообществ. Одни ландшафтные элементы хорошо сохранились, другие оказываются утраченными, третьи — переосмысленными. Но эту книгу посланий от предшественников, написанную на разных языках, нужно уметь читать, интерпретировать.

3.2.1. Топос — единица пространственной организации культурного ландшафта

В этнокультурном ландшафтоведении при исследованиях «внутренней» пространственной организации культурного ландшафта **топос**, или местоназвание, может рассматриваться как элементарная пространственная единица.

Топос обладает территориальными, визуальными, семантическими и другими свойствами, которые могут быть выявлены и осмыслены только в рамках определённого культурного ландшафта.

В конкретном культурном ландшафте топос возникает тогда, когда место / уголке получает свое имя, топоним. Тем самым мы сталкиваемся с ситуацией упорядочивания, соорганизации: название нового места даётся местным сообществом не только с учётом особенностей места или характера его использования, но и (для избежания путаницы) с учётом всего культурного ландшафта, всей системы его номинаций. В рамках «своего» культурного ландшафта любой топос соотносится со своим местом, своим топонимом, с определённой территорией (в явном или неявном виде), с центром ландшафта, с другими топосами этого ландшафта.

Обратим особое внимание на то, что любой топоним, любое название места всегда даётся с позиции какого-либо сообщества (и им же удерживается) и всегда является частью какого-либо культурного ландшафта — городского, сельского или странового.

В одном и том же культурном ландшафте не может быть двух Красных Площадей или двух Долгих Полей. Это означает, что, будучи единственным, каждый топоним не только подчёркивает уникальность конкретного места в конкретном культурном ландшафте, но и особым способом — через внутриландшафтную систему номинации мест — организует всё пространство культурного ландшафта, занимая в нём вполне определённую организационную позицию. Таким образом, прямо (например, Заречье) или косвенно в конкретном культурном ландшафте любой топоним всегда выполняет пространственно-организационную функцию.

Простейшая формула топоса: **топос = место + топоним**.

В вертикальной структуре топоса место представляет собой материальную основу, или основание топоса, а топоним — его идеальную основу, или «вершину» топоса. Вместе с тем было бы большим упрощением считать, что место — только материальная основа, субстрат топоса, а топоним — только идеальная: и топоним и место как бы проникают друг в друга.

Напомним, что в сравнении с понятием территории место экологично «... место мыслится как потенциальное жилище, как то, что может вмещать человека, стать ему домом... территорию и район, в отличие от места, нельзя рассматривать как дом человека» [Костинский, 1992].

Место — материальная основа топоса, при этом во многих случаях его свойства отражаются в топониме. Отметим один важный «парадоксальный» момент: в принципе любое безымянное место уже имеет своё протонимия (прототопоним), которое содержится в типе места, угодья. И этот прототопоним может стать и топонимом: так, **городище** становится *Городищем*, **росчистка** — *Росчисткой*, а **пожня** — *Пожней* или *Поженкой*.

Иначе, любое безымянное место — это прототопос.

При смене одного топоса другим, например, в связи со сменой хозяйственного использования места, старый тип места может

перейти в топоним. Так, **новина** *Ивана Петровича* становится **полем** *Новина Ивана Петровича*, (**печище**) *Белоусовское печище* — **лугом** *Белоусовское печище*, а оставленная **деревня** *Петровка* — **полем** *Деревня*. Это важный момент динамики топоса.

Топос — место, которое в конкретном культурном ландшафте получило своё имя, топоним.

Топоним — идеальное начало топоса, но такое идеальное начало, которое за счёт свойства «отражения» своего субстрата может точно передавать материальные свойства топоса.

Для топоса значение топонима чрезвычайно велико. Топоним выступает языком топоса, его свёрнутой локальной историей, через топоним продолжается история топоса, а с его утратой наступает забвение топоса. Через топоним осуществляется социализация топоса: он становится достоянием сообщества, находит своё место на ментальной карте сообщества и хранится в «банке общественно значимой информации». Только через топоним может быть осуществлена и «общественная возгонка» топоса: в связи с повышением его значимости он может стать полиландшафтным (см. ниже).

В ряде ситуаций у одного топоса может быть несколько названий, то есть одному топосу соответствует несколько топонимов. Это характерно для полиландшафтных топосов, а также при изменении старого названия места на новое.

В принципиальном плане можно утверждать, что **топос — это локализованный топоним.**

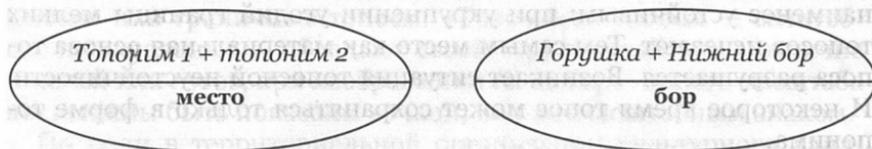
Топос соотносится с определённой территорией — угодьем или природным территориальным комплексом (ПТК); принципиальное же отличие топоса от территории заключается в том, что топос всегда в свёрнутом виде содержит знание о «своём» культурном ландшафте и может быть осмыслен только с позиций этого культурного ландшафта. Другое отличие топоса от ПТК и угодья заключается в том, что топос всегда имеет имя (имя места, или топоним). В ситуации отсутствия управленческих и хозяйственных инноваций, при стабильной организации ландшафта многие (особенно сельскохозяйственные) топосы совпадают с местными хозяйственными угодьями. Однако вся система жизнедеятельности местного сообщества не может быть задана через угодья. При расширенном понимании угодья как участка земли, отличающегося от соседних использованием или природными особенностями [Энциклопедический словарь..., 1968], можно утверждать, что **топос — это угодье, получившее имя.**

Выделяются топосы с определёнными («жёсткими») и размытыми («мягкими») территориальными границами. Определён-

ность / размытость границ топоса зависит от «жёсткости» границ соответствующего места и от его положения в пределах культурного ландшафта. Территориальные границы сельскохозяйственных топосов обычно более определённые, чем, например, лесных. То же можно сказать и о центральных топосах конкретного культурного ландшафта по сравнению с периферийными.

Некоторые топосы «живут» в культурных ландшафтах разных уровней иерархии и, соответственно, могут быть осмыслены с разных позиций. Например, топос *Бородинское поле* представляет собой часть Бородинского деревенского культурного ландшафта, часть ландшафта Подмосковья и часть русского национально-культурного ландшафта. Именно такие топосы легко поддаются масштабированию: возможно, в этом кроется причина образования вокруг этих топосов микротопонимических полей и природно-культурных комплексов. При переходе с уровня на уровень семантика топоса может меняться, вплоть до противоположной: топосы, обладающие положительным образом на верхних иерархических уровнях, могут его терять на нижних.

Полиландшафтный статус топоса может быть связан и с периферийным территориальным положением одного и того же топоса в разных культурных ландшафтах. В таких случаях этот топос имеет несколько топонимов — по одному в каждом культурном ландшафте. С такими случаями часто сталкиваются исследователи Русского Севера [Калуцков, Иванова, Давыдова и др., 1998, Березович, 2000]. Например, когда одно болото, находящееся на хозяйственной периферии разных деревень, жителями каждой из этих деревень называется по-разному. Так, одно и то же **болото** жители пинежской деревни Кобелево называют *Большим*, а жители Земцова — *Земцовским*, один и тот же лесной массив усть-покшона зовут **бор** *Горушка*, а жители околка Холм — (**бор**) *Нижний бор*.

С другим, ещё более любопытным, случаем мы столкнулись в районе сурских деревень (Верхнее Пинежье). Возвышенность, расположенная к западу от ряда деревень, называется по-разному: жители деревни Пахурово зовут её *Митиной горой*, а жители со-

седней деревни Холм — *Хараполой*. Причём в обоих случаях семантика этого места, проявившаяся в приметах, сходная. Сравните: «Из-за Митиной горы ветер подул — будет дождь» (д. Пахурово) и «Из-за Хараполы ветер — будет дождь» (д. Холм).

К моноландшафтным относятся топосы, которые «живут» только в пределах одного культурного ландшафта. К ним относятся уже упоминавшиеся «зеркальные» топосы (в которых топоним зеркально отражает тип места) типа **ручей** *Ручей* и все другие, которые не переходят в другие культурные ландшафты (соседние или другого иерархического уровня). Заметим, что «зеркальные» топосы обычно находятся в центре конкретного ландшафта (городского или деревенского, современного или реликтового).

Устойчивость топоса зависит от природных и общественных факторов. В конкретном культурном ландшафте устойчивость топоса (всех топосов данного ландшафта) поддерживается деятельной памятью сообщества — регулярной хозяйственной деятельностью, местными культурными традициями — мифологическими, обрядовыми, семейными. И в ментальной карте сообщества и в физическом своём проявлении топос постоянно должен обновляться, иначе наступает забвение и умирание. Сообщество выступает не только основной топосной «машиной» культурного ландшафта, но и его топосной памятью.

Во многих случаях разнообразный спектр названий топосов позволяет реконструировать ушедшие виды хозяйственной деятельности. К примеру, в некоторых районах Русского Севера реликты подсечно-огневого земледелия отражены в таких названиях топосов, как *новина*, *росчистка*, *чищенина*, *билетно* и другие.

Устойчивость топоса во многом определяется «естественностью» его границ: при прочих равных условиях топосы с чёткими природными границами более устойчивы, чем топосы, границы которых созданы деятельностью сообщества. Например, сельскохозяйственные топосы с искусственными границами относятся к наименее устойчивым: при укрупнении угодий границы мелких топосов исчезают. Тем самым место как материальная основа топоса разрушается. Возникает ситуация топосной неустойчивости. И некоторое время топос может сохраняться только в форме топоса-понима.

Полиландшафтные топосы более устойчивы по сравнению с моноландшафтными, поскольку они «живут» не в одном культурном ландшафте и их общественное бытие поддерживается не одним, а несколькими сообществами.

Топос — местоназвание, единица пространственной организации культурного ландшафта, обладающая тер-

риториальными, визуальными, семантическими и другими свойствами, которые могут быть выявлены и осмыслены только в контексте определённого культурного ландшафта.

Типология топосов. Несмотря на уникальность и своеобразие многих топосов, для решения теоретических и практических задач возможна разработка их типологии. Типология топосов может быть проведена по следующим основаниям: происхождение топоса, форма пространственного проявления топоса, место топоса в пространственной организации культурного ландшафта, преобладающая функция топоса в культурном ландшафте. Кроме того, топосы могут быть разделены по их связи с «внутренним» и «внешним» культурным ландшафтом (рис. 17).

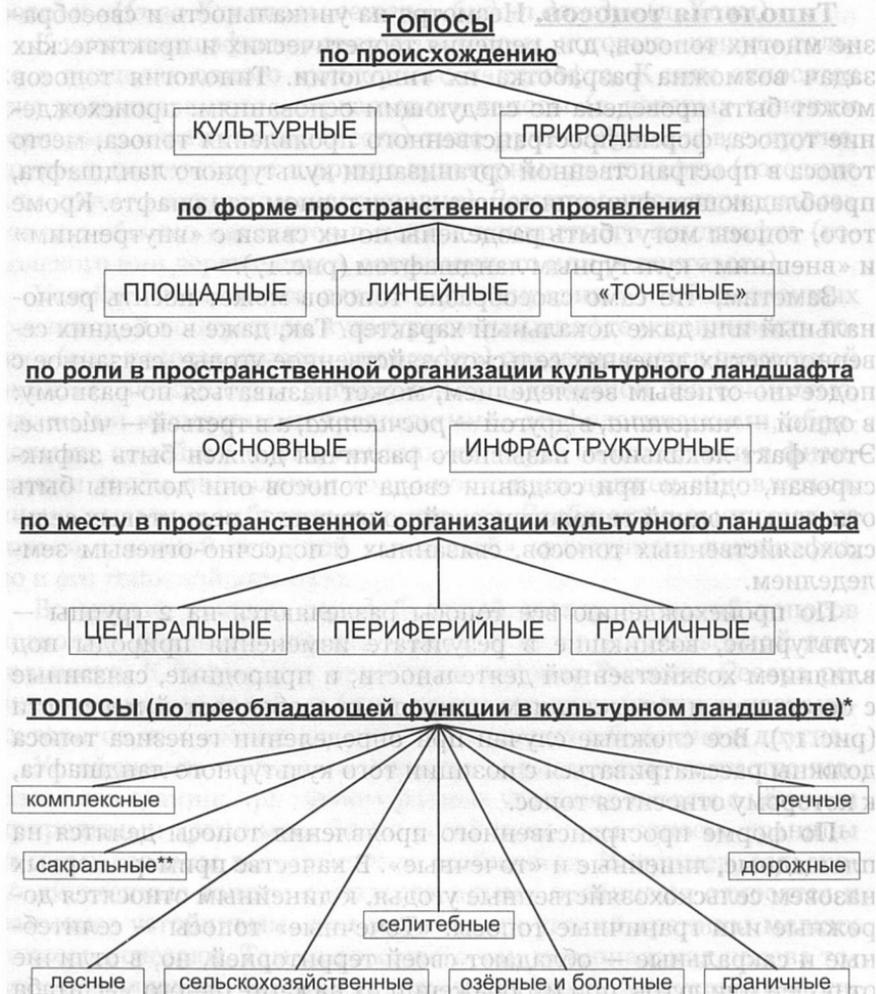
Заметим, что само своеобразие топосов может носить региональный или даже локальный характер. Так, даже в соседних севернорусских деревнях сельскохозяйственное угодье, связанное с подсеčno-огневым земледелием, может называться по-разному: в одной — *чищенина*, в другой — *росчистка*, а в третьей — *чистье*. Этот факт локального назывного различия должен быть зафиксирован, однако при создании свода топосов они должны быть отнесены к одной типологической подгруппе — реликтовых сельскохозяйственных топосов, связанных с подсеčno-огневым земледелием.

По происхождению все топосы разделяются на 2 группы — культурные, возникшие в результате изменения природы под влиянием хозяйственной деятельности, и природные, связанные с освоением и осмыслением природных особенностей местности (рис. 17). Все сложные случаи при определении генезиса топоса должны рассматриваться с позиции того культурного ландшафта, к которому относится топос.

По форме пространственного проявления топосы делятся на площадные, линейные и «точечные». В качестве примера первых назовем сельскохозяйственные угодья, к линейным относятся дорожные или граничные топосы. «Точечные» топосы — селитебные и сакральные — обладают своей территорией, но, в отличие от полей или лугов, при изображении их на карте одного масштаба они должны быть показаны точкой, или внемасштабным знаком.

По роли в территориальной организации культурного ландшафта выделяются основные и инфраструктурные топосы. Основные (фоновые или площадные) топосы заполняют пространство культурного ландшафта и тем самым во многом задают его своеобразие. Инфраструктурные, или линейно-граничные, топосы разграничивают (например, **река**) или связывают (к примеру, **дорога, тропа**) основные топосы между собой. В совокупности

основные и инфраструктурные топосы создают пространственную организацию культурного ландшафта.

* для севернорусских лесных культурных ландшафтов.

** сакральные топосы — местоназвания, которые обладают собственными сакральными территориями.

Рис. 17. Типология топосов.

Если по происхождению и роли в пространственной организации культурного ландшафта выделенные типы универсальны, то по преобладающей функции топоса в культурном ландшафте боль-

шинство выделенных типов носит региональный характер. Это объясняется природным и культурным своеобразием каждого региона. Так, для севернорусских лесных культурных ландшафтов выделено 9 типологических групп топосов (рис. 17). К ним отнесены комплексные, сакральные, селитебные, сельскохозяйственные, лесные, речные, озёрные и болотные, дорожные и граничные. Уже в самом наборе типов по преобладающей в культурном ландшафте функции «проступают» и этнокультурные (селитебные, сельскохозяйственные топосы) и природные (лесные, речные, озёрные и болотные топосы) особенности региона.

В связи с неоднозначным пониманием сакральности поясним, что сакральный топос и сакральное место не являются синонимами, последнее понятие гораздо шире. Сакральные топосы — это такие сакральные местоназвания, которые обладают собственными сакральными территориями, например, **монастырь**, **кладбище**. **Ручей Буково**, где «пугает и молится», представляет собой сакральное место, но не является сакральным топосом, относясь к речным топосам.

3.2.2. Пространственная организация традиционных культурных ландшафтов регионального уровня (на примере Зюздинского края Кировской области и Пинежья Архангельской области)

Пространственную организацию любого культурного ландшафта можно представить многоаспектно: в типологической развёртке (по составу и соотношению топосов разного типа), в территориальном аспекте (через анализ территориального рисунка и соположения разных типов топосов), в пространственно-семантическом аспекте — через выявление комплексов топосов (природно-культурных комплексов). При постановке вопросов культурного наследия обращается внимание на уникальные и реликтовые топосы и группы топосов.

Рассмотрим типологическую развёртку пространственной организации на примере двух регионов Русского Севера с относительно хорошо сохранившимися традиционными культурными ландшафтами — Зюздинского края (Афанасьевский район Кировской области) и Пинежья (Архангельская область).

Зюздинский край (Кировская область). Зюздинский культурный ландшафт расположен в верховьях Камы на границе Кировской области и бывшего Коми-Пермяцкого национального округа в пределах южнотаёжной подзоны. Высокий уровень зале-

сённости, сохранность ряда традиционных промыслов сочетаются с полиэтничностью, устойчивыми контактами русских с коми-пермяками и значительным участием старообрядческих общин в культурной жизни края.

Все эти факторы привели к формированию уникальной пространственной организации Зюздинского культурного ландшафта с большим числом своеобразных живых и реликтовых топосов (табл. 8).

Остановимся, например, на описании селитебного топоса **старина́**. Общерусским аналогом этого топоса является **селище**. Массовый характер топоса связан с хуторским типом освоения и расселения, широко распространённым на Вятской земле ещё в первой половине XX века. Несколько кампаний по централизации (переселению людей из хуторов и починков в центральные усадьбы) породили этот феномен. Но старина — не просто широко распространённый топос. Старина для вятчан — это синоним малой родины; многие из жителей регулярно посещают места своей молодости, возят с собой детей и внуков.

Среди сельскохозяйственных топосов нельзя не назвать топос **хобот**. Он относится к полям, разработанным на пойменных излучинах реки (отдалённо они напоминают хобот; возможно, отсюда и название). В наши дни топос становится комплексным: пойменные поля зарастают лесом, частично переходят в сенокосы, луга, и **хоботом** всё чаще называют целые участки пойменной местности: *Семёновский хобот*, *Якунятский хобот*, хобот *Степановичи* и т.д.

Среди реликтовых упомянем дорожный топос **лыс** и речной **хóлуй**. Первый означает лесную тропу, которую пролысывали, то есть делали затеси на деревьях, второй — лесной завал на реке. Это значение распространено в Приуралье, Коми-регионе и Сибири [Мурзаев, 1984].

Пинежье (Архангельская область). Для Пинежского культурного ландшафта характерна большая типологическая дифференциация топосов. На основе публикаций [например, Сими́на, 1980] и собственного опыта многолетних полевых исследований выявлено 46 топосов: 27 основных и 19 инфраструктурных. Среди основных топосов культурные преобладают над природными — 17 и 10 соответственно (табл. 8).

Отметим особо типологическую группу «Комплексные топосы», которая состоит из топоса **место**, **урочище**, представляя собой точки роста других типов топосов или выступая в качестве замены всех других топосов, например, в ситуации утраты какого-либо топоса.

Таблица 8

Системы топосов Пинежского (Архангельская область) и Зюздинского (Кировская область) традиционных культурных ландшафтов

Топосы	Пинежский культурный ландшафт	Зюздинский культурный ландшафт
Комплексные топосы	МЕСТО, УРОЧИЩЕ	МЕСТО
Селитебные	СЕЛО; ДЕРЕВНЯ; ПОСЁЛОК; ОКОЛОК, ОКОЛОДОК; ПЕЧИЩЕ (реликт., Веркола)*	СЕЛО; ДЕРЕВНЯ; ПОСЁЛОК; ПОЧИНОК; СТАРИНА
Сельскохозяйственные	ПОЛЕ; ЛУГ, НАВОЛОК; СЕНОКОС, ПОЖНЯ; ЧИЩЕНИНА (реликт.), РОСЧИСТКА (реликт.), НОВИНА (реликт.), БИЛЕТНО (реликт.); КУЛИГА (реликт.); КАЛТУС	ПОЛЕ; ЛУГ; ХОБОТ; ОРАЙ, КОЧКИ; ПРИСАДА; ЛОГ (в нагорных деревнях)*
Сакральные	КЛАДБИЩЕ, МОГИЛЫ; ЦЕРКОВЬ; МОНАСТЫРЬ; ЧАСОВНЯ; (ОБЕТНЫЙ) КРЕСТ	КЛАДБИЩЕ; ЦЕРКОВЬ
Лесные	ВЕРЕТЬЯ; БОР, ЛЕС	ВЕРЕТЯ; ГОРА, УТОР; ШУТЁМ
Речные	РЕКА; РЕЧКА; РУЧЕЙ; КУРЬЯ; ЛЯГА; СЛУДКА; ЯМА; ОСТРОВ; НОС, МЫС; ГОРА, УТОР; ЩЕЛЯ; ПРОЛИВ; ВИСКА; РОССОХА	РЕКА; РЕЧКА; РУЧЕЙ; КУРЬЯ; ЛЯГА; СЛУДКА; КОЧКА; КЛЮЧ; ПЕРЕКАТ, ПЕРЕБОР (реликт.); ХОЛУЙ (реликт.) СТАРИЦА
Озёрные и болотные	ОЗЕРО; БОЛОТО; РАДА; ЛЫВА; МУРГА (Нижнее Пинежье)*	ОЗЕРО; БОЛОТО
Дорожные	ДОРОГА; УЛИЦА; ТРОПА; КОСИК, СПУСК; ПУТИК	ДОРОГА; УЛИЦА; ДОРОЖКА, ТРОПА, ЛЫС (реликт.); РОССТАНЬ
Граничные	ВОРОТА; ПРОСЕКА; МЕЖА (реликт.)	ВОРОТА; ГРАНЬ

* Топосы с ограниченным ареалом распространения (в культурных ландшафтах низших иерархических уровней). Схожие топосы выделены жирным шрифтом.

Пинежье отличается богатой духовной культурой и развитой системой святых мест и соответствующих им сакральных топосов, среди которых встречаются такие топосы, как **монастырь, церковь, часовня, обетный крест**, а также **кладбище**. Сакральные топосы, как и все топосы, обладают собственными территориями. Это справедливо даже по отношению к таким «точечным» объектам как **часовня и обетный крест**: святые места формируют вокруг себя «свои» территории. Территориальность сакральных топосов проявляется в сакрализации окружающих территорий и формировании вокруг себя сакральных территориальных комплексов, а иногда — в образовании второго, территориального, топонима (например, *Немньюжский крест* имеет второе название — *Красная веретья* по названию места).

Среди типологических подгрупп наиболее полно представлены речные топосы — 14 (3 площадных и 11 линейных) и сельскохозяйственные — 7. Наиболее развёрнутая типологическая группа речных топосов Пинежского культурного ландшафта свидетельствует о значении реки в истории освоения края. Речные топосы занимают ведущее положение и среди группы инфраструктурных мест: их насчитывается 11. Река сама представляет собой инфраструктуру всего края, и такая позиция закономерна.

Среди основных площадных топосов на Пинежье наиболее полно представлены сельскохозяйственные — 6 единиц. Большая различительность этой типологической группы связана с постоянным недостатком пахотных и сенокосных угодий на всём Севере и со стремлением использовать в этих целях даже неудобья. Поэтому в этой группе представлен топос **калтус** в значении болотное сенокосное угодье, а также топосы, связанные с подсечным земледелием, — **чищенина, росчистка, новина (навина), билетно**.

Обратим внимание на то, что среди сельскохозяйственных отсутствует топос **пастбище**, что объясняется давней традицией лесного выпаса на Русском Севере: в качестве отдельного угодья пастбища на Пинежье появились несколько десятилетий назад и топонимически (точнее топосно) оказались неосвоенными местным сообществом.

Такая же ситуация прослеживается и в отношении лесных топосов. На первый взгляд, парадоксально, что лесной край оказывается слабо освоен топосно; выявлено всего 3 топоса: **лес, бор и веретья**.

Однако в ситуации практически неограниченных лесных ресурсов, с одной стороны, и традиции обыденного права в условиях государственной земельной собственности, с другой, топосная

различительность не имела смысла, при том, что народная ботаника, основанная на хорошем знании леса, развита очень хорошо.

Обратим внимание на большую устойчивость и отсутствие реликтовых топосов среди природных типов (речных, лесных, болотных) в сравнении с сельскохозяйственными. Для сельскохозяйственных топосов характерна тенденция упрощения регионального своеобразия в связи с изменением технологии и унификацией сельскохозяйственной терминологии, прочно вошедшей в коллективное сознание пинежан. Многие из природных топосов точно соответствуют ареалам природных явлений, например, район распространения топоса **мурга** (яма с водой) совпадает с ареалом местного карста.

Типологии топосов можно выстроить не только на уровне культурного ландшафта Пинежского края, но и на более низких иерархических уровнях — для кустовых и деревенских культурных ландшафтов. Тем более что некоторые топосы встречаются только в верховье Пинежья (например, **исада**), другие характерны только для одного куста или даже для одной деревни, например, **печище** для Верколы (табл. 8).

Сравнение пространственной организации традиционных Пинежского и Зюздинского культурных ландшафтов. Оба культурных ландшафта во многом близки и по природным и по этнокультурным свойствам. В обоих случаях природные ландшафты, на основе которых сложились культурные, относятся к таёжному типу (Пинежский к севернотаёжному и среднетаёжному подтипам, Зюздинский к южнотаёжному подтипу). Этнокультурная общность рассматриваемых культурных ландшафтов определяется мощным влиянием леса на хозяйственный уклад и всю культурную составляющую; общим является и значительное участие коми-фактора: Пинежье граничит с Республикой Коми, а Афанасьевский район — с бывшим Коми-Пермяцким округом.

При сравнении состава топосов прежде всего обращает на себя внимание значительная доля общерусских топосов (**село, деревня, поле** и т.д.), которые встречаются в обоих регионах (табл. 8). В обоих случаях уменьшается региональное разнообразие сельскохозяйственных топосов. Местные топосы всё чаще заменяются общерусскими, такими как **поле** и **луг**. На Пинежье, например, реликтовыми стали топосы, связанные с подсечно-огневым земледелием. В большинстве случаев они сохранились лишь в топонимах других топосов, например, **поле Ириньино билетно** или **поле Большая новина**.

В обоих культурных ландшафтах просматривается макрорегиональное — северное — культурно-ландшафтное единство, об-

щие этнокультурные корни. Например, наличие характерного для всего Русского Севера топоса **курья**; отсутствие топоса **пастбище**, связанное с широко бытовавшей практикой лесного скотоводства, также характерной для всего Севера.

Топос **гора** на Пинежье относится к речным, обозначая высокий берег реки. В Зюздинском культурном ландшафте распространено общерусское значение этого топоса (высокое место, которое может быть не связано с рекой); при этом намечается тенденция к комплексному пониманию топоса — гора может быть и в лесу и на освоенном месте.

Сравнительный анализ систем топосов демонстрирует своеобразие каждого культурного ландшафта. Так, Пинежье с его богатыми духовными традициями выделяется развёрнутой системой сакральных топосов. Обращает на себя внимание и большое разнообразие речных и болотных топосов Пинежья.

Особый «вкус» каждой из систем придают реликтовые топосы, например, колоритный **перебор** (современный **перекат**) или уже упоминавшиеся **лыс** и **холуй** Зюздинского ландшафта.

матрицы [Семёнов, Тихонова, 2010]. В качестве исходных взгляды А. Гумбольдта в «Культурном ландшафте» — и географический текст, и географический объект, и географический процесс.

Глава 4 КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ГУМАНИТАРНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА

Вопросы репрезентации и интерпретации культурного ландшафта представляют собой половины одного целого. Репрезентация ландшафта формирует определённый «ландшафтный текст», состоящий из словесных и изобразительно-визуальных компонентов. Интерпретация («чтение») этого «текста» невозможна без овладения территориальными культурными кодами и изобразительными языками. Освоение ландшафтных языков создаёт основу для интерпретации другого типа, связанной с исследовательским позиционированием, включающим стратегию интерпретации, цели и задачи исследования, ценностные установки по отношению к ландшафту и т.д.

Вопросы репрезентации и интерпретации культурного ландшафта представляют собой половины одного целого. Репрезентация ландшафта формирует определённый «ландшафтный текст», состоящий из словесных и изобразительно-визуальных компонентов. Интерпретация («чтение») этого «текста» невозможна без овладения территориальными культурными кодами и изобразительными языками. Освоение ландшафтных языков создаёт основу для интерпретации другого типа, связанной с исследовательским позиционированием, включающим стратегию интерпретации, цели и задачи исследования, ценностные установки по отношению к ландшафту и т.д.

4.1. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Сама возможность репрезентационного рассмотрения культурного ландшафта проистекает из художественного и визуального концептов ландшафта, а также исходя из научно-художественного статуса самой ландшафтной концепции (см. главу 1). Любой ландшафт, природный или культурный, представляет собой земной объект. Этот объект — натуральный, некомпактный — выделяется преимущественно на основе визуальных характеристик. Возможности представления ландшафта перед профессиональным, а тем более перед непрофессиональным сообществом, наилучшим образом реализуемые при проведении натуральных экскурсий или полевых исследований, ограничены. Поэтому вопросы целостного представления культурного ландшафта, или его репрезентации, имеют большое значение.

4.1.1. Представление о репрезентации культурного ландшафта

Применительно к репрезентации ландшафта существуют две методологически различные позиции. Первая из них заключается в том, что внутренняя и внешняя, содержательная и репрезентационная стороны ландшафта представляют собой две грани одного целого, при этом вопросы репрезентации составляют важную, но только часть исследовательского процесса.

Вторая позиция сводит проблему объекта к проблеме его репрезентации. Такой подход может сложиться, например, при учёте природной составляющей культурного ландшафта, или при совмещении понятия объекта и репрезентации объекта, что происходит в некоторых работах по визуальной антропологии. Проблеме потери реального объекта в культурно-географических исследованиях хорошо отражает цитата, принадлежащая известным английским географам: «В постмодернистской перспективе ландшафт всё менее напоминает палимпсест, “реальные” и “аутентичные” значения которого каким-то образом могут быть выявлены с использованием корректных методических, теоретических и идеологических подходов; ландшафт всё более становится текстом, мерцающим на дисплее глобального компьютера, значение которого может быть создано, распространено, изменено, усовершенствовано и уничтожено простым нажатием кнопки» [Daniels, Cosgrove, 1988, p. 8].

На наш взгляд, более продуктивна и методологически адекватна первая позиция.

Об этой методологической проблеме писал еще А. Геттнер, который разделял географию как науку и географию как искусство. Он писал, что «искусством географическое описание становится тогда, когда оно обращается не к уму, а к чувству и настроению читателя» [Геттнер, 1930, с. 141]. Он не принимал позицию некоторых географов, которые призывали к «географии импрессионистского искусства», для которой важно отражение природы в нашем сердце, а не природа сама по себе. Вместе с тем А. Геттнер хорошо понимал, что граница между наукой и искусством, применительно к исследованиям ландшафта, не всегда чёткая.

Огромную роль в постановке проблематики «география и искусство» сыграл учитель А. Геттнера выдающийся географ Александр Гумбольдт [Гумбольдт, 1866]. В России теоретические основы репрезентации ландшафта заложены В.П. Семёновым-Тян-Шанским. По его словам, «географическая наука есть наука избирательная, наука зрительных представлений, зрительной па-

мьяти» [Семёнов-Тян-Шанский, 1928, с. 260]. Развивая взгляды А. Гумбольдта и А. Геттнера о важной роли ландшафтной живописи в географическом исследовании, он писал: «В географии тесное сближение географа с художником-пейзажистом едва ли не столь существенно, как в философии сближение философа с поэтом и музыкантом» [Семёнов-Тян-Шанский, 1928, с. 48].

Большое значение вопросам репрезентации традиционно придаётся во французской географии, научным кредо которой можно считать выражение «дать увидеть так же важно, как дать понять» [Николаев, 2003, с. 58].

В наше время учение о географическом образе (географическая имажинология), стало самостоятельным научным направлением и развивается довольно быстро [Замятин, 1999, 2003].

Задачи, стоящие перед репрезентацией культурного ландшафта, могут быть сведены к следующим позициям:

- визуальное представление объекта исследования (в разных его проявлениях),
- демонстрация своеобразия его пространственной организации,
- создание географического образа культурного ландшафта.

При решении каждой из поставленных задач наряду с научными возникают и эстетико-художественные вопросы, которые решаются в зависимости от специфики исследования и от стиля самого исследователя.

4.1.2. Типы и формы репрезентаций культурного ландшафта

Само **пространство репрезентации ландшафта** довольно сложное, оно формируется за счёт качественно различных **типов** (вертикальные и горизонтальные репрезентации) и через соотношение различных **форм** репрезентации.

Типы репрезентаций культурного ландшафта. Выделяются три типа репрезентаций культурного ландшафта — вертикальный, горизонтальный и комплексный (рис. 18). Хотя они представляют собой две грани одного целого, проблема их соотношения, совмещения является одной из сложнейших методологических проблем.

вертикальные

комплексные

горизонтальные

Рис. 18. Типы репрезентаций культурного ландшафта.

Вертикальные репрезентации представляют культурный ландшафт в его вертикальном измерении. Они позволяют выявить его объём, вертикальные свойства, вертикальную структуру. С позиции истории человеческой культуры вертикальные репрезентации ландшафта первичны относительно горизонтальных. Ландшафт в своём естественном виде или в какой-то культурной форме предстаёт перед взором **вертикально стоящего** человека.

Вертикальные репрезентации опираются на визуальный и художественный концепты ландшафта. К примеру, в определении немецким географом Лео Вайбелем ландшафта как «части земной поверхности и небосвода, которые лежат в поле нашего зрения и видятся в перспективе с определённого места» ощущается сильное влияние живописи [цит. по Harthshorne, 1939, p. 152]. В это определение из пейзажной живописи привнесён и небосвод, и представление о перспективе, и, на наш взгляд, самое главное — **вертикальное видение** окружающего мира.

Как справедливо замечает Р. Хартшорн, такое представление о ландшафте предполагает наблюдателя, рассматривающего конкретный вид (the scene) **вертикально** (выделено мною. — В.К.), так, как он проявляется в перспективе [Harthshorne, 1939, p. 152].

Одной из самых распространённых культурных форм вертикальной репрезентации ландшафта является **пейзаж** [Николаев, 2003].

В **горизонтальных репрезентациях** культурный ландшафт предстаёт в горизонтальной «развёртке» — территориальном, пространственно-организационном, пространственно-семантическом измерениях. В основе горизонтальной репрезентации лежит взгляд на свой край с высоты птичьего полёта. По мнению Г.Д. Костинского, само видение своей территории с высоты, то есть начало горизонтальной репрезентации ландшафта, для архаичного человека стало культурным шоком [Костинский, 1997].

Очевидно, открытие карты как способа изображения и видения мира сыграло решающую роль в формировании горизонтальных репрезентаций. Но в чистом виде горизонтальные репрезентации территории, ландшафта сложились только к XIX веку. Это связано с развитием естественных наук, самой картографии, включая систему условных знаков, которая постепенно заменила пейзажные зарисовки и изображения географических объектов — городов, народов, гор и других [Салищев, 1971].

До этого времени были широко распространены **карты-картины** мира, отдельных стран, на которых совмещался вертикальный и горизонтальный образ мест. Несомненное достоинство таких **комплексных** (вертикально-горизонтальных) **репрезен-**

таций — возможность представления территории, культурного ландшафта с двух сторон. В настоящее время такой приём нередко используется при составлении туристических карт городов.

Формы репрезентации культурного ландшафта. Формы репрезентации культурного ландшафта выделяются в соответствии с человеческими органами чувств, особенностями восприятия окружающего мира, и потому всё их многообразие может быть сведено к следующим классам — **зрительному, речевому, слуховому, тактильному, запаховому (обонятельному) и вкусовому** (рис. 19). **Зрительные** репрезентации ландшафта имеют ведущее значение и требуют более детального рассмотрения.

Рис. 19. Классификация форм репрезентаций культурного ландшафта.

Среди **тактильных** форм преобладают материально-вещественные репрезентации *отдельных предметов*, характерных для определённого культурного ландшафта, *этнографических и природных коллекций*.

Слуховые формы разделяются на *звуковые* и *музыкальные* репрезентации. Ещё В.П. Семёнов-Тян-Шанский обращал внимание на связь природных звуков определённого ландшафта с его музыкальным фольклором. Он писал, что для севернорусского культурного ландшафта характерна бедность и однообразие природных звуков: «Тонкий, скромный, короткий свист синицы в одиночку, изредка поспешное стрекотание сороки, весной и в на-

чале лета кукование кукушки — вот, в сущности, почти всё главное. Если эта тишина нарушена чем-то громким, а тем паче резким, — это уже кошунство» [Семёнов-Тян-Шанский, 1928, с. 269]. И далее: «Недаром большинство русских скитов притулилось в лесной стихии молчания». Лесная стихия приучила северного великоросса к безмолвию на воздухе. «Его говор короток, однообразен по созвучиям и как-то “деревянен” в отношении к окружающим его деревьям. Песня у него редка и поётся негромко, приятно вблизи, но издали не слышно. Зато в горнице он разговорчив, и вот у него процветают здесь плоды поэтического творчества — в виде былин, сказок и пр., произносимых “сказителями” нараспев, с мелодичными, но довольно однообразными интонациями. И это не только у одних нас, а и у наших соседей — финнов и скандинавов, с их “Калевалой”, сагами и пр.» [Семёнов-Тян-Шанский, 1928, с. 270].

Для южнорусского культурного ландшафта характерны другие звуковые и соответственно музыкальные особенности; «Тут, благодаря большому разнообразию растительности и изобилию кустарников, птичье население густо и разнообразно. Здесь, вместо обета молчания северных лесов, постоянное щебетание целых птичьих хоров с длинными заливаниями соловьёв во главе, звуками жаворонков, перепелов на полях, “дёрганьем” коростелей на лугах, звуками чибисов на болотах и пр. Хочется громко петь и играть на воле — то и другое не оскорбит природной обстановки. Голоса баб в обыденном разговоре мягко поют с массой интонаций, процветают лирическая песня вместо сказки и былины, хороводы на улицах, хоровое пение при отправлении толпой на полевые работы, при возвращении с них и во время самих работ. Песни, несмотря на своё лирическое содержание, поются многочисленными хорами, преимущественно женскими. В сущности, поют по-настоящему, мягко, не повышая искусственно голоса, только изредка мужчины, женщины же, по местному выражению, ежедневно “кричат песни”, то есть поют преувеличенно громко, резко, как бы подражая резким тембрам местного народного инструмента — жалейки. Такое декоративное пение непереносимо в закрытом помещении и хорошо звучит только издали — на воле полей». [Семёнов-Тян-Шанский, 1928, с. 270–271].

В последнее время слуховые репрезентации культурного ландшафта стали предметом изучения не только этномусиковедов, но и географов. Их внимание привлекает проблема музыкального образа отдельных стран [Пименова, 2004]. Предпринимаются попытки комплексного изучения звукового ландшафта [Андреева, 2000].

Среди **речевых** форм репрезентации выделяются *текстовые* и *ономастические* формы. Ономастические, или именные, формы вызывают особый интерес в связи с тем, что топонимия (вспомним А.С. Пушкина «Москва! Как много в этом звуке...»), этнонимия, местная географическая терминология содержат не только важные характеристики, но и особые языки культурного ландшафта.

Текстовые формы в свою очередь разделяются на *письменные* и *устные* репрезентации. Для репрезентации культурных ландшафтов, являющихся национальными или региональными символами (обычно эти культурные ландшафты хорошо литературно освоены), наряду с произведениями устного народного творчества привлекаются материалы литературного творчества, поэтического и прозаического.

В гуманитарных научных дисциплинах, традиционно работающих с языком, текстом и словом, вопросы привлечения аутентичных устных текстов, записанных в полевых экспедициях, для научной работы представляют собой отработанную технологическую процедуру (в зависимости от специфики дисциплины).

Между тем диалектный, фольклорный текст выступает перед нами как часть ландшафтной действительности, своего рода ландшафтный диалект. В феноменологической интерпретации его можно рассматривать как реально «говорящий ландшафт», а не только как образ культурного ландшафта.

В качестве примера устной репрезентации пинежского культурного ландшафта, органичного введения в контекст описания культурного ландшафта фольклорного текста приведём фрагмент из книги Ивановой А.А., Калуцкова В.Н. «Светлое Пинежье», посвящённый феномену странствующего селения (курсивом выделен фольклорный текст):

«Современное нагорное местоположение большинства пинежских деревень — на высоких угорах, перегибах склона воспринимается как исконное, вековое. Тем более и названия многих деревень отражают такое положение — Карпогоры, Чёшегора, Шеймогоры, Шотова (гора), Высокая (гора) и т.д. Однако такое представление обманчиво. Всего лишь 100–150 лет назад подавляющее большинство деревень располагалось вдоль Пинеги или её притоков. Воспоминания о древнем приречном положении пинежских деревень можно ещё записать у старожилов.

Раньше деревни были на лугу, за рекой. Лет за пятьдесят яма на лугу появилась бездонна. Дом-то с игрищем и провалился. Марья-то выехала оттуда, с луга, с сыновьями и поселилась сюда, на гору. А место это (на лугу) называется Иженьга. Кев-

рола (*Кевроль город был*) — она-то на лугу, *Киглохта* — тоже на лугу, *Ёркино* — тоже. Когда приехали на *Пинегу*, народ поселялся на лугах. А потом, то ли топило, переехали на гору» [Иванова, Калуцков, 2000, с. 30].

Таким образом, устная репрезентация культурного ландшафта осуществляется с помощью использования разных типов шрифта, то есть через визуализацию, устного (фольклорного) текста.

Приём визуализации может быть использован и при ономастической (именной) репрезентации культурного ландшафта. Эта задача может быть успешно решена только для той группы топонимов и местных географических терминов, которые могут быть представлены визуально, например, в виде фотографии. Такие топонимы называются ландшафтными [Калуцков, 1996].

В качестве примера используем топоним *Горка*, широко распространённый на Русском Севере; архаическое значение термина гора, горка — высокий берег реки (фото 1). На снимке представлен околос *Горка* деревни *Красное* Пинежского района Архангельской области. Фотография «прозрачно» объясняет происхождение топонима.

Фото 1. Околос *Горка* деревни *Красное* Пинежского района Архангельской области (приём визуализации при ономастической репрезентации севернорусского культурного ландшафта). Фото А.А. Ивановой, 2005 г.

Зрительные репрезентации культурного ландшафта.

Приведённые выше примеры использования приёма визуализации при репрезентации невизуальных свойств культурного ландшафта де факто подчёркивают ведущую роль зрительных репрезентаций.

Зрительные репрезентации культурного ландшафта разделяются на **визуальные** и **изобразительные** формы.

Визуальная репрезентация ориентирована на научно-объективную передачу внешних, зрительно воспринимаемых свойств культурного ландшафта.

Развитие форм визуальной репрезентации во многом определяется техническим прогрессом. Сначала оно было связано с развитием фотографии. Создание индустрии аэрофотосъёмки, а затем и космической съёмки расширило возможности визуальных репрезентаций. Традиционные формы визуальной репрезентации культурного ландшафта — *географическая карта, карто-схема, аэрофотоснимок, космический снимок*, менее традиционными являются *картоид, пространственная модель*.

Современные космические снимки, наряду с возможностями считывания с них объективной научной информации, также активно влияют на формирование пространственных географических образов стран и регионов.

Для **изобразительных** форм «работают» законы этики, эстетики, восприятия, генетически они связаны с живописью. Они нацелены на создание образа местности, на передачу определённых идей, установок, предпочтений художника — эстетических, политических, даже мировоззренческих. Изобразительные формы также делятся на две группы — *пейзажные*, учитывая огромную роль пейзажной формы при репрезентации культурного ландшафта, и *непейзажные*.

Основная изобразительная форма репрезентации культурного ландшафта — *пейзаж*. Пейзажное представление ландшафта обладает бесчисленным множеством вариаций: от *рисунка местности* и *картины* до особых этнокультурных форм (например, лубок) и таких неканонических форм, как пейзаж на иконах. Большое значение имеет *фотография*. Напомним, что А. Геттнер для проведения ландшафтных исследований рекомендовал рисунок, а не фотографию, считая, что она за избыточностью деталей затушёвывает географические закономерности. В.П. Семёнов-Тян-Шанский также придавал огромное значение пейзажу в географическом исследовании.

Непейзажные формы репрезентации культурного ландшафта довольно многочисленны; к ним, например, относятся *портрет*,

подчёркивающий антропологический тип или характерный этнический костюм жителей определённой территории, этническая и авторская *скульптура*. Вспомним скифских каменных баб, долгое время являвшихся неотъемлемой частью степного ландшафта Русской равнины. Другим примером является деятельность выдающегося скульптора Эрзи, произведения которого репрезентируют мордовский культурный ландшафт.

Наряду с художественными задачами изобразительные формы могут решать и идеологические, политические, образовательные и собственно научные. Одним из уникальных примеров полноценной совместной реализации художественных и научных задач можно считать деятельность А.М. Васнецова, картины средневековой Москвы которого представляют собой не только художественный образ, но и реальную историческую реконструкцию городского культурного ландшафта (рис. 20).

Рис. 20. Васнецов А.М. Всехсвятский каменный мост. Москва конца XVII в. 1901 г.

Велико влияние пейзажной живописи на формирование образа отдельных регионов и мест и на формирование образа национального культурного ландшафта. Устойчивый образ русского национального культурного ландшафта создан во многом благодаря деятельности художников-передвижников [Колбовский, 2004].

Особое место, «на границе» изобразительных и визуальных форм репрезентации культурного ландшафта, занимает *геогра-*

фическая карта; с одной стороны, в качестве математической модели земной поверхности она передаёт её объективные свойства, а с другой стороны, знаковый (значковый) способ передачи географически значимой информации представляет собой изображение Земли. Тем самым географическая карта, даже если при её создании не было поставлено специально художественных задач, несёт на себе изобразительную функцию, передаёт образ определённого культурного ландшафта.

4.1.3. Репрезентационные комплексы культурного ландшафта

Решение задач репрезентации культурного ландшафта не может быть достигнуто путём использования какой-либо одной формы или одного типа репрезентации. Сложность, комплексность объекта исследований предполагает комплексность стратегии репрезентации культурного ландшафта.

Представление о **репрезентационном комплексе** позволяет системно ставить и решать вопросы репрезентации культурного ландшафта. Репрезентационный комплекс культурного ландшафта наряду с горизонтальными (обычно картографическими) изображениями должен включать и вертикальные. Кроме того, формы репрезентации должны быть разнообразны. Поэтому весьма продуктивная, но односторонняя пейзажная форма представления культурного ландшафта должна быть дополнена другими формами репрезентаций и в идеале расширена до репрезентационного комплекса.

Репрезентационный комплекс культурного ландшафта выстраивается, исходя из стратегии репрезентации, обязательно включая вертикальные и горизонтальные типы, визуальные и изобразительные формы.

Репрезентационный комплекс В.П. Семёнова-Тян-Шанского. Одним из первых географов, ставивших и решавших эти вопросы, был В.П. Семёнов-Тян-Шанский. При характеристике отдельных стран и регионов он наряду с картосхемами широко использовал фотографии, личные воспоминания от посещения описываемых мест, литературные и поэтические тексты, а также мифологические образы из русского фольклора. Тем самым репрезентационный комплекс В.П. Семёнова-Тян-Шанского представляет собой сложное образование; в нём культурный ландшафт предстаёт и в вертикальной и в горизонтальной развёртке с использованием изобразительных и визуальных форм репрезен-

съедаемой за зиму скотом соломенной крышей и засыпанным сверху толстым слоем земли для тепла потолком, с редкими маленькими окнами, одной общей низкой горницей с земляным полом, с русской печью, топящейся соломой “по-чёрному” и закоптелыми потому стенами, с мелким скотом и птицей, загоняемыми, ради тепла, зимой в избу вместе с людьми и проч. В таком помещении можно только прозябать. Тут ли до поэтического творчества в избе? А между тем климат значительно теплее, чем на севере, и можно, за исключением суровой зимы, проводить долгое время на воздухе, летом спать в соломенных шалашах на земле или на сучьях деревьев, как Соловей-разбойник “на девяти дубах”» [Семёнов-Тян-Шанский, 1928, с. 270–271].

Визуальная антропология и комплексная репрезентация культурного ландшафта. Развитие кинотехники, с одной стороны, и стремление исследователя быть «внутри» культурной традиции, с другой, способствовали быстрому развитию интересного междисциплинарного направления — визуальной антропологии [Александров, 2003, Кляус, 2006, Христофорова, 2006]. Об этом, например, свидетельствует работа секций по визуальной антропологии в рамках этнографических, фольклористических, этнолингвистических научных конференций.

Основная форма репрезентации антропологического объекта — антропологический фильм. Он решается в разных стилях — от сухого научного наблюдения артефакта до его художественной интерпретации. Тем самым границы науки и искусства практически стираются. С другой стороны, чрезмерное увлечение визуальной стороной объекта нередко приводит визуальных антропологов к подмене объекта его, пусть очень яркой и талантливой, но репрезентацией.

Между тем технические возможности визуальной антропологии привлекательны. Во-первых, возникает ощущение присутствия в ландшафте и его непосредственного полевого восприятия. Во-вторых, появляется возможность действительно комплексной репрезентации культурного ландшафта, включая её зрительные, речевые и слуховые формы. Встроенное фотографирование позволяет моделировать пейзажные панорамы, создавать макропейзажи и микропейзажи (по В.П. Семёнову-Тян-Шанскому) с их важными природными, архитектурными и бытовыми деталями.

Развитие визуальной антропологии расширяет возможности комплексной ландшафтной репрезентации. В сущности, хороший антропологический фильм нужно рассматривать как научно-художественный ландшафтный текст.

4.2. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

4.2.1. Представление об интерпретации культурного ландшафта

Значение интерпретации в современных исследованиях культурного ландшафта возрастает. Если в понимании А. Геттнера она играла второстепенную роль, подтверждая или опровергая выдвинутую научную гипотезу, то в современной географии интерпретация ландшафта всё чаще решает самостоятельные задачи в паре «репрезентация — интерпретация».

Круг её задач обширен: от комментария к репрезентациям культурного ландшафта до получения нового представления и нового знания о культурном ландшафте. В образно-географических исследованиях под интерпретацией понимается собственно исследование динамики и структуры географического образа [Замятин, 2003, с. 110].

В основу ландшафтной интерпретации положено представление о ландшафте и его репрезентациях как тексте (в самом широком смысле этого слова). Этот сложный текст состоит из разных типов и форм репрезентаций — современных и исторических карт, рисунков и картин, фотографий и космических снимков, поэтических, прозаических и фольклорных текстов и т.д. Чтобы его прочесть, нужно освоить и понять язык, на котором он «написан». Тем самым интерпретация культурного ландшафта означает **чтение ландшафта**.

Принципиально возможно 2 уровня чтения культурного ландшафта, которым соответствуют 2 типа ландшафтных языков, то есть тех языков, на которых «говорит» ландшафт. Первый тип представляет собой территориальные культурные коды данного ландшафта, второй — репрезентационные языки.

Ландшафтные языки — территориальные культурные коды. Само представление о языке как культурном коде происходит из теоретических положений об изоморфизме языка и культуры, которые активно разрабатывались этнолингвистической школой Н.И. Толстого [Толстой, 1995]. Им создано несколько классификационных построений, в которых классы языков рассматриваются параллельно классам других явлений культуры. Например, в рамках так называемой культурологической «лестницы» идиолект соответствует культуре личности, микродиалект — культуре одного села, небольшого социума, диалект, или говор, — культуре более крупной территориальной общности (например, Пинежья), макродиалект, или наречие, соотносится с крупным регионом, таким, как Русский Север и т.д. Далекое не случайно ав-

тор считал, что этнолингвистика, фольклористика и этнография нуждаются в развитии такой автономной дисциплины, как культурологическая география (с. 20).

Ландшафтные языки — культурные коды — прочитываются через систему менти-, социо- и артефактов культурного ландшафта. Каждый культурный ландшафт обладает множеством таких артефактов. Всё зависит от наличия исследовательского материала, от специализации и подготовки исследователя. Так, севернорусский культурный ландшафт хорошо «считывается» по наличию больших северных домов-кораблей, или по порядковой планировке деревни, или с помощью характерной финно-угорской гидронимии, или по северным обетным крестам и часовням и т.д.

Тем самым, наряду с вербальными, культурные коды включают и невербальные языки — архитектурные и планировочные языки, звуковые и музыкальные языки, поведенческие языки, включая язык жеста, язык обряда, язык танца и т.д. Пример одного из характерных для Русского Севера поведенческих культурных кодов представлен на фото 2. Положение палки-приставки на левой фотографии означает, что в доме никого нет и долго не будет. На правой фотографии другое положение приставки «говорит» о том, что хозяева дома вскоре должны вернуться: их можно подождать.

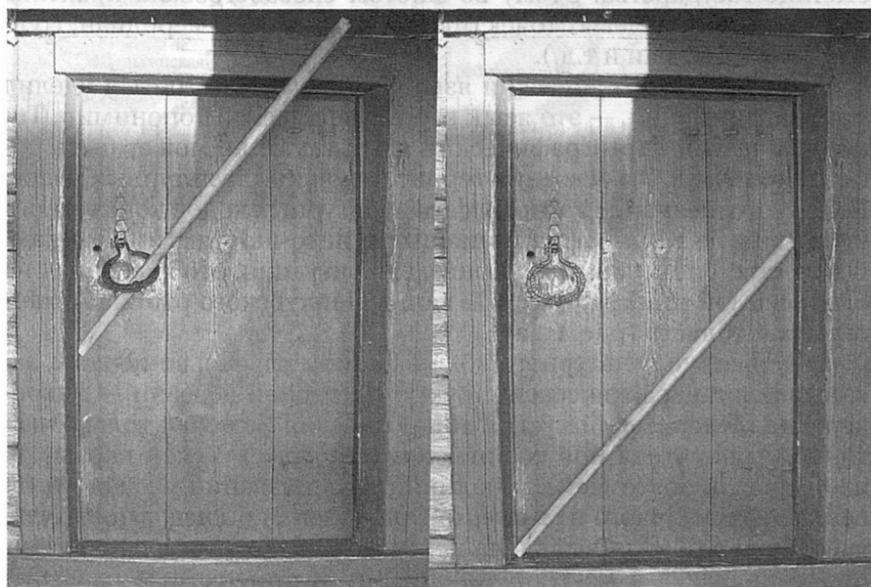

Фото 2. Двери с приставками (пример территориального культурного кода Русского Севера). Фото В.Н. Калущкова, 2005 г.

Таким образом, **чтение культурного ландшафта на первом уровне предполагает** «погружение» в культуру, или **освоение территориальных культурных кодов**. Это особенно важно при проведении полевых исследований культурного ландшафта или полевых экскурсий «в ландшафт» для лучшего понимания их результатов. Такая интерпретация представляет собой **прямое чтение ландшафта**.

Репрезентационные ландшафтные языки. Различные формы репрезентации культурного ландшафта обладают собственными (репрезентационными) языками.

К одним из самых распространённых репрезентационных языков относится язык карты. Проблематикой языка карты специально занимался А.А. Лютый, который выделял 3 картографических языка [Лютый, 1988]. Первый (проекционный) язык связан с особенностями математического моделирования поверхности Земли, её разными картографическими проекциями.

Второй язык определяется системой знаковых (значковых) изображений. Однако и в этих двух языках заложены культурные коды. В качестве примера может быть представлена система ориентации современных карт на север: для средневековых арабских карт традиционной являлась южная ориентация. Другой пример: региональные страновые карты, как правило, центрированы на столице государства. Этому во многом способствовала практика национальных нулевых точек отсчета (Парижский меридиан, Пулковский меридиан и т.д.).

Третий картографический язык, которому А.А. Лютый уделил меньше внимания, — это язык картографической топонимии. Топонимический картографический язык также не может быть понят и прочитан без освоения территориальных культурных кодов. Более того, незнание картографом культурных кодов конкретного культурного ландшафта приводит к неточностям и ошибкам. В качестве такого примера приведена ситуация, отображённая на современной топографической карте Шенкурского района Архангельской области (рис. 22 а).

Содержание культурного кода в данном случае, во-первых, заключается в иерархической структуре северной деревни — макродеревня (селенческий куст) и микродеревня (которая только частично была учтена при составлении топографической карты), и, во-вторых, в повсеместном наличии двух названий у каждого селения, официального и местного. При полевом исследовании культурного ландшафта выявлена иерархическая структура деревень, проявляющаяся в местной топонимии, и все местные названия деревень (рис. 22 б). В результате картографические неточности были устранены.

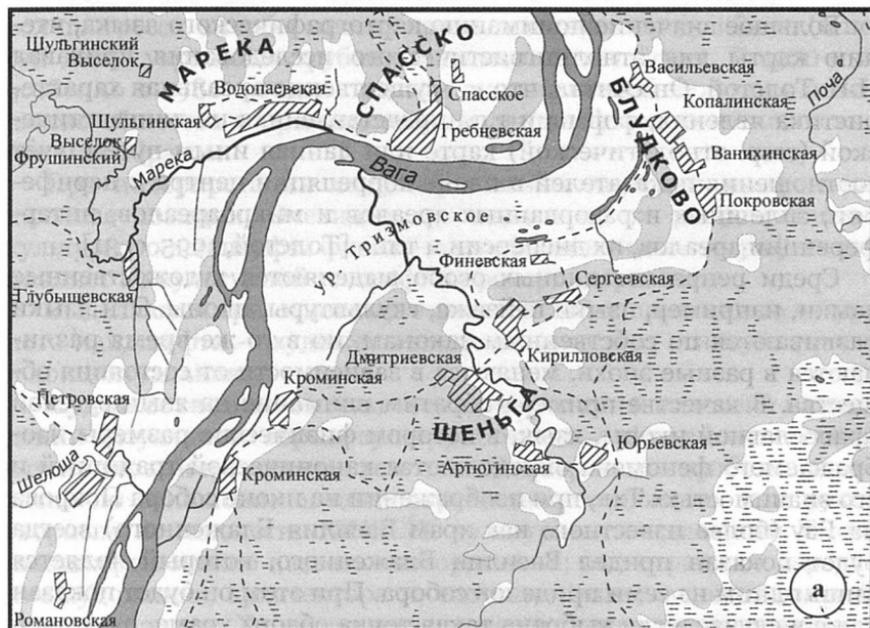

Рис. 22. Пример топографической карты с менее (а) и более (б) полным учётом культурного кода территории.

Большое значение пониманию картографического языка, чтению карты для этнолингвистического исследования придавал Н.И. Толстой. Он считал, что «... существенна ареальная характеристика явления, формы и т.п., представленная на лингвистической (resp. этнологической) карте или данная иным путём, учёт соотношения показателей в плане корреляции центра и периферии, сплошных и разорванных ареалов и микроареалов, интерференции ареалов, их дисперсии и т.п.» [Толстой, 1995, с. 31].

Среди репрезентационных особо выделяются художественные языки, например, языки пейзажа, скульптуры, иконы. Эти языки развиваются по собственным законам, но в то же время различаются в разные эпохи, меняются в зависимости от состояния общества. В качестве примера обратим внимание на язык русской православной иконы, язык, в котором физические размеры изображаемого феномена определяются канонической традицией и его значимостью. Так, при изображении на иконе собора Покрова на Рву (более известного как храм Василия Блаженного) всегда будет показан придел Василия Блаженного, который является лишь одним из семи приделов собора. При этом он будет показан даже в случае, если выбрана такая точка обзора храма, с которой по физическим законам придел не виден. Тем самым подчёркивается значимость именно этого придела и одного из самых почитаемых московских святых.

На втором уровне чтение культурного ландшафта предполагает расшифровку репрезентационных языков. Такая интерпретация представляет собой ***опосредованное чтение ландшафта.***

Соотношение прямого и опосредованного чтения ландшафта зависит от стратегии ландшафтной интерпретации.

4.2.2. Стратегии интерпретации и прочтение ландшафта

Для перехода от комментирования результатов репрезентации ландшафта к творческому прочтению ландшафта необходима разработка стратегии прочтения.

На прочтение культурного ландшафта всегда воздействует идеологический, мировоззренческий компонент. К примеру, в советское время в связи с атеистической идеологией сохранившиеся храмы в культурном ландшафте прочитывали преимущественно с эстетической позиции. Другой пример изменения прочтения ландшафта относится к промышленным ландшафтам. После Великой Отечественной войны эти ландшафты воспринимались как сим-

вол прогресса, а гербы многих промышленных городов были (и по сей день) украшены трубами с дымовым шлейфом. В 1970-е и особенно в 1980-е годы с ростом экологической культуры отношение общества к промышленным ландшафтам изменилось коренным образом.

При интерпретации ландшафта важно выделять профессиональные позиции. Очевидно, что одну и ту же репрезентацию культурного ландшафта физико-географ, экономико-географ и специалист по культурной географии прочтут по-разному.

Выделяются три основных стратегии интерпретации культурного ландшафта — художественно-эстетическая, этнокультурная и концептуальная.

Художественно-эстетическая стратегия нацелена на создании визуального образа культурного ландшафта в соответствии с принципами и законами эстетики. Эта стратегия наиболее адекватна по отношению к целенаправленно созданным, или рукотворным, по типологии ЮНЕСКО культурным ландшафтам. Такие ландшафты можно назвать «авторскими»; они отражают дарование художника, архитектора и, соответственно, художественный стиль его эпохи. Характерным примером культурного ландшафта, созданного талантом архитекторов и планировщиков, является ландшафт русской усадьбы. При художественно-эстетической стратегии преобладают вертикальные репрезентации, пейзажные и фотографические формы. При этом важны и горизонтальные репрезентации, подчеркивающие особенности планирования ландшафта.

Для **этнокультурной стратегии интерпретации** культурного ландшафта характерны акценты на самобытности и уникальности его культурных свойств. Данная стратегия предпочтительна по отношению к естественно сформировавшимся (по терминологии ЮНЕСКО) культурным ландшафтам, т.е. народным, этническим культурным ландшафтам. Для таких культурных ландшафтов важно продемонстрировать своеобразие пространственной организации (деревня и река, ближние и дальние угодья), а также наиболее характерные артефакты и социофакты (народная архитектура, одежда, предметы народных промыслов и т.д.). Этнокультурная стратегия в отношении объекта своей репрезентации всегда в явном или неявном виде носит охранительный характер, нацелена на реконструкцию прошлых состояний культурного ландшафта. Особенность такого прочтения ландшафта заключается в том, что по одним компонентам ландшафта, по одним артефактам, социофактам или ментифактам реконструируются другие, восстанавливаются утраченные элементы той или иной

культурной традиции. Наряду с научными целями такая стратегия может быть и сугубо прикладной, например, для деятельности национальных парков.

Концептуальной стратегии интерпретации в наибольшей степени соответствуют ассоциативные по типологии ЮНЕСКО культурные ландшафты. При данной стратегии важен не только сам по себе культурный ландшафт, не только его художественно-эстетические или этнокультурные особенности, хотя и они имеют определенное значение, но его образ, мифология, «дух места». Таким условиям удовлетворяют сакральные ландшафты, литературные ландшафты, поля исторических сражений, получивших отражение в народной памяти и фольклоре и другие.

Ключевым моментом при разработке концептуальной стратегии выступает идея (концепция) интерпретации и ее соответствие образу культурного ландшафта, существующему в общественном сознании. К примеру, в основе такой концепции для ландшафта Куликова поля могла бы быть положена идея национальной независимости, свободы. В соответствии с идеей типы и формы репрезентации должны раскрывать просторы, необъятность русского лесостепного ландшафта, подчеркивая особенности русского национального характера.

Возможны и специальные стратегии интерпретации культурного ландшафта. К примеру, *территориальная стратегия* выбирается при задаче продемонстрировать пространственную организацию культурного ландшафта (с преобладанием территориальных типов репрезентаций, космических снимков и карт).

4.2.3. Информационная концепция культурного ландшафта

Концепция информационного компонента культурного ландшафта представляется одной из самых интересных и плодотворных [Веденин, 2004 в]. Ю.А. Веденин вводит представление об информационном слое культурного ландшафта, который не только создаёт образ ландшафта, но и развивается относительно самостоятельно. В качестве основных движущих сил, создающих и поддерживающих информационный слой, рассматриваются наука и искусство.

На основе выдвинутых представлений автор предлагает информационную типологию культурных ландшафтов. Выделяются 3 основных типа ландшафтов:

— реальные культурные ландшафты, не имеющие информационного слоя,

Информационная концепция вскрывает механизмы поддержания культурных ландшафтов, значимые в условиях информационного общества. С другой стороны, она формирует чувство гражданской ответственности у представителей «чистой» науки или «чистого» искусства за судьбу конкретных культурных ландшафтов.

В контексте информационной концепции вопросы интерпретации культурных ландшафтов приобретают дополнительные импульсы развития. Так, интерпретация культурных ландшафтов с развитым информационным слоем предполагает дополнительные исследования по истории их формирования.

Глава 5

ТАКСОНОМИЯ И РАЙОНИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ

Таксономические (классификационные и типологические) разработки, а также выполненные на их основе разработки по районированию территории — это альфа и омега географии. Чаще всего в географической исследовательской практике эти процедуры выстраиваются попарно: сначала осуществляется классификация географических объектов определённой территории, а затем, на её основе, — их районирование, или сначала производится типологизация географических объектов и потом — выделение районов.

В социально-экономической и, особенно, в физической географии вопросы районирования хорошо разработаны теоретически и методически и уже не один год читаются в виде многочисленных учебных курсов. В культурной географии и этнокультурном ландшафтоведении эти вопросы не относятся к устоявшимся и находятся в стадии обсуждения.

5.1. ПОДХОДЫ В КУЛЬТУРНО-ЛАНДШАФТНОМ РАЙОНИРОВАНИИ

Типологические и классификационные культурно-ландшафтные разработки могут носить как теоретический, так и прикладной характер. Так, типология культурных ландшафтов, разработанная Ю.А. Ведениным, различает инновационные и традиционные ландшафты, которым соответствуют «естественные и искусственные» города и селения [Веденин, 1997]. Примером прикладной типологии культурных ландшафтов, разработанной для целей сохранения объектов наследия, можно считать разработку ЮНЕСКО, согласно которой выделяются 3 типа культурных ландшафтов —

естественные (или эволюционные), искусственные, созданные по проекту, и ассоциативные [Кулешова, 2004].

Среди подходов к классификации, типологии и районированию культурных ландшафтов, различающихся по уровню охвата, выделяются глобальный, или цивилизационный, региональный и локальный подходы. Кроме того, выделяются комплексные (сквозные) подходы, охватывающие все уровни.

К содержательным культурно-ландшафтным подходам относятся такие, в которых ведущим основанием выступает содержательная сторона культуры. Среди содержательных подходов: ареальный подход, бассейновый подход, идентификационный подход, ставящий во главу угла название или самоназвание территориальных сообществ. Выделяется также «патримониальный» подход, увязывающий вопросы районирования культурных ландшафтов с вопросами наследия [Веденин, 2004 а, б].

В последние годы в гуманитарных науках (этнографии, лингвистике, фольклористике), включая исследование культурных ландшафтов, мощно заявил о себе подход, связанный с изучением локальных культурных традиций [Русский Север, 1992, Русский Север, 1995, Калуцков, Иванова и др., 1998 и др.]. Масштабные исследования культурных традиций на локальном уровне дали принципиально новые результаты. Для обсуждаемой темы важно, что локальные культурно-ландшафтные исследования «замкнули» всю систему, позволяя на реальном полевом материале выстраивать таксономические построения культурных ландшафтов.

Ареальный подход широко применяется в гуманитарных исследованиях, особенно в лингвистическом картографировании [Толстая, 1995, Герд, 1995]. Этот подход опирается на представление о многообразии традиционной народной культуры, включая её территориальное многообразие. Его методологическими основаниями являются единая программа полевых обследований и метод картографирования. При этом картографированию придаётся исключительно большое значение: «... карта может служить той единой и часто единственной основой, которая позволит соотнести между собой данные разных дисциплин и извлечь существенную информацию уже не из особенностей изучаемых явлений, а из того, как они структурируют территорию» [Толстая, 1995]. Вершиной применения данного подхода явился Полесский этнолингвистический атлас, созданный под руководством Н.И. Толстого.

К проблемным моментам ареального подхода относится «плоскостность», неучёт иерархии культурных явлений.

Бассейновый подход ориентирует на учёт тесной связи культуры, особенно традиционной, с природой. Для Русского Севера, Сибири, других регионов, где река играла огромную роль в освоении территории, этот подход имеет особое значение. В современной ситуации в связи с развитием автомобильного, железнодорожного транспорта роль реки снизилась, но на большинстве территорий современной России водораздельные пространства по-прежнему не населены и тем самым выступают естественной границей между региональными бассейновыми сообществами.

Полевые гуманитарные науки, независимо от профиля (фольклористические, этнографические, этномузыковедческие, диалектологические), выделяют и исследуют бассейновые региональные и локальные сообщества (двинские, онежские, печорские, вилегодские, пинежские), каждое из которых соответствует бассейну реки — Северной Двине, Онеге, Печоре, Виледи, Пинеге. Это означает принципиальную возможность выделения и районирования традиционных культурных ландшафтов на основе бассейнового подхода.

В основе **идентификационного подхода** к классификации и районированию культурных ландшафтов лежит фундаментальное представление об иерархии систем. Другое важное разработанное при исследованиях культурных ландшафтов представление — о «сплошности» культурно-ландшафтного пространства, его неоднородности, иерархичности и центрированности [Каганский, 1995, Калуцков, 2000].

Содержание этого подхода заключается в соотношении реального сообщества (современного или исторического, этнического или территориального, регионального или локального) с определённым культурным ландшафтом. С позиций этнокультурного ландшафтоведения современный культурный ландшафт без сообщества представляет собой нонсенс, исключая исторические культурные ландшафты. Тем самым в основу районирования культурных ландшафтов, вне зависимости от их размерности и иерархического уровня, положен **признак сообщества**, этнического или неэтнического.

Суть идентификационного подхода заключается в выявлении и локализации территориальных идентичностей. Проблематика этнической и региональной идентификации давно привлекает внимание географов и изучена довольно хорошо [например, Крылов, 2001, Идентичность и география в постсоветской России, 2003 и др.]. Любой народ в процессе своего развития постоянно соотносит себя с окружающими его народами, с соседними региональными и местными сообществами. Некоторые из словес-

ных определений сообществ превратились со временем в устойчивые словесные формулы-клише: тамбовский волк, псковский скобарь, вольный казак и другие.

Административно-территориальный подход опирается на учёт системы административно-территориального деления во взаимосвязи с системой территориальных идентичностей, включая исторические изменения административно-территориального деления и рассмотрение «движений» административных центров и границ. О возможности соотнесения границ культурных ландшафтов с административно-территориальными границами писал Ю.Г. Симонов [Симонов, 1998].

Наиболее устойчивы те идентичности и соответствующие им культурные ландшафты, в которых административный фактор соотносится с культурными факторами. Так, А.Г. Манаков выявил устойчивость традиционной псковской идентификации — скобарь, показав её современную приуроченность к историческим границам Псковской губернии [Манаков, 2004 б]. Этот пример означает, что административно-территориальное деление, если оно опирается на исторически сложившуюся территориальную организацию общественной жизни, может усилить уже существующие культурные ландшафты и де факто конституировать их границы. В случае длительного несоответствия культурных и административных границ со временем могут возникнуть новые территориальные сообщества и соответствующие им новые культурные ландшафты.

Модульный принцип. Введение модульного принципа при классификации и районировании культурных ландшафтов определяется культурным своеобразием и самобытностью регионов. Кроме того, нельзя не учитывать разные исследовательские школы, стили и даже «вкус» исследователя.

Каждый культурный регион Земли имеет свою уникальную историю, включая и геоисторию; человеческие сообщества, в процессе исторического развития осваивавшие регион, сформировали его неповторимую пространственную организацию и иерархию — систему административных и духовных центров, свою культурную провинцию и периферию, особый характер его границ. Это означает, что в процессе классификационных построений могут быть выделены дополнительные уровни и дополнительные критерии, отражающие культурное своеобразие региона. Модульный принцип предполагает использование системы «плавающих» признаков при культурно-географических классификациях [Смирнягин, 1989].

5.2. ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ

5.2.1. Культурные ландшафты в цивилизационном измерении

К предшественникам культурно-ландшафтных классификационных и типологических разработок относятся исторические и культурологические исследования, связанные с цивилизационно-культурным разграничением Земли на планетарном, или глобальном, уровне (работы Н.Я. Данилевского, А. Тойнби, Л.Н. Гумилёва и других). При этом в каждом случае базовая операционная единица таких работ различается: для Н.Я. Данилевского такой единицей выступает хозяйственно-культурный тип, А. Тойнби выделяет цивилизации, а для Л.Н. Гумилёва верхним членом этнической классификационной иерархии выступает суперэтнос [Гумилёв, 1994]. Соответственно различается и количество культурно-географических макровыделов Земли.

Н.Я. Данилевский создал цивилизационно-типологическую концепцию истории. Он выделяет 12 культурно-исторических типов, каждый из которых обладает понятной пространственной локализацией: египетский, китайский, ассиро-вавилонно-финикийский, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, арабийский, германо-романский (или европейский), мексиканский и перуанский [Данилевский, 1991]. Кроме того, он выделяет находящийся в стадии становления будущий славянский тип. Р.Ф. Туровский справедливо подчёркивает динамический, применительно к объекту исследований, аспект разработанной модели [Туровский, 2001]. Методология исследования каждого из выделенных типов строится на четырёх основаниях: религиозном, культурном (научная, художественная, техническая культура), политическом, общественно-экономическом.

Следуя принципам Н.Я. Данилевского, А. Тойнби, исследовавший цивилизации Земли в их историческом развитии, выделяет 37 цивилизаций, включая «живые» и уже не существующие [Тойнби, 1996]. Важнейший критерий для выделения цивилизаций — система вероучения («сакральная вертикаль»), задающая базовую систему ценностей и нормы поведения. Используя разные основания для их типологии, автор выделяет расцветшие, неразвившиеся и застывшие, независимые и цивилизационно-спутники и т.д. А. Тойнби убедительно демонстрирует генетические взаимосвязи, казалось бы, разных и противостоящих друг

другу цивилизаций. К таковым, например, относятся православная христианская, западная и исламская, имеющие в своем основании сирийскую и эллинскую цивилизации.

Разработка В.П. Семёнова-Тян-Шанского о культурных мирах может быть полезна для иерархических построений культурно-географических систем. «Итак, мы имеем в качестве **наименьшей** единицы сгущения населения на Земле **жилище**. Следующей единицей является **коллектив жилищ**, то есть **населённый пункт**. Коллектив населённых пунктов образует **государство**. Коллектив государств образует **культурный мир**, представляющий высшую единицу сгущения населения на планете» [Семёнов-Тян-Шанский, 1928]. При этом автор дополнительно выделял понятие культурного очага, то есть места зарождения культурного мира, его прародину. Опережая современные ему представления, В.П. Семёнов-Тян-Шанский по сути вводит понятие этнокультурной границы как зоны активных взаимодействий между культурными мирами.

Среди современных глобалистских исследований выделяется работа С. Хантингтона [Huntington, 1996]. Для С. Хантингтона, как и для А. Тойнби, в основе цивилизации лежит религия. По его мнению, русские не станут эстонцами, а азербайджанцы армянами; можно быть полуарабом, полуфранцузом и даже одновременно гражданином двух стран, но невозможно быть полукатоликом или полумусульманином. Он выделяет 8 цивилизаций: западную, славяно-православную, исламскую, индуистскую, конфуцианскую, японскую, латиноамериканскую и потенциальную африканскую.

Наибольший интерес представляют глобалистские разработки, в которых учитывается роль географических факторов, — историка А. Тойнби, географов В.П. Семёнова-Тян-Шанского и Л.Н. Гумилёва, этнографов М.Г. Левина, Н.Н. Чебоксарова и других.

В.П. Семёнов-Тян-Шанский обращает внимание на **природную зональность** расположения глобальных культурных единиц, по его терминологии — **культурных миров**.

На начало XX века он выделяет на Земле 4 культурных мира: «1) первобытный тропический мир чёрной и американской расы и такой же первобытный крайний полярный мир жёлтой расы, 2) остановившийся, обломочный мир древних азиатских культур жёлтой, бурой и частью белой расы и древне-американской культуры в умеренном и тёплом поясах Земли, 3) переходный, средний, по выражению В.И. Ламанского, медленно прогрессирующий мир белой расы — восточный греко-славянский в умеренном поясе и 4) деятельный, передовой, западный мир белой расы

в умеренном и тёплом поясах — романо-германский, оказывающий наиболее сильное влияние на все остальные миры» [Семёнов-Тян-Шанский, 1928, с. 219]. Автор подчёркивает благоприятность умеренного и тёплого, или, в современной терминологии, субтропического географического пояса для развития цивилизаций.

Л.Н. Гумилёв в качестве самого крупного этнического образования выделял суперэтнос («мозаичную целостность»), под которым он понимал этническую систему, состоящую из нескольких этносов, возникших одновременно в одном **ландшафтном регионе** [Гумилёв, 1994]. Он выделял мусульманский мир, западный мир (христианский мир), китайский суперэтнос и другие. Россию он также относит к суперэтническим образованиям, поскольку она объединила вокруг себя множество этносов. Опираясь на разработанное им представление о вековой динамике этнических систем, автор рассматривает суперэтнос как одно из состояний развития этноса, охватывающее примерно 200–300 лет.

Пронизана «географизмом» глобалистская этнографическая концепция хозяйственно-культурного типа и историко-культурной области [Левин, Чебоксаров, 1955]. Под хозяйственно-культурным типом понимаются сложившиеся комплексы хозяйства и культур, типичные для народов, различных по происхождению, но обитающих в сходных **природно-географических условиях** и находящиеся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития. Концепция хозяйственно-культурных типов, которая соотносит материально-хозяйственные особенности традиционных культур с природно-зональными условиями, по сути, является концепцией **природно-хозяйственных типов**.

В рамках концепции выделяются 3 основные группы хозяйственно-культурных типов: типы с преобладающей ролью охоты, собирательства и примитивного рыболовства, типы мотыжного (ручного) земледелия и животноводства и типы плужного (пашенного) земледелия. В целом, распределение хозяйственно-культурных типов в глобальном аспекте подчиняется закону географической зональности и по характеру распределения и по набору типов, характерных для определённых природных зон и материков [Андрианов, 1991]. В настоящее время наиболее архаические хозяйственно-культурные типы, основанные на присваивающем хозяйстве, сохранились в жарком и холодном поясах [Андрианов, Чебоксаров, 1972].

Концепция хозяйственно-культурного типа и историко-культурной области, позволяющая методологически точно разделять самобытную (этническую) и заимствованную (межрегиональную, интернациональную) грани любой земной культуры, во многом опередила свое время [Ямсков, 2003].

В современных условиях хозяйственно-культурные типы трансформируются в зональные культурно-бытовые комплексы и, тем самым, продолжают оказывать воздействие на культурное разнообразие человечества [Чеснов, 1998].

5.2.2. Таксономия и районирование культурных ландшафтов на региональном уровне

Среди работ по культурно-ландшафтной тематике выделяется региональная классификация культурных ландшафтов России Ю.А. Веденина. Значительный теоретический и методический интерес представляют региональные культурно-ландшафтные классификации Калужской, Тверской области [Чалая, Веденин, 1997], Северо-Запада России [Манаков, 2002], типология традиционных культурных ландшафтов Восточной Сибири [Рагулина, 2004], другие региональные работы. Одной из «первых ласточек» в классификационных построениях этнокультурного ландшафтоведения явилась работа Р.Ф. Туровского [Туровский, 1998].

Интересные разработки в рамках данной темы осуществили этнолингвисты, которые в процессе междисциплинарных исследований традиционных славянских культур вышли на вопросы пространственной репрезентации региональных культурных традиций. В этой связи были разработаны понятия историко-культурной зоны и этнокультурного диалекта [Герд, 1995, Толстой, 1995].

Историко-культурная зона как региональный культурный ландшафт (по А.С. Герду). Этнолингвистика близка этнокультурному ландшафтоведению по стремлению к комплексному подходу к объекту исследований. Под историко-культурной зоной понимается ареальное единство, которое выделяется по данным археологии, этнографии, антропологии, языкознания, истории, геологии, палеогеографии, географии и других дисциплин [Герд, 1995]. Несмотря на нечёткое определение, сильные стороны в концепции историко-культурной зоны (ИКЗ) заключаются в попытке выделить вековые пространственно устойчивые состояния культурных систем, в стремлении связать природные и исторические процессы на определённой территории; кроме того, важна нацеленность на создание общего междисциплинарного картосхематического языка.

В качестве примеров историко-культурных зон приводятся Днепро-Двинская ИКЗ, Приладожская ИКЗ, Обонежье, Ярославско-Костромское Поволжье [Герд, 2001]. Обращается внимание на вековую устойчивость границ ИКЗ, несмотря на смену этнических субстратов.

Надэтническая, или демогенетическая, историко-культурная зона состоит из определённых временных этноисторических слоёв — историко-культурных типов, каждый из которых связан с культурным вкладом определённого этноса (Герд, 2001). В сущности каждый историко-культурный тип представляет собой вековое состояние регионального культурного ландшафта. К примеру, Днепро-Двинская ИКЗ за последнее тысячелетие сменила 9 стадий-состояний: балтийскую, балто-славянскую (кривичскую), восточно-славянскую, среднеднепровскую, севернорусско-кривичскую, северо-белорусскую, польско-белорусско-литовскую, западно-русскую и белорусскую.

Понятие культурного ландшафта региональной размерности соотносится с понятием историко-культурной зоны. Различия заключаются в разных акцентах: в этнолингвистике при выделении историко-культурных зон важен принцип историчности. В этнокультурном ландшафтоведении при исследовании вековых изменений культурных ландшафтов значим принцип актуализма, сущность которого заключается в абсолютизации последнего временного состояния культурного ландшафта и в рассмотрении всех других его состояний с позиции современности.

Культурный ландшафт всегда задаётся через пространственные отношения с другими культурными ландшафтами, что для историко-культурной зоны не обязательно. Можно утверждать, что историко-культурная зона — это региональный культурный ландшафт, рассматриваемый с позиции исторической географии.

В последнее время намечается тенденция взаимного сближения концепции культурного ландшафта и концепции историко-культурной зоны, что продемонстрировала дискуссия на страницах Вестника Санкт-Петербургского университета на тему «нового ландшафтоведения». В качестве полемистов выступали известный этнолингвист А.С. Герд и географ-ландшафтовед Г.А. Исаченко. В статье «Ещё раз о предмете ландшафтоведения (вопросы лингвиста к географу)» А.С. Герд пишет: «... на наших глазах с каждым днём всё явственней пробивается к жизни новое междисциплинарное направление, предметом которого является ландшафт как таковой» [Герд, 2002]. И далее: «Вряд ли кто будет отрицать, что ландшафт — это, конечно, предмет географии. В то же время новое ландшафтоведение должно найти своё место с исторической географией, краеведением, региональными исследованиями в области разных наук, с одной стороны, и географией — с другой. Но, в свою очередь, должна быть очерчена некая общая стратегическая идея, которая заинтересует и историков, и филологов, и антропологов». Отвечая застрельщику дискуссии, Г.А. Иса-

ченко предлагает в качестве общей стратегической идеи, объединяющей регионально ориентированные исследования разных наук, концепцию культурного ландшафта — направления с отчётливо выраженной междисциплинарной составляющей [Исаченко, 2002].

Историко-ландшафтное районирование (по А.Г. Манакову). В последнее время наблюдается усиление культурно-ландшафтного компонента и в работах по историко-географической таксономии и районированию [Манаков, 2002, 2004 а, 2004 б]. В этих работах интерес представляют обзор специальных гуманитарных работ по районированию (этнографических, диалектологических, топонимических), разработанная система таксономии, попытка поиска зональных и азональных критериев для таксонов разных иерархических уровней. В частности, предлагается следующая схема: историко-этнографическая область — историко-этнографическая подобласть — историко-культурная провинция — историко-культурная земля — местность [Манаков, 2004 б]. Кроме того, дополнительно предлагается возможность выделения исторических краёв (под влиянием политического фактора).

Сам термин «историко-ландшафтное районирование» А.Г. Манаковым не используется; у автора эти разработки называются по-разному: культурное или историко-культурное районирование, что нельзя признать удачным. В качестве объекта районирования рассматривается историко-культурный район.

Классификация культурных ландшафтов (по Р.Ф. Туровскому). В теоретических основаниях исследования лежат представление о культурных пространствах, позволяющее «втягивать» разные культурные аспекты (этнографический, диалектологический и др.), и традиционная в социально-экономической географии схема «центр — периферия». Сам автор называет свою разработку таксономией. Исходя из характера исследования, она относится к комплексной (сквозной) классификации, учитывающей все уровни культурных ландшафтов — от глобального до локального. Всего выделяется восемь иерархических уровней культурных ландшафтов: культурный мир, область, страна, край, земля, местность, община, объект (табл. 9). В самой работе автор основное внимание уделяет региональному уровню.

Первый, самый высокий, иерархический уровень образует культурный мир, который соответствует цивилизации А. Тойнби. Как и у британского историка, основным критерием выделения культурного мира выступает религиозное учение, которое задаёт общую систему ценностей, например, Православный мир, Исламский мир. Цивилизация представляет собой наднациональное

образование, включающее в себя многочисленные этносы. В политико-географическом плане цивилизациям соответствуют империи — Римская, Византийская, Российская и т.д.

Таблица 9

Классификация («таксономия») культурных ландшафтов
(по Туровскому, 1998)

Таксономические уровни	Культурная общность, соответствующая данному уровню	Примеры смещений	Природный аналог
Культурный мир	Цивилизация, культура	Суперэтнос	Природная зона
Область (промежуточный тип)	Группа этносов	Группа субэтносов в рамках суперэтноса	
Страна	Этнос	Субэтническая группа суперэтноса	Ландшафтная страна
Край (промежуточный тип)	Субэтническая группа сложно устроенного этноса		Провинция
Земля	Субэтническая, диалектная группа	Крупный город	Ландшафт, ландшафтный район
Местность	Город, группа сёл	Крупный комплекс культурных объектов, исторический центр большого города	Местность
Община	Комплекс культурных объектов, село, городской квартал	Крупный монастырь, большая дворянская усадьба	Урочище
Объект	Отдельный объект культуры и природы — храм, дворец, музей		Фация

Название второго, промежуточного, уровня — область, на наш взгляд, неудачно; в территориальном плане область воспринимается «мельче», чем страна, которая в классификации Р.Ф. Туровского занимает третий уровень иерархии. Кроме того, сказывается методологическая неопределённость, «заложенная» автором: страна и земля понимаются территориально, а область и край — типологически.

Стране (третий уровень), которая понимается как этнокультурная единица, а не государство, соответствует определённое эт-

ническое сообщество со своей системой ценностей (табл. 9). В сложном устроенных странах, отличающихся большим природным разнообразием, сложной историей, территориальной дифференциацией культуры, дополнительно выделяются края.

Базовой единицей культурно-ландшафтного районирования, по мнению Р.Ф. Туровского, является земля, или культурный ландшафт в узком смысле слова. В физико-географическом ландшафтоведении ему соответствует ландшафт, или ландшафтный район. Это компактная территория в пределах страны, которая характеризуется сходством культурных и природных ландшафтных признаков.

Земля, или собственно культурный ландшафт, также может быть разделена. В классификационных разработках нижних уровней автору, на наш взгляд, изменяет чувство меры или, возможно, опыт природного ландшафтоведения им воспринят буквально, некритически (табл. 9). В соответствии с морфологическими единицами на шестом уровне природного ландшафта он выделяет местность, которой соответствует местность природного ландшафта, на седьмом уровне — общину (?) и на восьмом уровне — объект (?). Даже первичный анализ показывает, что у автора произошёл понятийно-терминологический сбой: община явно выпадает из ряда область — страна — край. А выделение объекта (?) в качестве мельчайшей единицы культурно-ландшафтного районирования свидетельствует о серьёзных методологических просчётах, непонимании необъектной, средовой сущности культурного ландшафта.

Классификация и районирование культурных ландшафтов России (по Ю.А. Веденину). Ю.А. Веденин предпринял попытку культурно-ландшафтного районирования России с позиции тематики культурного наследия. Как справедливо замечает автор, сама тематика наследия требует ландшафтного (целостного) подхода к её решению [Веденин, 2004 а]. При этом декларируется важный принцип — необходимость использования не одного, а множества, или системы, критериев.

Такой подход реализуется в процессе культурно-ландшафтного районирования России. На первом этапе районирования и, соответственно, на первом уровне районирования использовались этнический, исторический критерий (история формирования культурного пространства) и собственно критерий наследия. В результате были выделены моноэтнические и полиэтнические области России (табл. 10). На втором этапе районирования (для выделения культурно-ландшафтных районов в моноэтнических русских областях) использовались такие критерии, как время ос-

воения, роль в истории формирования Российского государства, место в мировой и национальной культуре [Веденин, 2004 а].

Таблица 10

Культурно-ландшафтное районирование России (Веденин, 2004 б)

Культурно-ландшафтные области	Культурно-ландшафтные районы
I. Русская Европа	1. Русский Север. 2. Новгородско-Псковская земля. 3. Санкт-Петербург. 4. Центральные Русские земли. 5. Русское Черноземье. 6. Русское Предкавказье. 7. Русские степные Поволжско-Приуральские земли. 8. Русский промышленный Урал.
II. Русская Азия	9. Русская Западная Сибирь. 10. Русская Восточная Сибирь. 11. Русский Дальний Восток.
III. Многонациональная Поволжско-Уральская область	12. Коми. 13. Удмуртия. 14. Татарстан. 15. Башкирия. 16. Мордовия. 17. Чувашия. 18. Марий-Эл.
IV. Многонациональный Северный Кавказ	19. Дагестан. 20. Калмыкия. 21. Чечня (Ичкерия). 22. Ингушетия. 23. Осетия. 24. Кабарда. 25. Черкесия. 26. Балкария. 27. Карачай. 28. Адыгея.
V. Многонациональная Северная Евразия	29. Северные Приуральско-Таймырские земли. 30. Эвенкия. 31. Якутия. 32. Чукотка. 33. Корякско-Камчатские земли.
VI. Многонациональная Южная Сибирь	34. Алтай. 35. Хакасия. 36. Тува. 37. Бурятия.
VII. Карельская область	38. Карелия.

Дискуссионность некоторых результатов районирования связана, вероятно, со сложностью объекта районирования и ориентацией на вопросы наследия, в которых важную роль играет исторический аспект. К примеру, понятны основания для выделения Санкт-Петербурга в качестве культурно-ландшафтного района. Но при этом Москва как отдельный культурно-ландшафтный район не выделена.

Полученные результаты позволяют понять культурно-пространственное своеобразие современной России, в которой крупные многонациональные области расположены на периферии (исключение составляет Поволжско-Уральская область), а русские — в основном в центре страны.

Глава 6

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ЛАНДШАФТОВЕДЕНИЕ — НАПРАВЛЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЛАНДШАФТНОЙ КОНЦЕПЦИИ В КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ

Само название представляемой в настоящей главе комплексной научной дисциплины — **этнокультурное ландшафтоведение** — во многом является компромиссным. Более точным было бы наименование культурное ландшафтоведение. Однако в инновациях такого типа нельзя не учитывать широко распространённое, сложившееся под воздействием исторических обстоятельств, оценочное понимание культуры. Характерным примером проявления такого понимания является наименование «Парк культуры и отдыха», которое предполагает, что другие парки и места отдыха являются «бескультурными».

По этой причине общепринятые и широко распространённые в западной географии термины культурная география и культурный ландшафт еще в конце 1990-х годов многими российскими географами воспринимались как некорректные. В ситуации быстрой гуманизации отечественной географии восприятие многих, прежде непривычных, терминов меняется и, возможно, уже через несколько лет термин культурное ландшафтоведение¹ будет так же широко использоваться, как, например, культурная география. Пионерная (в содержательном плане и, что не менее важно, в плане восприятия) работа М.В. Рагулиной, опубликованная в 2004 году, так и называется «Культурная география: теория, методы, региональный синтез» [Рагулина, 2004].

¹ В данном контексте обнадёживает название одного из разделов выпуска «Гуманитарной географии», который так и называется — культурное ландшафтоведение [Гуманитарная география ..., 2006].

6.1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТОВЕДЕНИЯ

В разделе 1.3.3. было показано, что этнокультурное направление представляет собой только одно из направлений реализации ландшафтной концепции в культурной географии (наряду с культурно-экологическим, феноменологическим и эстетическим).

6.1.1. Предмет и объект этнокультурного ландшафтоведения

В ландшафтном контексте взаимодействие природы и культуры имеет две грани.

С одной стороны, природные свойства любой территории отражаются в разнообразных пространственных проявлениях культуры — особенностях этнических сообществ (нередко в их названии и самоназвании), чертах их традиционного хозяйства, быта, костюма, традиционной кухни. Страны, края, «города и веси» формировали свой жизненный уклад, особенности своего поведения, соотносясь с окружающей природой, её условиями, ресурсами и ограничениями.

С другой стороны, культурные компоненты ландшафта отражаются в его природных компонентах. Культура формирует отношение к природе, «выделяя» те, а не другие элементы природы, те, а не иные природные комплексы. Почему берёза является национальным деревом русских, а не более распространённые ель или сосна? Почему Волга, а не Обь, Амур или самая длинная река России Лена выделяется среди других рек? Почему остров Валаам или Соловецкие острова более притягательны, чем Новосибирские?

Не вызывает сомнений, что такая «природная» география культурно детерминирована. Очевидно, что отношение к определённым элементам природы и природным комплексам как к «своим», являющимся более значимыми по сравнению с другими, представляет собой продукт этнокультурного развития народа. «Свои ландшафты» есть у каждого народа, на каком бы социальном и техническом уровне он не находился. Система национальных культурных символов соотносится с системой природных и культурных национальных святынь [Григорьев, 2000]. О предметном взаимоотражении (подобии) природы и культуры еще в 1926 году писал П.Н. Савицкий: «По нашему мнению, процесс, связывающий социально-историческую среду с географической обстановкой, есть процесс двусторонний» [Савицкий, 1997, с. 293].

В соответствии с представлениями о трёх базовых компонентах культурного ландшафта (раздел 2.1.) предмет этнокультурного ландшафтоведения включает три основных вопроса.

1. Во-первых, с позиций русской антропогеографии первой трети XX века, в контексте концепции географического детерминизма, предмет этнокультурного ландшафтоведения мог бы быть определён как отражение природных ландшафтов Земли в её культуре (рис. 23).

2. Однако при такой формулировке не учитывается культура как активное начало, не только преобразующее природу, но и задающее определённое видение природы. Следовательно, предмет должен быть дополнен вопросами развития культурных ландшафтов Земли.

3. С учётом развития гуманитарных наук во второй половине XX века и особенно лингвистики как учения о самом языке и его особом статусе в культуре, предметное поле рассматриваемой нами дисциплины становится ещё более широким. В нашем контексте язык представляет собой не только компонент культуры, это — и посредник между природой и культурой: сама по себе, без культурной «оболочки», природа нема, «безъязыка». Такой подход расширяет границы предмета этнокультурного ландшафтоведения; в него включаются вопросы взаимодействия природы, культуры и языка, которые проявляются в ландшафтных диалектах Земли (см. раздел 4.2.).

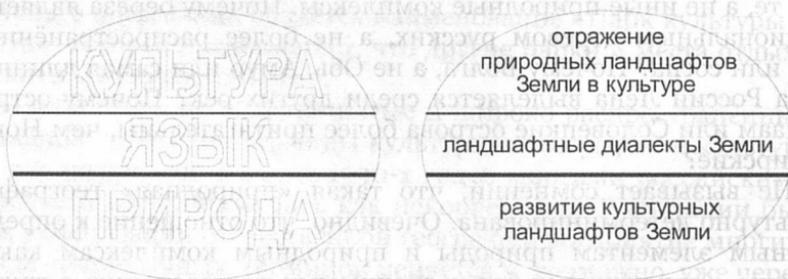

Рис. 23. Три базовых компонента культурного ландшафта и предмет этнокультурного ландшафтоведения.

После обоснования и выделения трёх сторон предмета этнокультурного ландшафтоведения выведем общую словесную формулу предмета. Применительно к антропогеографии Альфред Геттнер предлагает следующее решение вопроса: «Самым непосредственным предметом географии человека ... является заселение и связанное с ним преобразование земли (выделено А. Гетт-

нером)» [Геттнер, 1930]. Тем самым учитывается процессуальный момент, связанный с освоением Земли.

Освоение Земли определённым народом, создание «собственного» культурного ландшафта понимается как сложный культурный процесс, включающий в себя материально-физическое изменение территории (антропогенезацию), социализацию и психологизацию ландшафта, а также номинацию, фольклоризацию и мифологизацию ландшафта.

Одна сторона этого процесса связана с приспособлением к окружающей природе («усвоение» природного ландшафта); хозяйственное, бытовое, архитектурное, социальное приспособление к новым, нередко жёстким, природным условиям происходит в результате собственного жизненного опыта и путём контактов с этническими соседями. При этом приобретённые навыки закрепляются в организации социальных институтов, в хозяйственных формах, в поведении, фольклоре и языке. С позиции теории этногенеза состояние этноса, при котором хозяйство и сам этнос приспособляются к ландшафту, называется персистентным [Гумилёв, 1994].

Вторая сторона процесса (собственно освоение частички Земли, «делание её своей») заключается в преобразовании природы — вырубке лесов, создании полей, прокладке дорог, строительстве селений, храмов — осмыслении и закреплении происшедшего в определённых культурных формах и языке. Важнейшим результатом становится создание «своего» культурного ландшафта. Приспособление исходного ландшафта к требованиям хозяйства, его антропогенезация и окультуривание осуществляется при динамическом состоянии этноса [Гумилёв, 1994].

Третья сторона, становящаяся всё более актуальной в XXI веке, — сохранение, поддержание культурного ландшафта, его региональных и локальных традиционных форм как существенных пространственных проявлений национальной культуры, основы национальной, региональной и местной идентичности.

Итак, **предметом этнокультурного ландшафтоведения является этнокультурное освоение ландшафтов Земли**, включая вопросы отражения природных ландшафтов Земли в культуре, развития культурных ландшафтов Земли и освоения ландшафтных диалектов Земли.

Объектом этнокультурного ландшафтоведения является культурный ландшафт.

Под культурным ландшафтом понимается природно-социокультурный территориальный комплекс.

Подчеркнём, что при формулировке предмета и объекта этнокультурного ландшафтоведения применён принцип методологи-

ческого компромисса: в определении предмета указывается «**этнокультурное освоение**», а в определении объекта — «**социокультурный комплекс**». Этот методологический принцип применяется с целью удержания в культурно-ландшафтном исследовании двух основных начал любой культуры — этнического и надэтнического, или, согласно А.С. Герду, демогенетического [Герд, 2001]. Именно соотнесение этнокультурного и социокультурного аспектов при исследованиях культурного ландшафта позволяет получить наиболее полноценные результаты.

6.1.2. Основные понятия этнокультурного ландшафтоведения

Среди основных понятий этнокультурного ландшафтоведения — место, местное (локальное) сообщество, культурная традиция.

Место. Для места характерна нерасчленённость (целостность), ориентация на уникальность и историчность.

Продолжая мысль Аристотеля о том, что точка — то, что не имеет частей, можно утверждать, что место, с позиции этнокультурного ландшафтоведения, представляет собой **ландшафтную точку**. Соответственно под местом понимается такое пространственное образование, топология которого выстраивается, исходя из принципиального единства духовного и материального начал, целостности чувственного и рационального, нерасчленённости ядра и периферии.

Согласно М. Фасмеру, слово место происходит от слов метка, метить: methi на санскрите означает столб [Фасмер, 1986–1987]. Помимо столба среди культурных знаков-мет пространства в традиционных культурах используются камень, палка, или кол (отсюда — околица, то есть буквально: часть пространства, примыкающего к месту, обозначенному колом).

Помимо или вместо материальной метки место всегда обладает именной меткой, **именем**, отражающим его исторические, природные или функциональные особенности или связанным с определённым человеком (людьми).

Место всегда надделено **смыслами**, оно переживается человеком. Именно поэтому место во многих культурных традициях сводится к чувству места или духу места (genius loci), sence of place в английской традиции, Raumgefühl — в немецкой. Идея духа, или небесного покровителя, места в христианской традиции проявилась в разработке гербов городов, например, герба Москвы, на котором изображён Георгий Победоносец, пронзающий змея.

Место не менее топологично, чем территория, и за счёт своей нерасчленённости позволяет «удерживать» природные и куль-

турные процессы в их совокупности, что для этнокультурного ландшафтоведения принципиально важно. Понятие территории исходно не насыщено историко-культурной информацией: оно отражает отношения владения и собственности. В сравнении с понятием территории место экологично, «... место мыслится как потенциальное жилище, как то, что может вмещать человека, стать ему домом... территорию и район, в отличие от места, нельзя рассматривать как **дом человека**» [Костинский, 1992, выделено мной. — В.К.]. Вероятно, один из самых ярких образов дома как места создал А.С. Пушкин: «... любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам». В таком контексте место, как и человек, **уникально**.

В традиционных культурах человек находится внутри места, является его неотъемлемой частью, а граница места представляет собой внешнюю границу человека. [Костинский, 1992]. Тем самым место или совокупность мест представляют собой общественное тело человека, или тело общественного человека. Рефлексия места — почти всегда рефлексия человека, местного сообщества.

Места обладают своим языком, своими культурными кодами (ландшафтными диалектами), позволяющими относить их к тому или иному культурному ландшафту, — топонимическими, архитектурными, поведенческими и другими.

Культурный ландшафт всегда начинается с конкретного места, которое формирует зрительный облик, создаёт его устойчивый образ. В таком контексте ландшафт представляет собой предел места. С другой стороны, культурный ландшафт может быть замещён одним (обычно центральным) местом.

Физическая малость, с позиции традиционной картографии, отдельных мест, значимых в национальном или региональном контекстах, нередко ведёт к недостаточной информативности общегеографических карт. Проблема **полимасштабности** места связана с его глобальной или региональной значимостью, например, «маленький» Кремль и Красная площадь соизмеримы на культурной карте России с «большим» Байкалом и Сибирью (более подробно — раздел 3.2.).

Важный вопрос о соотношении понятий места и пространства решает классик американской культурной географии Й-Фу Туан: «Пространство абстрактно... оно широко, открыто и пусто, приглашая воображение наполнить его сущностью и иллюзией; пространство — это возможность и зовущее будущее. Место, напротив, — это прошлое и настоящее, стабильность и достижение... Главное следствие экологического движения и энергетического кризиса состоит в том, что пространство не более, чем подходя-

щий образ для нашей переполненной Земли, место же — её суть. Земля — это не только вместилище пространства, но и дом человека, и космический порядок вещей» [Туан, 1975, цит. по Рагулиной, 2004].

Другой аспект в соотношении места и пространства выделяет Г.Д. Костинский: «Место не располагается в заранее данном “физическом” пространстве, а создается, творится... С помощью мест-“засечек” мы видим и понимаем мир предметами, вещами, а сами вещи открываются через места. Местами человек размечает пространство» [Костинский, 1997].

Базовое понятие места обладает мощным терминологическим потенциалом, позволяя выстраивать целый ряд обеспечивающих терминов: местоположение, местообитание, месторазвитие, а также центральное место, функция места, образ места и другие [Калуцков, 1995 б]. Представление о политико-географическом месте относится к основным в современной политической географии [Колосов, Мироненко, 2001].

Местное сообщество. Другое базовое понятие этнокультурного ландшафтоведения — местное, или локальное, сообщество. Это понятие включает такие компоненты, как общность людей, социальное взаимодействие и чувство сообщества, или психологическое взаимодействие [Филиппов, Авдеева, Пенюгалова, 1996], а также «вмещающий» сообщество культурный ландшафт.

Под местным сообществом понимается общность людей, осознающая себя как целое и неразрывно связанная с определённым культурным ландшафтом.

Общность людей может быть исторической, этнокультурной, социокультурной (соседской, профессиональной, возрастной и др.).

Социальное взаимодействие — важный фактор бытия местного сообщества. Оно проявляется в соседских отношениях, общих правилах и нормах поведения, во взаимосвязи в производственной деятельности; так, в молодых городах и посёлках России производственный фактор является важнейшим для формирования сообщества, а в исторических городах и регионах, напротив, его значение минимально.

Чувство сообщества реализуется через общность ценностей, чувство принадлежности, сопричастности к событиям в сообществе, ответственности перед ним. Другой аспект связан с идентификацией и самоидентификацией сообщества по принципу «свой — чужие».

Местное сообщество всегда соотнесено с определённым местом, «прикреплено» к определённому месту. Культурный ландшафт (родной край, город, посёлок, деревня) играет большую роль в формировании и функционировании местных сообществ.

В обычной ситуации культурный ландшафт постоянно «присутствует» в жизни сообщества в виде «особой» местной истории, оригинальной топонимики, «своих» пейзажей, системы устойчивых топофобных и топофильных внутренних мест, а также в виде атрибутики органов местного самоуправления (флаг, герб, гимн), названий местных СМИ, магазинов и кинотеатров и т.д. [Бочкарева, Калуцков, Воропаев, Украинцева, 1996, 1997].

В кризисных ситуациях любовь к «своему» ландшафту проявляется в возникновении экологических движений, в стремлении сохранить его наиболее значимые символы.

Вопрос о значении границы пространства (по сути — культурного ландшафта) ставил ещё Платон. По-гречески *chora*, есть то «единственное ограниченное пространство, предназначенное для данного народа, бога, рода людей или вещей, где они могут рождаться и развиваться сообразно своей природе, и стоит им лишь переступить границу, как они перестанут быть собой» [Бородай, 1984].

Этот момент неразрывности местного сообщества и конкретного культурного ландшафта нашёл отражение в англоязычной концепции *local*, термина, который вошёл в русскую географию в форме локейла [Рагулина, 2004].

Культурная традиция. В географии проблематика традиции (культурной, пространственной, территориальной) редко является предметом обсуждения. При обсуждении структуры культурного ландшафта традиция соотносится с инновацией [Веденин, 1997]. В качестве примеров инновационных и традиционных культурных ландшафтов приводятся соответственно городские и сельские.

В этнографии и фольклористике традиция рассматривается как важнейший механизм передачи культуры, человеческого (этнического, социального, профессионального) опыта. При этом проблема соотношения традиции и новации рассматривается в другом аспекте: «Новация может иметь значение в истории культуры, только если она войдет в традицию, включится в её контекст, войдёт в её состав и структуру как новая группа стереотипов. Иначе говоря..., новация может существовать только как инновация, то есть когда она уже втянута в традицию, адаптирована ею, функционирует в её составе. Поэтому следует признать, что упрощённое противопоставление традиции и новации теоретически не обосновано, оно связано с непониманием механизма традиции» [Чистов, 1986].

Применительно к культуре вообще и народной культуре в частности традиция всегда связана с определённой устойчивостью,

преемственностью. Однако это не обязательно связано с архаичностью традиции.

На формирование представлений о традиционном культурном ландшафте в последние годы сильное воздействие оказывают СМИ и Интернет. К примеру, в современном российском общественном мнении существуют целые регионы, такие, как Русский Север, которые «обречены» быть традиционными.

Возможно выделение визуальных аспектов традиционных культурных форм (архитектурных, планировочных, хозяйственных, поведенческих, бытовых и др.), первое знакомство с которыми нередко создаёт образ культурного ландшафта, дополняемый впоследствии фольклорными и языковыми аспектами.

Очевидно, что все культурные традиции имеют пространственное измерение — локальное, региональное, национальное. Одна из интересных проблем — проблема «выращивания» локальной культурной традиции до региональной и национальной традиции. Так, былинная традиция, характерная в XIX веке лишь для отдельных районов Русского Севера, уже в начале XX века была воспринята как национальная благодаря деятельности исследователей-фольклористов.

В последние годы в ситуации глобализации этнокультурные традиции разных народов и регионов (духовные, социальные, хозяйственные) часто интерпретируются как экологические [Экологические традиции..., 1992]. В этом смысле границы традиционных культурных ландшафтов должны восприниматься как границы разных локальных или региональных культурных традиций.

6.2. ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТОВЕДЕНИЯ

В соответствии с разработанной структурой предмета этнокультурного ландшафтоведения формируются ядерное и три линейных, или центробежных, исследовательских направления, каждое из которых связано с одной стороной предмета (рис. 24).

Вопросы отражения природных ландшафтов Земли в культуре реализуются в рамках этноприродно-ландшафтного направления, вопросы развития культурных ландшафтов Земли решаются антропокультурным направлением, а вопросы, связанные с ландшафтными диалектами Земли, разрабатываются в рамках

ландшафтно-языкового направления. Линейные направления представляют собой внешнюю оболочку этнокультурного ландшафтоведения, через которую оно осуществляет взаимодействие с другими науками.

Рис. 24. Соотношение предмета и основных научных направлений этнокультурного ландшафтоведения.

Помимо линейных направлений выделяется центростремительное направление, позволяющее «удерживать» целостность всей науки, — учение о культурном ландшафте, или теория и методология культурного ландшафта (рис. 24).

В качестве основания разделения линейных направлений использована разработка Ю.А. Веденина по предметно-функциональному разделению культурного ландшафта на ментифакты, социофакты и артефакты [Веденин, 1997].

6.2.1. Учение о культурном ландшафте

Учение о культурном ландшафте разрабатывает вопросы теории, методологии и истории культурного ландшафта.

Среди важнейших научных проблем — разработка теории культурного ландшафта. Кроме того, в круг интересов учения о культурном ландшафте включены вопросы истории формирования культурных ландшафтов как природно-культурных территориальных комплексов, их регионально-зональных и этнокультурных особенностей, тенденций изменения и условий сохранения.

Особо выделяется актуальная проблематика репрезентации и интерпретации культурного ландшафта.

У этнокультурного ландшафтоведения много общих вопросов со страноведением, регионалистикой, градоведением. К таким вопросам, например, относятся: классификация и типология, методы теоретических и полевых исследований.

Этнокультурное ландшафтоведение и страноведение «пересекаются» в плане подходов, исследовательских методов [Мироненко, 2001, Колосов, Мироненко, 2001]. В обоих случаях понятие места является одним из базовых. Этнокультурное ландшафтоведение, так же как и культурно-образное страноведение, сориентировано на выявление образов стран, регионов, городов. Общим и, на наш взгляд, продуктивным исследовательским полем является проблематика «традиция — инновация». Различие заключается в методах работы: в этноландшафтном исследовании важным является привлечение материалов этнографических, фольклористических, языковых, шире — антропологических исследований.

Для страноведческого исследования может оказаться полезным опыт полевого культурно-ландшафтного исследования, погружения в культуру места, исследование «внутреннего» культурного ландшафта. Исследование территориальных культурных кодов позволит по-новому понять некоторые социально- и экономико-географические закономерности. В разработке образа и репрезентации стран важно привлечение материалов художественного творчества — живописи, поэзии, прозы. Тем более что богатый западный опыт исследования культурных ландшафтов активно осваивается восточно-европейскими географами [Urbanc and other, 2004].

6.2.2. Этноприродное ландшафтоведение

Этноприродное ландшафтоведение исследует народный **опыт адаптации к природе определённой территории** — страны, региона, местности. Этот опыт реализуется в системе материальных проявлений культуры, или **ландшафтных артефактов**, синтезирующих физические взаимодействия между конкретной культурной традицией и окружающей местной природой, и **ландшафтных физиофактов**, то есть природных объектов и урочищ, ставших в результате освоения органичной частью культурной традиции.

В качестве артефактов, опосредующих связь человеческих сообществ с природой, могут выступать традиционные технологии, орудия труда, жилище, одежда и т.д.

Совокупность ландшафтных артефактов и физиофактов формирует «внешний» культурный ландшафт, о котором говорится в разделе 2.1.

Это направление демонстрирует связь этнокультурного ландшафтоведения с природным ландшафтоведением, науками фи-

зико-географического круга. Природные ландшафты через геологические, климатические, гидрологические, почвенные и биологические условия оказывают сильное давление на традиционные этнические сообщества, особенно если этническая группа до своего переселения обитала в существенно других природных условиях.

Этноприродное ландшафтоведение имеет значительные зоны пересечения интересов с этнической экологией, этномедициной, этнометеорологией, этноботаникой, этнозоологией [Народные знания..., 1991, Этнография и смежные дисциплины..., 1988].

6.2.3. Антрополандшафтоведение

Антрополандшафтоведение исследует **социальные (общественные) взаимодействия, опосредованные культурным ландшафтом**. В качестве продуктов таких взаимодействий выступают **ландшафтные социофакты и ландшафтные ментифакты**.

Ландшафтные ментифакты формируются наиболее устойчивыми элементами культуры — религией, фольклором, языком. Ландшафтные ментифакты представляют собой каркас культурного ландшафта (сакральная система, ономастическая система, мифологическая система) и определяют его устойчивость.

Подчеркнём, что совокупность ландшафтных социофактов и ландшафтных ментифактов формирует «внутренний» культурный ландшафт (раздел 2.1).

Социальная пространственная (социопропространственная) организация культурного ландшафта имеет свои особенности и нередко не совпадает с его территориальной организацией. В таком контексте наиболее интересные исследовательские темы — ландшафтные топофобия и топофилия в разных культурах, сакральные центры в традиционном культурном ландшафте, общественные центры в культурных ландшафтах, эскапизм маргинальных групп в городском ландшафте и другие.

Антрополандшафтоведение взаимодействует с науками социально-экономического и культурологического круга.

6.2.4. Лингволандшафтоведение

Лингволандшафтоведение изучает **ландшафтные диалекты, или территориальные культурные коды**, которые могут быть проинтерпретированы как **система ландшафтных природных и культурных фактов** — физиофактов, артефактов, социофактов, ментифактов.

Важную роль для лингволандшафтных работ играют топонимические и, шире, ономастические изыскания, которые являются «поставщиком» словесно-терминологического материала для лингволандшафтоведения. К примеру, в процессе ономастического исследования определённого культурного ландшафта формируется круг народных географических терминов, обозначающих гидрологические элементы ландшафта. В совокупности они образуют «слова» этногидрологического, или ландшафтно-гидрологического языка этого региона. Их «прочтением», или ландшафтной (физико-географической, этнической, языковой) интерпретацией, и занимается лингволандшафтоведение.

Подобно культурным ландшафтам, ландшафтные диалекты могут быть выстроены иерархически [Толстой, 1995]. Соответственно, в зависимости от территориального охвата, могут быть выделены диалекты, регионолекты, локолекты и т.д.

Адаптация и культурное освоение природы хорошо проявляется в этноприродных ландшафтных диалектах — этногидрологических, этноботанических, этнопочвенных и т.д.

С другой стороны, можно выделить этнокультурные ландшафтные диалекты: архитектурные, хозяйственные, фольклорные, поведенческие, языки восприятия.

Лингволандшафтоведению присущ когнитивный аспект, который может быть исследован с привлечением подходов когнитивной географии [Замятина, 1998, 2002]. Данный аспект связан с изучением протонаучного этнического опыта осмысления процесса освоения «своего» культурного ландшафта, опыта, который проявляется в этнических и этнорегиональных системах народных географических терминов, этнических классификациях «стоящих» за ними объектов, организмов, мест (территорий) и их народных интерпретаций.

Лингволандшафтные исследования обладают значительным прикладным потенциалом. Образцом для подражания в этом вопросе является деятельность В.В. Докучаева, который ввёл в научный оборот такие исходно народные термины, как чернозём, подзол, глей и другие, придав им новое научное содержание. Известна подвижническая деятельность Э.Б. Мурзаева, сумевшего систематизировать огромный свод народных географических терминов СССР [Мурзаев, 1984]. Менее известно, что создатель московской ландшафтной школы Н.А. Солнцев собрал картотеку, состоящую из нескольких тысяч русских народных терминов [Солнцев, 2001 а]. Эта огромная подготовительная работа была выполнена исследователем для решения грандиозной научной задачи по ком-

пактной номинации (на основе народных терминов) всех типичных природных территориальных комплексов страны.

Лингволандшафтоведение имеет значительные зоны пересечения интересов с ономастикой, топонимикой, лингвогеографией, этнолингвистикой.

В заключение главы подчеркнём, что выделение основных исследовательских направлений этнокультурного ландшафтоведения выполнено системно, в соответствии с методологической схемой предмета.

Глава 7

РУССКИЙ СЕВЕР: ДЕЛИМИТАЦИЯ, КОМПЛЕКСНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

Часть 2

МОДЕЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНО-ЛАНДШАФТНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОГО СЕВЕРА

Русскому Северу, как и любой другой, отдаленной области, свойственна высокая степень культурно-ландшафтной специфики (С.А. Вершинин, «Русский Север...», 1989). Притягательность Севера со стороны разных исследователей — географов, лингвистов, языковедов, топонимистов, этнографов, историков — обусловлена не только естественной и исторической необходимостью удовлетворения научными и человеческими интересами к Русскому Северу и последние десятилетия принял масштабы научного диалогичества. Эта притягательность явилась, вероятно, одной из главных причин того, что ныне Русский Север представляет собой макро-региональный культурный ландшафт России, которому посвящено едва ли не самое большое число научных исследований.

7.1. РУССКИЙ СЕВЕР КАК РЕГИОНАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ

За двухвековую историю изучения региона гуманитарная наука способствовала сначала выявлению и исследованию региональных символов, а затем их «переносу» на национальный уровень. В результате среди общероссийских культурных образов и символов сформировался мощный культурный плакат «северного происхождения»: «ти образуют хранители «старой веры» (протопои Аввакум), безвестные народные водичи и лебодоводы, хранители фольклорных традиций — былинные воины и сказители, воцарившиеся новгородские ушачники (Блаженный Буслаев), твердые духом поморы и мужественные земледельцы.

Нельзя не согласиться с Т.А. Вершининым в том, что Русский Север сыграл выдающуюся роль в становлении национального са-

Часть 2

МОДЕЛИРЕНИЕ
ВЛТУРНО-ВАНДШАФТИКЕ
НССВЕДОВАНИИ
РУССКОГО СЕРБА

Глава 7

РУССКИЙ СЕВЕР: ДЕЛИМИТАЦИЯ, КОМПЛЕКСНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

Русскому Северу посвящены сотни книг и статей, опубликован объёмный двухтомный библиографический справочник [Русский Север..., 1989]. Научное внимание региону уделялось со стороны разных исследователей-гуманитариев — историков, языковедов, топонимистов, искусствоведов, архитекторов, специалистов по народным промыслам, этнографов, фольклористов. Массовый неослабевающий научный и человеческий интерес к Русскому Северу в последние десятилетия принял масштабы научного паломничества. Эта притягательность явилась, вероятно, одной из главных причин того, что ныне Русский Север представляет собой макро-региональный культурный ландшафт России, которому посвящено едва ли не самое большое число научных исследований.

7.1. РУССКИЙ СЕВЕР КАК РЕГИОНАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ

За двухвековую историю изучения региона гуманитарная наука способствовала сначала выявлению и исследованию региональных символов, а затем их «переносу» на национальный уровень. В результате среди общерусских культурных образов и символов сформировался мощный культурный пласт «северного происхождения»; его образуют хранители «старой веры» (протопоп Аввакум), безвестные народные зодчие и иконописцы, хранители фольклорных традиций — былинные певцы и сказители, вольнолюбивые новгородские ушкуйники (Василий Буслаев), твёрдые духом поморы и мужественные землепроходцы.

Нельзя не согласиться с Т.А. Бернштам в том, что Русский Север сыграл выдающуюся роль в становлении национального самосознания [Бернштам, Чистов, 1992].

7.1.1. Образ Русского Севера

Помимо гуманитарных наук в формировании и визуализации образа Русского Севера огромную роль сыграли художники-пейзажисты. Среди выдающихся пейзажей, формирующих образ огромного края, выделяется картина И.И. Левитана «Над вечным покоем». Уместно привести слова С. Мамонтова, одного из движителей русского искусства: «Я не знаю, как выразить восторг, который охватывает мою душу при виде этого чудного во всех отношениях Севера. Эта ширь, этот свет, эта серьёзная радость, которая разлита во всё, приятно поднимает дух. Я делаюсь поэтом — таково влияние блестящего Севера» [Киселева, 1979, с. 104].

В начале XX века творческие поездки на Север осуществили К. Коровин, В. Серов, И. Грабарь, И. Билибин, А. Архипов, М. Нестеров, В. Верещагин и другие художники [Фельдт, 1999]. «Хорошо на Севере, спокойно, пахнет стариною, и люди здесь истые, крепкие», — писал В. Верещагин, сам уроженец Севера [Мунин, 1967]. Но наиболее лаконично и образно выразил свое видение Севера Н.К. Рерих: «Сказка о Севере глубока и пленительна. Северные ветры бодры и веселы. Северные реки серебристые. Серы камни в кручах чудесами полны» [Рерих, 1994, с. 14]. Эти размышления и чувства, этот мощный мифологический и поэтический образ воплотились в работах раннего Н.К. Рериха, серии картин о северной деревне А.Е. Архипова, в пейзажах других живописцев (например, рис. 25).

Рис. 25. Васнецов А.М. Кама. Середина 1895 г.

Тем самым, благодаря живописному и научному творчеству, регион стал одним из самых значимых **культурно-символических центров страны**. Его образ ясен, мощен, устойчив. Ландшафтовед-феноменолог В.Л. Каганский рассматривает Север не только как ландшафт-символ, но и как ландшафт-семантофор, носитель смыслов, актуальных для всех жителей Земли [Каганский, 2001].

7.1.2. Комплексная культурно-ландшафтная характеристика региона (по материалам гуманитарных исследований)

На основе концепции культурного ландшафта и концепции комплексных географических характеристик была разработана система критериев — ландшафтных, управленческих и наследия (табл. 11). Эта система была использована при анализе результатов комплексных гуманитарных исследований, выполненных представителями разных наук и охватывающих Русский Север в целом — как территорию или как культурный комплекс. В результате анализа удалось выявить наиболее типичные научно обоснованные комплексные географические характеристики региона (табл. 11).

1. Удалённость, крайнее положение. Эта ландшафтная характеристика относится к одной из важнейших [Березович, 2000; Колесников, 1976; Ополовников, 1977]. Многие другие критерии прямо или косвенно связаны с крайностью Севера, удалённостью от столиц. К ним относятся отсутствие крепостного права, слабая освоенность, важная роль природы, исключительная роль традиционной народной культуры и другие. С этим же, очевидно, связана хорошая сохранность материала (артефактов, ментифактов и социофактов), что значительно облегчает проведение гуманитарных и культурно-географических исследований.

2. Отсутствие крепостного права, отсутствие помещичьих земельладений [Богословский, 1909; Ополовников, 1977; Ружников, 1996; Русский Север, 2001]. Периферийность местоположения Русского Севера относительно московского центра, вероятно, стала важнейшей причиной его «освобождения» от боярского землевладения в конце XV века и переводе подавляющей части северных крестьян в чёрные, или государственные. Трудно переоценить это государственное решение и его многоплановые последствия, но, главное, это позволило сохранить у северян новгородский дух свободолобия, достоинства, инициативы. Во всяком случае, без государственного освобождения от новгородского боярства Русский

Север как значимый культурно-географический регион вряд ли бы состоялся. Среди других характеристик региона — развитое местное самоуправление [Богословский, 1909], высокий уровень грамотности северян [Ружников, 1996; Русский Север, 2001]. Развитое местное самоуправление в начале XX века ещё застал М.М. Богословский, а советские исследователи-гуманитарии его уже не отметили, хотя именно с ним связан целый ряд значимых культурно-ландшафтных последствий.

3. Большинство исследователей отмечают суровые природные условия и важную роль природы в хозяйственной жизни региона. Историк П.А. Колесников использует для этого географический показатель — состав природных зон Русского Севера (тайга, лесотундра, тундра). Е.Л. Березович фиксирует связь природы и хозяйственной жизни, а А.В. Ружников обращает внимание на важную роль рек в жизни северян [Колесников, 1976; Березович, 2000; Ружников, 1996].

4. Севернорусский жилищный комплекс, народное деревянное зодчество наиболее часто встречаются среди селитебных и архитектурных характеристик севернорусского культурного ландшафта [Ополовников, 1977; Путилов, Чистов, 1973; Ружников, 1996]. Северный дом-корабль, непременно с конём на охлупне и с узорчатыми полотенцами на фронтоне (фото 3), а также «построенный без единого гвоздя» шатровый храм — вот образы, задающие визуальный ряд Русского Севера. Сама система традиционного расселения носит дисперсный характер с малым количеством городов и, как правило, значительной удалённостью деревень (точнее кустов деревень) друг от друга [Калуцков, 2000]. В этом аспекте образ Русского Севера — это образ удалённой деревни, расположенной на краю Ойкумены, причём деревни, удалённой не только от столичных центров, но и от соседней деревни.

Севернорусский жилищный комплекс характеризуют большие размеры и высокий подклет самого дома, единый комплекс жилья и хозяйственных построек под одной крышей, двускатная тесовая крыша, положение самого дома по отношению к улице торцовой стороной.

В отличие от севернорусского среднерусский жилищный комплекс отличают меньший размер самих изб и менее высокий подклет дома, тесовое и соломенное покрытие двускатной крыши, но дворовые постройки не составляют с домом одного целого. Здесь, как и на Севере, типичной является торцовая ориентация дома относительно улицы [Русские..., 1970]. Южнорусский комплекс представлен низкими рублеными избами под четырёхскатными крышами, покрытыми соломой. Дома вытянуты вдоль ули-

цы длинной стороной. Хозяйственные постройки расположены сзади дома, образуя с ним замкнутый двор. В некоторых южных районах дома обмазывали глиной и белили [Русские..., 1970].

Фото 3. Дом-пятистенки (Пинежский район). Фото В.Н. Калущкова, 2004 г.

5. Слабая освоенность территории и комплексный тип самого крестьянского хозяйства, сочетающего сельскохозяйственную и промысловую деятельность, — вот наиболее заметные хозяйственные характеристики региона (табл. 11). Е.Л. Березович обращает внимание на цикличность в освоении территории, связанную с территориальной экстенсивностью и экологичностью севернорусского крестьянского хозяйства, учитывающую неустойчивость северной природы [Березович, 2000]. С позиции московского центра эта характеристика может неточно восприниматься как слабая освоенность территории.

6. Применительно к региону этнические характеристики исследователями используются нечасто (табл. 11). Вероятно, это связано с высокой значимостью Русского Севера в русской культуре и его очевидной «русскостью». Между тем, регион сохраняет в себе черты полиэтничности при ведущей роли севернорусской традиционной культуры [Русский Север, 2001].

7. Окающие говоры и «поющие» (цокающие) севернорусские диалекты — отличительные языковые черты региона, зафиксированные в многочисленных трудах диалектологов и лингвистов (табл. 11). При этом финно-угорские следы активно сохраняются не только в разговорном языке, но и в топонимии (особенно в гидронимии) региона.

8. Среди ландшафтных характеристик духовной культуры Русского Севера — старообрядчество, ещё в недавнем прошлом широко распространённое по всей территории, народное православие. Именно со старообрядчеством связана высокая грамотность северного населения в дореволюционное время. Удалённость, огромные расстояния и контакт с языческими финно-угорскими этносами привели к формированию специфической формы православия — народного православия [Калуцков, Иванова, Давыдова и др., 1998]. Оно проявляется в широком распространении часовен, обетных крестов, природных святых мест — источников, деревьев и даже камней.

9. Большинство исследователей севернорусской культуры отмечают сохранность «своего» культурного материала, поддержание культурных традиций, архаичность самой традиционной культуры региона. По некоторым направлениям исследований собраны уникальные базы данных; такова, например, собранная за полвека систематических полевых обследований база данных севернорусской топонимии Топонимической экспедиции Уральского государственного университета [Березович, 2000].

7.1.3. Определение границ регионального культурного ландшафта

Проблема границ региона решается по-разному, иногда оригинально. К примеру, известный историк Севера П.А. Колесников задаёт его границы, используя ... стихи [Колесников, 1976]:

Здравствуй, батюшка наш Север!

Ты гостей, конечно, ждал.

И выходишь к нам навстречу,

Развернув огромно плечи

От железного Урала

До гранитных финских скал.

Из стихотворения явствует, что восточная граница Русского Севера определяется Уралом, а западная — Карелией.

Другой подход предлагает крупный специалист по топонимике Русского Севера А.К. Матвеев. Он приводит карту исследуемой территории, на которой граница карты одновременно является границей региона [Матвеев, 2004].

Третий подход — через разработку комплексных критериев севернорусской культуры — демонстрируют известные специалисты по русской народной культуре фольклорист Б.Н. Путилов и этнограф К.В. Чистов. Русский Север — это «территория, на которой распространён комплекс севернорусской бытовой культуры, по своей географической конфигурации весьма сходная с зоной севернорусских диалектов» [Путилов, Чистов, 1973]. Методологическая проблема, которую авторы не разрешили, заключается в том, что при таком подходе не ясно, что же понимается под Русским Севером — тип культурного ландшафта или культурно-ландшафтный регион? Кроме того, авторы не приводят картографического изображения, отсылая к историко-этнографическому атласу «Русские» [Русские, 1967]. Но в атласе отсутствуют карта севернорусской бытовой культуры и карта севернорусских диалектов. Наиболее близка к теме карта комплексов жилищ атласа (автор — О.А. Ганцкая).

При территориальной делимитации Русского Севера как культурно-ландшафтного региона нами были использованы такие критерии, как этнический (ареал расселения этноса), архитектурный (зона распространения севернорусского жилищного комплекса), языковой (ареал распространения севернорусского наречия).

Границы региона проведены с помощью упомянутой карты распространения комплексов жилищ, на которой демонстрируются региональные типы русского традиционного жилищного комплекса (по ситуации на середину XIX века) [Русские, 1967], и диалектологической карты русского языка [Русская диалектология, 1989]. Обе карты составлены по результатам многолетних площадных исследований и отражают ситуацию расцвета традиционной (крестьянской) культуры в стране. Вне сомнения, массовые переселения, индустриализация сильно изменили многие компоненты традиционной культуры России. Но при этом некоторые базовые элементы традиционной культуры сохраняются, что необходимо учитывать при исследовании культурных ландшафтов.

Наиболее устойчивы западная и восточная границы Русского Севера. Они совпадают с этническими границами: на западе — с русско-карельской, на востоке — с коми-русской (рис. 26). Не вызывает трудностей проведение северной границы региона, которая определяется конфигурацией побережий Белого и Баренцева морей.

Таблица 11

Комплексные географические характеристики Русского Севера

Критерии		Авторы			
		М.М.Богословский, историк [Богословский, 1909]	Д.К.Зеленин, фольклорист-этнограф [Зеленин, 1991]	А.В.Путилов, К.В.Чистов, фольклорист, этнограф [Путилов, Чистов, 1973]	П.А.Колесников, историк [Колесников, 1976]
1	Местоположение				Удалённость
2	Управленческие (правовые, образовательные, экономические, финансовые)	Отсутствие помещичьих земельных владений*, развитое местное самоуправление			
3	Природные				Суровые географические условия
4	Селитебные и архитектурные	Малое количество городов, тесная связь северного города с северным уездом		Севернорусский жилищный комплекс	
5	Хозяйственные	Слабая освоенность			
6	Этнические			Районы, заселённые преимущественно русскими	
7	Языковые	Финно-угорская топонимия	Окающие говоры	Северно-русские диалекты	
8	Духовные	Массовые предания о «чуди»			
9	Характеристики наследия				Сохранность традиционной культуры

Продолжение табл. 11

	Авторы				
	А.В.Ополовников, историк-этнограф [Ополовников, 1977]	А.В.Ружников, историк [Ружников, 1996]	Е.Л.Березович, этнолингвист-топонимист [Березович, 2000]	И.В.Власова, 2001, этнограф [Русский Север..., 2001]	А.К.Матвеев, топонимист [Матвеев, 2001]
1	Окраинное положение		Окраинное положение		
2	Отсутствие крепостного права	Отсутствие крепостного права, относительная свобода населения, высокий уровень грамотности , денежная форма государственных налогов	Отсутствие помещичьего землевладения	Отсутствие крепостного права, высокий уровень грамотности	Государственное и монастырское землевладение, отсутствие татарского ига
3	Суровая природа	Суровые природно-климатические условия, особая роль рек	Большая роль природы в хозяйственной жизни		
4	Народное деревянное зодчество	Общие черты деревянного зодчества, и особенно жилища			
5	Традиционный уклад жизни	Многоотраслевой тип крестьянского хозяйства, общие черты технологии судостроения	Слабая освоенность, цикличность процессов освоения, сочетание земледельческой и промышленной деятельности		
6				Полиэтничность при преобладающей роли русского населения	Преобладание русского населения
7					Финно-угорская субстратная топонимия
8	Старообрядчество, «дух свободолюбия»	Специфика местного народного православия			
9	Поддержание культурных традиций (язык, фольклор, архитектура)	Сохранность славянских и финно-угорских элементов язычества	Хорошая сохранность топонимического материала, полнота сбора топонимического материала		«Музей русской архаики»

* Жирным шрифтом выделены наиболее часто повторяющиеся характеристики.

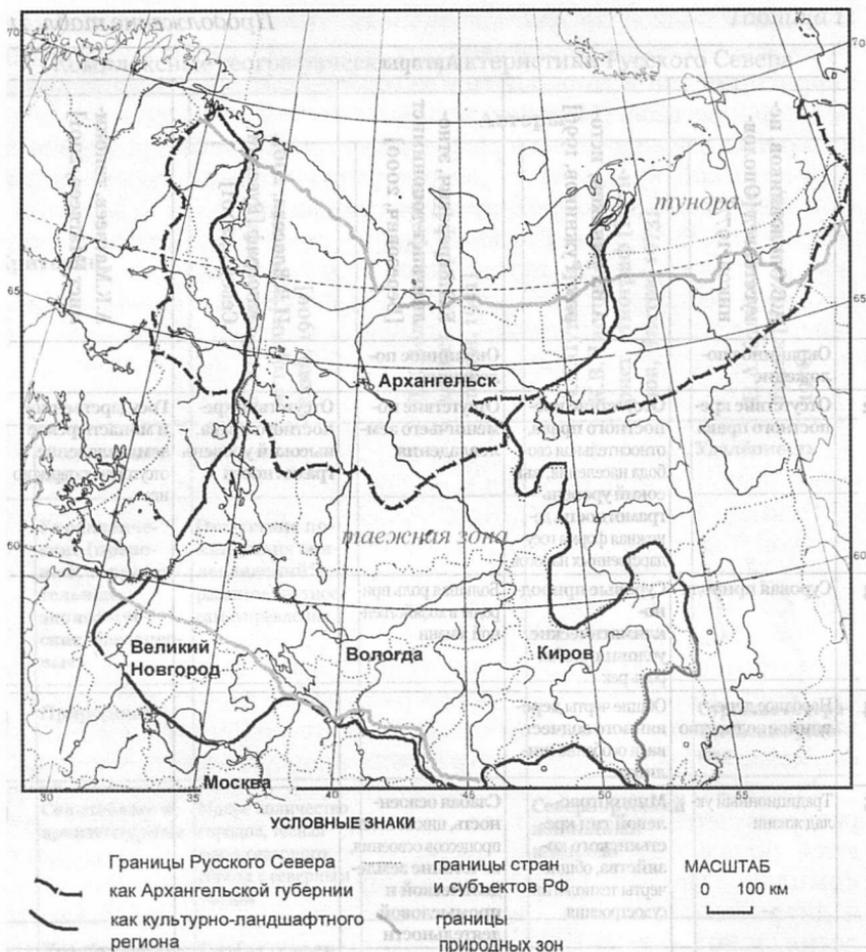

Рис. 26. Границы Русского Севера.

Наиболее проблемной, требующей дальнейших изысканий, представляется южная граница региона. Она определена нами по южной границе распространения севернорусского жилищного комплекса и по южной границе распространения севернорусского наречия. На местности она охватывает территории левобережного Заволжья от Нижнего Новгорода до Костромы и Ярославля и далее по линии Бежецк — Боровичи — Великий Новгород (рис. 26).

На основе карты распространения жилищных комплексов хорошо выделяются срединная и переходная зона Русского Севера. Первая включает территории, на которых распространён только

севернорусский жилищный комплекс, а её южная граница соотносится с южной границей Архангельской области (рис. 26). В пределах срединной зоны Русского Севера в наиболее полной степени развита севернорусская традиционная культура.

К переходной зоне относятся территории, на которых севернорусский жилищный комплекс сочетается с другим, среднерусским или западнорусским. Переходная зона Русского Севера является таковой не только в силу пограничного макрогеографического положения, но и по причине большей размытости в её пределах традиционной культуры, что связано с её большей близостью к Москве и Санкт-Петербургу.

7.2. ВЕКОВЫЕ ЦИКЛЫ И ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РУССКОГО СЕВЕРА

7.2.1. Проблема времени в этнокультурном ландшафтоведении

В сравнении с классическим ландшафтоведением, в этнокультурном ландшафтоведении вопросы времени — динамики, эволюции, развития — менее разработаны.

Применительно к ситуации США классик американской ландшафтной географии К. Зауэр выделял разные временные состояния американского культурного ландшафта — индейский ландшафт, пионерный ландшафт, фермерский ландшафт [Sauer, 1974]. Некоторые из российских географов активно исследуют советский культурный ландшафт, который можно рассматривать как один из временных срезов современного российского культурного ландшафта [Каганский, 2001, Колбовский, 2004]. Постсоветское состояние российского культурного ландшафта и процессы его запустения стали предметом специального рассмотрения [Исаченко, 2003].

В рамках этнолингвистики успешно разрабатывается понятие историко-культурной зоны [Герд, 1995]. Под историко-культурной зоной (ИКЗ) понимается ареальное единство, которое выделяется по данным археологии, этнографии, антропологии, языкознания, истории, геологии, палеогеографии, географии и других дисциплин [Герд, 2001]. ИКЗ фиксирует вековые пространственно устойчивые состояния культурных систем.

Понятие регионального культурного ландшафта соотносится с понятием историко-культурной зоны. Различия заключаются

в исследовательских акцентах. В этнолингвистике при выделении ИКЗ важен принцип историчности. А в этнокультурном ландшафтоведении при исследовании вековых изменений культурных ландшафтов значим принцип актуализма. Его сущность заключается в абсолютизации последнего временного состояния культурного ландшафта и в рассмотрении всех других состояний с позиции современности.

По причине абсолютизации последнего (современного) состояния культурного ландшафта возникает ещё одно различие: преобладание этнокультурной интерпретации ландшафта над поликультурной интерпретацией.

Кроме того, культурный ландшафт задаётся через пространственные отношения с другими культурными ландшафтами, что для историко-культурной зоны не обязательно. Можно утверждать, что историко-культурная зона — это региональный культурный ландшафт, рассматриваемый с позиции культурной географии.

Надэтническая, или демогенетическая, историко-культурная зона состоит из определённых временных этноисторических слов — историко-культурных типов, каждый из которых связан с культурным вкладом определённого этноса [Герд, 2001]. Каждый историко-культурный тип представляет собой вековое состояние регионального культурного ландшафта.

Но как различить качественно новое вековое состояние культурного ландшафта? Какие для этого можно предложить критерии, индикаторы? И, наконец, учитывая ситуацию глобализации, какова роль науки, массовых научных исследований в формировании и поддержании новых состояний рассматриваемого нами регионального культурного ландшафта?

При исследовании вековой динамики Русского Севера результативной оказалась концепция культурного ландшафта [Калуцков, Иванова, Давыдова, 1998, Калуцков, 2000]. Была также использована перспективная концепция комплексных географических характеристик [Митин, 2004]. Пространственная аналитика осуществлялась с использованием культурно-ландшафтной пространственно-статусной схемы «Центр — Провинция — Периферия — Граница» [Каганский, 2001].

В силу неоднородности само вековое состояние культурного ландшафта можно представить в виде **векового цикла**. Внутри каждого состояния, или цикла, выделяются четыре фазы — фаза зарождения, фаза роста, фаза стабилизации и фаза окончания цикла, перехода к следующему качественному состоянию.

Индикаторами качественного изменения региональной ситуации могут выступать этнические и языковые признаки, измене-

ние природного ландшафта (его антропогенезация или, напротив, запустение), сдвиги хозяйственного уклада, изменение типа архитектуры, смена духовных традиций регионального сообщества. При выделении нового состояния ландшафта не будем сбрасывать со счетов интуицию исследователя, глубину понимания им региональных процессов. В качестве основных **индикаторов** смены одного цикла другим, или нового векового состояния регионального культурного ландшафта рассматриваются:

- изменение пространственного статуса региона,
- изменение (сужение, расширение) региональной территории,
- смена регионального топонима или этникона¹ (этнонима),
- несоответствие топонима и этникона.

На основании имеющихся материалов и в соответствии с принятыми основными индикаторами векового состояния выделяются **3 вековых цикла Русского Севера — заволоцкий, поморский и севернорусский**. Эти циклы можно также рассматривать как вековые качественно различные состояния макро-регионального культурного ландшафта Русского Севера [Калуцков, 2005].

Чтобы оценить изменение пространственной организации региона для каждого из этих состояний осуществлялось культурно-ландшафтное районирование. При районировании использовались возможности бассейнового, идентификационного и административно-территориального подходов.

7.2.2. Заволоцкий цикл Русского Севера

Заволочье и его культурные индикаторы. Начало заволоцкого, или «чудского», цикла Русского Севера относится к VIII–IX векам. В этот период в результате движения новгородцев в Приладожье и дальше на северо-восток и их контактов с финно-угорскими племенами формируется этноним *заволочская чудь* [Бернштам, 1973]. *Заволочская чудь* представляла собой собирательный этноним, обозначающий все иноэтничные, «чудские» племена Севера, «сидящие» за волоками. Этноним породил новгородоцентричный топоним *Заволочье*.

Крупный ландшафтный регион *Заволочье* располагался на северо-восточной культурно-управленческой периферии Великого Новгорода. К нему относились земли, расположенные за волоками в бассейнах рек Онеги и Северной Двины. В пространственном

¹ Под этниконом понимается название (и самоназвание) регионального или локального сообщества, в явном виде не имеющее этнического компонента, например, сибиряки, поморы, москвичи.

плане топоним *Заволочье* очень точен: его удерживают три знаковых волока — Кенский, Красный и Славенский, расположенные на водоразделе Балтийского, Белого и Каспийского морей. Они и задают западную (природную — по водоразделу) границу культурного ландшафта Заволочья (рис. 27).

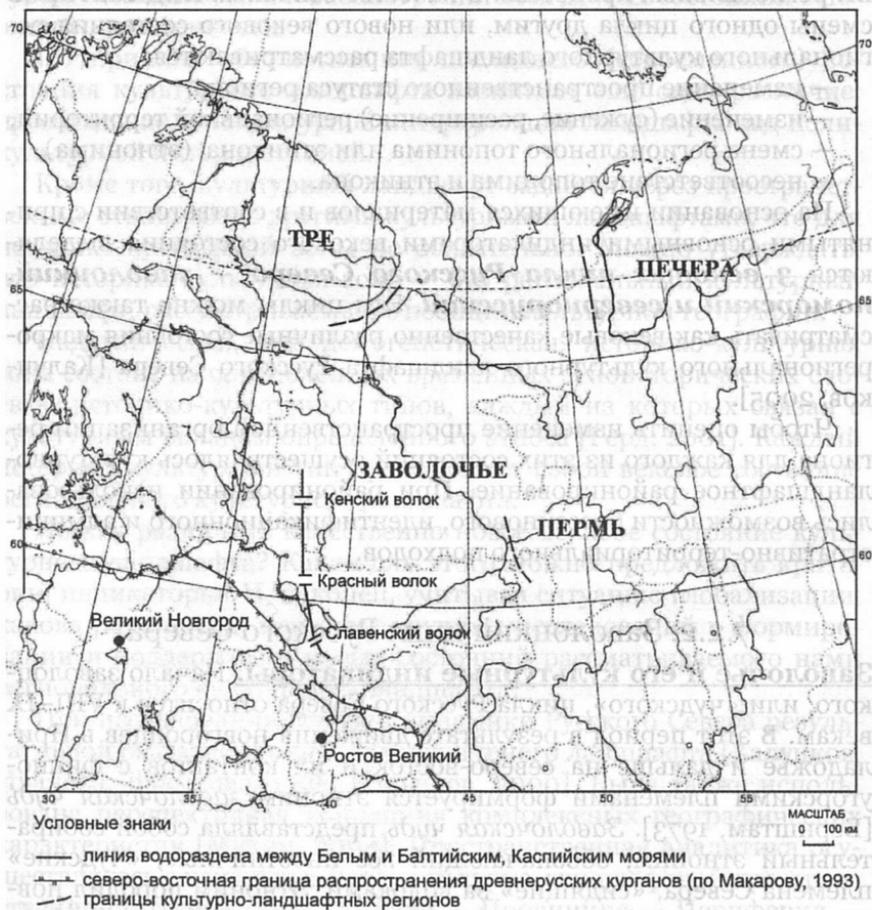

Рис. 27. Заволочье в XI–XIII веках.

Западная культурная (археологическая) граница проходит западнее водораздела и определяется зоной распространения древнерусских курганов [Макаров, 1993]. Северная и восточная границы региона размыты, их локализация возможна только относительно других культурно-ландшафтных регионов того времени: Тре, Печеры, Перми (рис. 27).

В ходе хозяйственного освоения и продвижения новгородцев на север к XIV–XV вв. появляется топоним *Двинская земля*, при этом *Заволочье* и *Двинская земля* в новгородских летописях используются как синонимы [Богословский, 1909, Булатов, 1997]. Параллельно оформляется название (и, вероятно, самоназвание) *двинские бояре*, или *своеземцы*. Раздвоение регионального топонима и этникона представляет собой первый показатель дробления единого культурного пространства Заволочья. В процессе обживания начинает меняться этнокультурный характер регионального культурного ландшафта, он становится полиэтничным и билингвистичным, важнейшими этнокультурными компонентами которого становятся славянские (русские) и финно-угорские племена и языки.

Вторым крупным центром хозяйственного освоения края выступают «низовские» города — Ростов Великий, Ярославль, важную роль играет Белозерск; поток переселенцев с Волги особенно усиливается после ордынского нашествия. Даты основания городов новгородцами и низовцами отражают пространственную сдвигу геополитических и хозяйственных интересов страны от верховий северных рек к низовьям: в XII веке возникают Вологда и Тотьма, в XIII — Великий Устюг, в XIV — Холмогоры, а в начале XV века основывается Соловецкий монастырь. Тем самым уже в XV веке целиком удерживается Северная Двина как основная инфраструктура огромного края.

После завоевания Новгорода и присоединения его владений в конце XV века Москва начинает выстраивать свою топонимическую картину мира. В московских летописях топонимы *Заволочье* и *Двинская земля* обозначают уже разные территории. Топоним *Заволочье* (его жители — *заволочане*) относится к землям, расположенным по течению Сухоны и по верхней Ваге, а топоним *Двинская земля* (этнокон *двиняне*) обозначает земли по течению Двины, Вычегды и по нижней Ваге [Богословский, 1909]. Тем самым происходит локализация «старых» региональных топонимов и этниконов и утрата ими функции обозначения всего региона.

В конце «чудского» цикла изменяется пространственный статус региона: из «чудской» периферии он становится одной из динамичных полиэтничных культурных провинций.

Культурные ландшафты Заволочья в конце XIV века (по материалам Софийской летописи). Основным исходным материалом для анализа явилась Софийская летопись, датированная 1396 г. В летописи приводится следующий текст, в котором скрыта важная культурно-географическая информация (цифры в тексте по мере упоминания в нём топонимов и этнонимов поставлены нами): «В се живущим около *Перми* (1) имена местом

и странам и землям иноязычным: *Двиняне* (2), *Устюжане* (3), *Вельжане* (4), *Пинежане* (5), *Южане* (6), *Сирнани* (7), *Галичане* (8), *Вятчане* (9), *Лопь* (10), *Корела* (11), *Югра* (12), *Печера* (13), *Вогуличи* (14), *Самоедь* (15), *Пертасы* (16)» [Полное собрание летописей..., 1851].

При первичном анализе текста создаётся впечатление, что новгородский летописец выстраивает региональную картину мира относительно Перми. Она упомянута первой, и это единственный топоним в тексте: остальные единицы анализа — этнонимы и этникины. Однако карты, построенные на основе текста летописи, не подтверждают этот вывод, демонстрируя другие пространственные закономерности (рис. 28, 29).

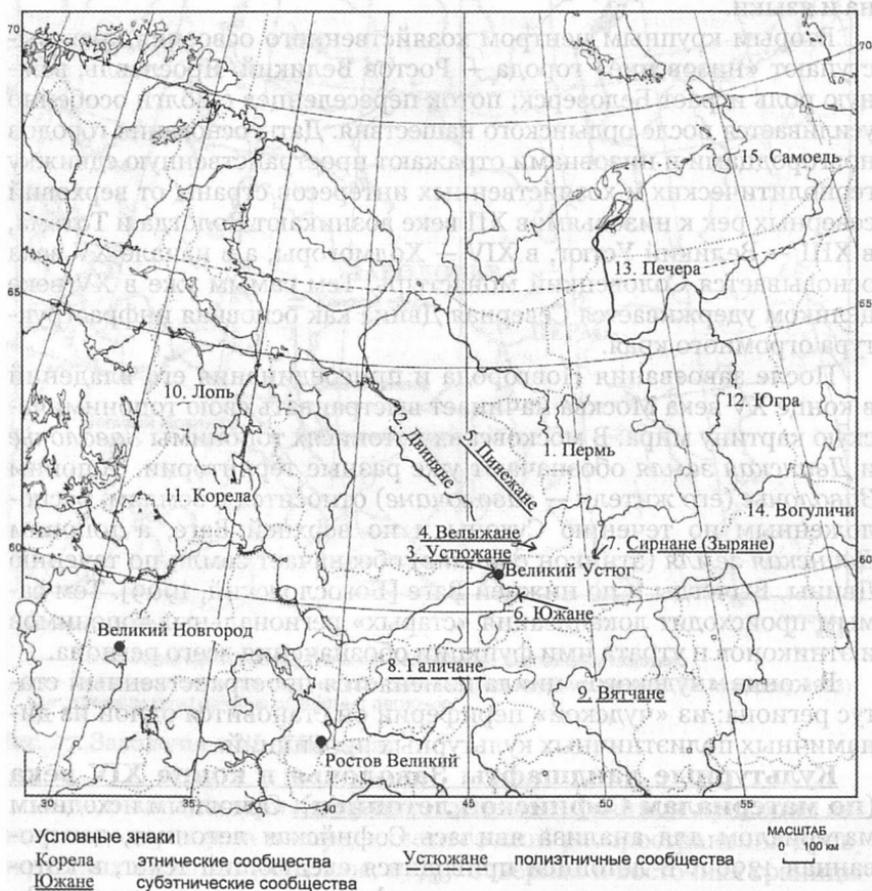

Рис. 28. Этнические и полиэтничные сообщества Русского Севера, локализованные по материалам Софийской летописи 1396 г.

Технология создания карты построена на основе метода идентификационного картографирования (см. раздел 2.2.) и представляет собой последовательную, по мере прочтения текста, локализацию региональных и этнических группировок и соответствующих им культурных ландшафтов (ниже они обозначены цифрами).

Пермь (1) как земля и *пермь вычегодская* как племя, представляющая собой *древнекоми*, с позиций современной этнологии хорошо локализуется в бассейне *Вычегоды*. Кроме того, археологические памятники *перми вычегодской* известны не только в нижнем и среднем течении *Вычегоды*, но и в бассейнах рек *Вашка*, *Вымь*, *Луза* [Конаков, 1994]. Последнее позволяет более точно очертить ареал (рис. 28).

Для этноландшафтного исследования значимым моментом является его хорошо прочитываемая пространственная семантика: *пермь*, или *перемь* (*perä-maa*), из прибалтийско-финских языков этимологизируется как задняя, дальняя, удалённая земля [Агеева, 2002].

Двиняне (2) — очевидно жители *Подвинья*, бассейна *Северной Двины*. Именно в XIV–XV вв. в процессе освоения *Подвинья* оформляются топоним *Двинская земля* и название *двинские бояре*, или *своеземцы*, о чём писалось выше [Богословский, 1909, Булатов, 1997]. Это свидетельствует об изменении этнического характера регионального культурного ландшафта *Подвинья*, из «иноязычного» он становится полиэтничным и билингвистичным.

Последнее относится и к «иноязычным» *устюжанам* (3) и *галичанам* (8), для которых название городов и название земель, центром которых выступают эти города, совпадает. Заметим, что только в двух случаях из перечисленного ряда названия региональных сообществ жителей происходят от названий городов, основанных русскими.

Этнимон *устюжане* соотносится с городом *Великий Устюг* с пригородами. Город, известный с 1212 года, в конце XIV века входит в состав Великого княжества Московского. В 1393, 1398, 1417 и 1425 гг. город подвергался нападению новгородцев и в свою очередь сам не раз организовывал походы на новгородские земли в *Подвиньи* [Города России, 1994]. Тем самым отнесение *устюжан* к «иноязычным» племенам следует воспринимать как насмешку новгородского летописца над москвичами и их союзниками. Устюжский культурный ландшафт также следует отнести к полиэтничным.

Этнимон *вельжане* (4) обозначает жителей бассейна реки *Виледь*, левого притока *Вычегоды*; в конце XIV в. они представляли собой субэтническую группу пермских племён. Им соответствует моноэтничный культурный ландшафт *Вилегодского края*.

Этнимон *пинежане* (5) обозначает жителей бассейна реки *Пинега*, правого притока *Северной Двины* (в то время один из пермских субэтносов).

Этнимон *южане* (6) относится к жителям бассейна реки *Юга*, давшей название *Великому Устюгу*; в конце XIV в., вероятно, представляли собой субэтническую группу пермских племён. Культурный ландшафт — *Югский край*.

Этноним *сирнане* (7) не известен. Но с конца XIV века известны *сыряне*, *сыряне*, *суряне* или *зыряне*, которые, по мнению ряда специалистов, в этот период соотносятся с верхнесысольскими коми [Булатов, 1997, с. 221]. Такое, на наш взгляд, оправданное допущение вписывается в пространственную логику перечисления племён в летописи, что позволяет локализовать этноним (рис. 28). Напомним, что прежнее название *Сыктывкара*, расположенного на реке *Сысоле*, *Усть-Сысольск*.

Этимологически зырян связывают с финским *сутjä* (край), что соотносится с периферийно-граничной семантикой слова Пермь [Агеева, 2002]. Далеко не случайно, что позже этнонимы *зыряне* и *пермяки* стали употреблять как синонимы. Региональный культурный ландшафт — *Сысольский край*.

Этнимон *галичане* (8) соотносится с городом *Галич*, который находится примерно в 300 км к юго-западу от *Устюга*. Его первое летописное упоминание относится к 1238 году, причём назывался он *Галичем Мерским* (по имени финно-угорского племени *мера*). Народ *мера*, или *меряне*, исчез уже в XII веке [Агеева, 2002]. В XIII веке *Галич* представляет собой центр Галицкого княжества, а в 1363 г. присоединён к Московскому государству [Города России, 1994]. Галичский культурный ландшафт, или *Галичский край*, следует отнести к полиэтничным.

Вятчане (9). Этнимон относится к жителям бассейна реки *Вятки*. Основание городов *Котельнич* и *Вятка (Хлынов)* относится соответственно к XII и XIV вв. С этого периода *Вятская земля* становится полиэтничной.

Этноним *лопь* (10), *лопари* представляет собой старое название *саамов*. Их современное компактное расселение на Кольском полуострове не отражает обширного исторического ареала в бассейнах *Онеги* и *Северной Двины* [Лукьянченко, 1994]. Вероятно, наиболее точной территориальной локализацией лопи является *Заонежье*, имея в виду упоминание *Лопских погостов* в *Заонежье* в русских летописях XVI–XVII вв.

Этноним *корела* (11), или современный *карелы*. В рассматриваемый период карелы проживали между *Ладожским* и *Онежским озёрами* [Клементьев, 1994]. Культурный ландшафт — *Карельская земля*.

Югра (12). Так до XIV века русские называли *хантов*, затем до начала XX века их звали *остяками* [Соколова, 1994]. В древности ареал их расселения был очень широким — от устья Оби до Барабинской степи (реликтовое значение имеют топонимы *Югорский полуостров* и пролив *Югорский шар*); до XIX века ханты фиксируются в Зауралье, в бассейнах рек *Северная Сосьва, Ляпин, Пельм, Конда*. Вопрос локализации *югры* представляет собой самостоятельную проблему, но ряд исследователей считает, что легендарная *югра* размещалась между *печерой* и *пермью*, занимая верховья *Вычегды, Печоры* и даже *Мезени*, но уже к XV веку *югра* оказалась вытеснена в Зауралье [Булатов, 1997]. Культурный ландшафт — *Югорская земля*.

Печера (13). Не сохранившееся, вероятно, финно-угорское племя, связанное с р. *Печорой*. По мнению Н.П. Барсова, *печера* представляла собой субэтнос коми-этноса и размещалась от *Вычегды* до *Печоры* [Барсов, 1885]. Культурный ландшафт — *Печера*, или *Печерская земля*.

Вогуличи (14), *вогулы* — устаревшее русское название финно-угорского народа *манси*. Современный ареал расселения охватывает левые притоки Оби. В XI–XIV вв. манси жили на западных склонах Южного Урала [Новикова, 1994]. Но уже в 1392 году, по данным *Вычегодско-Вымской летописи*, *вогуличи* напали на городок *Усть-Вымь* на Средней *Вычегде* [Булатов, 1997, с. 349]. Это означает, что территориально они уже находились существенно ближе к рассматриваемому району, а в XV–XVI вв. *вогулы* уже устойчиво занимали в Зауралье бассейн реки *Пельм* [Булатов, 1994, с. 285–288]. Культурный ландшафт — *Земля вогуличей*.

Этноним *самоедь* (15), *самоеды* соответствует *ненцам*. *Самоеды* известны в новгородских источниках с XI века; еще в «*Повести временных лет*» говорится о том, что «*югра соседит с самоедью*» на «*полунощных странах*», то есть с севера [Васильев, 1994, Булатов, 1997]. Ареал жизнедеятельности *ненцев* — тундровая и лесотундровая территории. Региональный культурный ландшафт — *Самоедская земля*.

Происхождение этнонима *пертасы* (16) не ясно.

Таким образом, из 16 локализовано 15 этнических и субэтнических сообществ, 3 из которых отнесены к полиэтничным («*русско-чудским*»), а 12 — к моноэтничным, включая один *самодийский этнос* (*самоедь*) и одиннадцать *финно-угорских* (рис. 28).

Это позволило выделить соответствующие региональные культурные ландшафты разной таксономической размерности (рис. 29).

Пространственный анализ полученного картографического материала показывает, что не *Пермь*, а *Великий Устюг* воспри-

нимается как пространственный центр Севера: все другие культурные ландшафты Севера выстраиваются относительно него. В геополитическом и этнокультурном отношении в XIV–XVI веках *Великий Устюг* на Севере аналогичен Петербургу XVIII-го века: оба города длительное время располагались в «чуждом», финно-угорском окружении. Былая центральность *Устюга* подчёркивается вплоть до наших дней значимым гидронимическим реликтом: выше впадения *Юга* (первичное местоположение города) основная река Русского Севера называется *Сухона*, а ниже — уже *Северная Двина*.

Все названные в летописи топонимы и этнонимы «упакованы» относительно Устюга в четыре пространственных цикла — Центр, Юг, Запад и Восток. Первый — Центр Севера и его ближний круг — включает Пермь, Подвинье, сам Устюг, Вилегодский край, Пинежье (рис. 29). Южная ближняя периферия состоит из Югского края, Сысольского края, Галича и Мерьской земли и Вятских земель. Западная дальняя периферия представлена Корельской и Лопской землями. Дальняя восточная периферия включает Югорскую, Печерскую, Вогуличскую и Самоедскую земли.

Центральность Устюга проявляется и в иерархическом уровне этничности представленных народов и племён. В отношении «близлежащих» вокруг Великого Устюга *вылежан*, *сирнан* (*зырян-сысольцев*), *пинезан* и, возможно, *южан* можно утверждать, что это — субэтнические коми-зырянские сообщества. В то же время удалённые коми-зырянские субэтноты, например, *удора*, *вьмь*, *ижма* и другие, не названы [Бернштам, 1973]. Почти все дальние относительно Устюга племена названы как самостоятельные этносы: *корела*, *лопь*, *югра* и т.д. Таким образом, в ближнем от Устюга круге для автора Софийской летописи преобладает этническая различительность на уровне субэтноты, а в дальнем — уже на уровне этносов (рис. 28).

Очевидно, что выявленный полимасштабный эффект проявляется и в иерархии культурных ландшафтов. Вблизи Великого Устюга показаны даже небольшие территории, более низкого таксономического уровня, например, Югский край, Вилегодский край, Сысольский край, удалённые же земли даны «крупными мазками», на уровне культурно-ландшафтной страны и земли, например, Двинская земля, Югорская земля и т.д. (рис. 29).

Последний вывод для культурно-ландшафтных классификаций и районирования особенно значим: иерархический аспект заложен в исходный летописный материал, его нужно только «увидеть».

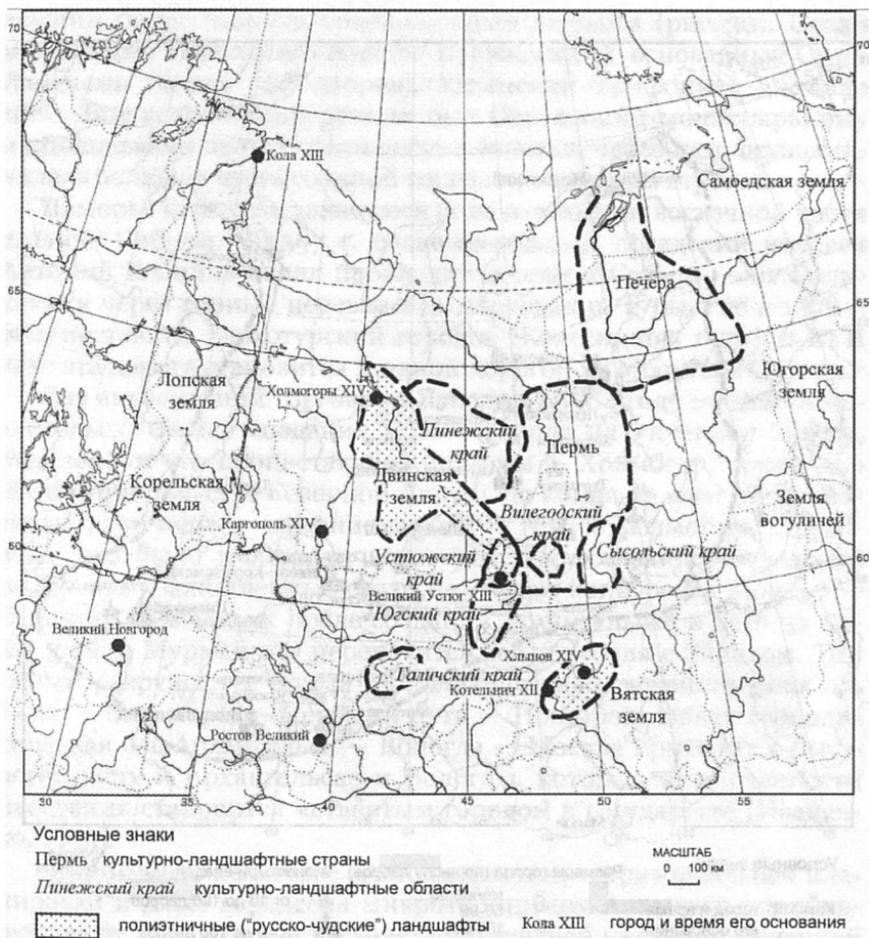

Рис. 29. Региональные культурные ландшафты Русского Севера (по материалам Софийской летописи 1396 г.).

7.2.3. Поморский цикл Русского Севера

Поморье и его культурные индикаторы. В XVI–XVII вв. на региональный уровень выдвигается новый топоним — Поморье. Поморье, Поморский край — именно так в исторических документах XVII в. назывались обширные земли северной половины Русской равнины (рис. 30).

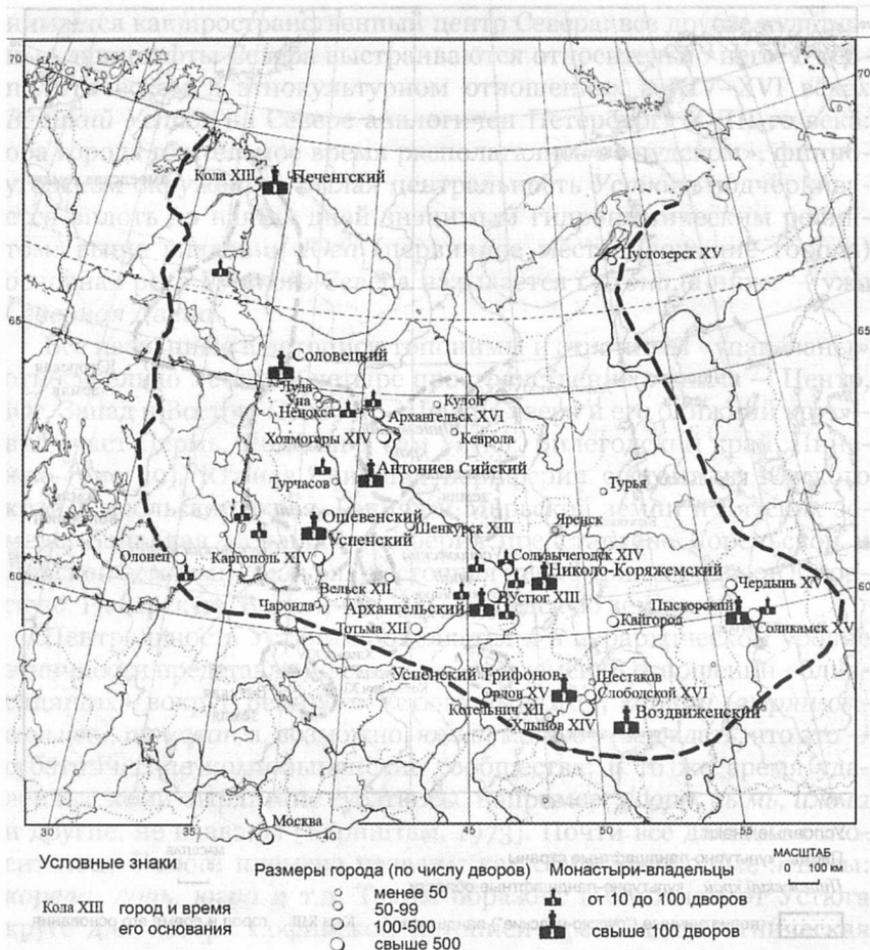

Рис. 30. Поморье в XVII веке: города и крупнейшие монастыри.

Топоним точно фиксирует вектор геополитических интересов московского государства. В XVII веке в Поморье численность городов достигает почти 30, а монастырей — 77. Из городов выделялись Великий Устюг, насчитывавший более 1000 дворов, и Соликамск — свыше 500. С другой стороны, к «городам», городское начало которых определялось только их управленческим статусом, относились Яренск (45 дворов), Кеврола (29 дворов) и Кулой — всего 11 дворов. Но даже таких городов не имели Мезенский уезд и Заонежские погосты [Богословский, 1909]. В хозяйственном плане из 77 северных монастырей 26 относились к крупным, вла-

девшим более чем ста крестьянскими дворами (рис. 30). Среди монастырей выделялись Николо-Коряжемский, основанный Строгановыми (более 300 дворов), Успенский Трифонов — свыше 1000. Вне всякой конкуренции был Соловецкий монастырь: ему принадлежали целые крестьянские волости, через него осуществлялась большая часть соляной торговли с центром страны.

Поморье играет выдающуюся роль в освоении восточной части страны, Сибири. В 1597 г. сольвычегодский посадский человек Артемий Бабинов начал прокладку дороги в Сибирь — от Соликамска через горные перевалы до верховья р. Туры, где в 1598 г. был поставлен Верхотурский городок [Колесников, 1976]. В XVII веке эта дорога становится главной дорогой из Москвы в Сибирь.

Для активизации торговли с Западом в 1584 году создаётся Архангельск. Смысл создания нового города на «пустом» Севере, недалеко от его процветающей столицы — Холмогор, также расположенной в устье Северной Двины, до конца не ясен (примечательно, что первое название города — Новые Холмогоры). Вероятно, это было геополитическое решение, связанное с задачей подорвать хозяйственные связи недавнего конкурента Москвы — Великого Новгорода: после создания Архангельска в него из Колы (район Мурманска) переносится вся торговля с Западом. Тем самым разрушается старая геополитическая и хозяйственная ось Кола — беломорско-онежский путь — Новгород. Новая геополитическая ось Архангельск — Вологда — Москва приводит к быстрому росту и Архангельска и Вологды, которая по численности населения становится четвёртым городом в государстве [Исаченко, 1995].

Заметим, что дельтовое местоположение, территориальная планировка и даже городская микротопонимия Архангельска обнаруживают поразительное сходство с будущей Северной Венецией [Брызгалов, Давыдов, 1991]. Если Архангельск — протоПетербург, то Вологда — это «несостоявшаяся Москва» (перенос столицы в этот город был отменён Иваном Грозным в результате исторической случайности).

Освоение — это не только хозяйственное переделывание и переименование «не своего» в «своё», но формирование собственной региональной картины мира. Архангельск — Город и само Поморье (в узком смысле — как земли по побережью Белого моря) выступают в качестве центра поморского мировосприятия (рис. 15). В формировании региональной идентичности важны геопространственный, конфессиональный и этнокультурный аспекты. Поморами осознаётся окраинность «своего» территориального местоположения («наши **украинные** палестины») отно-

сительно Москвы. Но при этом хорошо понимается «ядерность» православного местоположения: «наши украинные **палестины**», «коляне (то есть жители г. Колы. — В.К.) господни — народ израильский» и т.д. Примечательны вертикальные координаты мира поморов. Поездка на запад или на север рассматривалась ими как путь вниз, напротив, возвращение домой — это движение вверх: «идём на Русь (!), вверх» [Давыдова, 1998].

Пространственное мировосприятие поморов, как и любого этнического сообщества, во многом мифологично. При этом мифологичность народов, окружающих поморов, возрастает по мере удаления от их пространственного центра — Архангельска: царство мёртвых оказывается «помещённым» на границе «мира знаемого», во льдах, в районе Северного полюса (рис. 15).

Среди ландшафтно-ономастических проблем поморского цикла Русского Севера выделим неточность административных границ (к поморским городам относились Олонец, Каргополь, Соликамск, Хлынов, удалённые от моря на сотни километров) и отсутствие общерегионального этникона. Вероятно, по причине географического несоответствия региональный топоним *Поморье*, введённый для обозначения всего огромного края, не получил своего отражения в соответствующем региональном этникоме. Этникон *поморы* появляется в качестве названия и самоназвания с XVI века. Т.А. Бернштам предполагает возможность соответствия слова *помор* слову *мурман*, то есть буквально *морской человек* [Бернштам, 1978]. У такого предположения есть серьёзные основания, поскольку ключевым моментом отнесения к поморам являлось не место их проживания, а место их основного трескового промысла — на Мурманском берегу. Этникон *помор* не носит макрорегионального характера, он «покрывает» относительно небольшие территории. Так, в XIX — начале XX вв. *поморами* в широком географическом смысле называли жителей всего побережья Белого моря, а в узком (название и самоназвание) — лишь жителей Поморского берега Белого моря, который охватывает территорию, протянувшуюся всего на десятки километров, от устья реки Онеги до Кеми [Бернштам, 1978]. Тем самым, обнаруживается реальный разрыв между употреблением макрорегионального топонима *Поморье* и микрорегионального этникона *поморы*: огромный регион не имеет своего носителя, своего регионального сообщества.

С основанием Санкт-Петербурга, созданием новых путей на восток, снятием опасностей с юга государство «уходит» из Поморья. К окончанию поморского цикла регион становится одной из русских культурных провинций с отчётливо выраженными «чуждскими» культурными реликтами.

Культурные ландшафты Поморья в XVII веке (по материалам писцовых книг). По сравнению с летописными материалами, материалы писцовых книг содержат качественно другой массив исходной географической информации, причём информации на локальном уровне, касающейся конкретных городов, деревень и погостов. Последнее позволяет осуществить районирование культурных ландшафтов «снизу». Историки и специалисты в области исторической географии широко используют материал писцовых книг. Концепция культурного ландшафта позволяет по-новому выстраивать материал и получать новые знания.

Для этнокультурного ландшафтоведения материалы писцовых книг представляют большую научную ценность. Это связано с тем, что московское государство после вхождения в его состав Русского Севера (в конце XV в.) сохранило практически все региональные и местные выделы и границы, все географические названия и всю местную географическую терминологию. Такое охранительное отношение к региону имело и некоторые недостатки, в частности, сохранилась административная чересполосица. Кроме того, исследователь должен учитывать разные значения одного термина в разных регионах. Так, термин погост на западе Русского Севера означал поселение (Лопские погосты), в других его регионах — административную единицу, аналогичную волости, а в третьих — небольшое поселение вокруг церкви, в основном состоящее из домов церковного причта.

Обобщающую работу по анализу материалов писцовых книг XVII века выполнил выдающийся исследователь Русского Севера М.М. Богословский в своем двухтомнике «Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке» (1909, 1912). Всего по материалам писцовых книг выделяется 21 уезд. На территории современной Архангельской области выделяется полностью или частично 12 административных выделов уровня уезда, а именно: Верхняя полужемля (или Каргопольский стан) Каргопольского уезда, Нижняя полужемля (или Турчасовский стан) Каргопольского уезда, Устьянские волости, Верховажская четверть Важского уезда, Шенкурская четверть Важского уезда, Подвинская четверть Важского уезда, а также Двинский, Пинежский и Мезенский уезды (рис. 31).

Кроме того, на территорию современной Архангельской области частично попали земли Устюжского, Сольвычегодского и Яренского уездов.

Тщательность сравнительного описания уездов, выполненного М.М. Богословским на уровне отдельных волостей, позволила нам составить карту культурных ландшафтов региона (рис. 32). На территории Русского Севера (в пределах территории Архангель-

ской области) по материалам писцовых книг XVII века выделено 11 культурно-ландшафтных районов.

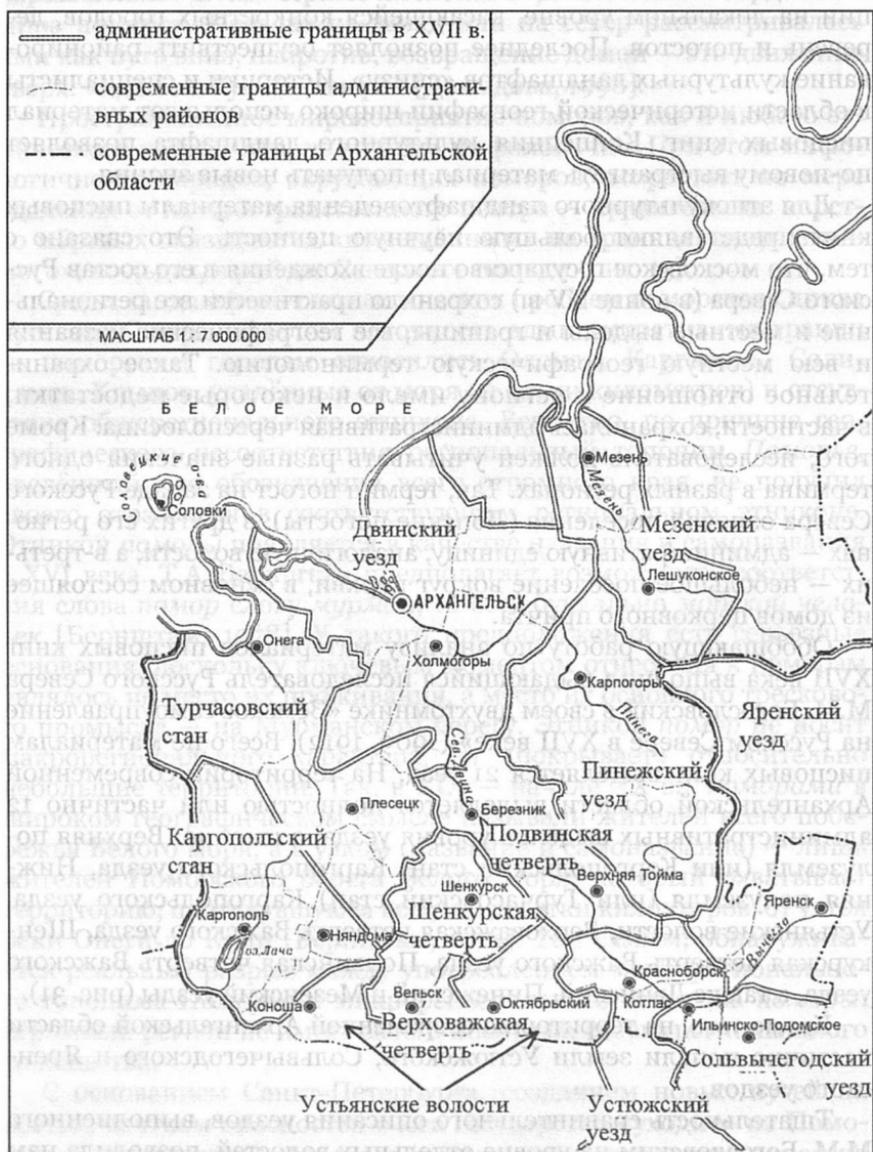

Рис. 31. Административное деление территории Архангельской области в XVII веке (по М.М. Богословскому).

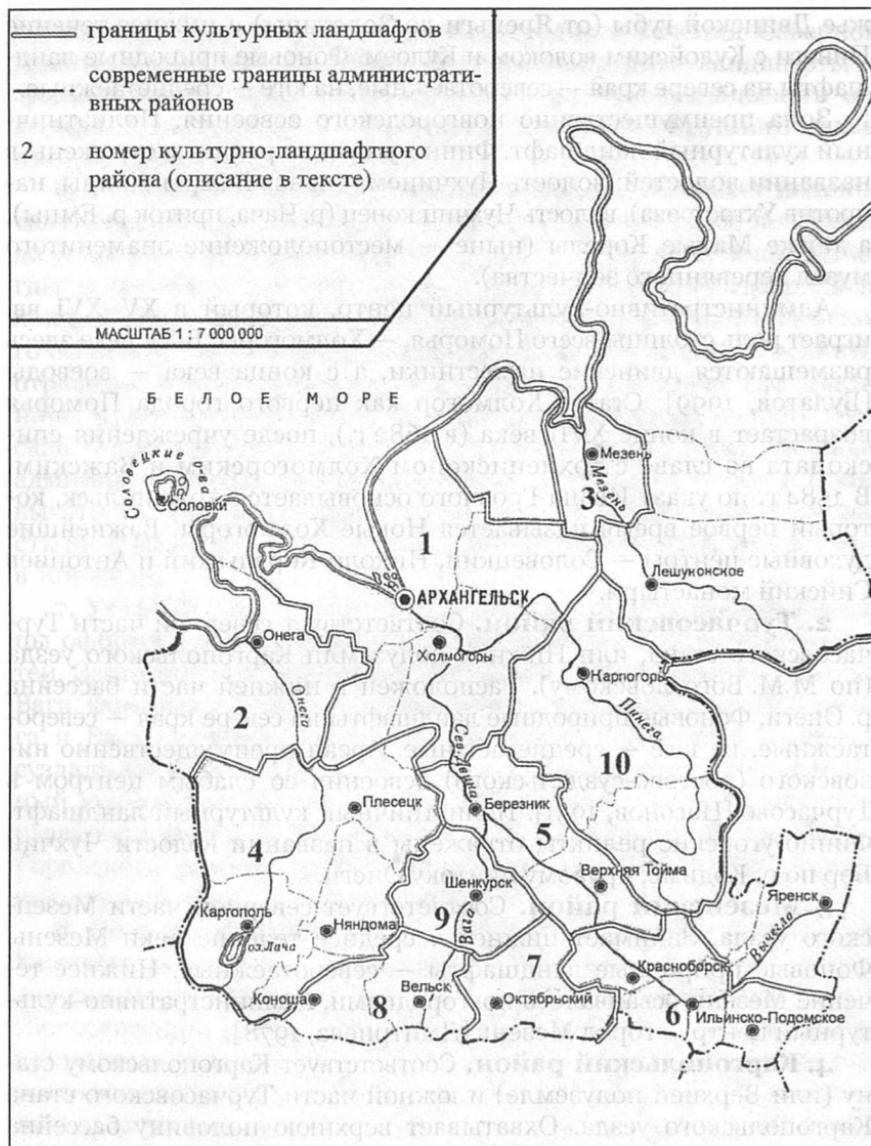

Рис. 32. Региональные культурные ландшафты на территории Архангельской области в XVII веке.

1. Нижнедвинский район. Соответствует Двинскому уезду (по М.М. Богословскому).

Занимает территорию бассейна нижнего течения Северной Двины от устья Ваги до дельты Двины, а также включает побере-

жье Двинской губы (от Яренги до Золотицы) и нижнее течение Пинеги с Кулойским волоком и Кулоем. Фоновые природные ландшафты на севере края — северотаёжные, на юге — среднетаёжные.

Зона преимущественно новгородского освоения. Полиэтнический культурный ландшафт. Финно-угорские реликты отражены в названии волостей: волость Чухчинема (правый берег Двины, напротив Ухтострова), волость Чухчин конец (р. Чача, приток р. Емцы), а также Малые Корелы (ныне — местоположение знаменитого музея деревянного зодчества).

Административно-культурный центр, который в XV–XVI вв. играет роль столицы всего Поморья, — Холмогоры. В XV веке здесь размещаются двинские наместники, а с конца века — воеводы [Булатов, 1999]. Статус Холмогор как первого города Поморья возрастает в конце XVII века (в 1682 г.), после учреждения епископата во главе с архиепископом Холмогорским и Важским. В 1584 г. по указу Ивана Грозного основывается Архангельск, который первое время называется Новые Холмогоры. Важнейшие духовные центры — Соловецкий, Николо-Корельский и Антониев Сийский монастыри.

2. Турчасовский район. Соответствует северной части Турчасовского стана, или Нижней полуземли Каргопольского уезда (по М.М. Богословскому). Расположен в нижней части бассейна р. Онеги. Фоновые природные ландшафты на севере края — северотаёжные, на юге — среднетаёжные. Ареал преимущественно низовского (ростово-суздальского) освоения со слабым центром в Турчасове [Насонов, 1951]. Полиэтнический культурный ландшафт. Финно-угорские реликты отражены в названии волости Чухчин Бор по р. Кодиме, правому притоку Онеги.

3. Мезенский район. Соответствует северной части Мезенского уезда. Занимает нижнее и среднее течение реки Мезень. Фоновые природные ландшафты — северотаёжные. Нижнее течение Мезени осваивалось новгородцами, административно-культурный центр — город Мезень [Дмитриева, 1978].

4. Каргопольский район. Соответствует Каргопольскому стану (или Верхней полуземле) и южной части Турчасовского стана Каргопольского уезда. Охватывает верхнюю половину бассейна р. Онеги, а также бассейны рек Моши и Емцы. Фоновые природные ландшафты — среднетаёжные. Зона преимущественно низовского (ростово-суздальского) освоения с мощным центром Каргополем. Духовный центр — Ошевенский Успенский монастырь. Полиэтнический культурный ландшафт.

5. Среднедвинский район. В административном плане соответствует Подвинской четверти Важского уезда (по М.М. Бого-

словскому). Расположен в бассейне среднего течения Северной Двины от устья Ваги до Тоймы. Фоновые природные ландшафты — среднетаёжные. Зона новгородского и ростово-суздальского освоения. Полиэтничный культурный ландшафт. Крупного административного центра нет.

6. Устюжско-Сольвычегодский район. Занимает подвинские территории от Тоймы до Великого Устюга и выше по Сухоне до устья Уфтюги (левого притока Сухоны), а также низовье Вычегды и бассейны рек Юг, Луза и Виледь. Фоновые природные ландшафты — среднетаёжные. Зона преимущественно низовского освоения с активным участием коми. Финно-угорские реликты отражены в названии волостей: волость Пермогорье (по Двине ниже Красного Бора), волость Чупрова по р. Шоше, волость Лузская Пермца в верхнем течении р. Лузы (приток Юга). Мощные административно-культурные центры — Великий Устюг и Сольвычегодск. Крупные духовные центры — Архангельский монастырь в Великом Устюге и Николо-Коряжемский монастырь в Коряжме.

7. Устьянский район. В качестве административной единицы оформился в XVII веке, получив название Устьянских волостей. Занимает большую часть бассейна р. Устья, правого притока Ваги. Фоновые природные ландшафты — среднетаёжные. Кокшеньга и Вага являлись основными каналами низовского (ростово-суздальского) освоения в XII–XV вв. [Власова, 1973]. Полиэтничный культурный ландшафт. Финно-угорским реликтом является название волости Чушевицкая (на р. Ковда, правом притоке Ваги). Городского административного центра нет. Наиболее крупный культурный центр — с. Бестужево.

8. Вельский район. Соответствует Верховажской четверти Важского уезда и западным частям Устьянских волостей, расположенным по притокам реки Вели — Подюге, Шоноше и Елюге [Богословский, 1909]. Охватывает среднее течение Ваги. Фоновые природные ландшафты — среднетаёжные. Зона совместного (чересполосного) новгородского и низовского освоения. Полиэтничный культурный ландшафт. Вельск — старый культурный центр, известный с XII века.

9. Шенкурский район. Соответствует Шенкурской четверти Важского уезда (по М.М. Богословскому). Занимает нижнее течение Ваги. Фоновые природные ландшафты — среднетаёжные. Зона совместного (чересполосного) новгородского и низовского освоения. Полиэтничный культурный ландшафт. Административно-культурный центр — город Шенкурск, известный с XIII века.

10. Пинежский район. Соответствует Пинежскому уезду. Расположен в среднем и верхнем течении реки Пинеги. Фоновые природные ландшафты на севере края — северотаёжные, на юге — среднетаёжные. Зона чересполосного новгородского и низовского освоения (верховье осваивалось преимущественно выходцами из ростовских земель при участии коми). Полиэтнический культурный ландшафт. Финно-угорские реликты отражены в названии волостей, расположенных в среднем течении Пинеги, Перемской (современная деревня Пиримень) и Чюхчинемы (возле Кевролы). Устойчивый административно-культурный центр не сформировался. В разные периоды его роль играли Кевроль-город, Карпогоры (в среднем течении), город Пинега (в нижнем течении).

11. Яренский район. Соответствует Яренскому уезду. В историческом плане соотносится с Пермью (Пермской землей). Охватывает бассейн Вычегды, включая её притоки Сысолу и Вымь, а также верховья Вашки и Мезени. Фоновые природные ландшафты — среднетаёжные. В освоении района ведущую роль играл этнос коми с участием русских. Расположенный на периферии района Яренск не стал сильным административно-культурным центром, постепенно эта роль перешла к Усть-Сысольску (современный Сыктывкар).

7.2.4. Севернорусский цикл Русского Севера

Севернорусский жизненный цикл особо привлекает наше внимание не только потому, что он последний и лучше освещён в материалах многочисленных научных исследований. Основная причина заключается в том, что мы можем работать с современными контекстами, устной историей края, учитывать отношение к нему и жителей, и исследователей.

В отличие от заволочского и поморского циклов, в его инициации и развитии важную роль сыграла «искусственная» составляющая, которую можно рассматривать как **проектную**. Соответственно, с проектных позиций в севернорусском жизненном цикле выделяются четыре фазы — начало, рост, стабилизация и окончание. По характеру запуска проект под названием «Русский Север» носил властно-общественную направленность, по статусу — геополитический, а по последующей реализации — научный характер.

Русский Север как властно-общественный научно-геополитический проект. Проектный подход к региональному культурному ландшафту предполагает использование проектных методов и, соответственно, терминологии.

❶ Первая фаза: введение топонима и его региональное общественное восприятие. Для лучшего понимания управленческой ситуации в конце XIX века архангельский губернатор А.П. Энгельгардт совершает двухлетнее путешествие по вверенной губернии. Он посещает самые отдалённые уголки — Кольский полуостров, Поморье (побережье Белого моря), Новую Землю, Печору, вникая не только в ресурсные возможности территории, но в быт и нравы населяющих край разных этнических групп — поморов, карел, ненцев, коми. В ходе поездки рождаются новые проекты развития региона, которые быстро реализуются, например, организация регулярного пароходного сообщения по маршруту «Архангельск — Печора». После окончания путешествия в Санкт-Петербурге издаётся прекрасно иллюстрированная книга «Русский Север. Путевые заметки». В самом тексте книги А.П. Энгельгардт использует нетопонимическую форму словосочетания — *русский Север* (русский — со строчной буквы), но уже, как видим, в заголовке книги географическое название приобретает форму топонима [Энгельгардт, 1896]. Так появляется, вероятно, первое упоминание о *Русском Севере*. Вопрос границ Русского Севера для губернатора не возникал: они, очевидно, совпадали с границами Архангельской губернии (рис. 26).

❷ Важным моментом в продвижении нового топонима, в его регионализации, в развитии нового цикла жизни региона стало создание в 1909 году Архангельского общества изучения **Русского Севера**. Общество объединило в своих рядах сотни северян — представителей властей, священников, инженеров, учителей, а его филиалы были созданы во всех уездах огромной губернии [Отчёт... , 1916]. Примечательно, что первым председателем общества был избран вице-губернатор. За короткий дореволюционный период оно сумело организовать исследовательскую и просветительскую деятельность по основным направлениям жизни и развития края, издав десятки брошюр и Известий общества по широкому кругу вопросов, многие из которых по-прежнему актуальны. Важным результатом его бурной, хоть и недолгой деятельности нужно считать привлечение общественного интереса к вопросам развития края — *Русского Севера*; активная часть регионального сообщества не только восприняла новое имя края как органичное, но и приняла живейшее участие в его региональном «продвижении».

❸ Вторая фаза: втягивание топонима в сферу исторической науки и начало его научной регионализации. Вероятно, первым исследователем, использовавшим нетопонимическую форму *русский Север*, может считаться известный историк и правовед М.М. Богословский. Как и А.П. Энгельгардт, в тексте своего фундаменталь-

ного двухтомного труда, посвящённого земскому самоуправлению, он использует нетопонимическую форму — *русский Север*, а в качестве синонимов употребляет топонимы *Поморье* и *Поморский край* [Богословский, 1909, 1912].

Отвечая на вопрос об уникальности *русского Севера*, автор выделяет важнейшие критерии его культуры. Особо он отмечает сильное местное самоуправление, которое, с одной стороны, представляет собой реликт «новгородских вольностей», а с другой, связано с отсутствием помещичьих (частных) землевладений и государственным статусом региона. Среди других критериев — слабая освоенность пространств, малое количество городов, тесная связь северного города с северным уездом и другие [Богословский, 1909].

В состав *русского Севера*, или *Поморья*, М.М. Богословский включает Архангельские и Вологодские земли, земли Кольского полуострова, Олонецкие земли (современная восточная Карелия), Вятские земли (северная часть Кировской области), Пермские земли, Печорские земли (северо-западная часть Коми). Интересно заметить, что, в соответствии со своими критериями, территории Вологодского и Грязовецкого уездов Вологодской губернии с развитым помещичьим землевладением автор «выносит» из Русского Севера. Комплексное и масштабное исследование М.М. Богословского стало ориентиром для всех будущих североведов.

Автор не занимался специально вопросом делимитации собственно Русского Севера, его исследование носит исторический характер и касается Поморья и поморского цикла (в нашем понимании). Но научный авторитет М.М. Богословского, региональный характер самого исследования и использование автором словосочетания *русский Север* предполагает возможность понимания Русского Севера как Поморья (рис. 32).

Среди первых научных работ, авторы которых стали использовать словосочетание в современной (топонимической) форме — *Русский Север* — назовём исследования историков А.А. Кизеветтера и С.Ф. Платонова [Кизеветтер, 1919; Платонов, 1923]. Заметим, что первоначально употребление словосочетания *Русский Север* не имело нового содержания. Историки скорее демонстрировали возможности русского языка и использовали его как синоним других географических названий — *север России*, *Северный край* и т.д. Таким образом, на первом этапе основной научной областью употребления географического названия *Русский Север* стала история.

В 1930-е годы, в соответствии с определённым этапом истории России, название исчезает из научного оборота и снова появляется только в 50–60-е годы.

Третья фаза: научное «паломничество» и наработка на основе нового топонима многоаспектного регионального научного содержания. В послевоенное время регион стал объектом настоящего научного «паломничества» со стороны представителей гуманитарных наук (этнографии, фольклористики, диалектологии, искусствоведения). Многие учёные завоевали мировую известность, были созданы целые научные школы, например, екатеринбургская топонимическая школа. Топоним *Русский Север* стал активно использоваться в гуманитарных исследованиях. Полученные научные результаты позволили глубже понять культурно-ландшафтные особенности региона, на другом качественном уровне ставить вопрос о границах Русского Севера (см. табл. 11).

Четвёртая фаза: кризис и выход на новый жизненный цикл. Современный кризис Русского Севера начался не сегодня. И не в 1930-е годы, во времена массовой коллективизации, насильственной ломки вековых традиций, создания лагерей и тюрем в культовых местах, таких, например, как Соловки, строительства леспромхозовских посёлков, население которых в основном формировалось за счёт приезжих...

Сравним две оценки культурной ситуации.

1. «Народное искусство кончилось. Струя новой жизни сметает его, и только кое-где в глуши тлеют его последние, гаснущие искры. Не надо плакать об этом. Так и должно быть. Это прошло детство, а оно не вечно».

2. «... видимо во многих отношениях время уже непоправимо упущено — индустриализация, коллективизация, война и экспансия городской «полукультуры» неумолимо стирали богатый и красочный культурный ландшафт славянского традиционного быта, нравов, обычаев и местного языка».

Обе оценки фиксируют ситуацию кризиса традиционной культуры. Но временной разрыв между ними составляет почти сто лет. Первая из оценок сделана известным русским художником И.Я. Билибиным, она относится к 1904 году и связана с Русским Севером [Билибин, 1970, с. 31]. Вторая принадлежит крупному этнолингвисту, основателю научной школы Н.И. Толстому: она относится к русско-украинско-белорусскому Полесью, культурному аналогу Русского Севера [Толстой, 1995, с. 20].

В геополитическом плане современная ситуация повторяет петровское время, когда государство ушло с Севера. Советское государство сохраняло экономически малоэффективные хозяйственные структуры, но они поддерживали архаичные культурные ландшафты. Современные процессы запустения, натурализации культурных ландшафтов приняли массовый характер [Исаченко,

2003]. Быстро пустеют вековые деревни, разрушаются, казалось бы, вечные деревянные храмы и дома, диско вытесняет традиционный фольклор... Действительно, регион находится в серьёзном кризисе.

С другой стороны, Русский Север — во многом благодаря научной деятельности — приобрел мощный нематериальный — культурный, мифологический, образопорождающий ресурс, заложенный не только на территории региона, но и в огромном запасе накопленных и развивающихся знаний. В ситуации глобализации и культурной нивелировки самобытные регионы обладают дополнительными ресурсами развития.

Сможет ли регион материализовать этот ресурс, грамотно его использовать для своего развития? Удастся ли приостановить процессы распада? Сможет ли Русский Север найти своё новое место на культурной карте России и мира?

Необходимы разработка и обсуждение стратегии, сценариев, программ развития региона внутри страны, на уровне самого региона, с участием самих северян-поморов.

Такие разработки, выполненные норвежскими учёными, обсуждаются в статье А.С. Каргина и А.Н. Соловьевой [Каргин, Соловьева, 2005]. Среди геополитических макропроектов развития Русского Севера рассматриваются три варианта — «Большая нефтяная площадка», «Заповедник Русского Медведя» и «Европейская периферия».

Применительно к сфере культуры и культурного наследия усилиями российских ведущих специалистов разработана государственная программа «Культура Русского Севера» [Веденин, Гудима, Шульгин, 2004]. Программа учитывает уникальность культуры и природной среды, самобытность культурных ландшафтов Русского Севера. Основные направления реализации программы соответствуют определённым сферам деятельности: «Сохранение памятников истории и культуры», «Сохранение и развитие народной традиционной культуры», «Музейная деятельность», «Формирование системы особо охраняемых территорий», «Культура — отрасль специализации исторических городов и территорий Русского Севера», «Чистое слово (памятники устной и письменной словесности)»; отдельно выделено инфраструктурное направление. Для авторов важным моментом является общенациональный статус программы «Культура Русского Севера».

Глава 8

СЕЛЕНИЯ В СЕВЕРНОРУССКОМ КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ

Селитебная система является одним из важнейших компонентов культурного ландшафта. При рассмотрении культурного ландшафта в пространственном плане селение выступает в качестве его центра. Любая устойчивая селитебная традиция отличается своеобразием, определённой экологической и культурной адаптивностью.

Севернорусская деревня отличается самобытной исторически сложившейся пространственной организацией, традиционной порядковой планировкой, местами сохранившейся архаичной солярной ориентацией и преимущественно нагорным — относительно реки — местоположением.

Применение междисциплинарной ландшафтной концепции позволило не только расширить методический арсенал исследования, но и, главное, выявить неизвестную ранее пространственную динамику северного селения — открыть феномен странствующего селения [Калуцков, Иванова, Давыдова и др., 1998].

8.1. СЕВЕРНОРУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, ПЛАНИРОВКА, ОРИЕНТАЦИЯ, СВЯЗЬ С ПРИРОДНЫМИ ЛАНДШАФТАМИ

Первичное представление о социопространственной организации севернорусской деревни можно вынести из осмысления следующих примеров.

В 1884 г. журналист С. Приклонский, выехав из северной деревни с экзотичным названием Шелтопорог, через несколько вёрст наткнулся на маленькую, состоящую из 2–3 дворов, деревню, которая к недоумению путешественника, тоже называлась Шелтопорог, а ещё через три версты он попал в однодворную деревню с таким же названием [Калуцков, Иванова, Давыдова и др., 1998].

Известная исследовательница Русского Севера А. Ефименко писала, что Пустозерск, отмеченный на карте как одно селение, на самом деле состоит из 17 маленьких деревень (окологков и концов), раскинутых на сотню вёрст [Ефименко, 1884].

Другой исследователь (М.Б. Едемский) уже на примере Пинежского края замечает, что термин «деревня» употребляется то в отношении всего селения, то в отношении его частей — окологков [Едемский, 1923]. И в наши дни можно столкнуться с абсурдной, с точки зрения москвича, ситуацией: например, адрес на почтовом конверте может выглядеть следующим образом — Пинежский район, деревня Марьина, деревня Забор.

Рассмотренные примеры отражают, во-первых, значительную территориальную «разбросанность» северной деревни. Во-вторых, её сложную внутреннюю иерархическую и неоднородную пространственную организацию, суть которой заключается в наличии внутридеревенских социотерриториальных образований — окологков (окологков) или концов. Кроме того, для Архангельской области не характерна обычная для Центральной России пара «село — деревня» по причине почти полного отсутствия сёл. Дополнительное своеобразие севернорусскому культурному ландшафту придают так называемые кусты деревень.

Наметим основные вопросы, важные для исследования пространственной (социопро пространственной) организации севернорусской деревни. Откуда происходит её самобытная социопро пространственная организация? Что понимается под деревней на Русском Севере? Почему слово село не употребляется в архангельских говорах и почти не представлено в северной топонимии?

Что такое *околок* (*окологдок*) или *конец*? Каковы его природные, этнокультурные, фамильно-родовые, хозяйственные истоки и механизмы воспроизводства? Чем пространственная планировка деревни отличается от её пространственной ориентации? Какие классы планировок характерны для Русского Севера? Какие классы пространственной ориентации преобладали в прошлом и доминируют в наше время в севернорусских деревнях? Что такое куст деревень и как он возник?

8.1.1. Кусты деревень на Русском Севере

Кустовая пространственная организация изучена довольно хорошо [Богословский, 1909, Витов, 1955, Бернштам, 1978, Калущков, Иванова, Давыдова и др., 1998, Русский Север..., 2001 и др.].

На Пинежье, как и в большинстве других историко-культурных зон Русского Севера с приречным типом расселения, кусты

деревень, или селенческие кусты, широко распространены. Эти «кусты» (или гнёзда) особенно заметны на среднemasштабных географических картах. На картах они напоминают грозди винограда: деревни одного куста как бы прилепляются друг к другу, а следующий куст отстоит на 10–15, а то и на несколько десятков километров.

Куст деревень представляет собой пространственное проявление многовекового хозяйственного освоения земель членами одной родовой («корневой») общины при её росте и разделении.

При этом выделившиеся новые семьи, как правило, поселялись недалеко от своего родового «корня», что было продиктовано необходимостью родственных помочей в работах, требующих значительных людских затрат (в случаях разработки новых сельскохозяйственных угодий в лесах — новин, постройки нового жилища и пр.). В результате деревни, со временем возникавшие на их основе, обособлялись от других аналогичных селенческих гнёзд не только родственно и территориально, но и административно, хозяйственно и культурно. Тем самым, деревня представляет собой часть куста; внутри деревни в свою очередь выделялись околки.

В прошлом каждый селенческий куст был достаточно автономен, поскольку имел свою управленческую систему: в XVII в. она соответствовала делению уезда на волости. В целом система волостей уезда соотносилась со структурой речного бассейна, что было характерно для всей Северной России.

На это обстоятельство указывал знаток земского самоуправления М.М. Богословский: «Группа посёлков, вытянувшихся по берегам небольшой реки, образует мелкую областную единицу — погост, стан, волость, приход. Бассейн большой реки с её притоками, по берегам которой расположились эти волости и станы, образует уезд; так что в Поморье территория уезда — это система большой реки с её притоками» [Богословский, 1909].

Административно-управленческая автономность селенческих кустов усиливалась ещё и тем, что, как правило, на базе куста деревень действовал один церковный приход.

Матвера, Заозерье, Чакола, Веегора, Шаста — один приход: всё сюда возили на кладбище. А там нижний куст — Чикинский погост: Усть-Ёжуга, Почезерье, Печгора, Труфаново, Вальтево (Зап. в д. Чаколе от Шубина Леонида Яковлевича, 1935 г.р.).

Кроме официальной (церковь или монастырь) в каждом селенческом гнезде была и общепризнанная неофициальная святыня. Например, на Пинежье такими являлись в сурском кусте —

Никола-ручей близ д. Марково, в кеврольском — Немнюжский крест, в чакольском — Ламбас. К этой святыне в определённые дни в году съезжались жители всей округи, устраивая общие моления, а нередко и ярмарочные распродажи:

На Ламбасе кануны. Дак почто-то собирались. (...) Все с обедом. Вся Чакола, с Матверы, с Веегоры (Зап. в д. Веегоре от Рюминой Ирины Игнатъевны, 1915 г.р.).

Значит, возникновение и поддержание кустов деревень на Русском Севере определялось историей хозяйственного освоения, семейно-родовыми отношениями, сохранением древних обрядовых традиций и особенностями организации местного самоуправления. Тем самым система «куст — волость — приход» формировала на местном уровне относительно самодостаточный крестьянский мир.

8.1.2. Социопространственная организация севернорусской деревни

Сёла и деревни на Русском Севере. Известно, что в Центральной России термин *село* широко распространён и в устном и письменном языке в значении *селение с храмом*.

Однако до XIV века в Московской Руси селом называли княжеское или боярское владение, состоящее из главного селения и окружающих мелких селений — деревень. В главном селении наряду с владельческим двором находились дворы хозяйских холопов (до первой половины XVI века крестьяне жили только в деревнях). Сходную пространственно-управленческую структуру имели и владения новгородских бояр-вотчинников на Русском Севере [Овсянников, 1992].

В конце XV века, в связи с присоединением Новгорода к Москве и ликвидацией новгородских боярских землевладений, сёла на Русском Севере перестают существовать. Отражая изменение ситуации, начиная с XVI века слово *село*, употребляемое в официальных документах в значении «участок земли, владение», вытесняется словом *деревня* [Дерягин, 1971]. Также в XVI веке слово *село* исчезает из северных диалектов и в наше время оно сохраняется только в виде единичных топонимических реликтов в названиях деревень, например, деревни Село, Сельцо, Красное Село, Новое Село в Холмогорском, Шенкурском, Плесецком и Виноградовском районах [Дерягин, 1971]. Исключение составляют немногочисленные районы, например, окрестности Вологды, где было развито помещичье землевладение [Русский Север, 2001].

С отсутствием в севернорусском регионе владетельных сёл связан и другой принцип организации культурного пространства

на микрорегиональном уровне. Если в Центральной России преобладает культурная пара «(боярское) село — деревня», а затем «(дворянская) усадьба — деревня», то на Русском Севере на микрорегиональном уровне вплоть до начала XX в. доминирует другой тип культурной пары: «погост — деревня».

По-разному эволюционировало в Центральной и Северной России и понятие деревни. Если в XIV–XV веках под деревней понималось *пахотное поле, земельное угодье, участок земли, владение*, то уже в XVII–XIX веках в связи с закрепощением крестьян в центре России деревней стали именовать *хозяйственный комплекс крестьянской семьи с двором и совокупностью земельных угодий*. Таким образом, и в хозяйственном плане, и топонимически деревня оказалась неразрывно связанной с селом. На картах уездов центральных губерний ещё в начале XX века в названиях деревень преобладали окончания на *-а*, например деревня Ивановка, Петровка. Топонимы же сёл обычно оканчивались на *-о*: село Мамонтово, Семёново.

Единица социопространственной организации севернорусской деревни. В пределах Русского Севера местные географические термины *околок (околодок) или конец* могут быть использованы при рассмотрении её пространственной организации в качестве основной единицы. ***Околок, или конец, — целостная неделимая часть деревни, компактная по местоположению, имеющая собственное имя и населённая, как правило, представителями одной или нескольких фамилий.***

Это когда живёт население в одной группировке. Вот здесь живёт какая-то определённая группа. Тут, там. Какие-то хозяева. И, допустим, взять меня. Вот у меня здесь дом, тут дом, тут дом. Тут мои сыновья живут (Записано в д. Городецке от Колчина Бориса Ивановича, 1935 г.р.).

Совокупность околков образует севернорусскую деревню.

По восприятию околок соответствует небольшой среднерусской деревне, а совокупность околков — среднерусскому селу (рис. 33, 35). В административном плане околки не выделяются и обычно документально не фиксируются. В дореволюционной России часто совокупность околков образовывала волость — низшую административно-территориальную единицу. В советское время их сохранению способствовал хозяйственный фактор: границы колхозных земель обычно совпадали с границами семейно-родовых угодий, а колхозные бригады, как правило, формировались по околкам.

Рис. 33. Пример социопространственной кончанской организации северной деревни. Деревня Лендера Повеженского уезда Олонечкой губернии (старинный рисунок).

Наряду с внутренними (социальными, семейно-родовыми, хозяйственными) отношениями в формировании социопространственной организации деревень существенную роль играли внешние факторы, обычно связанные с управленческим и экономическим статусом.

Как местный географический термин околоч активно используется в повседневной жизни пинежской деревни для пространственно-хозяйственной и социальной ориентации. В других районах Русского Севера, например, в Поважьи для обозначения микродеревни специальный термин отсутствует, поэтому термин *деревня* относится и к «большой» деревне и к микродеревне (к немалой путанице для приезжих).

Околоч и конец на Пинежье — синонимичные понятия, однако последний чаще относится к краевым околкам деревни, например, Верхний конец или Нижний конец. Вероятно, по этой причине в исторической литературе состоящая из околков и концов социопространственная структура северных селений называется кончанской [Янин, Алешковский, 1971].

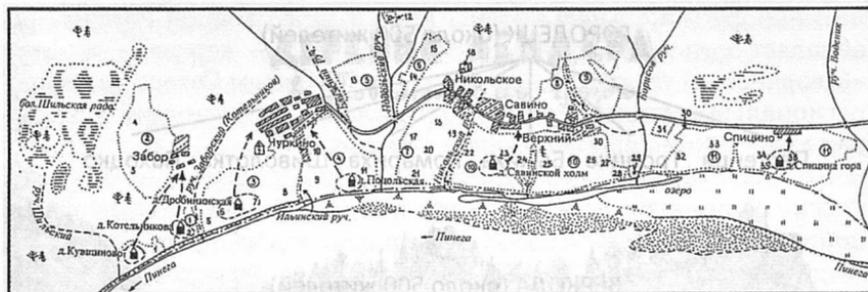
Топонимы околков (концов) представляют собой большую культурную и научную ценность, удерживая мощные историко-культурные пласты истории Русского Севера.

Рис. 34. Околки некоторых деревень Пинежья.

Конец и околок: историко-этимологический анализ.

В основе слова конец лежит другое слово — *кон*. В современном русском языке под ним понимается цель игры и само игровое место. В прошлом, как свидетельствуют толковые словари, круг его значений был существенно шире и включал три уровня.

□ □ □ □ Забор

современные околки д.Марьиной

Рис. 35. Пример социопространственной кончанской организации северной деревни. Пинежская деревня Марьиная.

Значения первого уровня связаны с обозначениями жизненного круга человека: под коном понимались начало, конец, предел, что нашло отражение в таких выражениях, как *вот откуда пошёл кон земли нашей, кон его пришёл, конать* — кончать (о смерти человека). Современное выражение *кондовый лес* означает: крепкий, живой, мощный.

Значения второго уровня ориентируют на общественные действия. Например, по В.И. Далю, *ко(а)нтовать* значит пировать, гулять (Симбирская губерния), *коновод* — зачинщик, лидер общественной инициативы. К этому уровню относится и выражение *на кону и смерть красна* [Даль, 1956].

На третьем уровне значения слова связаны с вопросами права и управления: *покон* — обычай, закон; *конать* — ходить, просить по судам (Пермская губерния); *взяти докончание* — заключить договор, мир (ср. *konung* — варяжский князь, коновод).

Таким образом, такое семантически ёмкое и значимое в жизни древних славян слово как кон означает род как таковой с родовым местом, связанным с сакральными, судебными, праздничными действиями и совокупностью земель рода. Отсюда конец — родовое место, земли рода, начало и конец жизни человека.

Околок (околодок) так же, как и конец — слово новгородского происхождения. В древнем Новгороде околодком называлась часть селения, расположенная за пределами городских укреплений, то есть собственно города. В Новгороде сохранился топоним Околодок, относящийся к местности, расположенной вокруг Софийского собора, которая некоторое время находилась за пределами городских стен [Янин, Алешковский, 1971].

Кончанские структуры севернорусских городов и деревень. Истоки реликтовой кончанской структуры севернорусских селений восходят к новгородской традиции.

Кончанская структура — это социопространственная организация севернорусского селения, состоящая из околков (концов).

Кончанские структуры были типичны для севернорусских городов — Великого Новгорода, Пскова, Ладоги, Старой Руссы. Первичное кончанское деление Великого Новгорода, относящееся к X–XI вв., трёхчленно: Славно (Славенский конец или Холм), Неревский конец и Людин конец. Их названия этничны, в основании топонимов лежат племенные названия/самоназвания: Славенский конец отождествляется со славянами, поселившимися на Холме, на правом берегу Волхова, Неревский — с племенем меря, а Людин — с западно-славянским племенем кривичей. В.Л. Янин и М.Х. Алешковский считают, что Новгород возник как федеративно-этническое образование, то есть в процессе развития не город распался на концы, а концы при объединении дали новое целое — Великий Новгород [Янин, Алешковский, 1971]. Воспроизводство кончанских структур обеспечивалось не только родоплеменными и хозяйственными факторами, но и структурой власти. Наряду с общегородским вече, существовали и кончанские вечевые сходки. Печати концов скрепляли договора Великого города, а посольства, в соответствии с новгородской демократической традицией, включали представителей всех новгородских концов. В севернорусских городах концы как важные пространственные компоненты городского культурного ландшафта известны вплоть до XVII в., хотя вечевое правление в них уже отсутствовало [Фадеев, 1976].

Концы существовали и в сельской местности в виде административно-территориальных единиц Новгородской республики. При этом конец охватывал ряд деревень, а в совокупности с погостом — центром нахождения сельской администрации — концы образовывали волость [Даль, 1956]. Такая схема управления в сельской местности просуществовала до конца XV века, до присоединения Новгородских земель к Московскому государству.

В наши дни наличие околков (околодков) в топонимии или местной географической терминологии может служить надёжным показателем генетических связей селения с древним Новгородом.

8.1.3. Пространственная планировка и пространственная ориентация севернорусской деревни

Пространственная планировка севернорусской деревни.

В исследованиях пространственной планировки русской деревни важно различать факторы, связанные с культурной традицией, и внешние факторы, определяемые ролью государства и генераль-

ного планирования. Классификация планировок русских деревень учитывает обе группы факторов [Витов, 1953, Маковецкий, 1962, Русские, 1997, Русский Север, 2001]. Выделяются пять классов планировки сельских селений: свободная, линейная, круговая, порядковая и квартальная, а также смешанные формы.

Фото 4. Деревня Кучкас: пример порядковой планировки. Фото В.Н. Калущкова, 2004 г.

Наиболее характерной для севернорусской культурной традиции является **порядковая, или рядовая планировка**, при которой дома располагаются рядами [Витов, 1955, Бернштам, 1978]. При этом дома всех порядков сориентированы, как правило, в одном направлении (фото 4). Порядки (ряды) тонко учитывают рельеф местности, огибая холмы и излуцины рек. Принципиальное отличие порядковой планировки от **квартальной** в том, что в первом случае в качестве планировочной единицы выступает дом (домохозяйство), а во втором — квартал. Кроме того, первая отражает исторически сложившуюся пространственную самоорганизацию северного крестьянского общества, а вторая — попытку его внешней организации со стороны государства.

В крупных северных деревнях количество порядков может достигать 5–6. Наиболее престижным считался первый порядок,

определявший лицо всей деревни: до революции в нём располагались дома наиболее состоятельных крестьян.

Раньше были порядки, ряды домов. Я из Рябовского порядка на Острове. По фамилии знали, кто откуда (зап. в д. Городецке от Хромцовой Марии Ивановны, 1914 г.р.).

Наряду с порядковой планировкой на Севере распространены линейная, свободная, круговая и смешанная её формы.

В случае с **линейной планировкой** основным принципом территориальной организации является выстраивание относительно линейного объекта-конфигуратора, в качестве которого выступают дорога, улица, река.

При **круговой планировке** (И.В. Маковецкий называет её замкнутой) селение располагается вокруг какого-либо пространственного центра — храма, площади, озера.

В селениях со **свободной планировкой** явный центр отсутствует, и дома располагаются независимо друг от друга. По мнению В.П. Орфинского, свободная планировка селений характерна для северных финно-угорских народов — карел, коми, вепсов [Орфинский, 1989].

Преобладающие тенденции последних десятилетий заключаются в постепенном усилении линейной планировки и смешанных форм (рис. 36).

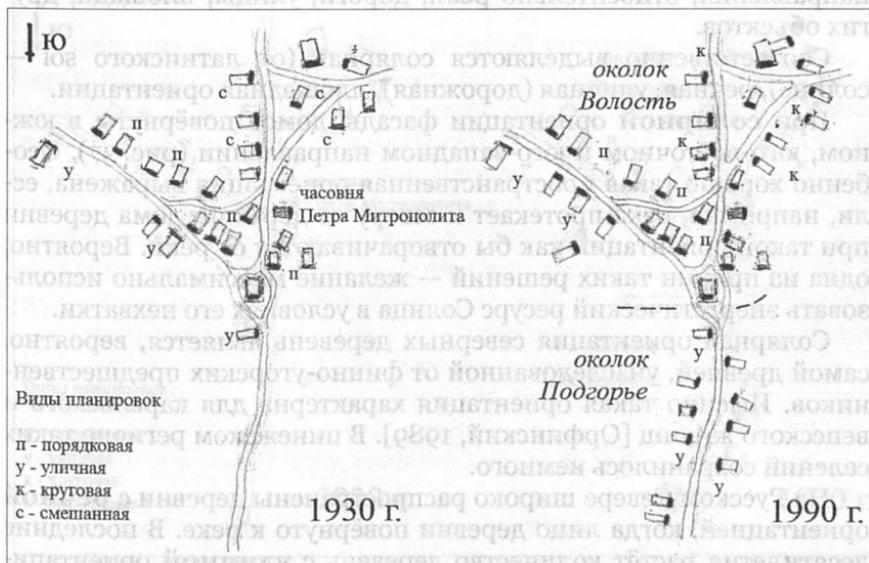

Рис. 36. Планировочная динамика деревни Чёшегора.

Так, в пинежской деревне Чёшегора в 1930-х годах преобладала традиционная для Русского Севера порядковая планировка с элементами линейной в южной части деревни и формирующейся круговой — в её северной части. В центре деревни отчётливо выделяется два порядка домов (рис. 36). Однако уже через полвека линейная планировка стала доминирующей во всей деревне, а новый околок Подгорье, возникший в послевоенное время, целиком спланирован относительно улицы. В северной части деревни преобладает круговая планировка, объектом-конфигуратором которой выступает небольшая деревенская площадь. При этом в околке Волость сохраняются реликтовые фрагменты порядковой планировки (рис. 36).

Пространственная ориентация севернорусской деревни. Пространственная планировка тесно связана с пространственной ориентацией. Пространственная ориентация деревни определяется доминирующим направлением фасадов домов («лица деревни»). Обычно каждый околок деревни обладает своей пространственной ориентацией, своим лицом.

Ориентация тесно связана с таким фундаментальным свойством культурного ландшафта как анизотропность (неравнозначность направлений в пределах культурного ландшафта). Ориентация деревни, как правило, зависит от нескольких факторов. Такими факторами являются положение относительно южного направления, относительно реки, дороги, улицы, площади, других объектов.

Соответственно выделяются солярная (от латинского *sol* — солнце), речная, уличная (дорожная), площадная ориентации.

При **солярной** ориентации фасады домов повёрнуты в южном, юго-восточном и юго-западном направлении (рис. 37). Особенно хорошо такая пространственная ориентация выражена, если, например, река протекает к северу от деревни: дома деревни при такой ориентации как бы отворачиваются от реки. Вероятно, одна из причин таких решений — желание максимально использовать энергетический ресурс Солнца в условиях его нехватки.

Солярная ориентация северных деревень является, вероятно, самой древней, унаследованной от финно-угорских предшественников. Именно такая ориентация характерна для карельского и вепского жилищ [Орфинский, 1989]. В пинежском регионе таких селений сохранилось немного.

На Русском Севере широко распространены деревни с **речной** ориентацией, когда лицо деревни повёрнуто к реке. В последние десятилетия растёт количество деревень с **уличной** ориентацией. Характерным примером ориентационной динамики северно-

русской деревни является деревня Чёшегора (рис. 38). Если в 1930 г. в деревне преобладала архаичная соляная ориентация домов, то в 1990 г. доминировали дома с уличной ориентацией.

Рис. 37. Соляная ориентация деревни с двумя порядками домов.

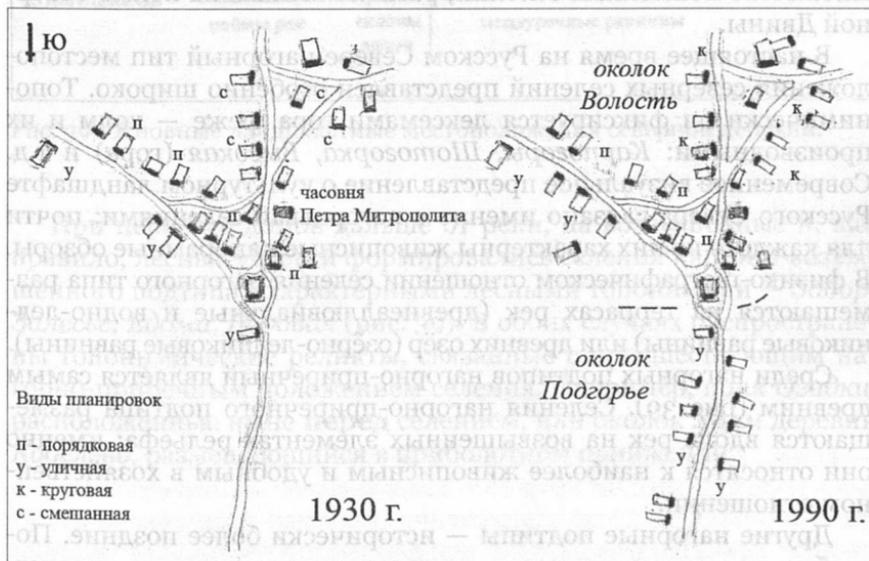

Рис. 38. Ориентационная динамика деревни Чёшегора.

8.1.4. Ландшафтная типология местоположений пинежских селений

В соответствии со своеобразием природных ландшафтов на Пинежье выделяется два основных типа селений по местоположению в природном ландшафте — пойменный и нагорный. В рамках последнего обособляются нагорно-приречный, нагорно-возвышенный и нагорно-низменный подтипы (рис. 39).

Для Русского Севера пойменный тип должен рассматриваться как архаичный, связанный с предшествующими славянам финно-угорскими насельниками, предпочитавшими селиться на поймах рек. Не случайно именно для этого типа характерен наиболее мощный пласт «чуждой» топонимии. Он соответствует пойменным террасам рек с комплексом стихийных природных процессов (половодья, ледоходы, паводки). В весеннее время пейзажи селений, расположенных на пинежской пойме, напоминают венецианские (характерные топонимы *Остров, Полой*, а также финно-угорские с формантами *мень, нень*, например, *Каргомень*).

К началу XXI в., например, на пойме Пинеги осталось немного селений, но среди них такие древние, как *Кеврола* и *Киглохта*; остальные постепенно были перенесены с поймы на возвышенность. А в окрестностях Архангельска, напротив, можно увидеть множество пойменных селений, расположенных на пойме Северной Двины.

В настоящее время на Русском Севере нагорный тип местоположения северных селений представлен особенно широко. Топонимически он фиксируется лексемами гора, реже — холм и их производными: *Карпогоры, Шотогорка, Высокая* (гора) и т.д. Современное визуальное представление о культурном ландшафте Русского Севера связано именно с нагорными селениями: почти для каждого из них характерны живописные панорамные обзоры. В физико-географическом отношении селения нагорного типа размещаются на террасах рек (древнеаллювиальные и водно-ледниковые равнины) или древних озёр (озёрно-ледниковые равнины).

Среди нагорных подтипов нагорно-приречный является самым древним (рис. 39). Селения нагорно-приречного подтипа размещаются вдоль рек на возвышенных элементах рельефа: именно они относятся к наиболее живописным и удобным в хозяйственном отношении.

Другие нагорные подтипы — исторически более поздние. Потребности в новых пашнях и сенокосах приводили к пространственному перемещению селений на новые места, расположенные

дальше от реки; при этом в хозяйственный оборот вовлекались хорошо удобренные земли бывших усадеб. Новые дома старались строить неподалёку от разрабатываемых полей, и в тех случаях, когда суходолов для строительства домов не было, деревни размещались в сырых и заболоченных неудобьях. Так возникали селения нагорно-низменного подтипа (рис. 39).

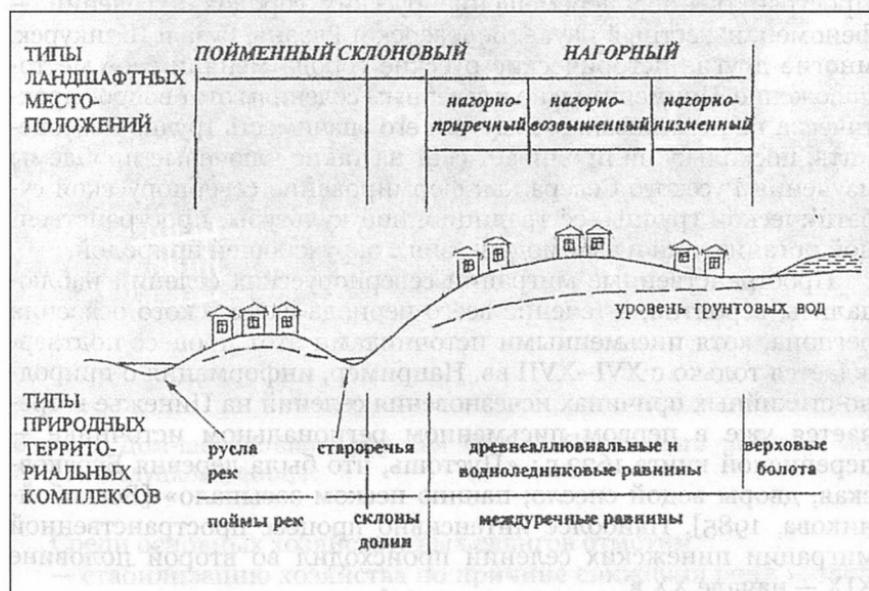

Рис. 39. Основные ландшафтные местоположения северной деревни.

При переносе домов дальше от реки, на возвышенные и, как правило, лесные участки формировались селения нагорно-возвышенного подтипа с характерными лесными топонимами — *Забор*, *Залесье*, *Едома*, *Боровая* (рис. 39). В обоих случаях распространены топонимические реликты, связанные с предшествующим нагорно-приречным положением селения. Например, поля *Озадки*, расположенные ныне **перед** селением, или околок *Холм* деревни *Кобелёво*, размещающийся в приболотном понижении.

8.2. ФЕНОМЕН СТРАНСТВУЮЩЕГО СЕЛЕНИЯ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

8.2.1. Значимость феномена странствующего селения в культурно-географических исследованиях Русского Севера

Пространственное перемещение русских городов и селений — феномен, известный науке. Белозерск и Рязань, Руза и Шенкурск, многие другие исторические русские города меняли свое местоположение. Применительно к северным селениям этот вопрос практически не исследован. Между тем его значимость трудно переоценить, поскольку он проливает свет на такие ключевые проблемы изучения Русского Севера как формирование севернорусской субэтнической группы, её традиционной культуры, пространственной организации и взаимодействия с окружающей природой.

Пространственные миграции севернорусских селений наблюдались, вероятно, в течение всего периода славянского освоения региона, хотя письменными источниками этот процесс подтверждается только с XVI–XVII вв. Например, информация о природно-стихийных причинах исчезновения селений на Пинежье встречается уже в первом письменном региональном источнике — переписной книге 1623 г.: «Пустошь, что была деревня Бураковская, двory водой снесло; пашню песком засыпало» [Воскобойникова, 1985]. Наиболее интенсивно процесс пространственной миграции пинежских селений происходил во второй половине XIX — начале XX в.

В Пинежском районе последнее перемещение произошло в 1929 г. Расположенное на пойме Пинеги селение Чухчинемь переехало на гору к Чухчинемскому погосту. Переезд был связан с экстремально высоким уровнем половодья, вызвавшим разрушения домов и хозяйственных построек. При этом произошло закономерное изменение названия переехавшего селения с пойменного *Чухчинемь* (наволок, пойменный луг речки Чухчи) на нагорное — на *Едому*. В результате, спустя всего несколько десятилетий, Чухчинемская церковь стала именоваться Едомской. В Шенкурском районе случаи переезда пойменных деревень на гору известны в 1960-е годы.

Однако сущность вековой пространственной динамики русского северного селения не сводится лишь к смене пойменного местоположения на нагорное и постепенному освоению селянами между-речных пространств. Пространственные перемещения селения неизбежно влекут за собой соответствующие изменения в хозяйственном укладе и пространственном менталитете.

Фото 5. Дом-шестистенок (деревня Сульца Пинежского района). Фото В.Н. Калуцкова, 2004 г.

Среди основных хозяйственных сдвигов отметим:

- стабилизацию хозяйства по причине снижения роли катастрофических факторов — паводков, половодий, ледоходов;
- расширение площади сельскохозяйственных угодий за счёт вовлечения в хозяйственный оборот бывших приусадебных участков и новых участков в лесу — *чищенин* и *новин*, чему способствовала система обыденного права;
- изменение системы водоснабжения и появление колодцев разного типа;
- изменение транспортной системы, строительство новых сухопутных дорог.

Изменение местоположения селения существенным образом меняет и мироощущение жителей. По мере удаления селения от реки заметно снижается её роль в местной культурной традиции и возрастает роль леса. Это связано не только с расширением окоёма селянина, видимого им горизонта, границ «земли знаемой» и «незнаемой», но и с реорганизацией системы сакральных объектов, игравшей исключительную роль в жизни северян. В результате ранее удалённые от селения и расположенные на го-

ре (на едоме), вдоль дорог и на перекрёстках погосты, обетные кресты, часовни «втягивались» в пространство деревни, в поле её жизнедеятельности. На вновь осваиваемых землях возводились новые святыни.

Таким образом, основными факторами вековых пространственных миграций северных деревень являются природный, хозяйственный и фактор культурной традиции, который проявляется в некоторых «строительных» поговорках, запрещающих строительство нового дома на месте пожара или на поле.

Пространственное перемещение селений и связанное с этим изменение хозяйственной и культурной традиций обладает определённой закономерностью, которая может быть сформулирована как ландшафтная история северного селения с выделением пойменного и нагорного этапов.

8.2.2. Механизм перемещения: модель многоножки

Механизм перемещения северной деревни с одного места на другое имеет социальную составляющую. Решение о переезде деревни принималось на сходе её жителей и представляло собой местную программу развития. В каждом конкретном случае намечалось место, последовательность и скорость перемещения. За исключением катастрофических случаев, реализация такой масштабной для деревни программы занимала не одно десятилетие. При этом реализация самого переезда осуществлялась постепенно, по отдельным околкам и отдельным домам, напоминая неторопливую многоножку (рис. 40).

Иногда изменение внешних обстоятельств не позволяло осуществить принятую программу до конца; современная кончанская организация некоторых деревень отражает эту нереализованность. Так, старожилы пинежской деревни Большое Кротово вспоминают, что на деревенском сходе, состоявшемся перед первой мировой войной, было принято решение о перемещении деревни подальше от реки к лесу, на неплодородные песчаные земли. Называлась и основная причина такого решения — хозяйственная: земли, на которых расположена деревня, издавна считались плодородными и наиболее благоприятными для выращивания ржи. Учитывалось также, что качество земли повысилось за счёт хорошо удобренных деревенских огородов. Принятое решение осуществлялось «естественным образом»: старые дома не подновлялись, а новые строились сразу на новом месте — за лесом, или по-местному, *за бором*. Отсюда и название нового околка —

Зáбор. Микротопонимический анализ деревни выявил околос с названием *Запóлек*, то есть расположенный за основными деревенскими полями. Это значит, что в истории данной, как и других деревень Русского Севера, это было не первое перемещение.

Рис. 40. Феномен странствующего селения: модель многоножки.

Однако война, революция и коллективизация не позволили реализовать территориальную программу полностью. Современная пространственная организация деревни Большое Кротово, большая часть околос которой осталось на старом месте, а один — Забор — находится в стороне, напоминает нам и о традициях самоуправления, и о нелёгкой судьбе северной деревни в XX веке.

8.2.3. Историко-этимологическое исследование понятия *деревня*

В основе слова *деревня* лежит корень *дор*, корень, который проявляется в словах *драть*, *дранка*, *деревня*, *дорога*, *дёрн*, *раздор* [Мурзаев, 1984]. Повсеместно встречаются и топонимы с этим корнем, например, *Раздоры*, *Дорка* и другие. Первичное значение слова *дор* как места, очищенного от леса, соотносится с техноло-

гией подсечно-огневого земледелия, один из элементов которой связан с выкорчёвыванием (буквально выдирианием) пней из земли. Поэтому в XIV–XV веках под деревней понималось *пахотное поле, земельное угодье, участок земли, владение*.

В отсутствии на Русском Севере крепостного права и крупных землевладений, вероятно, кроется причина лучшей сохранности архаичных значений слова деревня в значении не только селение, но и поле. Например, в исследовании В.Я. Дерягина приводится диалектное выражение «пахать деревню», а в словаре Подвысоцкого — слово *деревенщина* в значении «невеста с приданым в виде пахотного поля» [Дерягин, 1971, Подвысоцкий, 1885].

Двойственность значения слова деревня на Севере затрудняет работу с историческими документами. Например, в переписной книге 1623 г. говорится: «Деревня, что была деревня Ламбуя, двory водой снесло» [Воскобойникова, 1985]. В первом случае под деревней понимается совокупность земельных угодий, а во втором — собственно деревня как селение с принадлежащими ей угодьями. Значит, приведённая выше цитата может быть «переведена» следующим образом: «Поле, на котором была расположена деревня Ламбуя, двory которой унесло половодьем».

С другой стороны, топонимия севернорусских деревень и топонимия связанных с ними полей и лугов может совпадать. Этот момент можно использовать при исследовании феномена странствующего селения для пространственной локализации старых местоположений деревень.

8.2.4. Фольклорная индикация феномена странствующего селения

При проведении культурно-ландшафтных изысканий особая роль принадлежит фольклорным источникам, прежде всего тем, содержание которых может быть пространственно локализовано. Исторические и топонимические предания, присловья, прозвища, частушки и другие фольклорные жанры в силу своей традиционности (и как следствие — устойчивости к временным изменениям) могут удерживать такую информацию о местности и селениях, на ней расположенных, которую иными способами добыть крайне трудно, а порой и невозможно. К примеру, прозвища жителей Немнюги и Заозерья — *немнюжана-грязнотропы, заозёра-грязноподолки* — должны быть отнесены к реликтовым, так как характеризуют прежнее низкое, пойменное местоположе-

ние деревень (современные же деревни располагаются на сухом высоком месте). Как «пойменное» в отдельных случаях может рассматриваться и прозвище *водохлёбы*, даваемое жителям селений, затопляемых во время весеннего паводка.

Анализ фольклорного материала дополняет результаты, полученные другими специальными методами, что важно для комплексного выявления и картографирования феномена странствующего селения. Почти в каждом пинежском селении можно услышать рассказ о том, что раньше деревня была на другом месте — *на усы, на угоре, о реку*. Более точные сведения об истонном местоположении многие старожилы сообщить уже не могут. И здесь на помощь исследователю приходит фольклорный материал.

Приведём пример исторического предания, содержащего явные сведения о пойменном местоположении деревни в прошлом (пинежская деревня Марьина).

Раньше деревни были на лугу, за рекой. Лет за пятьдесят яма на лугу появилась бездонна. Дом-то с игрищем и провалился. Марья-то выехала оттуда, с луга, с сыновьями и поселилась сюда (на гору. — В.К.). А место это (на лугу. — В.К.) называется Иженьга. Кеврола (Кевроль город был) — она-то на лугу, Киглохта — тоже на лугу, Ёркино — тоже. Когда приехали на Пинегу, народ поселялся на лугах. А потом, то ли топило, переехали на гору (Зап. в д. Марьиной от Фёдорова Фёдора Дмитриевича, 1917 г.р.).

Другое предание позволяет восстановить факт перемещения деревни с горы вглубь водораздела (пинежская деревня Жабей).

Раньше деревня была на угоре, о наволок. Дед, Егор Андреевич Козмин, рассказывал, что его дед (прапрадед Е.В. Немытова. — В.К.) построил первый напённый дом (на пнях. — В.К.): рубили и строили на месте (Зап. в д. Жабей от Немытова Евгения Васильевича, 1927 г.р.).

Другой пример — деревня Малое Кротово.

Раньше, до родителей, деревенька размещалась вдоль Ручья. И эти поля назвались Дворища. И переселение было в 1890-х годах (Зап. в д. Малое Кротово от Ермолиной Ангелины Алексеевны, 1929 г.р.).

В ряде случаев только фольклорные источники могут объяснить необычные причины перемещения селения. Так, согласно верованиям пинежан, нельзя было строить новый дом или деревню на месте сгоревших: это обрекало их на новые беды. С этим поверьем также были связаны пространственные подвижки деревень.

А тут, как по описаниям полей, дак вот Пожарище. Пожарище — значит, чего-то строение было. Вот когда обрабатывали землю, дак ещё при колхозе находили, когда пахали, доски. На пожарище не ставят (новые дома. — В.К.). Стары люди поминуют, что там Кевроль был. Значит, он сгорел, и уже не селились люди на пожарищах (Зап. в д. Немнюга от Богдановой Марии Николаевны, 1935 г.р.).

Сведения о пойменном или нагорном положении деревни могут содержаться в географических песнях (их анализу посвящена глава 10) или частушках о деревнях.

8.2.5. Выявление разрывов и отсутствия преемственности исторических рядов (на примере пинежской деревни Марьино)

Анализ исторических рядов селений обладает значительными достоинствами, поскольку позволяет исследовать не только историческую, но и ономастическую динамику селения, изменение его статуса и восприятия. Анализ исторических рядов как исследовательская процедура хорошо апробирован в исторических исследованиях Русского Севера [Витов, 1955, Власова, 1976]. Кроме того, этот исследовательский приём при наличии массового материала позволяет осуществлять историко-географическое картографирование.

Применительно к феномену странствующего селения этот приём позволяет выявлять разрывы исторических рядов, отсутствие в них преемственности, и тем самым фиксировать моменты начала и окончания пространственного перемещения селения, причём принципиально важно именно сочетание: одновременное прерывание одного ряда и начало другого. К примеру, Пинежье таким историческим материалом хорошо обеспечено, начиная с XVII в.; основными источниками информации служат писцовые книги.

Рассмотрим возможности и ограничения данного исследовательского приёма на материале пинежской деревни *Марьино* (историческое название *Марьино гора*). Анализ исторических рядов деревни Марьино показывает (табл. 12):

- 1) только два околка Марьиной — Савино и Спицино — обладают непрерывной исторической преемственностью: документально подтверждается их существование с начала XVII в. до настоящего времени; для большей же части околков фиксируются либо прерывания исторических рядов, либо отсутствие их преемственности;

Таблица 12

Выявление разрывов и отсутствия преемственности в исторических рядах околков деревни Марьина
[по данным Н.П. Воскобойниковой, 1985,1990]

1623 г.	1678 г.	1861 г.	1922 г.	1995 г.
д. Савинской холм	Савин холм	Савин холм	Савина	Савино
д. Спицина гора	Спицина гора	Спицегорская	Спицина	Спицино
д. Черленая гора	Черленая гора (Морозово, Денисово) ОП ОП ОП ОП	Чивлена гора	Морозница (Малая Черв- ляная гора)	Морозница*
д. Денисовская		Верхнее	Верхний	
		Забор	Забор	
		Никольская	Никольский	
		Чуркино	Чуркино	
д. Марышевская (Брасова гора)	Бречева гора	Брячева гора		Р
д. Микитинская (Дробининская)	Дробининская у часовни	Дробининская		Р
д. Ивашевская	Ивашевская	Ивановская		Р
д. Котельниковская, п.пoch. Ивашевский	Котельникова	Котельникова		Р
д. Подольская	Подольская	Подольская		Р
	ОП	д. Борисовская		Р
	ОП	д. Сысоевская		Р
д. Ермолинская	Ермолинская			Р
д. Кувшиново	Кукшиново (1686)			Р
д., что был поч. Степанидин (Чкотцкое)	Степанидин почи- нок			Р
д. Кареполе				Р
д. Терешинская с п. поч. Сергеевым				Р
займ. Степановское				Р
пуст. Кузминский починок				Р
пуст., что была д. Ивашевская				Р
пуст., что был поч. Онофреевской				Р
пуст. Александров- ский погост				Р

* ныне — околков соседней деревни Шотовой.

Р — разрыв исторического ряда, ОП — отсутствие преемственности; д. — деревня, займ. — займище, п. поч. — припущенный починок (поле, присоединённое к другой деревне), поч. — починок, пуст. — пустынь.

2) значительная часть околков, упомянутых в 1623 г., исчезает к середине XVII в., что связано с оттоком пинежан, не желающих платить налоги, в отдалённые районы страны;

3) первый случай прерывания одних исторических рядов (Ермолинская, Кукшиново, Степанидин починок) и отсутствия преемственности других (Борисовская, Сысоевская) приходится на конец XVII — начало XVIII века. Второй случай фиксируется во второй половине XIX — начале XX в. Он связан с исчезновением семи околков, насчитывающих 34 двора и свыше двухсот жителей. Это могло бы навести на мысль о какой-то катастрофе местного масштаба, если бы при этом на новом высоком месте не «появились» четыре «новых» околка.

Используя двойственность понимания деревни на Русском Севере (как поля и как селения), мы продлили некоторые исторические ряды околков деревни Марьиной за счёт привлечения собственных данных по современной (1995 г.) топонимии полей и лугов. Полученные результаты превзошли все ожидания: целый ряд топонимов полей и названий деревень (околков) совпал, что позволило надёжно локализовать их на крупномасштабной карте (табл. 13).

Таблица 13

Продление исторических рядов деревни Марьи́на на основе современной топонимии её сельскохозяйственных угодий

1623 г.	1678 г.	1861 г.	1960-е гг.	1995 г.
д. Кувшиново	Кукшиново (1686) Р	?	поле Кувшиново	поле Кувшиново
д. Микитинская (Дробининская)	Дробининская у часовни	Дробининская Р	поле Дробницкое	поле Дробницкое
д. Котельниковская, п. поч. Ивашевский	Котельникова	Котельникова Р	поле Котельниково	поле Котельниково
д. Подольская	Подольская	Подольская Р	поле Подольско	поле Подольское

Р — разрыв исторического ряда; д. — деревня, п. поч. — припущенный починок (поле, присоединённое к другой деревне).

Об эффективности данного метода свидетельствует и тот факт, что на его основе удалось реконструировать прежнее местоположение деревни *Кувшиново*, которая после 1686 г. в письменных источниках уже не упоминается. Другой пример — поле/деревня *Котельникова*. Его пространственной локализации способство-

вали данные топонимического опроса: кроме названия поля в памяти марьегорских старожилов ещё сохраняется старое название ручья *Котельников*; в наши дни этот ручей всё чаще называется *Зáборским* (по причине примыкания к околку *Забор*).

Таким образом, на основе использования метода ландшафтной индикации возможна пространственная локализация исторического (пойменного) местоположения многих деревень Русского Севера до начала их «переселения» на гору.

8.2.6. Пространственная локализация странствующих селений (на примере сурских деревень Пинежья)

Проводя исследования сурского куста Пинежья, мы столкнулись с массовым распространением феномена странствующего селения (рис. 41). Метод ландшафтной индикации (раздел 2.2.2.), соотносящий разные исследовательские приёмы и процедуры (пространственный анализ, микротопонимическое картографирование, привлечение данных исторических рядов, результатов фольклорных изысканий), позволил выйти на вопросы типологии исследуемого феномена.

Выделяются следующие типы ландшафтно-топонимических ситуаций:

- ситуация изменения названия в связи с изменением местоположения селения с приречного на нагорное (самая распространённая на Пинежье);
- ситуация восстановления старого названия при объединении селений и переезде одного из них;
- ситуация сохранения старого названия при изменении местоположения селения.

Ландшафтно-топонимическая ситуация первого типа наиболее распространена на Пинежье (табл. 14).

«Деревня Прилук раньше была у реки. Русло река сменила, заливать стала — на горку перебираться стали», — вот пример одного из объяснений старожилов. Смена местоположения селения приводит к изменению его названия, что и фиксируется с помощью ландшафтно-топонимического метода, подкрепляемого опросом жителей.

Нагорные названия и соответственно местоположения деревень выявляются и при овладении местными географическими терминами. К наиболее типичным ландшафтным топонимам, ин-

дикаторам нагорных местоположений сельских культурных ландшафтов Пинежья, относятся такие, как *Гора* и *Гóра*, *Холм*, *Щелья*, *Слуда*, *Едома* и производные от них. Такие переезды селений особенно активно происходили в пореформенное время, в конце XIX — начале XX в. и потому хорошо сохранились в памяти жителей.

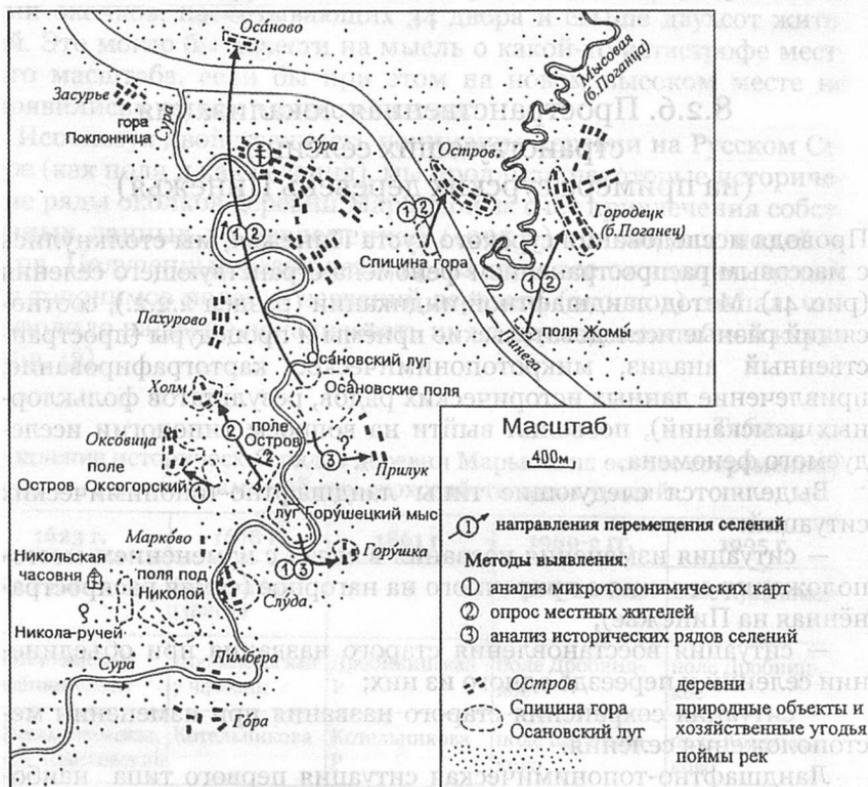

Рис. 41. Феномен странствующего селения: сурские деревни Пинежья.

Другая не менее распространённая на Пинежье ситуация — слияния двух или более селений: при этом одно из них является старожилом, а другие — «приехавшими на подселение» (табл. 15). Если первый случай может быть исследован с помощью одного ландшафтно-топонимического метода без привлечения других, то в данном случае необходимо комплексирование методов.

Таблица 14

Ситуация изменения названия в связи с изменением местоположения селения — с приречного на нагорное [по данным Н.П. Воскобойниковой, 1985, 1990]

1623 г.	1678 г.	1744 г.	1859 г.	1905, 1922 гг.	1976 г.
Якушевская за рекою	Мыс (Якушевская)	СТ Мысовская	СМ Мысовская (Слудка)	Мысовская (Слуда)	СТ Слуда
Иевлевская	СТ Верхней Прилук (Иевлевская)	Верхне-Прилуцкая	Верхне-Прилуцкая (Горушка)	Верхне-Прилуцкая (Горушка)	Горушка
Требесовская	Воганово (Требесово)	Вагановская (Требесовская)	СТ Вагановская	Вагановская СМ СТ Холм	Холм

СМ — смена местоположения селения, СТ — смена топонима.

Таблица 15

Ситуация восстановления старого названия при объединении селений и переезде одного из них

1623 г.	1678 г.	1744 г.	1859 г.	1905, 1922 гг.	1976 г.
		Спицегорская СМ			
			Спицегорская (Остров)		
Юркино Печице	Остров (Юркино)	Юркинская	Юркина	Остров (Спицегорская, Юркинская)	СТ Остров

СМ — смена местоположения селения, СТ — смена топонима.

В примере с селением Остров причиной смены местоположения деревни Спицегорская явилась р. Пинега, которая стала подмывать левый берег, вследствие чего деревня переехала на правый берег, на километр ниже по течению. Это событие произошло в конце XVIII — начале XIX в.: оно хорошо фиксируется топонимически, картографически [Атлас Архангельской епархии, 1890] и опросными методами.

На этом примере хорошо демонстрируется разрывность между физическим перемещением деревни, изменением её названия и восприятием этих процессов (рис. 41, табл. 15). Деревня Спице-

горская переехала на противоположный берег Пинеги, разместившись вплотную к Юркинской, но она ещё долгое время воспринималась как отдельная деревня. И лишь после завершения процесса перемещения в качестве нового наименования объединённой деревни населёнными было взято компромиссное старое (конца XVII в.) ландшафтное название Остров, отражающее местоположение деревни на валобразном повышении среди поймы: две деревни стали восприниматься как одно целое.

В заключение отметим, что выявленные нами при анализе отдельных селений ландшафтно-топонимические ситуации Пинежья являются типичными для всего Русского Севера.

Глава 9

ТОПОНИМИЯ СЕВЕРНОРУССКОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

На Русском Севере топонимия выступает в качестве важной информационной характеристики природных, эстетических, хозяйственных, пространственно-ориентационных и статусных особенностей ландшафта. На формирование региональной топонимии большое влияние оказали мощный финно-угорский топонимический субстрат, особенности исторического развития огромного края, выражающиеся в отсутствии крепостного права и соответственно — владетельно-именной топонимии. Кроме того, «ландшафтность» севернорусской топонимии определяется экстенсивно-промысловым характером традиционного природопользования. Традиционное природопользование (охота, рыбная ловля, собирательство, дальние поля и сенокосы), фрагменты которого сохранились и в наши дни, требовало перемещений на значительные расстояния и, тем самым, способствовало формированию пространственного мышления у местных сообществ.

9.1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ТОПОНИМИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

В 1960–1970-е годы при проведении топонимических исследований географы уделяли внимание вопросам ориентации, отражению природных свойств местности в топонимии и топонимическому образу местности [Мурзаев, 2001]. При этом информационная база географо-топонимических исследований выстраивалась на основе использования мелкомасштабных общегеографических карт стран или крупных регионов. Словесной формулой этого этапа развития географической топонимики можно считать выражение «Топоним — слово на географической карте».

Ситуация качественно изменилась в результате массовых полевых исследований локальных культурных традиций, осуществлённых в 1970–1980-е годы топонимистами, диалектологами, лингвистами, фольклористами. Одним из важнейших научных итогов, полученных в этот период, явилось представление о пространственных взаимоотношениях в топонимии. В результате были выявлены и исследованы такие характерные для традиционной культуры пространственные оппозиционные пары, как ближний/дальний, правый/левый, передний/задний, верх/низ, начало/конец и другие. [Березович, 2000]. Тем самым топоним получил дополнительные пространственно-географические характеристики. Применение концепции культурного ландшафта к ономастическим и топонимическим исследованиям привнесло другие географические характеристики — территориальную и средовую [Калуцков, Иванова, Давыдова и др., 1998].

Представление о **ландшафтном топониме** возникает в результате развития идей В.П. Семёнова-Тян-Шанского, Э.М. Мурзаева, А.К. Матвеева, Е.Л. Березович, других исследователей. **Ландшафтными называются такие топонимы, которые несут в себе представление о ландшафте определённой местности** — своеобразии её традиционной культуры, природных, хозяйственных, этноязыковых и селенческих особенностях. Фундаментальное свойство ландшафтного топонима — отражать природно-исторические состояния ландшафта — и лежит в основе ландшафтно-топонимических исследований.

Топоним имеет сложную географическую природу.

С одной стороны, неотъемлемым свойством топонима является его территориальность. За топонимом всегда стоит определённый географический объект. При использовании топонима в житейских ситуациях или в научных исследованиях последний часто не озвучивается, то есть присутствует в латентной форме: к примеру, говорится *Москва*, а подразумевается *город Москва*, говорится *Волга* вместо *река Волга*, *Байкал* — вместо *озеро Байкал*. В ряде случаев географический объект входит в состав топонима, например, *Кенозеро*. Для того чтобы подчеркнуть эту географическую грань природы топонима, которая нередко забывается исследователями, было введено понятие топоса [Калуцков, 2004 б]. **Под топосом понимается именно место**, то есть территория, получившая своё название (более подробно — глава 3).

С другой стороны, топоним является частью ландшафтно-топонимической среды, определённого культурного ландшафта. Это особенно ярко проявляется при исследованиях локальных культурных традиций. Любой город и даже самая маленькая деревня

формируют свою топонимическую систему, являясь центрами топонимической номинации окружающего их пространства [Калуцков, 2000]. В таком контексте топоним рассматривается как часть целого — определённого культурного ландшафта. Последнее предполагает выявление места топонима (или этника) в культурном ландшафте, его значимость, связь с другими местами-топонимами и т.д. Поэтому культурный ландшафт своими этнокультурными, хозяйственными, природными, организационными особенностями выступает по отношению к топониму и как среда и как упорядочивающая система.

Сущность **принципа метонимии** заключается в принципиальной возможности переноса названия с одного ландшафтного объекта (топоса) на другой.

При проведении ландшафтно-топонимических исследований в ряде случаев эффективно использование сформированного в ономастике представления о топоформанте.

Под топоформантом понимается часть топонима, которая представляет собой народный географический термин. Например, в топониме Красная горка топоформантом выступает термин горка.

Ландшафтно-топонимическое картографирование позволило выявлять природно и культурно обусловленные ареалы топоформантов. Анализ пространственного распределения массовых топоформантов позволил подойти к **топонимической формуле природного ландшафта**, которая в компактной форме отражает своеобразие освоения окружающих природных комплексов местным сообществом.

9.2. ЛАНДШАФТНАЯ ТОПОНИМИЯ ПИНЕЖЬЯ

9.2.1. Ландшафтные топонимы Пинежья как индикаторы особенностей ландшафта

В качестве индикаторов природных особенностей пинежского ландшафта выступают речные, орографические, лесные и болотные топонимы. Они составляют значительную часть топонимической системы Пинежья.

Среди речных укажем такие, как *Щелья* (щелья — крутой обрывистый берег реки), *Подол* (подол — пологий и нередко заливаемый склон к реке), *Прилук* (прилук — примыкающий к излучине реки), *Полой*, *Плёсо* и другие; значителен пласт «чудских» топонимов типа *Лохта* (лохта, лахта — залив).

Широкое распространение на Пинежье орографических ландшафтных топонимов определяется преобладанием нагорного местоположения селений. Укажем на наиболее типичные базовые лексемы: холм, гора́ и го́ра (горы), ёдома (гора, залесённая гора), слúда (песчаная гора) и другие.

Среди лесных топонимов назовём *Бор*, *Боровóю*, *Берёзник*, *Щипúсник*, отражающие характер окружающей лесной растительности.

Другая особенность ландшафта Пинежья — обилие и разнообразие болот — также проявляется в местной географической лексике и, соответственно, топонимии. Например, лы́ва означает низинное пойменное и, как правило, топкое болото, ра́да — верховое болото, залесённое, проходимое, представляющее собой хорошее ягодное угодье, сура́док — небольшое болото, толсто-мошник — сырое приболотье, чисть — верховое безлесое болото, наиболее опасное с зыбуна́ми (топкими местами). Все названные местные географические термины активно используются в болотной топонимии.

Ландшафтные топонимы, выступающие в роли индикаторов хозяйственных особенностей ландшафта, представлены в топонимической системе Пинежья более скупо. В качестве примера назовем поле *Рёпище* (ранее засевавшееся репой), *Наволо́к* — пойменный сенокосный луг.

Пространственно-ориентационные топонимы сориентированы либо относительно реки и сторон света, либо близости/удалённости жилого пространства. В нормальной ландшафтно-топонимической ситуации к первым должны быть отнесены такие топонимы, как *Усть-Не́мнюга*, *Усть-Выйская*, *Верхний Конец*, *Нижний Конец*, которые обозначают разные околки деревень, расположенные в устьях рек или относительно направления их течения, *Лётние поля* (сориентированы на лето, то есть на юг), а ко вторым — нумерация ро́станей (перекрёстков дорог) по их отношению к деревне (*Первая рoстань*, *Вторая рoстань*, *Третья рoстань* и т.д.). Другой пример: местный географический термин сузём указывает не только на глухой еловый лес, но и на удалённое от жилья место (край местной ойкумены); ближние же к деревне земли часто называются местными жителями домашними (*Домашние поля*, *Домашний наволо́к*, *Ближняя речка*).

В качестве индикаторов административно-управленческого статуса места на Пинежье, как и на всём Русском Севере, выступают топонимы типа *Городок*, *Городище*. Наиболее яркий пример — *Кевроль-город*, древняя столица Пинежья, который оставил целую гроздь ярких микротопонимов: *Воеводский косúк* (спуск к реке), луг *Боярицина*, поле *Казнúха*, ручей *Трупáниха*, в совокуп-

ности позволяющие реконструировать жизнь ушедшего города. На Русском Севере широко распространён и другой статусный топоним — *Волость*, ясный индикатор периода земского самоуправления.

9.2.2. Некоторые ландшафтно-топонимические закономерности Пинежья

Мощный пласт топонимов финно-угорского происхождения придаёт своеобразные черты традиционному культурному ландшафту Русского Севера.

Анализ топооснов показывает, что подавляющая часть финно-угорских топонимов связана с пойменным ландшафтом (табл. 16). Об этом свидетельствует этимология приведённых в таблице основ: *уга, ёга* — река, *оя, уя* — ручей, *лохта, лахта* — залив, *курья* — пойменная протока, *немь, нема, мень, мена* — наволок, *кула* — рыба, *ламба* — озеро.

Таблица 16

«Чудские» топонимические основы в названиях селений Пинежья

Индикаторы	пойменных местоположений	склоновых местоположений	нагорных местоположений
прямые	-уга, -ёга (Вáймуга)		ёдома (Едома)
	-оя, -уя (Лáмбуя)		
	-немь, -нема, -мень, -мена (Чухченемь, Шардомень)		
	курья (Курья)		
	курга (Кúрга)		
косвенные	лохта, лахта (Лóхта)		
	ламба (Лáмбас)		
	кула (Кúлаозеро)		

В скобках приведены примеры ландшафтных топонимов пинежских селений.

Данный вывод подтверждается и фольклорным материалом, в частности, историческими преданиями о чуде:

Чудь была на волоках, в лугах. До сих пор борозды видны. Это быват на веках было. Уж Бог знат, где это было. Чудь земледелием занималась, дак борозды от этого (Зап. в д. Шотогорке от Широкой Настасьи Романовны, 1898 г.р.).

Таким образом, «чудской» топонимический материал имеет узкую ландшафтную амплитуду и, будучи тесно связанным с рекой, жёстко «вписывается» в пойменный ландшафт Пинеги.

В отличие от него русская топонимическая система охватывает не только пойменно-речные, но склоновые и особенно — нагорные местоположения (табл. 17). Освоение Пинежского края русскими сопровождалось ассимиляционными процессами, в ходе которых происходило заимствование от финно-угорского населения хозяйственно-промысловых навыков и элементов традиционной культуры, в том числе языковых.

Таблица 17

Русские топонимические основы в названиях селений Пинежья

Индикаторы	пойменных местоположений	склоновых местоположений	нагорных местоположений
прямые	устье (Усть-Пышенец)	щелья (Щелья)	гора (Горушка, Горá, Гóра, Карпогоры)
	наволок (Наволоцкая)	слуда (Слúда)	холм (Холм)
	мыс (Мысовская)	подгорье (Подгóрье)	
	лыва (Зальвье)	подол (Подольская)	
	прилук (Прилúк)		
	нос (Нóсовка)		
косвенные	остров (Заостровская)		березник (Березник)
	озеро (Заозёрье)		бор (Боровая, Зáбор)
			залесье (Залесье)
			городок (Городок)

В скобках приведены примеры ландшафтных топонимов пинежских селений.

«Чудские» топонимы могли войти в русский язык в первоначальном или в трансформированном виде. В последнем случае процесс ассимиляции сопровождался либо фонетической русификацией топонима, либо его семантической инверсией. Фонетическая русификация в современной топонимической системе Пинежья представлена не столь широко. В качестве примера назовем топоним Ёркино, который в документах XVIII в. представлен как Ерконемь (Ерконемская волость). Отметим, что при этом был утрачен важный ландшафтный индикатор пойменного местоположения — *немя*.

Другая ситуация с семантическими инверсиями, которые обычно выстраиваются на случайных фонетических созвучиях и связанных с ними ассоциациях. Так, топоним Русковера интерпретируется современными пинежанами как сложный, возникший из двух слов — русская вера. На основе этой этимологии был создан сюжет предания о крещении в этом месте поляков. Сходную ситуацию мы имеем и с топонимами Веркола, Лавела, Чакола. В финно-угорских языках топоформант *ла* означает «место, местность». В русских преданиях о топонимах, в состав которых входит топонимическая основа *ла*, присутствует другая интерпретация:

Была баба Ла. Она была чушь. Чудь, значит. Вот и говорят: она вела эту чудь, значит, здесь. Потом она пошла на Верколы. Там она место приметно поставила, сказала: «Я там кол забила. Верь колу! Плати колу! Я приду — проверю. Граница!» (Зап. в д. Нюхче от Когина Василия Степановича, 1938 г.р.);

Веркола называется потому, что был воевода Верь Колу, Кеврола — воевода Кевроль, Лавела — Лава воевода был, занимал это местечко (Зап. в д. Верколе от Чаусова Прокопия Антоновича, 1908 г.р.).

9.3. ЛАНДШАФТНАЯ ТОПОНИМИЯ КЕНОЗЕРЬЯ

Исследование ландшафтно-топонимических закономерностей другого интересного северного региона — Кенозерья, расположенного в юго-западной части Архангельской области, проходило по другим методическим основаниям.

Богатейший топонимический материал [Дерягин, Дерягина, Манихин, 1987] был положен на карту природных ландшафтов Кенозерского национального парка [Бондарь, Калущков, 2003]. Методическим новшеством данного исследования явилось использование в качестве основной единицы анализа не топонима, а топоформанта. Напомним, что топоформантом называется часть топонима, представляющая собой народный географический термин.

Основные требования, предъявляемые к топоформантам — массовость и индикационность. Требование индикационности заключается в высокой корреляции между пространственным распределением топоформанта и тех природных (или культурных) условий, которые он индицирует.

Требование массовости предполагает, что индикатор относительно широко распространён по территории. Применительно к Кенозерскому национальному парку к массовым ландшафтными индикаторам-топоформантам отнесены те, которые встречаются

на его территории более 10 раз, к широко распространённым — от 6 до 10 раз, к распространённым — 4–5 раз, к редким относятся те, которые встречены 2–3 раза, остальные топоформанты являются единичными.

Среди массовых и широко распространённых топоформантов Кенозерья выделяются: гора (горка), бор, лухта, кряж (крёж), шалга (сельга), плоско, лахта и другие.

Топоформант *гора (горка)* относится к самым распространённым: он встречается в топонимии Кенозерья 42 раза. Его распределение по территории парка довольно равномерное (рис. 42). Места его большей плотности связаны в основном с наличием центров номинации — деревень.

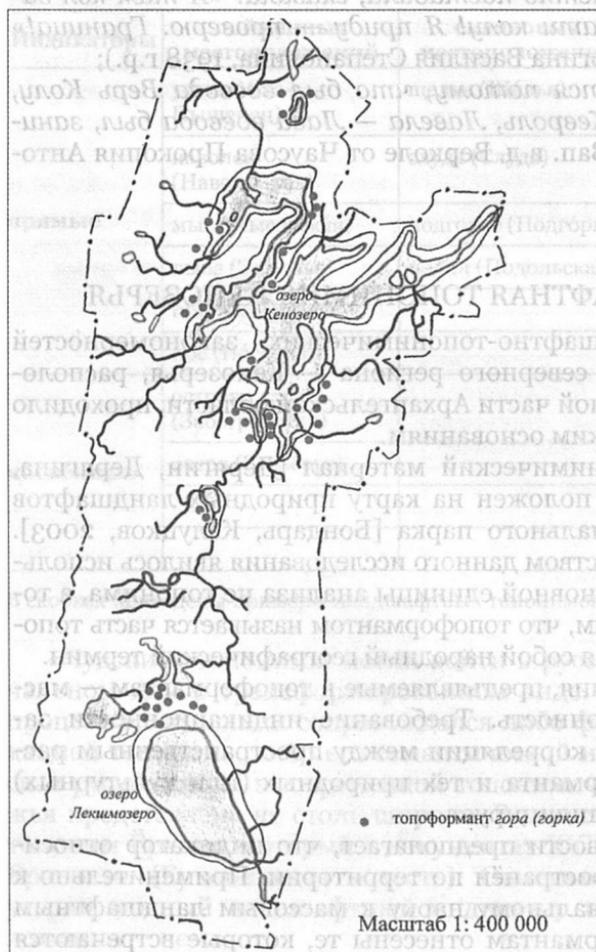

Рис. 42. Распределение топоформанта *гора (горка)* по территории Кенозерского национального парка (карта составлена Ю.Н. Бондарем).

Индикационная роль топоформанта *гора* хорошо проявляется при анализе его распределения в природных ландшафтах территории (рис. 43). Хорошо видно, что *гора* может быть использована в качестве индикатора прежде всего моренных, а также водно- и озёрно-ледниковых равнин.

Рис. 43. Приуроченность топоформанта *гора* к основным ландшафтным уровням Кенозерья.

Хорошим индикатором ландшафтного уровня озёрных террас выступает топоформант *лухта* (рис. 44).

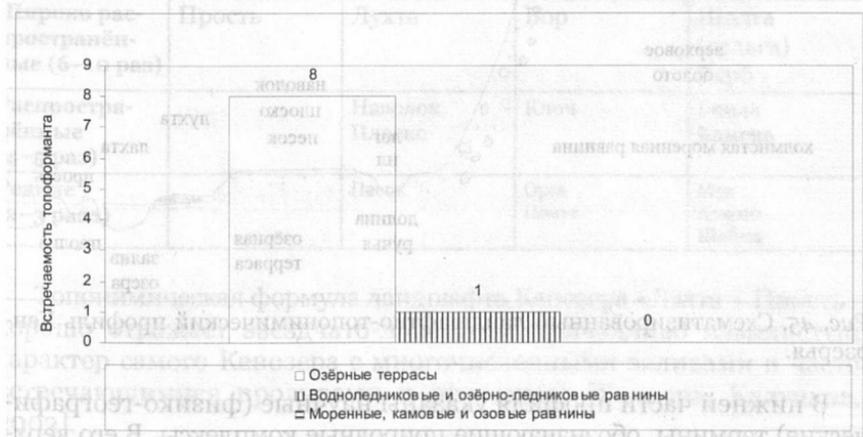

Рис. 44. Приуроченность топоформанта *лухта* к основным ландшафтным уровням Кенозерья.

Лухтой в Кенозерье называют приозёрную низину, заливаемую весной. В традиционном природопользовании лухта использовалась как не очень удобный, но близкий к деревне сенокос.

Однако не только единичные топоформанты, но и комплексы топоформантов могут выступать индикаторами природных ландшафтов. К примеру, в условиях Кенозерья топоформанты гора и бор обнаруживают высокую корреляционную связь. Это связано с тем, что оба топоформанта соотносятся с высокими холмистыми моренными равнинами, покрытыми еловыми и сосновыми лесами, выделяя разные свойства данного природного ландшафта (гора — высокое местоположение, бор — лесное местоположение).

Поэтому не только массовость, но и сочетания топоформантов друг с другом важны для ландшафтно-топонимического исследования. Схематизированный ландшафтно-топонимический профиль, построенный для Кенозерского культурного ландшафта, позволяет более точно определить такие ландшафтно-топонимические комплексы, образованные, с одной стороны, природными комплексами, а с другой — соответствующими им местными географическими терминами, входящими в состав кенозерских топонимов (рис. 45).

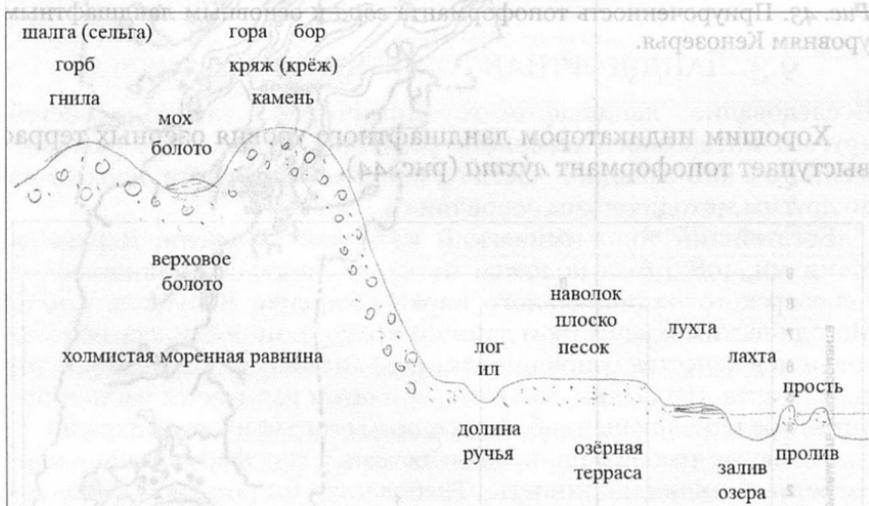

Рис. 45. Схематизированный ландшафтно-топонимический профиль Кенозерья.

В нижней части профиля указаны научные (физико-географические) термины, обозначающие природные комплексы. В его верхней части те же природные комплексы охарактеризованы с помощью местных географических терминов (топоформантов).

К примеру, для озёрных террас характерными местными топонимическими индикаторами являются топоформанты *наволок*, *плато*, *песок*, *лухта*, в совокупности наглядно отражающие плоский характер рельефа, песчаный механический состав отложений и ежегодно заливаемые низины. Хотя *песок* относится к редким топоформантам, его индикационное значение (в сочетании с другими индикаторами природного комплекса озёрных террас, сложенных песками) весьма велико.

Такие ландшафтно-топонимические соответствия привносят в исследование дополнительные возможности. Можно говорить о **топонимической формуле природного ландшафта**, которая в компактной форме отражает своеобразие освоения окружающих природных комплексов местным сообществом (табл. 18).

Таблица 18

Топонимические формулы природных ландшафтов Кенозерья

Встречаемость топоформантов в Кенозерском национальном парке	Природные ландшафты			
	Ландшафт Кенозера	Ландшафты озёрных террас	Ландшафты водно-ледниковых равнин	Ландшафты моренных равнин
Массовые (более 10 раз)	Лахта		Гора	Гора Бор Кряж (Крёж)
Широко распространённые (6–10 раз)	Прость	Лухта	Бор	Шалга (сельга) Горб
Распространённые (4–5 раз)		Наволок Плато	Ключ	Гнила Камень
Редкие (2–3 раза)		Песок	Орга Пенус	Мох Болото Шайма

Топонимическая формула ландшафта Кенозера «Лахта + Прость» хорошо отражает звездчато-лопастной причудливо извилистый характер самого Кенозера с многочисленными заливами и часто встречающимися проливами и протоками [Бондарь, Калущков, 2003].

Более сложна топонимическая формула второго, самого освоенного, ландшафтного уровня, уровня озёрных террас — «Лухта +

Наволоч + Плоско + Песок». Формула характеризует ровный, плоский характер рельефа, песчаный субстрат почв и заливаемые приозёрные низины.

Топонимическая формула ландшафтов водно- и озёрно-ледниковых равнин «Гора + Бор + Ключ + Орга + Пенус» (более высокий гипсометрический уровень относительно озера) отражает своеобразие этих сильно заболоченных территорий прежде всего за счёт трёх последних компонентов (*ключ, орга, пенус*), представляющих лесные и травяные болотные местности, ранее использовавшиеся под сенокосы.

Топонимическая формула третьего, самого высокого и наименее освоенного, уровня моренной равнины существенно отличается от предыдущей: «Гора + Бор + Кряж (крёж) + Шалга (сельга) + Горб + Гнила + Камень + Мох + Болото + Шайма».

Особенно разнообразно в топонимии моренных равнин Кенозерья представлен холмистый (*гора, кряж*) и холмисто-рядовый (*сельга, горб*) характер рельефа. Кроме того, формула отражает высокий уровень залесённости и суглинистый (*ил*) и каменистый механический состав моренных отложений (*камень*).

Итак, севернорусская топонимия может быть охарактеризована как ландшафтная, чутко отражающая природные и культурные особенности и разнообразие территории.

Глава 10

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПЕСНИ — ЛАНДШАФТНЫЙ ФОЛЬКЛОР РУССКОГО СЕВЕРА

Русский Север в плане сохранности и в плане изученности представляет собой один из самых богатых в фольклорном отношении регионов. Многие из жанров регионального фольклора (былины, свадебные песни, частушки, присловья) отражают особенности окружающего ландшафта. Применение концепции культурного ландшафта к фольклорному материалу позволяет внести в комплексное исследование географический аспект, важный для понимания феномена географической песни, выстроить на его основе оригинальные пространственные репрезентации традиционного культурного ландшафта и понять место географических песен в его функционировании [Калуцков, Иванова, 2006].

10.1. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПЕСНИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

10.1.1. Географические песни в контексте культурного ландшафта

Впервые этот феномен описал Д.К. Зеленин, фольклорист, этнограф и географ, председатель комиссии по этнографии Императорского Русского географического общества. Он предложил и термин — географическая песня [Зеленин, 1904]. При изучении феномена Д.К. Зеленин использует фольклористические, этнографические и географические методы, поэтому его подход без преувеличения можно назвать комплексным, междисциплинарным. В последние десятилетия географические песни изучались

преимущественно с фольклористических позиций [Бахтин, 1976, Карташова, Кругляшова, 1980, Дранникова, 2004, Ковпик, Кулагина 2003].

Под географическими песнями понимаются фольклорные тексты с ярко выраженным реальным пространственным компонентом [Калуцков, Иванова, 2006].

Относясь к географически ориентированному фольклору, географические песни всегда связаны с определённой территорией (страной, краем, городом, деревней) и сообществами людей, на ней проживающими. Это выражается в том, что они обязательно содержат топонимы, катойконимы, этнонимы, этниконы¹ или антропонимы. В отличие от других песенных фольклорных форм (былин, исторических, балладных, обрядовых и необрядовых песен) художественный мир географических песен не замкнут и не является условной поэтической фикцией: в нём в причудливой форме сочетаются реальное физическое пространство и его образное восприятие сообществами людей. Другими словами, **географические песни — это тексты-описания, тексты-оценки определённых культурных ландшафтов**. При исследованиях культурных ландшафтов они имеют особую ценность, так как содержат информацию о народном опыте духовного и хозяйственного освоения пространства и отражают картину мира различных этнических и территориальных сообществ.

В основу анализа географических песен положено представление о том, что этот тип песен является идеальным способом описания народной («внутренней») точки зрения на «свой» культурный ландшафт и его структурные компоненты — духовную культуру, этнос, язык, селение, хозяйство, природную среду. Это означает, что, приступая к работе, исследователь должен осознавать, что географические песни представляют собой субъективные интерпретации культурных ландшафтов. Без учёта исполнительской точки зрения становится невозможным «правильное прочтение» текста.

Такой подход, во-первых, позволяет выстраивать исследование как комплексное, и, во-вторых, предоставляет возможность более глубокого понимания этих песен, включая географический и ландшафтный смыслы. Большое значение приобретает полевая работа, облегчая понимание и интерпретацию «внутриландшафтной» точки зрения местного сообщества.

¹ Под этниконом понимается название/самоназвание регионального или локального сообщества, в явном виде не имеющее этнического компонента, например: сибиряки, поморы, москвичи.

10.1.2. Распространение географических песен

С одной стороны, географические песни широко распространены по территории России — Русскому Северу, Поволжью, Средней России, Уралу (рис. 46). С другой стороны, для большинства географических песен характерны локальность содержания и, как следствие, ограниченный ареал бытования каждой из них.

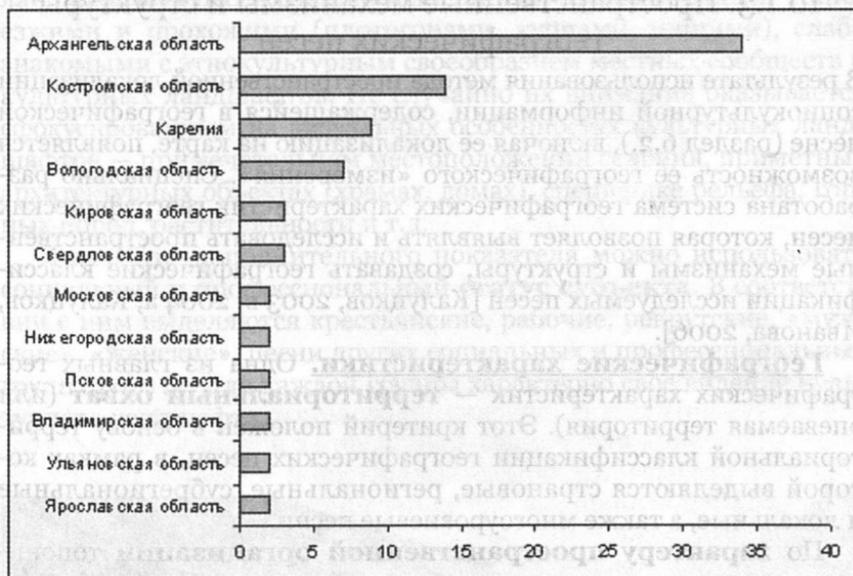

Рис. 46. Распределение географических песен по регионам (по числу сюжетов).

Следует также иметь в виду, что в конкретных локальных традициях географические песни достаточно хорошо известны широкому кругу лиц и при тщательном опросе фиксируются собирателями в многочисленных вариантах, а вариативность — один из основных признаков фольклора.

Так, в нашей коллекции, далеко не исчерпывающей потенциальный репертуар географических песен, песня «У меня батюшка грозный был» представлена 30-ю вариантами, «Лебедин» — 16-ю, «Уж вы, девушки, сидите» — 13-ю, «Сыроелью река протекла» — 13-ю, «Фантатуры» — 12-ю, «На Осанове вороны» — 7-ю, «Зимушка-зима» — 6-ю, «Покатилось лукошко» — 5-ю.

Некоторые географические песни представляют собой своего рода визитные карточки региональных и локальных культурных

ландшафтов. К примеру, «Сыроелью река протекла» распространена только в культурных ландшафтах Поморья.

Другая географическая песня «У меня батюшка грозный был» описывает Каргопольский региональный культурный ландшафт, а песня «На Осанове вороны» представляет субрегиональный сурский ландшафт Пинежья.

10.1.3. Пространственные механизмы и структуры географических песен

В результате использования метода пространственной локализации социокультурной информации, содержащейся в географической песне (раздел 6.2.), включая её локализацию на карте, появляется возможность её географического «измерения». Специально разработана система географических характеристик географических песен, которая позволяет выявлять и исследовать пространственные механизмы и структуры, создавать географические классификации исследуемых песен [Калуцков, 2003 в, 2004 а, Калуцков, Иванова, 2006].

Географические характеристики. Одна из главных географических характеристик — **территориальный охват** (или опеваемая территория). Этот критерий положен в основу территориальной классификации географических песен, в рамках которой выделяются страновые, региональные, субрегиональные и локальные, а также многоуровневые песни.

По **характеру пространственной организации** топонимического материала выделяются линейные, кольцевые и бессистемные географические песни.

Ещё одна географическая характеристика — **географическая однородность/неоднородность**. В неоднородных географических песнях топонимам соответствуют разные типы мест (топосов). Этот показатель «искривления» пространства чрезвычайно важен, так как посредством его передаётся изменение семантики места.

По показателю **соотношения центра и периферии** выделяются центрированные и нецентрированные песни. При этом важно различать территориально центрированные и пространственно (семантически) центрированные тексты. С последними связаны эффекты пространственной полимасштабности и «уплотнения» [Калуцков, 2000]. В ряде случаев территориальные и семантические центры совпадают.

По **типу субъекта** (автора, лирического героя) выделяются песни, излагающие информацию с внутриландшафтной позиции

(такие песни можно рассматривать как важную часть описываемого культурного ландшафта) и с внеландшафтной позиции. Внутриландшафтные песни представляют собой личностные, субъективированные тексты. Поскольку в них в качестве субъекта выступает один из членов местного сообщества, сообщаемая им этнокультурная информация отличается точностью, развёрнутостью и ориентированностью на данное сообщество. Группа внеландшафтных песен создаётся внешними наблюдателями — проезжими и прохожими (плотогонами, купцами, нищими), слабо знакомыми с этнокультурным своеобразием местных сообществ и культурных ландшафтов. Не случайно их внимание оказывается сфокусированным на визуальных особенностях культурных ландшафтов — примечательном местоположении селения, приметных архитектурных объектах (храмах, домах), специфике рельефа, горных пород, растительности и т.д.

В качестве дополнительного показателя можно использовать социальный и профессиональный **статус субъекта**. В соответствии с ним выделяются крестьянские, рабочие, рекрутские, «мужские», «женские», песни других социальных и профессиональных групп (фото 6). Для каждой группы характерно свое видение культурного ландшафта.

Фото 6. Молодёжное гуляние. Кижы. 1999 г. Фото А.А. Ивановой. 1999 г.

Центрирование и организация пространства. Центрирование — это формирование внутри художественного мира географической песни пространственного центра, с позиции или относительно которого характеризуется опеваемая территория.

*Не отдай меня, батюшка,
 Ни на Лейму, ни на Цаженьгу,
 Ни на Задню Дуброву, ни в Жары,
 Да ты отдай меня, батюшка,
 На весёлое Конёво на большо.
 На Конёве гуляньцо,
 На лугах щеголяньцо,
 Ещё Култа деревня грязна,
 А по Марининоу не шёл бы никогда <...>*

(Зап. в 1998 г. в с. Архангело Каргопольского р-на Архангельской обл. от А.П. Соболевой, 1904 г.р. [Иванова, Мороз, Слепцова, 2003, с. 141–142]).

Переорганизация пространства путём выделения центра актуализирует в пространственной структуре песни другую часть оппозиции — периферию. Поскольку в традиционных культурах в семиотическом плане отношении *центра* и *периферии* предстаёт в виде семантических оппозиций *своё/чужое*, *хорошее/плохое*, модель описания культурного ландшафта с позиции местного сообщества оказывается далеко не свободной в выборе характеристик. Своя территория как центральный локус обычно оценивается позитивно, реже — нейтрально, а удалённая от центра чужая — негативно. Как говорят некоторые исполнители: «Ведь про себя худо петь не будешь».

Основными индикаторами семантически выраженного пространственного центра географической песни могут быть следующие показатели:

- местоположение топонима (катойконима, этникона, антропонима) в тексте (смысловой, композиционный и интонационный акценты обычно приходятся на начало и конец);
- неоднократное употребление топонима (катойконима, этникона, антропонима) в тексте;
- степень полноты и развёрнутости характеристик топонима (катойконима, этникона, антропонима);
- положительная семантика топонима (катойконима, этникона, антропонима);
- масштабирование места.

В ряде случаев дополнительным индикатором пространственного центра песни выступает место её записи (особенно если этот показатель соотносится с другими).

Искривление пространства и масштабирование. Выделение в географической песне семантического центра, как правило, приводит к переорганизации, искривлению песенного пространства. Обычными следствиями этого процесса являются его уплотнение (замена одного топонима на гроздь микротопонимов) и перевод географического спева с мелкого масштаба на крупный, например, с деревенского на окольчанский. Примером неоднородной географической песни может служить песня «Уж вы, девушки, сидите», широко распространённая в кеврольском селенческом кусте средней Пинеги. В приводимом ниже варианте окольчанская часть перечислительного ряда выделена жирным шрифтом:

Уж вы, девушки, сидите, люли-люли,
 Вы сидите, не дремлите, люли-люли,
 Молодёжь скоро подкатит, люли-люли,
 Всё хороша подойдет, люли-люли:
 Все цыганы — да ваганы (1), люли-люли,
 Чухчмяна-то (2) — братаны, люли-люли,
 Едомёна-то (3) — горланы, люли-люли,
 Шардомёна (4) — кашники, люли-люли,
 Еркомёна (5) — водохлёбы, люли-люли,
 Церкогора (6) — церепаны, люли-люли,
 Айногора (7) — шелгачи, люли-люли,
 А залесяна (8) — пустыньцы, люли-люли,
 Ваймушона (9) ремховаты, люли-люли,
 Карпогора-те (10) богаты, люли-люли,
 Штопгора (11) чиковаты, люли-люли,
 Марьегора-те (12) — лузаны, люли-люли,
 Покшона-то (13) — зубаны, люли-люли,
 Кротовца-то (14) — кроты, люли-люли,
 Земцовца (15) в стороны, люли-люли,
 Немнюжана (16) на горы, люли-люли,
 Киглохтяна-то (17) под горой, люли-люли,
 А залывяна (18) — заброда, люли-люли,
 Городите огороды, люли-люли:
 Ваши кони пролетали, люли-люли,
 Наши озими съедали, люли-люли,
Грибовцана-те (19) грибисты, люли-люли,
Мурьвцана-то (20) волкисты, люли-люли,
Трубкинцана (21) залунисты, люли-люли,
Пестенци-то (22) ракисты, люли-люли,
Гороцана-то (23) крюкисты, люли-люли,
Зувчана-то (24) тюлисты, люли-люли,
Зувчана (25) воробьисты, люли-люли,
 Кеврольцы (26) — богомольцы, люли-люли:
 Стали ужинать садиться, люли-люли,

*Нету Бога помолиться, люли-люли,
К огороде становились, люли-люли,
Они Ленину молились, люли-люли.*

(Зап. в 2002 г. А.А. Ивановой в д. Немнюга Пинежского р-на Архангельской обл. от Усыниной Анастасии Васильевны [Калуцков, Иванова, 2006, с. 27–28]).

Пространственным центром в процитированной географической песне выступает д. Лохта, ныне входящая в состав д. Кеврола. Сама Лохта, выступающая территориальным и семантическим центром песни, в тексте даже не упоминается, «растворяясь» в составляющих её околках (Грибово, Мурьино, Трубкино, Пестенниково, Горка). Этот эффект мы назвали эффектом «пустого» центра (рис. 47).

Поскольку каждый масштаб имеет свой спектр историко-культурных и этнографических «смыслов, значений, функций» [Канганский, Родоман, 1995, с. 36], «переключение» перечислительного катойконимического ряда с деревенского масштаба на окольчанский неизбежно приводит к изменению характера сообщаемой информации.

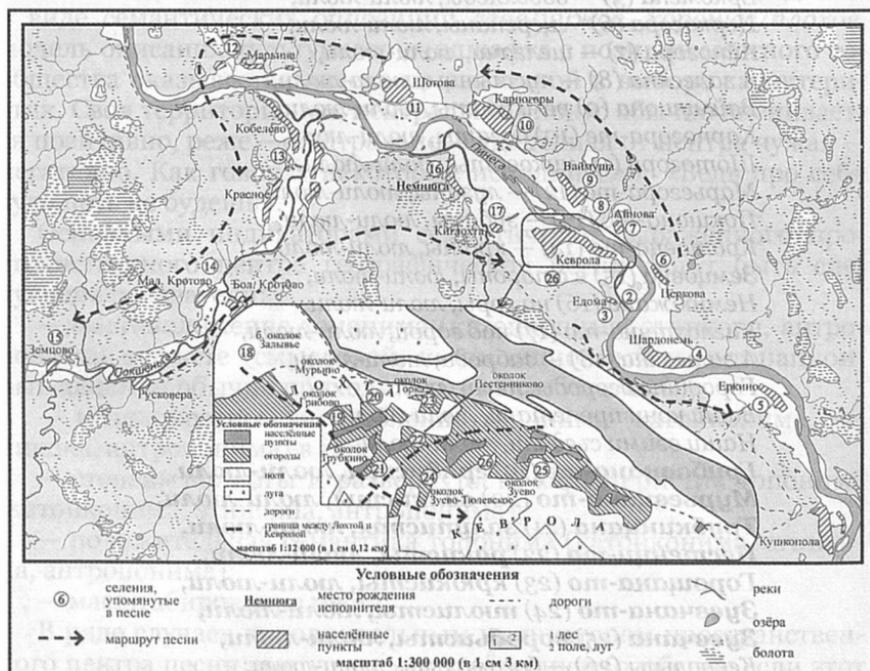

Рис. 47. Карта песни «Уж вы, девушки, сидите» (Архангельская обл.).

На Русском Севере околок, как мы уже писали, представляет собой не только часть деревни, но и самостоятельное во многих отношениях образование. У пинежан с ним в первую очередь связываются представления о семейно-родовых гнёздах и связанных с ними социокультурных (внутриландшафтных) отношениях: «На Залывье Кривополеновы — Узлы, а у нас Кривополеновы — Голованы. В Зуеве Черемные Воробьи были. На Горке дак там Подрезовы — Крюки — были. Раньше все по прозвищам были» (Пин., д. Кеврола, С.И. Фефелова, 1925 г.р.). Именно поэтому околочанский масштаб актуализирует в песне характеристику селения по родовым прозвищам: *пестенци* (околок Пестенниково) *ракисты* (от родового прозвища Раки), *горожана* (околок Горка) *крюкисты* (от родового прозвища Крюки), *зுவчана* (околок Зуево-Тюлёво) *тюлисты* (от родовой фамилии Тюлёвы), *зувчана* (околок Зуево) *воробьисты* (от родового прозвища Воробьи) и т.д.

Деревенский масштаб вызывает у информантов круг ассоциаций, связанных с внешними характеристиками сообществ, например, по особенностям вписывания деревни в природный ландшафт (*залесяна — пустыньцы, земцовца в стороны, немнюжана на горы, киглохтяна под горой*), по пристрастиям жителей в еде (*шардомёна — кашники*) или социальному положению (*карпогора богаты*).

Наличие и положение пространственного центра в географических песнях не является строго обязательным и фиксированным: в зависимости от места записи он может формироваться вокруг разных топонимов или вовсе не проявляться.

Линейные и кольцевые пространственные структуры.

Внутри географической песни топонимы или катойконимы организованы по принципу нанизывания и предстают в виде перечислительного ряда. Внешним пользователем, плохо знакомым с опеваемой территорией и её историко-культурными традициями (а таковым нередко оказывается исследователь), их отношения воспринимаются как линейные и равноправные. При нанесении же топонимов на карту обнаруживается, что они выстраиваются в более сложные пространственные конфигурации — линейные, кольцевые и бессистемные. При этом их отношения могут быть иерархическими, например, в случае выделения в географических песнях пространственного центра.

Примером кольцевой структуры может служить проанализированная выше песня «Уж вы, девушки, сидите» (рис. 47). В ней поочередно, в соответствии с реальным положением на местности, перечисляются все деревни, расположенные на левом берегу *Пинеги* вверх по течению, начиная от *Кевролы*. В районе *Ёркино*

песня «перебирается» на правый берег и «спускается» вниз по реке до деревни *Марьи́на*, где *Пинега* сливается с рекой *Покшеньга*. Далее маршрут песни очерчивает круг по обоим берегам Покшеньги и возвращается к исходной точке (*Кевроле*). При этом в песне перечисляются все деревни, входящие в ареал кеврольского селенческого куста (в том числе ныне не существующие — *Чухченемь* и *Залесье*).

В итоге пространственный центр песни выделяется не только посредством масштабирования, но и размещением его в месте замыкания кольцевой структуры. Топонимы, разведённые в тексте и стоящие соответственно в начале и в конце, на карте оказываются соединёнными. Таким образом, **пространственная структура географической песни, «невидимая» на уровне текста, обнаруживается только при картографировании**. На эту роль воображаемой карты при исполнении географических песен неоднократно указывали и сами информанты, ср.: «Там до *Марьиной опойм*, на эту сторону [реки переходим. — В.К.]. До *Кевролы тут*. Сочинили женщины. По ходу тут деревни все пропеты» (д. Кеврола Пинежского р-на, М.К. Залывская, 1928 г.р.).

В географических песнях с линейным топонимическим рядом в качестве объекта-конфигуратора обычно выступают река, дорога или улица: «Про каждую деревню ведь есть. Раньше плывёшь на лесу, на пароме: мимо какой деревни плывёшь, про ту деревню песню» (д. Шардомень Пинежского р-на, В.С. Чемакин, 1903 г.р.).

Если пространственным ориентиром выступает река, то обычно деревни перечисляются по её течению, от верховий к низовьям: «Сверху и до низу» (д. Шотова гора Пинежского р-на, Т.И. Зубова, 1929 г.р.), «На двадцать километров песня сверху идёт» (г. Великий Устюг, Ф.Н. Шильцева, 1928 г.р.).

При других ориентирах (дорога, улица) вектор направленности маршрута не имеет существенного значения. Востребованными остаются принципы полноты и последовательности: «Всю деревню с начала до конца опоят» (д. Веегора Пинежского р-на, И.И. Рюмина, 1915 г.р.).

Выбор точки отсчёта зависит от лирического героя песни или конкретного певца. В ряде песен она маркирована на уровне текста: «От Варнавина в Урень сорок восемь деревень» (Варнавинский р-н Нижегородской обл.), «Мы от Суркова начнём» (г. Архангельск), «Прости, Тверь» (г. Тверь), «Прощай, Лальский наш посад» (Лузский р-н Кировской обл.).

Бессистемные географические песни занимают в репертуаре весьма скромное место. Потенциально как бессистемные могут

предстать фрагментарные варианты линейных и кольцевых песен, что является одним из свидетельств разрушения конкретной песенной традиции.

10.2. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПЕСНИ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Территориальная классификация строится на различении песен по опеваемому ареалу [Калуцков, 2003 в, Калуцков, Иванова, 2006]. Соответственно выделяются географические песни странные (охватывают страну или её значительную часть, крупный регион, например, Русский Север, Поволжье, Урал), региональные (опевают территорию природного или культурного региона, например, административный район, уезд, соответствующий им бассейн реки), субрегиональные (соотносятся с частью бассейна реки или административного района, уезда: низовье, верховье реки, селенческий куст) и локальные (совпадают с границами селения или его части — околка, улицы). Также выделяются многоуровневые песни.

10.2.1. Страновые географические песни

Страновые песни занимают весьма скромное положение в репертуаре географических песен. Одна из причин этого — незначительные пространственные подвижки населения в недавнем прошлом и, как следствие, слабое знание реальной географии страны. Исключение составляли профессиональные сообщества, занятия которых предполагали регулярные перемещения на значительные расстояния: бурлаки, плотогоны, ямщики и др. Не случайно большинство странных песен, представленных в нашей коллекции, было записано в среде волжских бурлаков. В немалой степени появлению подобных песен способствовал и природный объект-конфигуратор — река Волга, которая благодаря своей протяжённости (более 3500 км) и исключительной роли в историко-культурном и хозяйственном развитии Российского государства воспринималась не иначе как река рек и ласково именовалась *матушкой*. Самая длинная из известных нам поречных географических песен («Как у нашего хозяина у Логанова») опекает около 30 поволжских селений, начиная от Астрахани до Балахны, что составляет около 2000 км (!) вверх по течению Волги (рис. 48). Данный пример, хотя и не имеет прямого отношения к Северу, настолько уникален, что мы решили привести его полностью:

Как у нашего хозяина у Логанова,
У прикащика было у Строганова,
Кашевар кашу варит,
Водоливы воды льют,
А журавлики летят,
Промеж себя говорят:
— Прикажи, сударь, хозяин,
Прикажи нам, господин,
Попить, погулять,
Про все города сказать,
Про все низовые,
Про все верховые!
Ох, зачать ли, начать
Со сinya моря, с косы,
Славной Астрахани (1)!

Чисто-щепетно пройти — в мати Астрахани (1);
В бурлаки подрядиться — во Горянским ряду (2);
На завознях покататься — по Кугуму (3) по реке;
С духовенством поводитьсь — на Богданском острову (4);
А тут рыбная ловля есть Иштина коса (5), Сентилейская гряда (6).
А паршивые тулупы в Енотаевской крепости (7);
А с соминкой пирожки есть в Чёрном яру (8).
А как Чёрный яр (8) он строенъем взял —
Одна изба на боку, другая без верху.
Несолёные калачики царицынские (9);
А вот сладенький медок — есть Дубовка городок (10).
А витушкою калачики камышкинские (11);
Пристанью славен есть Саратов городок (12),
А тут парусам побега.
По канатам полетай в Сороких островах (13);
Чиста, гладенька бечёвочка в Зелеевичах горах (14);
Вольск (15) — город на горе — по три девки на дворе.
Хлыновск (16) — город в яме — по три девки в бане.
А вот матушка Самара (17) — ради туто мы привала;
Новодевичье село (18) с ума, братцы, нас свело;
Пошаницею богатый Симбирск (19) городок,
Котами, башмаками — Казань городок (20),
А хорошие расшивушки работинские (21),
А богаты мужики — воры Кадинские (22),
Покажи себя в окошке — Голошубинские (23);
Удавят тебя на лыке да Безводинские (24)!

А вот сдобный пирожок — это Нижний городок (25);
А вот Козино село (26) — погулять нам весело:
По три денежки удой, сам и козоньку подой.
А вот городок Балахня (27) стоит, полы распахня.

(Соболевский, 1902)

Рис. 48. Картограмма песни «Как у нашего хозяина у Логанова» (Астраханская обл.).

Нет сомнения, что сочинителями песни были волжские бурлаки. Отсюда проистекает хорошее знание реки и «отречное» восприятие приволжского пространства. Не случайно в тексте преобладают речные географические термины и топонимы (остров, коса, гряда, гора). Явный пространственно-семантический центр песни — *славная Астрахань, мати Астрахань*, устьевой ключ всей Волги. Благодаря эффекту полимасштабности описание города представлено в виде развёрнутой микрогеографии: *Горянский ряд*, где, осуществлялся набор бурлаков, *Кутум-река* (в тексте неточно записано Кугум), протекающая в центре города, *Богдановский остров*, астраханские рыбные места (*Ишитина коса, Сентилейская гряда*).

От Астрахани лирический герой (а им является коллективный образ волжских бурлаков, что явствует из первой строки — «*Как у нашего хозяина у Логанова*») поднимается вверх по Волге, минуя большие и малые города, примечательные природные места. Второй пространственно-семантический центр песни, в качестве которого выступает Нижний Новгород, также проявляется только в результате её картирования. Если до Нижнего песенный «шаг» от одного селения до другого составляет десятки и даже сотни километров, то в его окрестностях он не превышает десяти — двадцати.

Характеристика верховых по отношению к Астрахани селений даётся, как правило, с внешней позиции. Поэтому особенностью данной песни, страновой по территориальному охвату, нужно

признать ярко выраженную асоциальность. Одни селения характеризуются бурлаками гастрономически («А с соминкой пирожки есть в Чёрном яру <...> / Несолёные калачики царицынские <...> / А витушкою калачики камышкинские <...> / А вот сдобный пирожок — это Нижний городок»), другие — как места отдыха и развлечений («А вот матушка Самара — ради тутто мы привала; / Новодевичье село с ума, братцы, нас свело <...> / А вот Козино село — погулять нам весело: / По три денежки удой, сам и козоньку подой»). Но есть и объективные географические наблюдения, например: «Пристанью славен есть Саратов городок <...> / Хлыновск — город в яме <...> / Пошаницею богатый Симбирск городок».

Социальные характеристики местных сообществ более типичны для географических песен с меньшим ареалом опевания — региональных и субрегиональных.

10.2.2. Региональные географические песни

Региональные песни соотносятся с территорией крупного природного или культурного региона: бассейном реки, административным районом (в прошлом — уездом).

Показательным примером региональной песни является песня «Шёл Ванюша по угору». Она охватывает значительную часть бассейнов реки Мезень и её левого крупного притока Вашка, что соответствует нынешнему Лешуконскому району Архангельской области (рис. 49). Ниже представлен неполный вариант текста.

Шёл Ванюша по угору, (2)

По угору. (2)

Да несёт гусли под полою,

...

Белоцельские (1) бурлаки,

А модно, щёгольно ходили,

Высоко кушак носили,

А за то девицы любили,

Да белоцелки (1) почитали,

Во царёв кабак ходили,

По платочку заложили,

Да зелена вина купили,

Да весёлой выпивали,

Да пошли домой — заплакали,

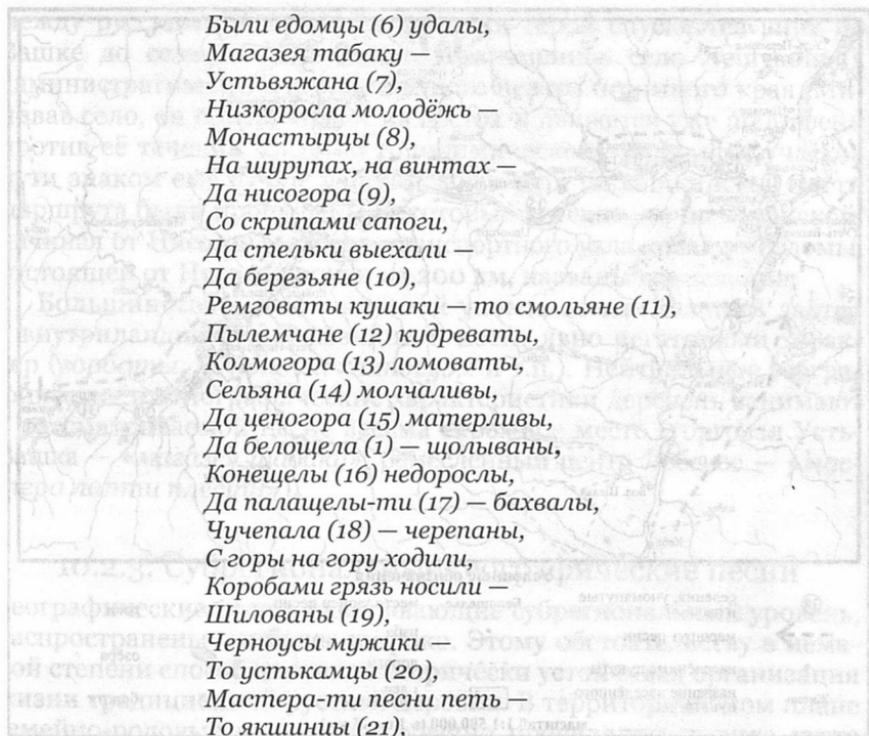
Цулоцэка (2) — коневала,

Коневала,

Были олемки (3) хороши,

Были русомцы (4) богаты,

Карацела (5) — тараканы,

Были едомцы (6) удалы,
 Магазия табаку —
 Устьвяжана (7),
 Низкоросла молодёжь —
 Монастырцы (8),
 На шурупах, на винтах —
 Да нисогора (9),
 Со скрипами сапоги,
 Да стельки выехали —
 Да березьяне (10),
 Ремговаты кушаки — то смольяне (11),
 Пылемчане (12) кудреваты,
 Колмогора (13) ломоваты,
 Сельяна (14) молчаливы,
 Да ценогора (15) матерливы,
 Да белощела (1) — щолываны,
 Конеццелы (16) недорослы,
 Да палащелы-ти (17) — бахвалы,
 Чучепала (18) — черепаны,
 С горы на гору ходили,
 Коробами грязь носили —
 Шилованы (19),
 Черноусы мужики —
 То устькамцы (20),
 Мастера-ти песни петь —
 То якишницы (21),
 Чухари (22) были богаты,
 Нонче обнужнели,
 Пальцы режут, зубы рвут,
 Да во солдаты жить нейдут —
 Жительяна (23),
 Койнасцы (24) — моторы, долгополы,
 Долгополы,
 Присудливы мужики —
 Засульяны (25),
 Усть-низёмы (26) — богомолы,
 Петуховцы (27) — те горбаты,
 Кысяне-то (28) косолапы,
 Боровяне (29) — хляпогузы,
 Мастера лапти плести —
 То лебцана (30),
 Вожгора-ка (31) — Иваны,
 Да пустышницы (32) — брюшинницы,
 Родомцане (33) — заяцане,
 Заяцане.

(Зап. в 1961 г. в д. Белощелье Лешуконского р-на [Калуцков, Иванова, 2006, с. 34–36]).

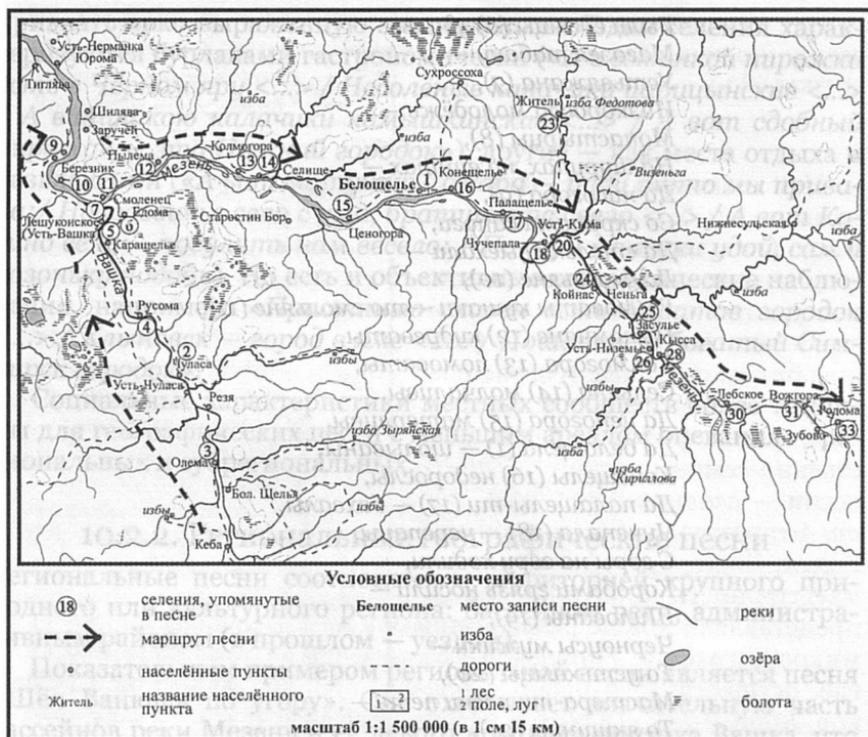

Рис. 49. Карта песни «Шёл Ванюша по угору» (Архангельская обл.).

В комментарии к песне составители сборника «Песенный фольклор Мезени» отмечают: «По словам исполнительниц, песня эта пелась в связи с приездами на мезенские ярмарки жителей Печоры, которые из Усть-Цильмы по пути на ярмарку проезжали через деревни, упоминаемые в песне». Однако авторство песни, вне сомнения, принадлежит жителям Лешуконья, точнее — жителям деревни Белошчелье, где и была сделана запись. На это указывает начальное и центральное положение топонима Белошчелье в тексте песни, его неоднократное упоминание по ходу песни и развёрнутость положительных оценок местных жителей («Белошчельские бурлаки... А модно, щёгольно ходили... Высоко кушак носили... А за то девицы любили»).

Маршрут песни начинается от деревни Белошчелье, которая расположена на Мезени, затем происходит многокилометровый скачок в бассейн Вашки. Далее движение продолжается по среднему течению Вашки, где издавна проходила этнокультурная, а в советское и постсоветское время и административная граница

между русскими и коми. Лирический герой спускается вниз по Вашке до селения Усть-Вашка (современное село Лешуконье), административного и хозяйственного центра огромного края. Миновав село, он поворачивает на восток и движется уже по Мезени против её течения. Судя по топонимическому ряду, этот участок пути знаком ему лучше вашкинского: если по вашкинской части маршрута были пропущены некоторые деревни, то по мезенской, начиная от Нисогор (важного транспортного узла края) до Родомы, отстоящей от Нисогор почти на 200 км, названы все селения.

Большинство оценок жителей упоминаемых селений даётся с внутриландшафтной позиции и носит явно негативный характер (*горбаты, косолапы, хляпогузы* и т.п.). Нейтральные географические и этнографические характеристики деревень занимают в рассматриваемой песне весьма скромное место (торговая Усть-Вашка — «*магазея табаку*», ремесленный центр Лебское — «*мастера лапти плести*»).

10.2.3. Субрегиональные географические песни

Географические песни, охватывающие субрегиональный уровень, распространены наиболее широко. Этому обстоятельству в немалой степени способствовала исторически устойчивая организация жизни традиционной русской деревни. В территориальном плане семейно-родовые отношения обычно проявлялись в виде куста деревень, образованного родовым центром и разбросанными вокруг него починками и выселками (раздел 8.1.1.). Куст деревень, как правило, оформлялся административно в самостоятельную волость и, что не менее важно для традиционного общества, выделялся в самостоятельный церковный приход. Тем самым система «куст — волость — приход» формировала на местном уровне относительно самодостаточный крестьянский мир. Эта система особенно хорошо была развита на Русском Севере, на территории Архангельской, Вологодской, Кировской областей, в Карелии.

Устойчивость внутриволостных социальных оценок и характеристик хорошо просматривается в тех случаях, когда удаётся записать несколько вариантов географической песни для одного или соседних кустов деревень, как, к примеру, на Пинежье или в Поонежье.

Ниже представлен самый полный вариант географической песни, бытовавшей в среднем течении р. Онеги и получившей среди местных жителей название «Про 33 деревни». Всего в нашей коллекции представлено тридцать полных и фрагментарных вариантов этой песни [Иванова, Мороз, Слепцова, 2003; Дранникова, 2004].

- В Заболотье (1) — два Иванушка, (д. Заболотье)
А в Ганеськой (2) шамаки, шамаки, (д. Ганевская)
Соболяна (3) — тюрики, тюрики, (д. Соболева)
Деменжана (4) — зырики, зырики, (д. Деменина)
А в Тригубове (5) плетут бураки, (д. Тригубова)
А в Русанове (6) — высокая гора, (д. Русанова)
А в Ивкине (7) — калошнички, (д. Ивкина)
А в Подрезовской (8) — помощнички, (д. Подрезова)
А в Титовской (9) учителя, учителя, (д. Титовская)
А на Устьице (10) люди — господа (д. Устье)
А в Ореховой-то (11) — плотнички, (д. Ореховская)
В Кардышихе (12) — не работнички, (д. Кардышиха)
В Охроловской-то (13) плетут бураки, (д. Фролово)
А в Хаминской (14) — все ребята-ляпаки, (д. Фоминская)
Что в Акулове-то (15) скрытнички, (д. Акулова)
Ещё в Савинской (16) мелёнка, (д. Савинская)
Что Ананьинска (17) — деревня грязна, (д. Ананьинская)
По Романове (18) не шёл бы никогда, (д. Романова)
Да ещё Туровска (19) не нашей земли, (д. Туровская)
А в Тороповской (20) — прикащички, (д. Тороповская)
Верхохона (21) — все обманщички,
В Верхних дворах на заборах
Леший песенки поет.
Что в Корзине-то (22) не строены дома, (д. Корзиха)
А в Антипине (23) — заводчики, (д. Антипина)
В Монастырской (24) — переводчики, (д. Монастырская)
На Стрелицу (25) — ни летом, ни зимой, (д. Стрелица)
На Погосте (26) — могильнички, (д. Погост)
Что в Семёнове (27) — кирпичнички, (д. Семёново)
Шушеряна (28) — шипуны, шипуны, (д. Шушерина)
Горочана (29) — горбуны, горбуны, (д. Горка)
Что в Еремени (30) — ребята-сидуны, (д. Еремина)
Махонята (31) — воробы, воробы, (д. Махонина)
Климовщина (32) — поташи, поташи, (д. Климовщина)
А в Козлове-то (33) ребята хороши, (д. Козлова)
А на Морозове (34) — Еферьевич Иван, (д. Морозова)
У Хотеновых (35) — кривы ноги-Макар. (д. Хотенова)
— Не форсите, кобеля-то (36), демона, (д. Кобели)
У вас пригнали настроены дома.
Не форсите, по заднюхам живите,
Хлеба нету, тараканов едите.
Что вы зелени не курите?
Тараканов с краю лупите.
Ещё Горка (37) — деревня грязна, (д. Горка)
В Зенково-то (38) — дороженька торна, (д. Зенкова)
В Щепинове (39) — заливна вода, (д. Щепинова)
В Пожарице (40) не заходят никогда, (д. Пожарице)
А у Мальцевых (41) — заливной лужок, (д. Мальцева)

*А в Кузнецове-то (42) — крутой бережок, (д. Кузнецова)
 У Филатовых (43) — каменный мост, (д. Филатова)
 А на Погосте (44) — Онега-река. (д. Волосовский Погост)
 По Онеге парходики идут.
 Не успела самовара вскипятить,
 А мой-то миленький из Питера катит,
 Ни каточком-ли выкатился,
 Ни валёчком-ли вывалился.*

(Зап. в 1999 г. в г. Каргополь Архангельской обл. от П.В. Батутиной, уроженки д. Гусево Каргопольского уезда. [Дранникова, 2004, с. 301–303]). Внесены топонимические уточнения.

Самый полный вариант песни «Про 33 деревни» включает 44 топонима и этника и охватывает не один, а целых три деревенских куста — Волосовский, Усачёвский и Усть-Волошский [Калуцков, Иванова, 2006].

Начинается песня в Усачёвском кусте деревень и движется по правому берегу вверх по Онеге (рис. 50): «*В Заболотье (1) — два Иванушка <...> А в Ивкине (7) — калошнички*».

После *Ивкиной* песня неожиданно изменяет маршрут: вместо того, чтобы продолжать движение вверх по течению дальше, последовательно нанизывая деревни, она «перескакивает» Онегу. Это недоразумение проясняется при учёте следующего факта: *Ивкина* представляла собой пограничное селение Усачёвского куста-прихода, иначе — Усачёвского культурного ландшафта.

После изменения маршрута путь песни пролегает по Усть-Волошскому кусту деревень вверх по левому берегу Онеги: «*А в Титовской (9) учителя, учителя <...> А в Хаминской (14) — все ребята-ляпаки*».

Миновав другую пограничную деревню (Фоминскую), песня снова делает скачок через реку. Как и в предыдущем случае, этот приём обнажает культурно-ландшафтную границу между Усть-Волошским и верхним кустом деревень. Далее путь продолжается по правому берегу вниз по Онеге до устья её крупного притока Волошки (№№ 15–17). От д. Романова (№ 18) маршрут песни пролегает вверх по Волошке до самых верхних деревень (№ 21), удалённость которых подчеркивается с помощью образа лешего: «*В Верхних дворах на заборах леший песенки поет*». «Перепрыгнув» Волошку, песня движется вниз по этой реке до места её впадения в Онегу, попутно «собирая» все поволошские деревни. По завершению этой «задачи» песня снова совершает скачок, тем самым, «закрывая» и территориально ограничивая Усть-Волошский культурный ландшафт (рис. 50).

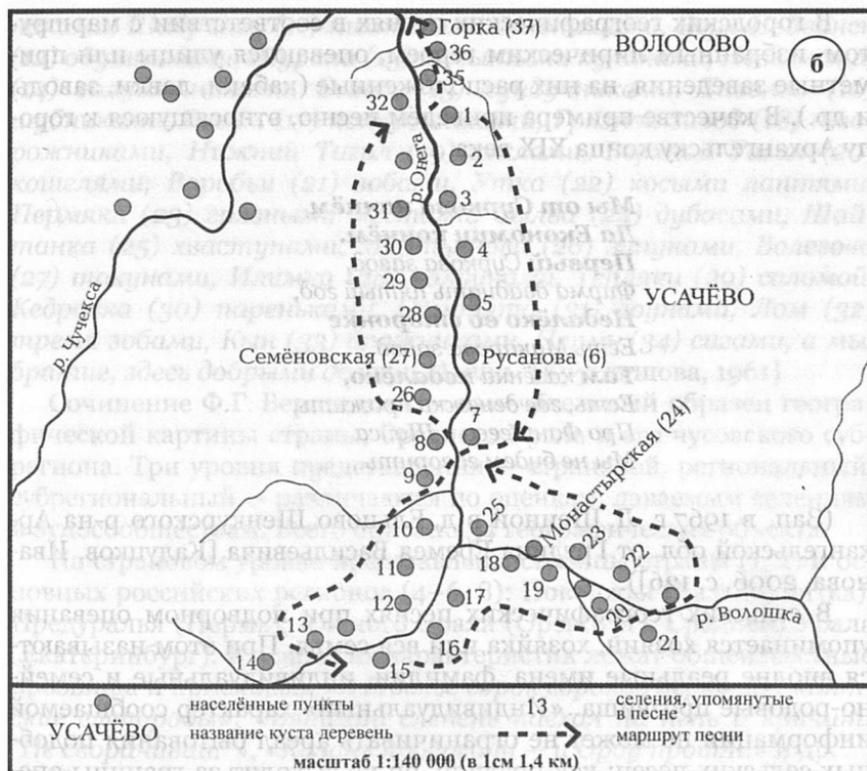

Рис. 50. Картограмма песни «В Заболотье — два Иванушка» (Архангельская обл.): реконструкция ландшафтно-топонимической ситуации (а) и маршрут песни (б)

Перебравшись через Онегу, песня снова оказывается в Усачёвском кусте, стремительно возвращаясь к своему началу уже вверх по Онеге (от № 26 до № 34): «На Погосте (26) — могильники <...> А на Морозове (34) — Еферьевич Иван».

И снова очередной скачок на правый берег: в результате Хотенова (№ 35), первая деревня другого — Волосовского — куста, оказывается рядом с д. Заболотье Усачёвского куста деревень (№ 1). Тем самым песня «закрывает» Усачёвский культурный ландшафт. Образованная на карте маршрутом песни конфигурация напоминает цифру восемь.

Завершая описание этого уникального по полноте варианта, отметим эффектное использование в песне фольклорно-географического **приёма пространственного скачка**, который в процессе идентификации местных сообществ используется для **разграничения** соседних кустовых **культурных ландшафтов**.

Итак, субрегиональные географические песни не только содержат важные культурно-ландшафтные характеристики, но и могут быть использованы при очерчивании границ субрегиональных культурных ландшафтов.

10.2.4. Локальные географические песни

Локальные географические песни соотносятся с территорией города, деревни или их частей (улиц, околков). Для их картографирования нужны карты поселений масштабом 1:5 000 или 1:10 000. При отсутствии карт возможно составление картосхем на основе комментариев исполнителей о принципах их пространственной организации или соответствующих указаний в самих текстах.

В деревенских географических песнях — это последовательное опевание всех дворов: «У нас про каждого хозяина по деревне. Население менялось, и менялась песня. Те вымирали, выпадали [куплеты. — В. К.]» (д. Малое Кротово Пинежского р-на, А.А. Ермолина, 1929 г.р.).

В городских географических песнях в соответствии с маршрутом, избранным лирическим героем, поются улицы или приметные заведения, на них расположенные (кабаки, лавки, заводы и др.). В качестве примера приведём песню, относящуюся к городу Архангельску конца XIX века.

***Мы от Суркова начнём
Да Экономии кончём.
Первый Суркова завод,
Фирма двадцать пятый год,
Недалёко во сторонке
Есть Макарова завод,
Там казёнка недалёко,
Есть, где денежки прожить,
Про Фантеева и Шойса
Мы не будем говорить...***

(Зап. в 1967 г. Л. Шеиной в д. Ельцово Шенкурского р-на Архангельской обл. от Грудина Еремея Васильевича [Калуцков, Иванова, 2006, с. 126]).

В сельских географических песнях при подворном описании упоминается хозяин, хозяйка или вся семья. При этом называются вполне реальные имена, фамилии, индивидуальные и семейно-родовые прозвища. «Индивидуальный» характер сообщаемой информации не может не ограничивать ареал бытования подобных сельских песен: как правило, он не выходит за границы описываемой территории (деревни, околка).

Эта же закономерность отличает локальные городские песни «Прощай, Тверь», «Прощай, Лальский наш посад» и др. [Калуцков, Иванова, 2006].

10.2.5. Многоуровневые географические песни

Описанные выше пространственные типы (страновой, региональный, субрегиональный, локальный) могут сочетаться в пределах одного текста. Такие песни мы назвали многоуровневыми. В качестве показательного примера приведём авторскую географическую песню, сочинённую Вершининым Фирсом Гавриловичем, жителем села Чусовское Свердловской области:

*Преславное чудо, небо украшено звездами, земля цветами,
Петербург (1) господами, Москва (2) церквами, Дон (3) казаками,
Казань (4) татарами, Вятка (5) слепнями, Оренбург (6) башкирами,
Красноуфимский (7) черемисами, Екатеринбург (8) торгашами,
Верх-Исетский (9) мастерами, Шарташ (10) вар-*

наками, Шадринск (11) пихтовыми голенищами, Верх-Нейвинск (12) обушниками, Шураля (13) немьтыми кулаками, Невьянский (14) голубятниками, Бынги (15) сундучниками. Тавалги (16) шубниками, Висим (17) кокурочниками, Грязной завод (18) творожниками, Нижний Тагил (19) хохлами, Верхний Тагил (20) кошелями, Воробьи (21) зобами, Утка (22) косыми лаптями, Пермьяки (23) грязными местами, Сылва (24) дубасами, Шайтанка (25) хвастунами, Мартьянова (26) зипунами, Волегова (27) токунами, Илимка (28) колдунами, Тепляки (29) соломой, Кедровка (30) пареньками, Симонята (31) ёрунами, Лом (32) тремя зобами, Кын (33) бражниками, Пермь (34) сигами, а мы, братие, здесь добрыми делами. Аминь. [Кругляшова, 1961]

Сочинение Ф.Г. Вершинина — замечательный образец географической картины страны, Среднего Урала и его чусовского субрегиона. Три уровня представления — страновой, региональный, субрегиональный — различаются по оценкам, даваемым селениям и этносообществам. Всего описано 34 географических объекта.

На страновом уровне представлены столицы страны (1, 2) и основных российских регионов (4–6, 8): Поволжья (Казань, Вятка), Предуралья (Пермь), Южного Урала (Оренбург), Среднего Урала (Екатеринбург). В основе их характеристик лежат общеизвестные прозвища и присловья: «В Москве сорок сороков церквей», «Вятские слепороды», «Вятский слепень наехал на пень и кричит: "Не сворачивай!"», «Казань прогресли — и Орду прошли» и др.

На региональном уровне, представленном городами и посёлками Среднего Урала, проявляется внутреннее видение «своего» края: образы поселений обрастают бытовыми и социальными деталями, явно связанными с жизненным опытом автора сочинения. Последний, вероятно, не раз сплавлился по уральским рекам, поэтому большая часть приводимых им мест выстроена последовательно по течению рек Исеть (8–11), Нейва (12–16), Тагил (18–20). Характеристики уральских городов даны по преобладающим профессиональным занятиям жителей («...Екатеринбург торговцами, Верх-Исетский — мастерами... Грязной завод творожниками... Тавалги шубниками... Пермь сигами...»).

Субрегиональный уровень представлен селениями Среднего Урала, расположенными по рекам Чусовая (22, 25–28, 33, 34) и Сылва (23, 24, 29–32). Примечательность небольших деревушек, перечисленных в песне, заключается в том, что они попадают в ближнюю периферию села Чусовое, где проживал автор песни. Отсюда — хорошее знание им особенностей жизни местных крестьян: сылвинские носят особый род сарафана, именуемый дубасом, мартьяновские — зипуны и т.д. Примечательно, что на суб-

региональном уровне большинство приводимых Ф.Г. Вершининым коллективных прозвищ в оценочном плане негативны (*варнаки, косые лапти, хвастуны, колдуны, бражники*, др.).

Хорошее знание Ф.Г. Вершининым реальной географии одновременно на региональном и на субрегиональном уровнях связано с его профессией. Вероятно, он занимался заготовкой древесины (или древесного угля) и затем доставлял её на демидовские заводы в Нейвинск (современный Верх-Нейвинский) и Висим.

Таким образом, географическим (территориальным и пространственным) центром песни является с. Чусовое. И хотя оно не названо в песне, именно с ним связан центр мировосприятия уральского рабочего Фирса Гавриловича Вершинина, жившего в конце XIX — начале XX вв.

Итак, географические песни, содержащие многоплановую информацию о территориальной основе и компонентах севернорусского культурного ландшафта, представляют собой важный объект специального культурно-ландшафтного исследования. С другой стороны, как было показано, географические песни могут выступать одной из форм репрезентации культурного ландшафта и пространственно-временных срезов его состояний.

Глава 11

СВЯТЫЕ МЕСТА В СЕВЕРНОРУССКОМ КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ

11.1. САКРАЛЬНО-ЛАНДШАФТНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

Святые места играют важную роль в традиционном культурном ландшафте Русского Севера. Они представляют собой значимые центры культурного ландшафта, во многом формируют его пространственную организацию. С другой стороны, во многих случаях именно святые места репрезентируют во внешнем мире «свой» культурный ландшафт. К примеру, Соловецкий монастырь «представляет» Соловецкий культурный ландшафт, а Веркольский монастырь — Веркольский деревенский культурный ландшафт.

Значимые святые места легко масштабируются и могут репрезентировать не только конкретный культурный ландшафт, но и крупный регион. Так, Соловецкий монастырь в определённых ситуациях может олицетворять образ всего Русского Севера.

В рамках сакрально-ландшафтной проблематики культурный ландшафт можно рассматривать:

- как территорию материализации духовного начала святого места,
- как природно-культурную среду формирования святого места,
- как пространство взаимодействия святого места и других мест,
- как информационное поле святого места.

Действительно, представление об информационном поле святого места соотносится с представлением об информационном поле культурного ландшафта [Веденин, 2004 в]. Взаимодействие этих полей (взаимовлияние, взаимоусиление, взаимотрансформация) представляет собой отдельную и, на наш взгляд, перспективную научную проблему. Ландшафтное информационное поле формирует **ландшафтный контекст** святого места через механизмы локальных пространственных смыслов, территориальных мифов, другие пространственные грани местной культурной традиции.

Ландшафтный аспект функционирования святого места задаётся территориальностью святого места среди других мест культурного ландшафта, то есть через территориальную организацию культурного ландшафта.

11.1.1. Святые места в пространстве культурного ландшафта Русского Севера

Интересные пространственные закономерности вскрываются при исследовании святых мест с позиции «центр — периферия». Одна из важнейших закономерностей размещения святых мест в севернорусском культурном ландшафте, причём не только монастырей, но и церквей, часовен, крестов, — удалённость, **периферийность** их положения относительно селения (за пределами деревни — при дороге, на перекрёстке, в лесу, у реки). Если в среднерусской традиции церковь индицирует центр культурного ландшафта, то на Русском Севере такое местоположение храма относительно селения не является широко распространённым. Проблемный момент данной ситуации заключается в несоответствии семантической центральности и территориальной периферийности святого места в севернорусском культурном ландшафте.

Вероятно, одной из причин возникновения такой ситуации является **амбивалентность** части святых мест, то есть их двойная «окраска», связанная с формированием святого места на «нечистом» месте, переорганизацией опасного места. В таком контексте весьма привлекательна интерпретация широко распространённого на Русском Севере периферийного (нецентрального) положения святых мест относительно селения как финно-угорского реликта [Орфинский, 1989], или как унаследованной субстратной культурной традиции.

Эти предположения подтвердились в результате массового полевого обследования святых мест Пинежского края [Иванова, Калущков, Фадеева, 2003]. Так, распределение часовен и крестов в пространстве культурного ландшафта Пинежья убедительно демонстрирует характерный пространственный сдвиг от центра к границе и ближней периферии селения (рис. 51).

Трансграничность представляет собой ещё один культурный смысл, связанный с широко распространённым размещением часовен и крестов на границе деревни, на её окраине, у деревенских ворот. Об этом, к примеру, напоминает название *Крестовые ворота* в д. Печгора или *Крест у Карпухинских ворот* в д. Березник. В Пинежском культурном ландшафте примерно половина всех часовен и крестов расположена на окраине

селения (рис. 51). Любая культурная граница в севернорусской культурной традиции является опасным местом (порог в доме, внешний порог дома, ворота усадьбы, деревенские ворота, перекрёсток дорог и т.д.). Тем самым инерция культурной традиции нейтрализации опасного места у деревенских ворот, охранения деревни проявляется на Пинежье. В некоторых местах, например, в поселке Пинега, под влиянием местного священника эта обережная традиция сознательно возрождается.

Рис. 51. Распределение часовен и крестов в пространстве культурного ландшафта Пинежья.

Другой — собственно ландшафтный — аспект проявляется при анализе распределения часовен и крестов по местоположениям (топосам) Пинежского культурного ландшафта (рис. 52).

Численно преобладают придорожные часовни и кресты.

Среди расположенных в пределах деревни крестов и часовен преобладают последние. В некоторых деревнях встречаются кресты, поставленные возле домов по обету (как в д. Березник) или принесённые рекой (деревни Кушкопала, Труфанова и др.).

Хотя доля полевых святых мест относительно велика, роль этой традиции постепенно снижается. Последнее обстоятельство во многом связано с деградацией сельского хозяйства на севере.

По-прежнему возводятся придорожные и приречные часовни и кресты. В последние годы актуализировалась традиция создания мемориальных святых мест (обычно крестов). Ставят их пи-

нежане на месте разрушенных церквей, часовен, на месте бывших деревень, старых кладбищ (на рис. 52 эта группа показана как прочие).

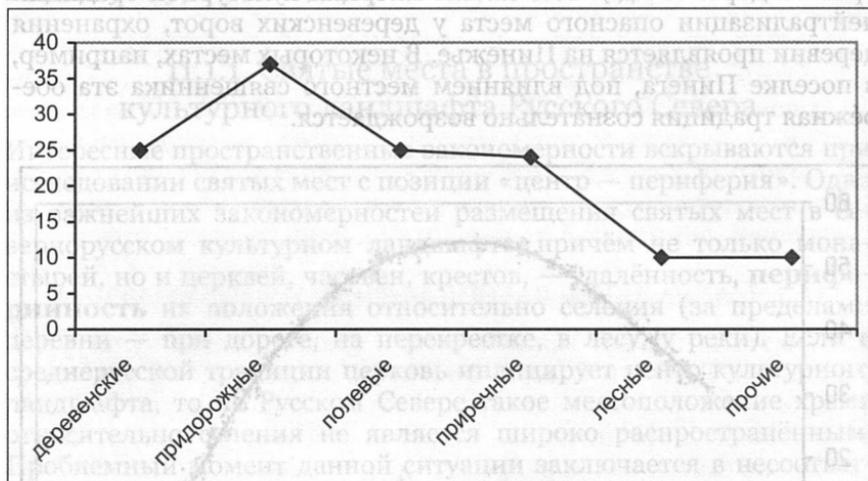

Рис. 52. Распределение часовен и крестов по местоположениям Пинежского культурного ландшафта.

Только часть святых мест на Пинежье приобретает этот статус благодаря однажды произошедшему чуду — явлению иконы, неожиданному спасению, исцелению.

У нас недалеко ручей есть Радуха. Дак там место на нём одно есть — Никóлой называется. Все там молятся. Жёнки-то все туда ходят. Там давно была найдена иконка Николова. Медная она была. И сколько она раз топлена и жгёна была, а всё равно оставалась, а теперь делась куда-то. Так она найдена была в ручью, в том месте. Вот теперь и говорят: «Пойдем к Николе» (с. Сура, Филина Настасья Даниловна, 1929 г.р.).

Другая, значительная часть севернорусских святых мест становится таковыми благодаря возведению христианской святыни — церкви, часовни, креста по обету (коллективному или индивидуальному) или в связи с желанием нейтрализовать, окультурить «нечистое место».

Вот за рекой на Щелье на этой <...> много тонуло народу. И вот сделана была часовенка, и поставлен был крест. Поставлена она была для охранения Пинежья. Внутри был хороший крест. Потом его сбросили, и опять стал тонуть народ (д. Кеврола, Черемная Раисья Артемьевна, 1911 г.р.).

Вместе с тем во многих случаях выбор места для возведения святыни происходил и по формальным основаниям: церковь и часовня нередко строились на высоком, красивом месте, ближе к реке, откуда они были хорошо видны жителям ближайших деревень, а также проплывающим по реке судам, проходящим по дороге путникам. По этой причине некоторые святые места оказывались многофункциональными.

11.1.2. Структура святого места

Как часть культурного ландшафта святое место представляет собой сложную систему, включающую природные, общественные и духовные слои [Иванова, Калуцков, Фадеева, 2003].

Основу святого места составляет **святыня**, культовый объект.

Культовый объект неразрывно связан с определённой **территорией**, фрагментом определённого ландшафта. Во многих случаях территория, угодье, природное или культурное, «проступает» через название святого места. Например, место *У креста на горе* в Нюхче, *Крест на Горушке* в Воепале, *Крест в Ручьевой Новине* в Лохнове и т.д. С другой стороны, святыня формирует вокруг себя свою топонимическую систему, освящая и преобразуя окружающий ландшафт (*Часовенное болото* и *Часовенный ручей* в Матвере, *поля У Николы* в Суре, *Крестова дорога* в Пиримени, *Поклонная гора* в Суре и Нюхче и т.д.).

Огромное значение для создания и функционирования святого места играет его имя, **топоним** и/или **антропоним**, имя святого или человека, обустроившего святыню.

Обряды, совершаемые при посещении святого места, формируют его социальный слой. На Пинежье, наряду с христианскими обрядами (крестный ход, обетное паломничество, молебен), распространены магические ритуалы — обережные, лечебные и другие.

Завершает полноценную структуру святого места его **устная история**, которую образуют фольклорные тексты разной жанровой природы (былички, легенды, бывальщины, предания, поверья).

Тремя последними компонентами (топоним, обряд и фольклорный текст) создаётся **информационное поле** святого места, или, по выражению А.А. Ивановой, его устная «агиография» [Иванова, Калуцков, Фадеева, 2003]. Заметим, что представление об информационном поле святого места соотносится с информационным полем культурного ландшафта (более подробно — в главе 4).

Нередко информационное поле святого места оказывается важнейшим фактором поддержания и восстановления святыни даже в ситуации её физического уничтожения (обычная практика со-

ветского времени). Для Пинежья наиболее ярким примером такого рода является феномен обетных сосен в д. Пиринемь. Пиринемский крест традиционно почитался не только перемянами, но и жителями соседних деревень. Об этом, в частности, свидетельствует характерный топоним — *Крестова дорога*. Вероятно, по этой причине крест неоднократно разрушался властями и восставливался местными жителями. После очередного разрушения перемяне, устав от такой борьбы, перенесли свои пелены и другие подношения с креста на окружающие деревья. В результате сосны вокруг крестового места стали обетными, а само место сохранило статус святого [Иванова, Калуцков, 1996].

Таким образом, структура святого места оказывается динамичной, но, несмотря на серьёзные изменения в последние десятилетия, довольно устойчивой.

11.1.3. Обетная традиция на Русском Севере

Среди разнообразных ритуальных форм взаимодействия со святым местом во многих районах Русского Севера поддерживается особая обетная традиция [Бернштам, 1995; Щепанская, 1995, 2003; Панченко, 1998, Калуцков, Иванова, Давыдова и др., 1998, Фадеева, 1998, 1999 и др.]. По мнению А.А. Панченко, обет «нёс в себе определённым образом закодированную информацию о несчастье, кризисе», соединяя «символический и предметный способы контакта с сакральным миром», и «был преимущественно ориентирован на *направляющую*, а не на *благодарственную* модель» [Панченко, 1988, с. 98–99].

Обет возникал в чрезвычайных обстоятельствах, когда остро ощущалась необходимость преодоления *кризисной ситуации*, коллективной (неурожайный год, лесной пожар, эпидемия, эпизоотия) или индивидуальной (болезнь, разлад в семейной жизни, суд). Это не могло не придать традиции почитания святого места экстремального характера.

На Севере выделяются две формы обетного поведения: обетное паломничество и сооружение обетного объекта, обычно креста или часовни (фото 7, 8).

Обетное паломничество, или хождение по святым местам, связано с ношением обетных пелен и других предметов.

Ко кресту ходил каждый. <...> И особенно в праздники: вот в Спасов день, в канун, в Троицу. Собирались старые, вот я помню, всема шли: «Пойдёмте ко кресту». Пойдут все ко кресту. Вот на праздник скажут: «Я пелену повешу». И много. В праздник сходишь — много пелен. В Троицу дак с веточками ходили, втыкали ко кресту и ложили. Делали какие-то палочки. Веш-

вали. Вот у меня Васька родился, я к Тихоновне ходила: «У меня мальчик родился, дак у него ручка не действует». А Тихоновна мне тоже говорит: «Ручка болит, дак ручку сделай да повешай на крест» (д. Большое Кротово, Козьмина Мария Алексеевна, 1936 г.р.).

Сооружение обетного креста или часовни в наше время чаще связано с семейным или личным обетом.

У меня вот сестра старшая Саня, она на складе в ОРСе работала. И у ней недостача, да... Недостача у ей. Ей посадили на два года в тюрьму. На три. В тюрьму посадили. И вот у нас тата, покойничек, тоже сходил, сделал крестик, поставил. Только далёко это, в лесу. Тоньгский там ручей. Дак у Тоньгского ручья поставил крестик, и я всё время навещала и тоже пелены носила, сапоги новенькие форсетовые из амбара вынесла, снесла, повесила. <...> И ей по амнистии вернули (д. Лохново, Ступина Мария Степановна, 1929 г.р.).

Фото 7. Необычный обетный крест в приболотном понижении у деревни Кучкас (Пинежский район Архангельской области). Фото В.Н. Калуцкова, 2004 г.

В наши дни обетная традиция стала более повседневной, поскольку ношение обетов к крестам и часовням, по сути дела, стало заменять посещение церкви, тем более что церковных приходов на Севере по-прежнему немного.

11.1.4. Типология святынь

Для выстраивания типологии святынь весьма существенно противопоставление **природного/культурного**. На национальном и региональном уровнях (для Северо-Запада) система природных и культурных святынь исследована Ал.А. Григорьевым [Григорьев, 2000]. Различия природных сакральных объектов и культурных сакральных памятников сказываются практически во всём, но главным образом — в функциональном распределении в рамках единой системы. Наряду с оппозицией природное/культурное существует ещё одна оппозиция — официальное/неофициальное.

На разработанной Л.В. Фадеевой схеме (рис. 53) типы святынь выстроены поступенно в зависимости от функциональной значимости для сферы **официальной** (церковной, канонической) и **неофициальной** (народной) религиозности [Фадеева, 1998].

Развёртывание схемы по горизонтали отражает не только взаимодействие святынь друг с другом, но и тяготение каждой к противоположным полюсам оппозиции. Развёртывание схемы по вертикали демонстрирует соотношение верха и низа иерархической системы как оппозиции природного/культурного. Так, в сфере официального чаще тяготеют культурные сакральные памятники, а сфера народного православия наряду с ними включает и природные сакральные объекты.

<i>официальное</i>		<i>неофициальное</i>
культурное	Монастыри Церкви Часовни Кресты Ключи и источники Ручьи Озёра	Камни Деревья Роши природное

Рис. 53. Типология святынь Русского Севера (на материале Пинежья).

Очевидно, что далеко не все типы святынь присутствуют в каждом конкретном регионе Севера. Многое зависит от особенностей природного ландшафта, специфики исторического и социального развития входящих в него селений. К примеру, на Пинежье наи-

более распространёнными являются такие типы святынь, как церкви, часовни, кресты, ручьи; другие природные святыни (родники, камни, деревья) встречаются редко. Напротив, для другого региона Русского Севера — Кенозерья — наиболее характерным типом святых мест является священная роща, расположенная, как правило, на окраине деревни.

11.2. САКРАЛЬНО-ЛАНДШАФТНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

11.2.1. Святые места как региональная система (на материале Пинежья)

Применение метода картирования и пространственный анализ позволяют представить совокупность святых мест определённого края как региональную систему.

Иерархия святых мест определяется социальной стратификацией общества и иерархией святынь. К примеру, каждый пинежанин одновременно входит в несколько типов традиционных сообществ — семья, род, деревенская община, сублокальная группа, локальная группа, которые совпадают с типами пространственно-селенческой организации — двор, околок, деревня, куст деревень, часть бассейна Пинеги, бассейн Пинеги — и соответствующими типами культурных ландшафтов [Калуцков, Иванова, Давыдова и др., 1998]. Соответственно каждый из этих уровней представлен разными типами святынь: околок — крестом, деревня — часовней или крестом, куст деревень — приходской церковью или часовней, часть бассейна реки — монастырём.

Это означает, что духовно-религиозная жизнь каждого пинежанина оказывается связанной сразу с несколькими святынями, при этом одни посещаются чаще, другие — в исключительных случаях, когда ближняя святыня не помогает.

У нас дед разбился, дак баба тоже к трём крестам ходила — сюда, за реку и к Немнюжскому (д. Большое Кротово, Галашева Марина Николаевна, 1965 г.р.);

Я ещё слышала про монастырь. Вот у родственников у меня (у Евдокии Васильевны Чуркиной), кто-то у них из родственников заболел или из животных кто-то заболел. И мать дала такой обвет, что, если поправится, дочку отдадут в монастырь на год. И вот это выполнили они (д. Веркола, Абрамова Александра Федоровна, 1961 г.р.).

Фото 8. Жабоконский обетный крест (Пинежский район Архангельской области). Сделан из живого дерева Фото А.А. Ивановой. 2005 г.

Таким образом, посещаемые святыни объединяются в своеобразную пространственную сеть, или по терминологии Т.Б. Щепанской, «кризисную сеть», по маршрутам которой и совершаются малые и большие круги обетных паломничеств [Щепанская, 1995]. Эта сеть определяет духовно-религиозную жизнь края, формирует его сакральную географию, играет важную социоинтегрирующую роль в жизни местных сообществ.

Своеобразие распределения святых мест определяется воздействием внешних и внутренних факторов — историей освоения, удалённостью от регионального центра и транспортной доступностью, межконфессиональными отношениями и особенностями местных сообществ. О значительной роли местного сообщества на Русском Севере свидетельствует тот факт, что свыше 2/3 всех святых мест на Пинежье относится к «малым» формам, зачастую неофициальным, то есть не признанным церковью. Эти часовни, и, в особенности, кресты сооружались и сооружаются, как правило,

по инициативе жителей деревни, околка или отдельной семьи без получения на то официального разрешения со стороны священника, и поддерживаются местным сообществом или специально назначенным для этих целей «прикащиком» (рис. 54). По сути дела, они образовывали и образуют неофициальные часовенные и крестовые приходы [Лютикова, 1992].

Система святых мест Пинежья покрывает всё жизненное пространство региона. Кроме того, каждый из субрегиональных культурных ландшафтов (Верхнее, Среднее, Нижнее Пинежье) имеет свою иерархическую сеть, позволяющую совершать, в зависимости от характера кризисной ситуации, большие и малые круги паломничеств.

Наиболее равномерно по территории края распределены монастыри — Красногорский Богородицкий (ныне не действующий), Свято-Артемиев Веркольский и Сурский Иоанно-Богословский. Каждый из них связан с определённым субрегиональным культурным ландшафтом Пинежья: Красногорский монастырь расположен в центре Нижнего Пинежья, Сурский — в центре Верхнего (рис. 55).

Веркольский монастырь, хотя и возник на периферии Среднего Пинежья, относится к его важнейшим духовным центрам. Он же являлся и общерегиональной святыней, поскольку с ним была тесно связана жизнь пинежского святого Артемия Праведного.

Церкви по территории края были распределены неравномерно. Большая их часть (59%) была сосредоточена в Среднем Пинежье, 29% — в Нижнем и только 12% — в Верхнем, что неудивительно, так как по числу селений, а соответственно и приходов, Среднее Пинежье превосходило другие районы. Наибольшую роль церковные приходы играли в Нижнем Пинежье. Причин этому несколько: близость к основным северным городам — Архангельску и Пинеге, сориентированность хозяйственного и бытового уклада на городской образ жизни, высокий процент приездного населения, в том числе из других российских городов.

Похожая картина наблюдается и в распределении других типов святых мест. Так, среди часовен почти 2/3 относятся к Среднему Пинежью.

Ещё большая контрастность наблюдается в локализации крестов: 82% крестов сосредоточены в среднепинежском культурно-ландшафтном районе, 15% крестов находятся в Нижнем Пинежье и всего 3% — в Верхнем. На Средней Пинеге особенно выделяются покшеньский и труфаногорский кусты деревень, где эта традиция оказалась наиболее устойчивой.

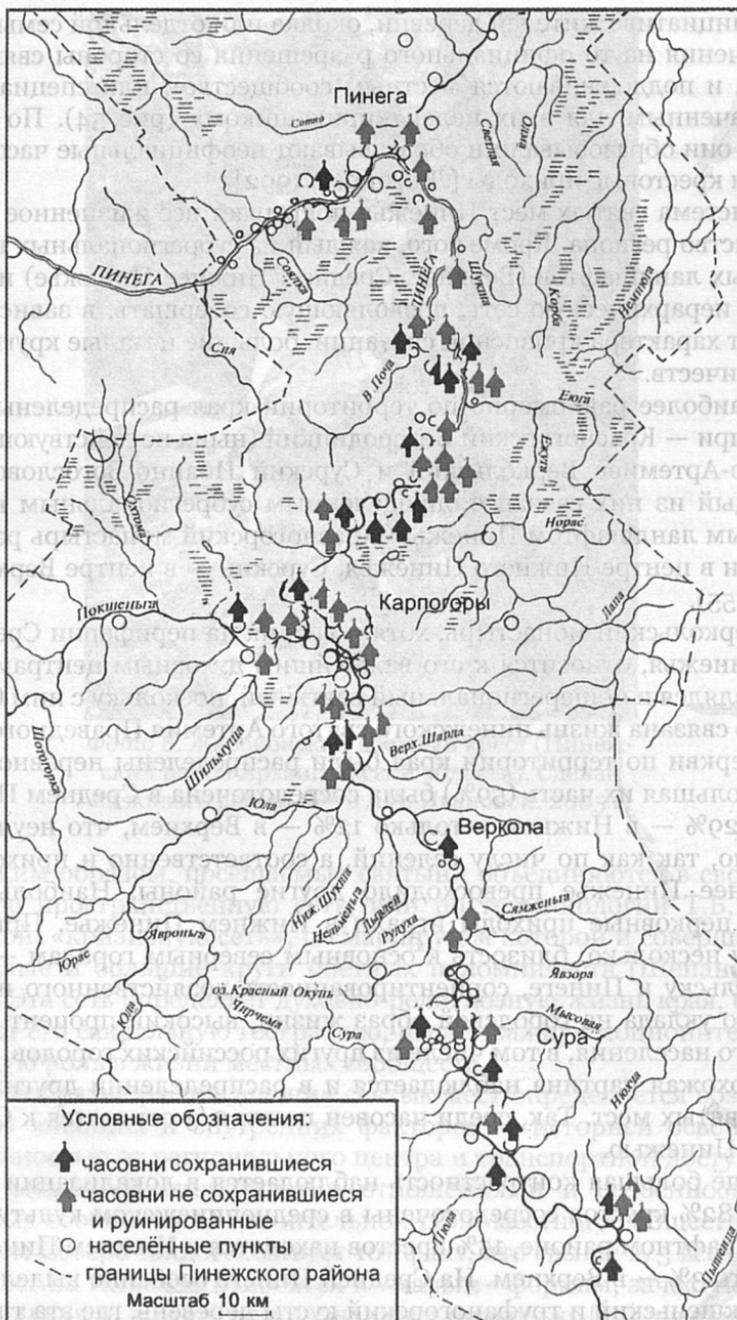

Рис. 54. Часовни Пинежья.

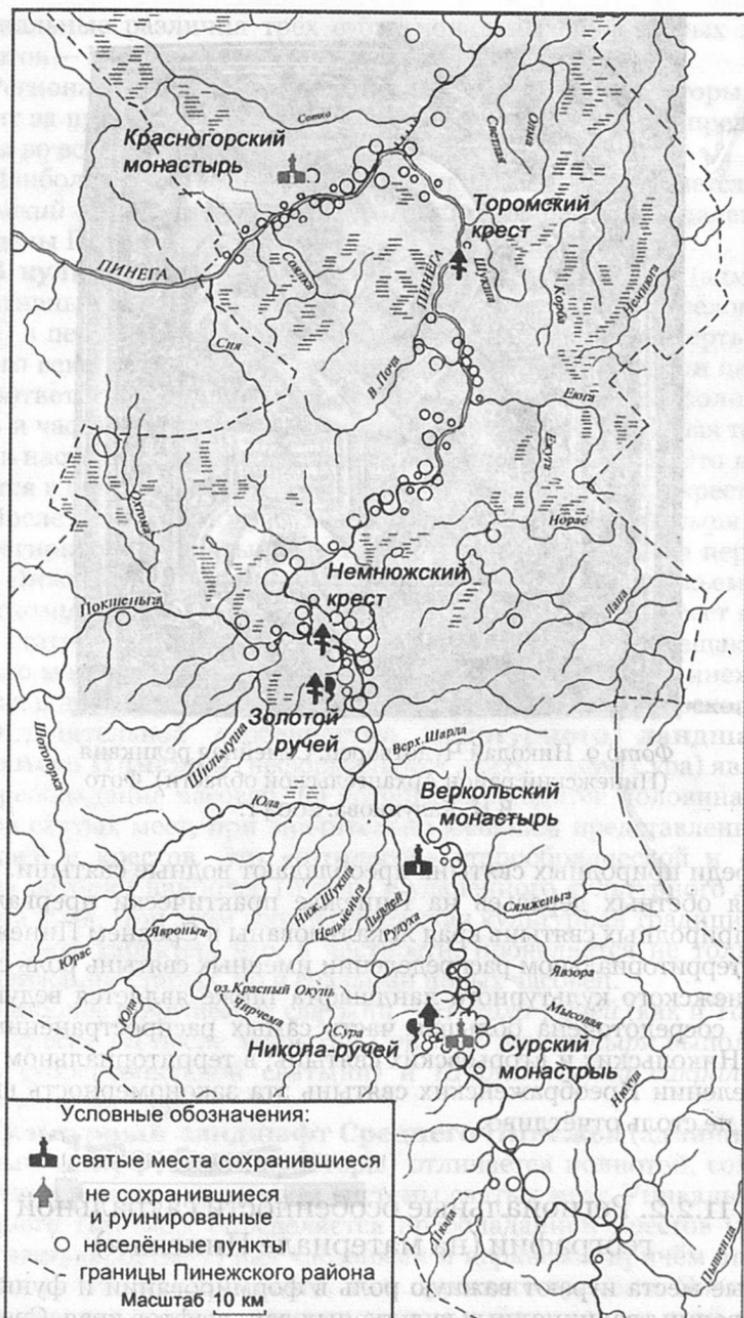

Рис. 55. Наиболее почитаемые святые места Пинежья.

Фото 9. Николай Чудотворец. Семейная реликвия (Пинежский район Архангельской области). Фото В.Н. Калуцкова. 2004 г.

Среди природных святынь преобладают водные святыни. Традиция обетных деревьев на Пинежье практически прервалась. 75% природных святынь края локализованы в Среднем Пинежье.

В территориальном распределении именных святынь роль среднепинежского культурного ландшафта также является ведущей: здесь сосредоточена большая часть самых распространённых в крае Никольских и Егорьевских святынь; в территориальном распределении Преображенских святынь эта закономерность выражена не столь отчётливо.

11.2.2. Региональные особенности сакральной географии (на материале Пинежья)

Святые места играют важную роль в формировании и функционировании традиционных культурных ландшафтов края. Срез ситуации с позиции сакральной географии позволяет наметить прин-

ципиальные различия трёх субрегиональных культурных ландшафтов — Нижнего, Среднего и Верхнего Пинежья.

Регионально значимые святые места, почитание которых выходит за пределы одного прихода (селенческого куста), представлены во всех трёх культурно-географических районах.

Наиболее почитаемой общепинежской святыней является *Веркольский монастырь* (ареал его почитания выходит далеко за пределы Пинежского района).

В культурном ландшафте Нижнего Пинежья (административный центр — бывший уездный город, а ныне посёлок Пинега) в период расцвета, пришедшегося на первую четверть прошлого века, среди других типов святых мест преобладали церкви и, соответственно, церковные приходы (при меньшей роли крестов и часовен). При этом сама нижнепинежская культурная традиция в настоящее время предстаёт наиболее размытой. Это выражается в почти повсеместной утрате церквей, часовен и крестов.

После закрытия в 1930-х гг. *Красногорского монастыря* роль субрегиональной святыни отошла к расположенному на периферии Нижнего Пинежья (на границе со Средним Пинежьем) *Торомскому кресту* (рис. 55). Это редкий случай, когда крест получил статус официальной святыни: его регулярно посещают не только местные жители, но и священнослужители как пинежского, так и других российских регионов, в том числе московского.

Отличительной особенностью **культурного ландшафта Верхнего Пинежья** (неформальный центр — село Сура) является преобладание часовен, на которые приходится половина всех типов святых мест, при значительно меньшей представленности церквей и крестов. Это «отголосок» старообрядческой и «чудской» истории наиболее глухого и удалённого культурного ландшафта края. При этом верхнепинежская культурная традиция носит живой характер, что, в частности, проявляется не только в поддержании старых, но и создании новых часовен.

Наиболее почитаемые святыни — *Никола-ручей* (как и *Торомский крест*, он после закрытия *Сурского монастыря* выполняет роль субрегиональной святыни) и *Шиднеменский сакральный комплекс* (рис. 55).

Культурный ландшафт Среднего Пинежья (административный центр — село Карпогоры) отличается полнотой, сохранностью и живым характером системы святых мест. Уникальность Среднего Пинежья определяется преобладанием крестов (большей частью обетных) над часовнями и церквями, причём это ситуация не только настоящего, но и прошлого времени. Почти каждая деревня, околоселенский деревня в этом районе имеют свой крест и/или часовню.

Основной системообразующей святыней среднепинежского культурного ландшафта (как и всего Пинежья) выступает *Веркольский монастырь*. К другим наиболее почитаемым святыням относятся *Немнужский крест* и сакральный комплекс *Золотой ручей*.

Таким образом, уникальная система святых мест Пинежья наиболее полно и функционально представлена культурным ландшафтом Среднего Пинежья, который концентрирует в себе основные типы и массивы святых мест.

Многоаспектность ландшафтной концепции, возможность представления культурного ландшафта не только как образа, информационного поля, но и как территории, пространства, среды, позволяют получать качественно новые научные результаты.

Глава 12

ТАКСОНОМИЯ И РАЙОНИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ РУССКОГО СЕВЕРА

12.1. ТАКСОНОМИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ РУССКОГО СЕВЕРА

При разработке системы таксонов культурных ландшафтов Русского Севера использовались подходы и принципы, содержание которых обсуждается в главе 5.

В обосновании критериев уровней таксономии методологическую поддержку оказала концепция культурного ландшафта, которая де-факто позволяет выбирать разные критерии — от идеологических до природных.

Выделяются общие, характерные для культурных ландшафтов всех таксономических уровней, и специальные критерии. К **общим критериям** относятся политико-географические, ономастические и информационные показатели.

Политико-географические критерии играют важную роль при обособлении культурно-ландшафтных районов. Одним из таких критериев является наличие устойчивого административного, хозяйственного, духовного центра, или центров, если они разведены в пространстве, как, например, Соловки и Архангельск для Русского Севера. В реальной ситуации центр может быть сильным или слабым, но его нужно рассматривать как надёжный критерий существования культурно-ландшафтного района. Если центр задаёт ядро района, то такой критерий как административный выдел, вне зависимости от уровня рассмотрения (от области до сельсовета), определяет внешний «скелет», границы культурно-ландшафтного района. Несовпадение культурных и административных границ порождает новые культурно-ландшафтные районы.

Ономастические критерии (наличие топонима, этникона, этнонима, других территориальных ономастических показателей)

выступают как индикаторы «непридуманности» конкретного культурного ландшафта, реальности его существования в общественном сознании и культуре.

Устойчивый топоним, этникон, относительно стабильные центры и внешние границы выступают в качестве основы для формирования устойчивого образа культурно-ландшафтного района. Образ района, степень его развитости, представленности в общественном сознании и культуре формируют информационное поле (информационный слой, по Ю.А. Веденину) района [Веденин, 2004 в]. Функционирование культурного ландшафта с развитым информационным полем и культурного ландшафта, в котором оно отсутствует, существенным образом различаются.

Специальные критерии представляют собой дополнительные показатели, характерные только для определённого таксономического уровня.

Для Русского Севера система таксонов культурных ландшафтов выглядит следующим образом: субцивилизация — страна — провинция — область — земля — край — местность. Некоторые из выделенных таксонов, например, субцивилизация, край, характерны только для Севера. В других региональных ситуациях количество таксонов может быть другим.

В таксономическом построении культурных ландшафтов первый уровень образуют **цивилизации**. Как показал А. Тойнби, в основе их выделения лежит религиозное вероучение; в политическом плане цивилизациям соответствуют крупные государства-империи. Культурно-исторической основой цивилизации выступает историко-этнографическая провинция или комплекс провинций, а природной основой — географический пояс или несколько природных зон.

Следующий таксон представлен очень крупными регионами, или **субцивилизациями** (табл. 19). Целостность субцивилизации определяется историческим взаимодействием слагающих её региональных культур. Хозяйственное взаимодействие формирует историко-этнографическую, или историко-культурную, область, длительная адаптация к природным условиям создаёт сходный жилищный комплекс, языковые контакты приводят к формированию крупной диалектной зоны со своим особым наречием. Культурной идентификации такого крупного единства способствует представленность в сетке административного деления государства в форме крупной области или группы областей. В природном плане субцивилизации соответствует природная зона (или несколько природных зон). Устойчивость такого огромного образования как субцивилизация во многом зависит от устойчи-

ности государств-империй и от места в пространственной организации империи. Так, Русский Север долгое время играл роль гигантской сырьевой периферии в составе Новгородского и Московского государств и стал культурной провинцией только в результате многовекового освоения.

Таблица 19

Таксономия культурных ландшафтов Русского Севера

Таксономические уровни	Критерии выделения	Природная основа и административные выделы	Примеры культурных ландшафтов и сообществ
Субцивилизация	Историко-этнографическая область Жилищный комплекс Наречие	Природная зона / Группа областей	Русский Север, северяне, поморы
Страна	Историко-этнографическая подобласть Региональные варианты жилищного комплекса Группа говоров	Природная подзона, соотношение суши и моря / область	Поморье, поморы
Провинция	Региональные варианты жилищного комплекса Группа говоров	Бассейн крупной реки / группа районов	Поважье, ваганы
Область	Субрегиональные варианты жилищного комплекса Говор	Бассейн средней реки, часть бассейна крупной реки / район	Пинежье, пинежане
Земля	Местоположение в бассейне реки Микродиалект	Часть бассейна средней реки / район	Верхнее Пинежье, верховцы
Край	Куст деревень Микродиалект	Бассейн малой реки, часть бассейна средней реки / сельсовет	Покшенинский куст, покшона
Местность	Деревня Микродиалект	Бассейн малой реки / часть сельсовета	Деревня Веркола, веркольцы

Ведущим духовным центром Русского Севера является Соловецкий монастырь, а административным — Архангельск, в северной культурной традиции часто называвшийся просто Городом.

Различия между Русским Севером и Русским Югом отмечали многие исследователи. Этнограф и фольклорист Д.К. Зеленин выделял даже два русских народа — севернорусский (с окающим гово-

ром) и южнорусский, характеризующийся акающим говором [Зеленин, 1991]. Современное диалектологическое районирование России также выделяет два наречия русского языка — южное и северное, охватывающее северную половину Европейской России [Русская диалектология, 1989]. В свою очередь В.П. Семёнов-Тян-Шанский различал два русских музыкальных ландшафта — Севера и Юга [Семёнов-Тян-Шанский, 1928]. Примечательно, что Русский Север в XVI–XVII веках был целиком выделен в особую административную единицу под названием Поморье, которая охватывала всю северную половину Европейской России.

В качестве третьего таксона выступает культурно-ландшафтная **страна** (в её культурно-географическом понимании) — как негосударство (табл. 19). В качестве критериев её выделения могут рассматриваться такие как историко-этнографическая подобласть, региональный вариант жилищного комплекса, группа говоров. Важным административным критерием является соотнесение страны с административной областью.

В качестве примера культурно-ландшафтной страны может рассматриваться Поморье в узком смысле слова, то есть как территория, населённая поморами, в традиционной хозяйственной деятельности которых морское рыболовство занимало важное место. Интересно, что южная граница Поморья частично совпадает с природной границей — между подзонами северной и средней тайги [Исаченко, 2003].

Четвёртый таксон — культурно-ландшафтная **провинция** — специфичен для Русского Севера. Он выделяется в пределах бассейна крупной реки, в котором сформировалось несколько культурно-административных центров (на уровне района). Возможные дополнительные критерии выделения провинции — региональные варианты жилищного комплекса, группа говоров. Характерным примером провинции на Русском Севере является Поважье, в пределах которого выделяется 3 культурно-ландшафтных области.

Культурно-ландшафтные **области** на Русском Севере, как правило, соотносятся с бассейном средней реки (или с частью бассейна крупной реки). Как правило, административное деление на районном уровне (современные муниципальные образования районного типа) подчёркивает отличия культурно-ландшафтных областей друг от друга. Дополнительные критерии выделения культурно-ландшафтной области — субрегиональный вариант жилищного комплекса, особый местный говор.

Дальнейшая культурная дифференциация территории приводит к обособлению частей бассейна и выделению культурно-ланд-

шафтных **земель**, как, например, на Пинежье. Широко распространено выделение Низа и Верха (верхних и нижних частей речного бассейна), которое к тому же почти всегда имеет и этносемантическое наполнение. Дополнительными критериями обособления могут служить языковые (микродialeкт) и административные показатели.

Одним из самых специфических для Русского Севера является таксон культурно-ландшафтного **края**. Это связано с исторически устойчивой организацией жизни традиционной севернорусской деревни. В территориальном плане семейно-родовые отношения обычно проявлялись в виде куста деревень, образованного родовым центром и разбросанными вокруг него починками и выселками. Как показано в главах 8 и 10, устойчивость куста деревень была связана с его включённостью в более сложную систему «куст — волость — приход». Эта триада и формировала на местном уровне крестьянский мир. В настоящее время куст деревень хорошо выделяется картографически, топонимически и этнонимически. В современных условиях дополнительным административным индикатором кустовой организации выступает наличие сельсовета.

Последний — восьмой — член таксономического ряда — культурно-ландшафтная **местность**. Ему соответствует такой целостный организм как деревня со всеми прилегающими к ней угодьями и урочищами (табл. 19).

При дальнейшем развитии науки возможно введение дополнительных критериев для разных таксономических уровней.

12.2. КУЛЬТУРНО-ЛАНДШАФТНОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

В начале XXI века на территории Русского Севера в пределах Архангельской области выделяются 2 страны — Поморская и Онежско-Двинская, отличающиеся друг от друга природными условиями, особенностями (во многом архаичными) традиционного хозяйства и, как следствие, рядом черт традиционной духовной культуры и языка.

Поморская страна (Поморье) представляет собой территорию развития традиционной поморской культуры, возникновение и эволюция которой связана с **морем** в природном, хозяйственном, языковом и ментальном смыслах.

На этой территории преобладают поморские северотаёжные культурные ландшафты. Традиционные занятия населения были

связаны с морскими промыслами, а также с солеварением, традиционная ведущая отрасль сельского хозяйства — молочное животноводство.

Наиболее мощные региональные культурные центры — Архангельск (административный центр), Соловки (духовный центр).

Этникон *поморы* известен с XVI века. В формировании поморов основную роль сыграла культура Великого Новгорода. Унаследованный русскими мощный слой финно-угорской лексики и топонимии образован саамами (на востоке региона) и карелами — на его западе [Матвеев, 2001].

В последние годы наблюдается актуализация этникона *поморы* и расширительное его употребление в отношении всех жителей Архангельской области. В частности, землячество уроженцев Архангельской области в Москве так и называется — Поморское.

Как было показано в главе 10, необычным культурным индикатором Поморской страны является географическая песня «Сыроелю река протекла», все 13 вариантов которой записаны на территории Поморья — от Карельского Беломорья до Мезени.

В пределах Поморья выделяется 5 культурно-ландшафтных областей — Архангельская, Соловецкая, Холмогорская, Онежская и Мезенская (рис. 56).

Онежско-Двинская страна, в отличие от Поморской страны, представляет собой зону развития культуры, связанной с **рекой** (озером) и **лесом**.

Преобладают поречные и отчасти поозёрные среднетаёжные культурные ландшафты. Традиционные занятия населения связаны с речными и лесными промыслами, охотой и собирательством при подчинённой роли сельского хозяйства.

Наиболее мощные региональные историко-культурные центры — Каргополь, Вельск, Сольвычегодск; новые региональные административные центры советского времени — Плесецк, Нянда, Котлас — возникли на границах культурно-ландшафтных областей.

Этникон *двиняне*, как было показано выше, известен с XIV–XV вв., но ныне он не используется. Новгородцы и ростово-суздальцы оказали примерно равное влияние на формирование культурных ландшафтов Онежско-Двинской страны, доминирование тех или других определяется конкретной локальной ситуацией.

В формировании финно-угорской лексики и топонимии в бассейне Онеги, Пинеги, нижней части бассейна Ваги и среднего течения Северной Двины основную роль играли прибалтийские финны (в основном карелы) [Матвеев, 2001].

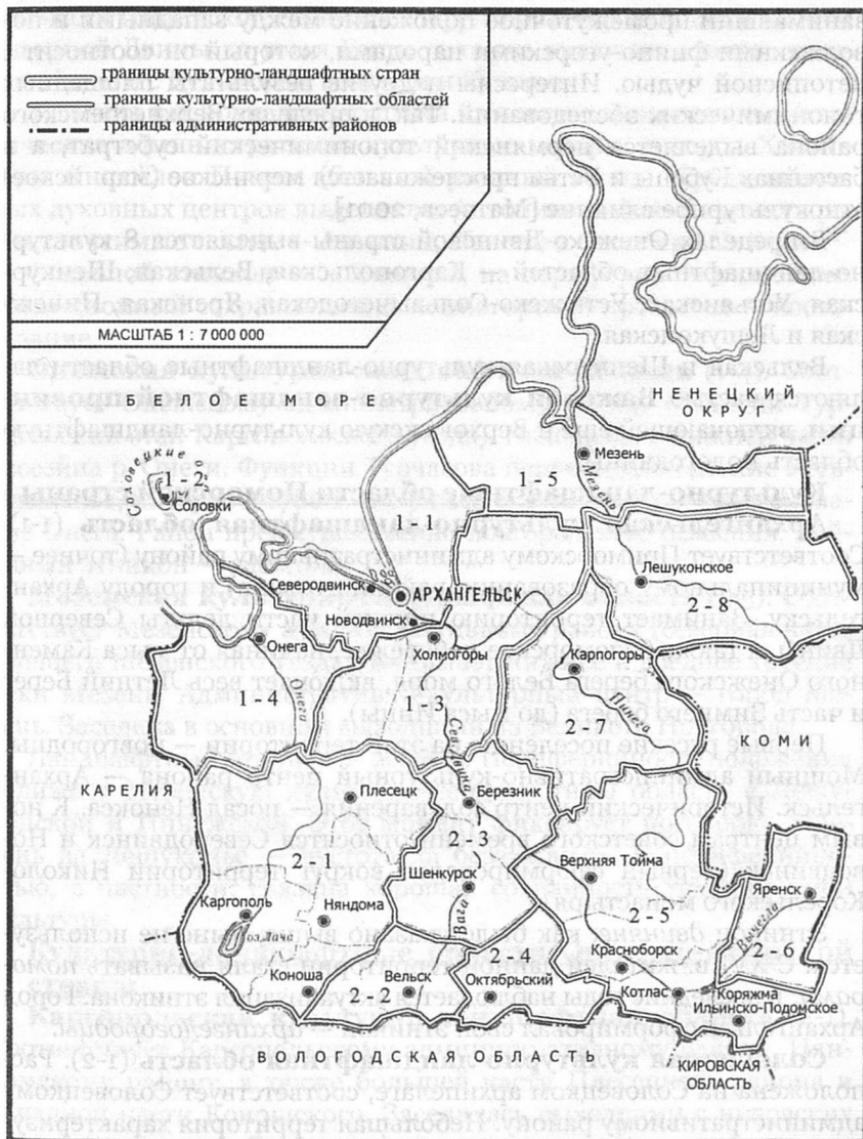

Рис.56. Культурные ландшафты Архангельской области.

Саамское культурное воздействие отсутствует в юго-восточной части региона; но именно для этих территорий (бассейн Кубены и Сухоны, большая часть бассейна Ваги) характерно наличие так называемой севернофинской лексики с окончаниями на *ньга*. А.К. Матвеев даже выделяет отдельный этнос — севернофинны,

занимавший промежуточное положение между западными и поволжскими финно-угорскими народами, который он соотносит с летописной чюдью. Интересны и другие результаты площадных топонимических обследований. Так, в пределах Верхнетоемского района выделяется пермьянский топонимический субстрат, а в бассейнах Кубены и Устья прослеживается мерянское (марийское) этнокультурное влияние [Матвеев, 2001].

В пределах Онежско-Двинской страны выделяется 8 культурно-ландшафтных областей — Каргопольская, Вельская, Шенкурская, Устьянская, Устюжско-Сольвычегодская, Яренская, Пинежская и Лешуконская.

Вельская и Шенкурская культурно-ландшафтные области являются частью **Важской культурно-ландшафтной провинции**, включающей ещё и Верховажскую культурно-ландшафтную область Вологодчины.

Культурно-ландшафтные области Поморской страны

Архангельская культурно-ландшафтная область (1-1).

Соответствует Приморскому административному району (точнее — муниципальному образованию районного типа) и городу Архангельску. Занимает территорию нижней части дельты Северной Двины, а также беломорское побережье, начиная от мыса Каменного Онежского берега Белого моря, включает весь Летний Берег и часть Зимнего берега (до мыса Инцы).

Первые русские поселенцы на этой территории — новгородцы. Мощный административно-культурный центр района — Архангельск. Исторический центр солеварения — посад Ненокса. К новым центрам советского времени относятся Северодвинск и Новодвинск (первый сформировался вокруг территории Николо-Корельского монастыря).

Этнимон *двиняне*, как было сказано выше, ныне не используется. С XVI в. жителей данной территории стали называть *поморами*; в последние годы наблюдается актуализация этнимона. Город Архангельск сформировал свой этнимон — *архангелогородцы*.

Соловецкая культурно-ландшафтная область (1-2). Расположена на Соловецком архипелаге, соответствует Соловецкому административному району. Небольшая территория характеризуется сложностью и высокой плотностью её духовного и хозяйственного освоения [например, Терехин, 1993, Давыдова, 1998].

Многоаспектным центром района выступает Соловецкий монастырь. Местночтимые святые — Савватий, Герман и Зосима Соловецкие. Местный этнимон — *соловчане*.

Холмогорская культурно-ландшафтная область (1-3). Соответствует Холмогорскому административному району и север-

ной части Пинежского. Занимает территорию верхней части дельты Северной Двины до устья Емцы, а также включает нижнее течение Пинеги с Кулойским волоком и Кулоем.

Заселена в основном выходцами из новгородских земель. Исторические административно-культурные центры — город Холмогоры и посёлок Пинега (бывший уездный город). Среди значимых духовных центров выделяется Антониев Сийский монастырь. Местночтимые святые — Антоний, Паисий и Феодосий Сийские.

Основной этникон — *холмогора*, на периферии — *пинежане*. Традиционный сохранившийся холмогорский промысел — косто-резание.

Онежская культурно-ландшафтная область (1-4). Соответствует Онежскому административному району (бывший Турчасовский стан Каргопольского уезда). Находится в нижней части бассейна р. Онеги. Функции Турчасова перехватило селение Усть-Онежское, которое в 1780 г. получило статус города и наименование Онега. Район преимущественно новгородского освоения. Районный этникон — *онежане*.

Мезенская культурно-ландшафтная область (1-5). Соответствует Мезенскому административному району (северная часть бывшего Мезенского уезда). Занимает нижнее и среднее течение реки Мезень. Административно-культурный центр — город Мезень. Заселена в основном выходцами из Великого Новгорода.

Ландшафтный этникон — *мезёна*. Периферийность положения сближает Мезенскую культурно-ландшафтную область с Лешуконской и Пинежской. Этот момент фиксирует поговорка «Мезень да Лешуконье — пустота да беззаконье». С периферийностью, в частности, связана хорошая сохранность традиционной культуры.

Культурно-ландшафтные области Онежско-Двинской страны

Каргопольская культурно-ландшафтная область (2-1). Соответствует Каргопольскому административному району, Нян-домскому району, а также большей части Плесецкого района и западной части Коношского. Заселялась выходцами с низовских земель (со стороны Белоозера) и новгородцами (с севера).

Охватывает верхнюю половину бассейна р. Онеги. Характерным объединяющим фактором является поозёрное и поречное местоположение селений и соответствующие им поозёрный и поречный типы традиционного культурного ландшафта. Среди наиболее крупных озёр — Лача, Кенозеро, Лекшмозеро, Ундозеро, Нименьское озеро, Большое Мошинское озеро.

Район центрирован исторически мощным культурным центром Каргополем, духовный центр района — Ошевенский Успенский монастырь. Местночтимый святой — Александр Ошевенский.

Характерно размещение церковных погостов, часовен и крестов — в лесу, в стороне от селений [Севан, 1990]. Широко распространён феномен священных рощ.

Основной районный этникон — *карго́бла*.

Вельская культурно-ландшафтная область (2-2). Соответствует Вельскому административному району и восточной части Коношского района. Охватывает среднее течение Ваги. Осваивалась в основном ростово-суздальцами.

Вельск — старый культурный центр. Небесный покровитель города и края — Кирилл Вельский (Важский). Часовни размещаются как внутри селений, так и в стороне от них [Севан, 1990].

Этникон *ваганы* архаичен, хотя местными политиками и СМИ предпринимаются попытки его актуализации. Основное современное самоназвание — *вельчаки*.

Шенкурская культурно-ландшафтная область (2-3). Соответствует Шенкурскому и Виноградовскому административным районам. Занимает нижнее течение Ваги и часть течения Двины. Заселялась преимущественно новгородцами с участием низовцев.

Культурный центр — город Шенкурск, известный с XIII века. Небесный покровитель Шенкурска — Варлаам Шенкурский. На данной территории часовни размещаются как внутри селений, так и в стороне от них [Севан, 1990]. Важный духовный центр района — так называемый *Варламиев колодчик* [Щепанская, 1995].

Архаичный этникон — *ваганы*, современные — *шёнкурцы*, *берёзник* (*березничана*).

Устьянская культурно-ландшафтная область (2-4). Соответствует Октябрьскому административному району. Занимает большую часть бассейна р. Устья, правого притока Ваги.

Современный административный центр — Октябрьский, духовный центр края — Бесгужево. Местночтимый святой — Проконий Устьянский.

Уникальность Устьянской культурно-ландшафтной области в хозяйственном отношении заключается в том, что она представляет собой единственную территорию в Архангельской области, где освоены и распаханы водораздельные пространства (между реками Устья и Кокшеньга).

Основные этникины — *устьяны* и *кокиа́ры* (для жителей бассейна Кокшеньги).

Устюжско-Сольвыггодская культурно-ландшафтная область (2-5). Занимает подвинские территории от Тоймы до Вели-

кого Устюга и выше по Сухоне до устья Уфтюги (последняя находится за пределами Архангельской области), а также низовье бассейна реки Вычегды и весь бассейн реки Виледа.

Заселялась главным образом выходцами из ростово-суздальских земель.

Мощные культурно-исторические центры — Великий Устюг (ныне в Вологодской области) и Сольвычегодск. Новые советские центры — Котлас и Коряжма (Коряжма, как и Северодвинск, развивается вокруг древнего монастыря). Наиболее крупные духовные центры — Архангельский монастырь в Устюге и Николо-Коряжемский монастырь в Коряжме. Местночтимые святые — Прокопий Устюжский, Лонгин Коряжемский и Христофор Сольвычегодский.

Преобладают субрайонные этникионы — *сольвычегодцы, краснороборцы, тоймичи, вилегодцы*. Жители Котласа — *котлашане*.

Яренская культурно-ландшафтная область (2-6). Соответствует Яренскому административному району. Охватывает нижнюю часть бассейна Вычегды. Осваивалась преимущественно низовцами. На строительные и архитектурные традиции сильное влияние оказала культура коми [Севан, 1990]. Встречаются часовни и обетные кресты. Административный центр — Яренск.

Пинежская культурно-ландшафтная область (2-7). Соответствует большей части Пинежского административного района, нижняя часть которого относится к Холмогорской культурно-ландшафтной области. Расположена в среднем и верхнем течении реки Пинега. Среднее течение Пинеги осваивалось в основном выходцами с новгородских, а верхнее — с низовских земель.

Устойчивый административно-культурный центр не сформировался. В разные периоды его роль играли Кевроль-город, Карпогоры (оба в среднем течении), город Пинега (в нижнем течении). Основной духовный центр — Веркольский монастырь. Преобладающее размещение церквей и часовен — вне или на окраине поселений, распространены обетные кресты. Устойчивый этникон — *пинежане*.

Лешуконская культурно-ландшафтная область (2-8). Соответствует Лешуконскому административному району. Занимает среднее и верхнее течение реки Мезень и нижнюю половину бассейна Вашки. Заселялась в основном выходцами с низовских земель. На терминологию, топонимию и архитектурные традиции заметное влияние оказали удорские коми. Административно-культурный центр — Лешуконское (б. Усть-Вашка). Основной этникон — *лешукона*.

Таким образом, важнейшим результатом культурно-ландшафтного районирования Архангельской области явилось выделение двух крупных культурно-ландшафтных стран — Поморской страны с традиционной морской культурой, и Онежско-Двинской страны, которая представляет собой зону развития культуры, связанной с рекой и лесом.

В целом культурно-ландшафтное районирование позволяет понять особенности пространственной организации традиционной культуры и может быть использовано для решения прикладных задач, например, при разработке и реализации региональной культурной политики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В основе ландшафтной концепции, разрабатываемой в культурной географии уже столетие, лежит представление о концепте ландшафта.

Под концептом понимается система значений и смыслов слова в определённом языке и культуре. Смысловая многозначность концепта ландшафта связана с историческими и языковыми причинами: огромную роль в его формировании сыграли сферы политики и искусства.

Семантический анализ концепта *Landschaft* в немецком языке (как генерировавшем сам концепт) демонстрирует 4 основных слоя значений — территориальные, визуальные, художественные и земские. Земские (муниципальные) значения ландшафта образуют самый архаичный слой, исходно связанный с политической сферой. Они могут быть актуализированы в контексте формирования местной идентичности, местного самоуправления, других культурно сообразных проектов местного уровня.

Многозначность концепта ландшафта является отличительной чертой всех европейских языков. Наиболее характерно для европейских языков территориальное и визуально-пейзажное понимание ландшафта. Общепринятым является также метафорическое использование концепта, активно развивающееся в последние годы.

Для развития культурной географии значимы все смысловые слои рассматриваемого концепта. Русский язык, вероятно, является единственным среди европейских языков, в котором в качестве концепта ландшафта используется иностранное слово, не обременённое культурными смыслами. Это сыграло огромную роль в развитии ландшафтной концепции в российской географии.

В течение XX века культурная география всех национальных географических школ испытала огромное воздействие ландшафтной концепции. Социокультурные исследования культурного ландшафта выстраиваются на его территориальном и муниципальном понимании. Образно-символические исследования опираются на пейзажный концепт ландшафта.

В соответствии с традициями антропогеографии культурный ландшафт рассматривается как природно-культурный территориальный комплекс. К компонентам культурного ландшафта относятся сообщество людей, природная среда, хозяйственная деятельность, селитба, языковая система и духовная культура. При этом два последних компонента являются также универсальными

способами описания, сохранения и ретрансляции культурного ландшафта во времени и пространстве.

В культурном ландшафте как социоприродной системе основным системообразующим компонентом выступает сообщество людей, играя одновременно пассивную (объектную) и активную роли, представляя собой не только агента преобразования «своего» культурного ландшафта, но и его первичного исследователя и интерпретатора.

Широкие возможности репрезентации и интерпретации культурного ландшафта связаны с его художественным и визуальным концептами. При этом методологически важно различать объект и репрезентацию объекта. Выделяются три типа репрезентаций культурного ландшафта — вертикальный, горизонтальный и комплексный. Среди форм репрезентации особое место занимают зрительные формы.

В основу ландшафтной интерпретации положено представление о ландшафте и его репрезентации как о тексте (в самом широком лингвистическом смысле этого слова). Этот сложный текст состоит из разных типов и форм репрезентаций — современных и исторических карт, рисунков и картин, фотографий и космических снимков, поэтических, прозаических и фольклорных произведений и т.д. Чтобы его прочесть, нужно освоить язык, на котором он «написан». Тем самым, интерпретация культурного ландшафта означает чтение ландшафта.

Принципиально возможны два уровня чтения культурного ландшафта, которым соответствуют 2 типа ландшафтных языков. Первый представляет собой территориальные культурные коды данного ландшафта, второй — репрезентационные языки.

Значительный интерес к тематике культурного ландшафта в современной России реализуется в целом спектре исследовательских направлений, среди которых выделяются: антропогенное, пейзажно-эстетическое, культурно-экологическое, феноменологическое и этнокультурное.

Этнокультурное ландшафтоведение представляет собой одно из перспективных направлений реализации ландшафтной концепции в культурной географии. В процессе своего развития оно стремится полноценно использовать культурно-языковые возможности самого концепта ландшафта и теоретико-методологические возможности ландшафтной концепции. Предмет этнокультурного ландшафтоведения охватывает круг вопросов этнокультурного освоения ландшафтов Земли. Оно включает четыре исследовательских направления — учение о культурном ландшафте, этноприродное ландшафтоведение, антрополандшафтоведение и лингволандшафтоведение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. — М.: Армада-пресс, 2002. — 320 с.
- Александров Е.В. Опыт рассмотрения теоретических и методологических проблем визуальной антропологии. — М.: Пенаты, 2003. — 98 с.
- Алексеев Б.А., Алексеева Н.Н., Аршинова М.А., Калуцкова Н.Н., Климанова О.А., Ковалева Т.А., Кондратьева Т.И., Макунина Г.С., Романова Э.П. Антропогенная трансформация зонально-поясных ландшафтных сообществ // География, общество, окружающая среда. — Т. 2. Функционирование и современное состояние ландшафтов. — М.: ИД «Городец», 2004. — С. 327–351.
- Андреева Е.Д. Звуковой ландшафт как реальный объект и исследовательская проблема // Экология культуры. — М.: Институт Наследия, 2000. — С. 76–85.
- Андрианов Б.В. Закономерности географической среды и хозяйственно-культурная дифференциация народов мира // Этническая экология: теория и методы. — М.: Наука, 1991. — С. 149–172.
- Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Советская этнография. — 1972. — № 2. — С. 3–16.
- Анциферов Н.П. Краеведческий путь в исторической науке. Историко-культурные ландшафты // Краеведение. — 1928. — № 6. — С. 321–338.
- Арманд Д.Л. Наука о ландшафте. — М.: Мысль, 1975. — 287 с.
- Атлас Архангельской епархии. — Архангельск, 1890.
- Барсов Н.П. География начальной (Несторовской) летописи. — Варшава, 1885.
- Бахтин В.С. Один из неучтенных песенных жанров (к вопросу об индивидуальном творчестве) // Русский фольклор. — Т. XVI. — Л.: Наука, 1976. — С. 227–235.
- Берг Л.С. Предмет и задачи географии // Известия Императорского Русского географического общества. — 1915. — Т. 51. — Вып. 9. — С. 463–475.
- Берг Л.С. География // БСЭ. — М.: Советская энциклопедия, 1929. — Т. 15. — С. 254–264.
- Берг Л.С. Ландшафтно-географические зоны СССР. Ч. 1. — М.; Л.: Сельхозгиз, 1931. — 401 с.
- Берг Л.С. Фации, географические аспекты и географические зоны // Известия ВГО. — 1945. — № 3. — С. 162–164.
- Берг Л.С. Географические зоны Советского Союза. 3-е изд. — М.: ОГИЗ, 1947. — 398 с.
- Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. — 532 с.

- Бернштам Т.А.* Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера (IX–XV вв.) // Фольклор и этнография Русского Севера. — Л.: Наука, 1973. — С. 5–29.
- Бернштам Т.А.* Поморы. Формирование группы и система хозяйства. — Л.: Наука, 1978. — 176 с.
- Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. — Л.: Наука, 1988. — 280 с.
- Бернштам Т.А.* Локальные группы Двинско-Важского ареала. Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север: К проблеме локальных групп. — СПб, 1995. — С. 208–317.
- Бернштам Т.А., Чистов К.В.* От редакторов // Русский Север. Ареалы и культурные традиции. — СПб: Наука, 1992. — С. 3–6.
- Билибин И.Я.* Народное творчество Русского Севера // Иван Яковлевич Билибин. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. — Л.: Художник РСФСР, 1970. — С. 31–46.
- Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. — Т. 1. — М., 1909. — 321 с.
- Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. — Т. 2. — М., 1912. — 311 с.
- Бондарь Ю.Н., Калуцков В.Н.* Природные ландшафты в топонимии Кенозерского национального парка // Кенозерские чтения. — Архангельск: ФГУ НП «Кенозерский»: Правда Севера, 2003. — С. 130–140.
- Борзов А.А.* Картины по географии России. — Вып. 1. — М.: Изд-во Гросман и Кнебель, 1908. — 192 с.
- Бородай Т.Ю.* Семантика слова *choga* у Платона // Вопросы классической филологии. — Вып. VIII. — 1984. — С. 62–73.
- Бочкарева Т.В., Калуцков В.Н., Воропаев А.И., Украинцева Н.Г.* Жуковский: градоэкология и развитие города (пособие по градоведению). — М.: Изд-во ФБМК, 1996. — 96 с.
- Бочкарева Т.В., Калуцков В.Н., Воропаев А.И., Украинцева Н.Г.* Жуковский: градоэкология и развитие города (пособие по градоведению). — 2-е изд., испр. — М.: Изд-во ФБМК, 1997. — 96 с.
- Брызгалов В.В., Давыдов А.Н.* Сравнительная характеристика урбонимов Петербурга и Архангельска в свете этнографии города // Вопросы топонимики Подвинья и Поморья. — Архангельск, 1991. — С. 113–131.
- Бубнова А.Р., Стрелецкий В.Н.* Этноконтактные зоны Нижегородской области // Взаимодействие социума и сельских местностей в региональном развитии. — М.: Институт Географии РАН, МАПРИС, 2005. — С. 205–215.
- Булатов В.Н.* Русский Север. — Книга первая. Заволочье (IX–XVI вв.). — Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1997. — 352 с.
- Булатов В.Н.* Русский Север. — Книга третья: Поморье (XVI — начало XVIII в.). — Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1999. — 336 с.
- Валевый В.В.* Научный натурализм в становлении ландшафтоведения // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. — М.; Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. — С. 14–25.
- Васильев В.И.* Ненцы // Народы России: энциклопедия. — М.: БРЭ, 1994. — С. 249–253.

- Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. — М.: Институт Наследия, 1997. — 224 с.
- Веденин Ю.А. Введение в проблему культурно-ландшафтного районирования // Культурный ландшафт как объект наследия. — М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004 а. — С. 335–337.
- Веденин Ю.А. Опыт культурно-ландшафтного описания крупных регионов России // Культурный ландшафт как объект наследия. — М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004 б. — С. 338–382.
- Веденин Ю.А. Информационная парадигма культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия. — М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004 в. — С. 68–81.
- Веденин Ю.А., Гудима Т.М., Шульгин П.М. Концептуальные положения формирования государственной целевой программы «Культура Русского Севера» // Наследие и современность. — Информационный сборник. Вып. 12. — М.: Институт наследия, 2004. — С. 22–40.
- Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Изв. РАН. Сер. геогр. — 2001. — № 1. — С. 7–14.
- Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия. — М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 13–36.
- Веденин Ю.А., Тормосов Д.В. Культурно-ландшафтная дифференциация Кенозерского национального парка // Культурный ландшафт как объект наследия. — М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. — С. 446–462.
- Вежбицкая Анна. Понимание культур через посредство ключевых слов. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 288 с.
- Витов М.В. О классификации поселений // Советская этнография. — 1953. — № 3. — С. 30–39.
- Витов М.В. Гнездовой тип расселения на Русском Севере // Советская этнография. — 1955. — № 2. — С. 27–40.
- Власова И.В. Этнический состав населения в верховьях Северной Двины и ее притоков по переписям XVIII — первой половины XX в. // Фольклор и этнография Русского Севера. — Л.: Наука, 1973. — С. 29–48.
- Власова И.В. Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII — первой четверти XIX в. — М.: Наука, 1976. — 118 с.
- Воскобойникова Н.П. Список населенных мест бывшего Кеврольского уезда за 1623–1976 гг. // Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере (дооктябрьский период). — Вологда, 1985. — С. 107–136.
- Воскобойникова Н.П. Список населенных мест бывшего Кеврольского уезда за 1623–1976 гг. // Культура Европейского Севера (дооктябрьский период). — Вологда, 1990. — С. 106–124.
- Герд А.С. Введение в этнолингвистику: Учебное пособие. — СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1995. — 92 с.
- Герд А.С. Введение // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны. — СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. — С. 8–14.

- Герд А.С. Еще раз о предмете ландшафтоведения (вопросы лингвиста к географу) // Вестник С-Петербур. ун-та. Сер. 7. — 2002. — Вып. 3. — № 23. — С. 132–138.
- Геттнер А. География. Ее история, сущность и методы. — Л.; М.: ГИ, 1930. — 416 с.
- Гладкий И.Ю. Этническая экология как отрасль научного знания // Известия РГО. — 2003. — Т. 135. — Вып. 5. — С. 30–40.
- Глазовская М.А. Геохимия природных и техногенных ландшафтов СССР. — М.: Высшая школа, 1988. — 327 с.
- Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии. — М.: Прогресс, 1990. — 304 с.
- Горбунов А.В. Применение концепции культурного ландшафта в разработке программы развития музея-заповедника «Бородинское поле» // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. — М.: Институт Наследия, 2002. — С. 16–38.
- Горелова М.А., Иванова А.А., Калущков В.Н. Географические проблемы картографирования фольклорных текстов (на материале «географических песен») // Устойчивое развитие территорий; теория ГИС и практический опыт. — Мат-лы межд. конф. Калининград, Берлин 25–31 авг. 2006 г.: В 2 т. — Т. 1. — М., 2006. — С. 212–216.
- Города России: энциклопедия. — М.: БРЭ, 1994. — 559 с.
- Григорьев А.А. Задачи и методы экономической географии // Вопросы страноведения. — М.; Л.: Изд-во МАИО, 1925. С. 18–32.
- Григорьев Ал.А. Святыни Русской Земли. — СПб: РГО, 2000. — 246 с.
- Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. Д.Н. Замятин. — Вып. 4. — М.: Институт Наследия, 2006. — 464 с.
- Гумбольдт А. Космос. Опыт физического мироописания. — Т. 1. — М., 1886.
- Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. — М.: Экопрос, 1993. — 544 с.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. — М.: ТанаисДи-ДИК, 1994. — 544 с.
- Давыдова Ю.А. Хозяйственная деятельность как основной фактор формирования и развития культурного ландшафта Русского Севера // М.В. Ломоносов и национальное наследие России. — Часть VI. Культурный ландшафт Русского Севера. — Архангельск: АЦ РГО РАН, 1996. — С. 12–14.
- Давыдова Ю.А. Культурный ландшафт Поморья: опыт пространственного анализа исторических карт и фольклорных текстов // Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье. — М.: Изд-во ФБМК, 1998. — С. 107–133.
- Даль В.И. Пейзаж // Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 3. — М.; СПб: издание М.О. Вольфа, 1882. — С. 27.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 2. — М., 1956. — С. 149.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — М.: Книга, 1991. — 574 с.
- Дерягин В.Я. К истории слов село и деревня в русском языке // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. — М.: Наука, 1971. — С. 118–123.

- Дерягин В.Я., Дерягина З.С., Манихин Г.И. Методические разработки для студентов пединститутов и учителей школ по теме «Топонимика Кенозерья». — Ч. 2. — Архангельск: АГПИ, 1987. — 35 с.
- Дмитриева С.И. К соотношению фольклорных, этнографических и антропогенных регионов в бассейне р. Мезени // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: краткие сообщения. — Л., 1978. — С. 13–14.
- Докучаев В.В. Учение о зонах природы. — М.: Географгиз, 1948. — 62 с.
- Дранникова Н.В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера: функциональность, жанровая система, этнопоэтика. — Архангельск: Изд-во ПГУ, 2004. — 430 с.
- Дронин Н.М. Эволюция ландшафтной концепции в русской и советской физической географии (1900-е — 1950-е годы). — М.: ГЕОС, 1999. — 232 с.
- Дроздов А.В. Ландшафтное планирование с элементами инженерной биологии. — М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2006. — 243 с.
- Дьяконов К.Н., Пузаченко Ю.Г. Теоретическое положение и направления исследований современного ландшафтоведения // География, общество, окружающая среда. — Т. 2. Функционирование и современное состояние ландшафтов. — М.: ИД «Городец», 2004. — С. 21–35.
- Евдокимов И.В. Север в истории русского искусства. — Вологда, 1921. — 230 с.
- Едемский М.Б. Этнологические наблюдения в Пинежском крае Архангельской губернии в 1921 г. // Север. — 1923. — № 3–4. — С. 197–214.
- Ефименко А. Крестьянское землевладение на Крайнем Севере // Исследование народной жизни. Вып. 1. Обычное право. — М., 1884.
- Забелин И.М. Теория физической географии. — М.: Географгиз, 1959. — 303 с.
- Замятин Д.Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. — Смоленск: Ойкумена, 1999. — 256 с.
- Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. — СПб.: Алетейя, 2003 а. — 331 с.
- Замятин Д.Н. Географические образы путешествий // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003 б. — С. 32–41.
- Замятин Д.Н. Стратегии интерпретации географических образов культурных ландшафтов // Поморские чтения по семиотике культуры. — Вып. 2. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера России. — Архангельск: ПУ, 2006. — С. 20–37.
- Замятина Н.Ю. Локализация идеологии в пространстве (американский фронт и пространство в романе А. Платонова «Чевенгур») // Плюсы и центры роста в региональном развитии. — М.: Институт Географии РАН, 1998. — С. 190–194.
- Замятина Н.Ю. Художественная литература как материал для изучения мысленных структур пространства (на примере романа В. Набокова «Дар») // География искусства: сборник статей. — Вып. III. — М.: Институт Наследия, 2002. — С. 92–108.

- Зеленин Д.К.* Географическая песня //Вестник воспитания. — 1904. — № 4. — С. 91–94.
- Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. — М.: Наука, 1991. — 511 с.
- Иванова А.А.* Фольклор как индикатор этнических сообществ //Культурный ландшафт Русского Севера. Пинежье. Поморье. — М.: ФМБК, 1998. — С. 39–64.
- Иванова А.А.* Концепция культурного ландшафта как методологический принцип организации комплексных полевых исследований //Актуальные проблемы полевой фольклористики. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. — С. 6–13.
- Иванова А.А., Мороз А.Б., Слепцова И.С.* «Географические песни» в локальном песенном репертуаре //Актуальные проблемы полевой фольклористики. — Вып. 2. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. — С. 122–171.
- Иванова А.А.* Легенды Светлояра //Живая старина. — 2004. — № 2. — С. 7–10.
- Иванова А.А., Калуцков В.Н.* Святые места Русского Севера //Твой Благовестник. — 1996. — № 4. — С. 26–28.
- Иванова А.А., Калуцков В.Н.* Светлое Пинежье. Путешествие по краю. — М.: Изд-во «Эслан». 2000. — 152 с.
- Иванова А.А., Калуцков В.Н., Фадеева Л.В.* Материалы к этнокультурному атласу «Святые места Пинежья» //Актуальные проблемы полевой фольклористики. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 198–241.
- Идентичность и география в постсоветской России — СПб: Геликон-Пресс. 2003. — 272 с.
- Исаченко А.Г.* Развитие географических идей. — М.: Наука, 1971. — 416 с.
- Исаченко А.Г.* Оптимизация природной среды: географический аспект. — М.: Мысль, 1980. — 264 с.
- Исаченко А.Г.* Ландшафтоведение и физико-географическое районирование. — М.: Высшая школа, 1991. — 369 с.
- Исаченко А.Г.* Экологическая география Северо-Запада России. — Ч. 1. — СПб., 1995. — 206 с.
- Исаченко Г.А.* О необходимости «нового ландшафтоведения» (ответ географа лингвисту) //Вестник С-Петерб. ун-та. — Сер. 7. — 2002. — Вып. 3. — № 23. — С. 138–140.
- Исаченко Г.А.* Культурный ландшафт и процессы запустения //Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. — С. 93–106.
- Каганский В.Л.* Центр — провинция — периферия — граница. Основные зоны культурного ландшафта //Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследований. — Москва; Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. — С. 72–101.
- Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сборник статей. — М.: НЛО, 2001. — 576 с.
- Каганский В.Л., Родоман Б.Б.* Культура в ландшафте и ландшафт в культуре //Наука о культуре: итоги и перспективы (информационно-аналитический сборник). — Вып. 3. — М.: РГБ (Информкультура), 1995. — С. 2–4.

- Калуцков В.Н. Ландшафт как территория и ландшафт как место // География и природные ресурсы. — 1995 а. — № 4. — С. 3–7.
- Калуцков В.Н. Проблемы исследования культурного ландшафта // Вестник Моск. ун-та. — Сер. 5. География. — 1995 б. — № 5. — С. 16–20.
- Калуцков В.Н. Проблемы ландшафтной топонимики (по материалам Пинежья) // Вестник Моск. ун-та. — Сер. 5. География. — 1996. — № 1. — С. 59–65.
- Калуцков В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. — 96 с.
- Калуцков В.Н. Топологический подход к исследованию традиционного культурного ландшафта // Актуальные проблемы полевой фольклористики. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002 а. — С. 14–23.
- Калуцков В.Н. Топос и культурный ландшафт // География и природные ресурсы. — 2002 б. — № 3. — С. 10–15.
- Калуцков В.Н. Схематизации культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003 а. — С. 10–19.
- Калуцков В.Н. О природной основе культурного ландшафта // Эволюция и пространственная организация ландшафтов. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003 б. — С. 89–92.
- Калуцков В.Н. «Географические песни»: пространственная морфология и организация (взгляд географа) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV междунар. науч. конф. «Рябининские чтения — 2003» (Петрозаводск, сент. 2003 г.). — Петрозаводск, 2003 в. — С. 298–302.
- Калуцков В.Н. Культурный ландшафт в «географических песнях» // Проблемы этнической географии и культурного районирования. — Псков: Возрождение. 2004 а. — С. 121–131.
- Калуцков В.Н. Топологическая организация традиционного культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия. — М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004 б. — С. 116–132.
- Калуцков В.Н. Русский Север: региональный культурный ландшафт и его вековые циклы // Известия РГО. — 2005. — Вып. 5. — С. 43–57.
- Калуцков В.Н. Этнокультурное ландшафтоведение // Вестник Моск. ун-та. — Сер. 5. География. — 2006. — № 2. — С. 6–12.
- Калуцков В.Н., Иванова А.А. Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. — М.: Изд-во ПФОП, 2006. — 212 с.
- Калуцков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А. и др. Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье. — М.: Изд-во ФБМК, 1998. — 136 с.
- Калуцков В.Н., Красовская Т.М. Представления о культурном ландшафте: от профессионального до мировоззренческого // Вестник Моск. ун-та. — Сер. 5. География. — 2000. — № 4. — С. 3–6.
- Каменецкий В.А. География // БСЭ. — М.: Советская энциклопедия, 1929. — Т. 15. — С. 264–266.
- Каргин А.С., Соловьева А.Н. Русский Север и современные процессы трансформации традиционной культуры // Традиционная культура. — 2005. — № 2. — С. 79–89.

- Карташова И.Ю., Кругляшова В.П.* Из истории русского фольклора (песни о прозвищах) // Фольклор Урала: Фольклор и историческая действительность. — Вып. 5. — Свердловск, 1980. — С. 105–112.
- Касимов Н.С.* Геохимические барьеры в зоне гипергенеза. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. — 395 с.
- Касимов Н.С., Перельман А.И.* Геохимия ландшафта: Учебное пособие для студентов вузов. — 3-е издание испр. и дополн. — М.: Астрей, 1999. — 763 с.
- Кизеветтер А.А.* Русский Север: роль Северного края Европейской России в истории Русского государства. Исторический очерк. — Вологда: Волог. центр сел. хоз-ва, 1919. — 66 с.
- Киселева Е.Г.* Московский художественный кружок. — Л.: Художник РСФСР, 1979. — 143 с.
- Клементьев Е.И.* Карелы // Народы России: энциклопедия. — М.: БРЭ, 1994. — С. 186–189.
- Кляус В.Л.* К проблеме видеофиксации фольклора // Первый всероссийский конгресс фольклористов. Сб. докладов. — Т. 2. — М.: ГРЦРФ, 2006. — С. 83–97.
- Ковтик В.А., Кулагина А.В.* Песни о деревнях и их жителях в фольклоре Костромской и Нижегородской областей // Актуальные проблемы полевой фольклористики. — Вып. 2. — М.: Изд-во Моск. ун-та 2003. — С. 171–197.
- Колбовский Е.Ю.* Культурный ландшафт и национальный пейзаж: две стороны одной реальности // Историческая география: теория и практика. — СПб.: Изд-во РГГМУ, 2004. — С. 22–30.
- Колбовский Е.Ю.* Ландшафтоведение: учеб пособие для студ. высш. учеб. завед. — М.: ИЦ «Академия», 2006. — 480 с.
- Колесников П.А.* Русская деревня в XV — первой половине XIX века. — Вологда: СЗКИ, 1976. — 416 с.
- Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 479 с.
- Конаков Н.Д.* Коми // Народы России: энциклопедия. — М.: БРЭ, 1994. — С. 196–200.
- Концепция* // Философский энциклопедический словарь. — М.: Сов. Энциклопедия, 1983. — С. 278.
- Костинский Г.Д.* Идея пространственности в географии // Известия АН СССР. — Серия географическая. — 1992. — № 6. — С. 31–40.
- Костинский Г.Д.* Географическая матрица пространственности // Известия АН СССР. — Серия географическая. — 1997. — № 5. — С. 15–31.
- Крубер А.А.* Антропогеография // БСЭ. — М.: Советская энциклопедия, 1926. — Т. 3. — С. 108–112.
- Кругляшова В.П.* Предания реки Чусовой // Уральский ГУ. — Ученые записки. — Вып. 18. — Свердловск, 1961. — 97 с.
- Крылов М.П.* Понятие «регион» в культурном и историческом пространстве России // География и региональная политика. — Ч. I. — Смоленск, 1997. — С. 32–37.
- Кулешова М.Е.* Принципы и методы оценки культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия. — М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин. 2004 а. — С. 37–67.

- Кулешова М.Е. Культурно-ландшафтное районирование Кунгурского края // Культурный ландшафт как объект наследия. — М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин. 2004 б. — С. 383–405.
- Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. — М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. — 629 с.
- Лавренова О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII — начала XX в. (геокультурный аспект). — М., 1996. — 95 с.
- Ландшафт // Советский энциклопедический словарь (Гл. ред. А.М. Прохоров). — М.: Советская энциклопедия, 1983. — С. 685.
- Ландшафт географический // Советский энциклопедический словарь (Гл. ред. А.М. Прохоров). — М.: Советская энциклопедия, 1983. — С. 685.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-культурные области // Советская этнография. — 1955. — № 4. — С. 3–17.
- Лукьянченко Т.В. Саамы // Народы России: энциклопедия. — М.: БРЭ, 1994. — С. 310–312.
- Лютикова Н.П. Пинежские часовни по письменным источникам XVIII — XX вв. // Русский Север. Ареалы и культурные традиции. — СПб., 1992. — С. 148–164.
- Лютый А.А. Язык карты: сущность, система, функции. — М.: Институт Географии, 1988. — 291 с.
- Макаров Н.А. Русский Север: таинственное средневековье. — М., 1993. — 192 с.
- Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 339 с.
- Манаков А.Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. — Псков: Центр «Возрождения», 2002. — 300 с.
- Манаков А.Г. Историко-культурное районирование России: некоторые вопросы методики // Историческая география: теория и практика. — СПб.: Изд-во РГГМУ, 2004 а. — С. 16–22.
- Манаков А.Г. Историко-этнографическая основа культурного районирования староосвоенной части Европейской России // Проблемы этнической географии и культурного районирования. — Псков: Изд-во АНО «Возрождение», 2004 б. — С. 159–167.
- Мангатаева Д.Д. Эволюция традиционных систем жизнеобеспечения коренных народов Байкальского региона. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. — 213 с.
- Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. — 1981. — № 2. — С. 78–96.
- Матвеев А.К. Субстратная топонимика Русского Севера. — Ч. I. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. — 346 с.
- Матвеев А.К. Субстратная топонимика Русского Севера. — Ч. II. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004. — 369 с.
- Милюков Ф.Н. Человек и ландшафты. Очерки антропогенного ландшафтоведения. — М.: Мысль, 1973. — 224 с.

- Мильков Ф.Н. Рукотворные ландшафты. Рассказ об антропогенных комплексах. — М.: Мысль, 1978. — 86 с.
- Митин И.И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. — Смоленск: Ойкумена, 2004. — 160 с.
- Мироненко Н.С. Страноведение: Теория и методы: Учебное пособие для вузов. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 268 с.
- Морозов И.А., Старостина Т.А. Ситуативные факторы порождения фольклорного текста //Актуальные проблемы полевой фольклористики. — Вып. 2. — М., 2003. — С. 12–26.
- Мунин А.Н. Александр Борисов (к 100-летию со дня рождения). — Архангельск: Сев-Зап. кн. изд-во, 1967. — 120 с.
- Мурзаев Э.Б. Словарь народных географических терминов. — М.: Мысль, 1984. — 653 с.
- Мурзаев Э.М. Слово на карте. — М.: Армада-пресс, 2001. — 448 с.
- Мягков С.М. Социальная экология: этнокультурные основы устойчивого развития. — М.: НИИПИ экологии города, 2001. — 190 с.
- Народные знания. Фольклор. Народное искусство. — Вып. 4. — М.: Наука, 1991. — 168 с.
- Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. — М.: Наука, 2000. — 579 с.
- Низовцев В.А. Антропогенный ландшафтогенез: предмет и задачи исследования //Вестник Моск. ун-та. — Сер. 5. География. — 1999. — № 1. — С. 26–30.
- Николаев В.А. Концепция агроландшафта //Вестн. Моск. ун-та. — Сер. 5. География. — 1987. — № 2. — С. 22–27.
- Николаев В.А. Ландшафтоведение: Эстетика и дизайн ландшафта: Учебное пособие. — М.: Аспект-Пресс, 2003. — 176 с.
- Новикова Н.И. Манси //Народы России: энциклопедия. — М.: БРЭ, 1994. — С. 227–229.
- Овсянников О.В. Средневековые города Архангельского Севера: люди, события, даты. — Архангельск: Сев-Зап. кн. изд-во, 1992. — 349 с.
- Ополовников А.В. Русский Север. — М.: Стройиздат, 1977. — 255 с.
- Орфинский В.П. Вековой спор. Типы планировок как этнический признак (на примере поселений Русского Севера) //Советская этнография. — 1989. — № 2. — С. 55–70.
- Отчёт Архангельского общества изучения Русского Севера за 1915 г. — Архангельск, 1916. — 84 с.
- Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. — СПб.: Алетейя, 1998. — 319 с.
- Первухин М.А. О предмете и методе современной физической географии //За марксистско-ленинское естествознание. — 1932. — № 1. — С. 83–126.
- Пименова Р.А. Географические образы в музыкальном искусстве: Учебное пособие. — М.: Экон-информ, 2004. — 64 с.
- Платонов С.Ф. Прошлое Русского Севера. Очерки по истории колонизации Поморья. — Пг.: Время, 1923. — 80 с.

- Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовании и этнографическом применении. — СПб., 1885.
- Подорога В.А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX — XX вв. — М.: Наука, 1993. — 320 с.
- Полное собрание летописей, изданных археографической комиссией. — Т. 5. — СПб., 1851. — С. 250.
- Преображенский В.С. Ландшафтные исследования. — М.: Наука, 1966. — 127 с.
- Преображенский В.С., Макаров В.З. Развитие ландшафтоведения в СССР. — М.: ВИНТИ, 1988. — 199 с.
- Путилов А.В., Чистов К.В. Введение //Фольклор и этнография Русского Севера. — Вып. 1. — Л.: Наука, 1973. — С. 3-4.
- Рагулина М.В. Оценка возможностей жизнеобеспечения населения в контексте устойчивого развития //Экологически ориентированное землепользование в Байкальском регионе. Слюдянский район. — Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2002. — С. 34-46.
- Рагулина М.В. Культурная география: теория, методы, региональный синтез. — Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. — 171 с.
- Раменский Л.Г. Введение в комплексное почвенно-геоботаническое исследование земель. — М.: Сельхозгиз, 1938. — 620 с.
- Ратцель Ф. Народоведение. — СПб.: Просвещение, 1902. — Т. 1. — 764 с. — Т. 2. — 877 с.
- Рерих Н.К. Об искусстве. — М.: Междунар. центр Рерихов, 1994. — 127 с.
- Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера: Сборник статей. — Смоленск: Ойкумена, 2002. — 336 с.
- Ружников А.В. К вопросу о южной границе севернорусской этнокультурной зоны //М.В. Ломоносов и национальное наследие России. — Ч. VI. Культурный ландшафт Русского Севера. — Архангельск: АЦ РГО РАН, 1996. — С. 19-26.
- Русская диалектология (Под ред. Л.Л. Касаткина). — М.: Просвещение, 1989. — 224 с.
- Русские (Александров В.А., Тишков В.А. и др.). — М.: Наука, 1997. — 827 с.
- Русские. Историко-этнографический атлас. — М.: Наука, 1967. — 360 с.
- Русские. Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища. Украшение крестьянских домов и одежды (середина XIX — начало XX века). — М.: Наука, 1970. — 208 с.
- Русский Север: Исследования и исследователи. Справочник (Т.С. Федорова и О.Н. Меньшикова). — М.: ИК, 1989. — Вып. 1. — 89 с. — Вып. 2. — 287 с.
- Русский Север: ареалы и культурные традиции. — СПб.: Наука, 1992. — 272 с.
- Русский Север: к проблеме локальных групп. — СПб.: Наука, 1995. — 320 с.
- Русский Север: этническая история и народная культура XII — XX века. — М.: Наука, 2001. — 848 с.
- Савицкий П.Н. Географический обзор России-Евразии //Континент Евразия. — М.: Аграф, 1997. — С. 279-294.
- Салищев К.А. Картография. Учебник для вузов. — М.: Высшая школа, 1971. — 248 с.

- Саушкин Ю.Г. Культурный ландшафт // Вопросы географии. — 1946. — № 1. — С. 97–106.
- Севан О.Г. Историко-культурное районирование и формирование среды исторических поселений и музеев под открытым небом // Музееведение. На пути к музею XXI века. — М., 1990. — С. 96–120.
- Семенов-Тянь-Шанский В.П.. Что должен знать каждый краевед о географии человека. — Л.: Брокгауз и Ефрон, 1927. — 133 с.
- Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. — 312 с.
- Сими́на Г.Я. Географические названия (по материалам письменных памятников и современной топонимики Пинежья). — Л.: Наука, 1980. — 112 с.
- Симонов Ю.Г. Культурный ландшафт как объект географического анализа // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии. — М.; Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. — С. 34–44.
- Смирнягин Л.В. Районы США: портрет современной Америки. — М.: Мысль, 1989. — 379 с.
- Соболевский А.И. Великорусские народные песни. — Т. VII. — СПб., 1902.
- Соколова З.П. Ханты // Народы России: энциклопедия. — М.: БРЭ, 1994. — С. 380–383.
- Солнцев Н.А. Природный географический ландшафт и некоторые общие его закономерности // Труды Второго Всесоюзного географического съезда. — Л.: ОГИЗ, 1948. — С. 258–269.
- Солнцев Н.А. Ландшафт географический // БСЭ. — 2-е изд. — М.: Советская энциклопедия, 1954. Т. 24. — С. 276.
- Солнцев Н.А. Использование народных географических терминов в ландшафтоведении // Учение о ландшафте (избранные труды). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. — С. 359–383.
- Список населенных мест Архангельской губернии к 1905 г. — Архангельск, 1907.
- Список населенных мест Архангельской губернии на 1 мая 1922 г. — Архангельск, 1922.
- Стрелецкий В.Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Известия АН. — Серия географическая. — 2002. — № 4. — С. 18–28.
- Стрелецкий В.Н. Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. // Культурно-ландшафтные исследования в Германии: традиции и современность. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. — С. 42–54.
- Стрелецкий В.Н. Парадигмы геопространства и методология культурной географии // Гуманитарная география. — Вып. 1. — М.: Институт наследия, 2004. — С. 95–119.
- Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера (Религиозно-мифологическое пространство русской культуры). — Архангельск: Изд-во ПГУ, 1993. — 223 с.
- Теребихин Н.М. Метафизика Севера. — Архангельск: Изд-во ПГУ, 2004. — 272 с.
- Тойнби А.Дж. Постигание истории. — М.: Прогресс, 1996. — 608 с.

- Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей // Вопросы философии. — 1964. — № 11. — С. 43–53.
- Толстая С.М. Географическое пространство культуры // Живая старина. — 1995. — № 4 (8). — С. 2–7.
- Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — М.: Индрик, 1995. — 512 с.
- Топоров В.Н. Образ соседа в становлении этнического самосознания (русско-литовская перспектива) // Славяне и их соседи: Этнопсихологический стереотип в средние века. — М., 1990. — С. 4–14.
- Туrowsкий Р.Ф. Культурные ландшафты России. — М.: Институт Наследия, 1998. — 210 с.
- Туrowsкий Р.Ф. Культурная география: теоретические основания и пути развития // Культурная география. — М.: Институт Наследия, 2001. — С. 10–94.
- Туrowsкий Р.Ф. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // Идентичность и география в постсоветской России. — СПб.: Геликон Плюс, 2003. — С. 139–173.
- Тютюнник Ю.Г. Ландшафт: этимология, герменевтика, экзегетика // Totalology—XXI. — Десятый выпуск. Постнекласичні дослідження. — Київ: ЦГО НАН України, 2003. — С. 54–71.
- Тютюнник Ю.Г. О происхождении и первоначальном значении слова «ландшафт» // Известия РАН. — Серия географическая. — 2004. — № 4. — С. 116–122.
- Фадеев Л.А. Происхождение и роль системы городских концов в развитии древнейших русских городов // Русский город. — М., 1976. — С. 17–31.
- Фадеева Л.В. Духовно-религиозные основы культурного ландшафта Пинежья (к проблеме иерархической организации культурного ландшафта) // Культурный ландшафт Русского Севера. Пинежье. Поморье. — М.: ФМБК, 1998. — С. 79–106.
- Фадеева Л.В. Святые места реки Пинеги: памятники и предания // Славянская традиционная культура и современный мир: Сборник материалов научно-практической конференции. — Вып. 3. — М.: ГРЦРФ, 1999. — С. 203–221.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — Т. 1–4. — М.: Прогресс, 1986–1987.
- Фельдт Н.Н. Образ Русского Севера в сознании художественной интеллигенции на рубеже 19–20 вв. // Свеча—99. Экология духа. — Вып. 1. — Архангельск: Изд-во ПГУ, 1999. — С. 302–309.
- Филитов Ю.В., Авдеева Т.Т., Пенюгалова А.В. Как организовать развитие. — Краснодар, 1996. — 80 с.
- Философский энциклопедический словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1983. — 840 с.
- Фролова М.Ю. Пейзажные исследования во Франции // Вестник Моск. ун-та. — Сер. 5. География. — 1996. — № 2. — С. 52–56.
- Фролова М.Ю. Восприятие ландшафтов и пейзажная политика во Франции // Вестник Моск. ун-та. — Сер. 5. География. — 1997. — № 2. — С. 30–33.

- Христофорова О.Б.* Визуальная антропология: российская действительность и зарубежный опыт //Первый всероссийский конгресс фольклористов. Сб. докладов. — Т. 2. — М.: ГРЦРФ, 2006. — С. 98–110.
- Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира. — М.: Наука, 1990. — 207 с.
- Чалая И.П., Веденин Ю.А.* Культурно-ландшафтное районирование Тверской области. — М.: Институт Наследия, 1997. — 286 с.
- Чеснов Я.В.* Этнический образ //Этнознаковые функции культуры (Отв. ред. Ю.В. Бромлей). — М.: Наука, 1991. — С. 58–85.
- Чеснов Я.В.* Лекции по исторической этнологии: Учебное пособие. — М.: Гардарики, 1998. — 400 с.
- Чистов К.В.* Народные традиции и фольклор. — М.: Наука, 1986. — 304 с.
- Щепанская Т.Б.* Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) //Русский Север. К проблеме локальных групп. — СПб, 1995. — С. 110–178.
- Щепанская Т.Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX — XX вв. — М.: Индрик, 2003. — 527 с.
- Энгельгардт А.П.* Русский Север. Путевые заметки. — СПб: Издание А.С. Суворина, 1896. — 262 с.
- Экологические традиции в культуре народов Центральной Азии. — Новосибирск: Наука, 1992. — 160 с.
- Экология культуры: Альманах Института Наследия «Территория». — М.: Институт Наследия, 2000. — 216 с.
- Энциклопедический словарь географических терминов. — М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1968. — 437 с.
- Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. — М.: Наука, 1988. — 225 с.
- Ямсков А.Н.* Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта //Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. — С. 62–77.
- Янин В.Л., Алешковский М.Х.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) //История СССР. — 1971. — № 2. — С. 32–61.
- Aasbø S.* History and Ecology in Everyday //Papers from the Department of Geography, University of Trondheim. — 1999. — № 27.
- Bastian O.* Assessment and classification of landscapes — adopting and developing Neef's landscape research in Saxony (Germany) //Вісник Львів. ун-ту. — Сер. Географічна. — 2004. — Вип. 31. — С. 56–65.
- Blache P.* Vidal de la. Principles of Human Geography. — N.Y., 1926.
- Claval P.* Geographie culturelle. Une nouvelle approche des sociétés et des milieux. — Paris: Armand Colin, 2003. — 288 p.
- Cosgrove D.* Social formation and symbolic landscape. — London: Croom Helm, 1984.
- Cosgrove D.* Landscape and Myths, Gods and Humans //Landscape politics and Perspectives. — Providence: Berg Publisher Ltd., 1993.
- Cosgrove D.* Author's reponse //Progress in human geography. — 2005. — 29. — № 4. — P. 479–482.
- Cosgrove D., Jackson P.* New directions of culture geography //Area. — 1987. — 19. — P. 95–101.

- Daniels S.* Fields of Vision. Landscape Imagery and National Identity in England and United States // Polity Press, United Kingdom. — Oxford, 1993.
- Daniels S., Cosgrove D.* Iconography of Landscape. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Duncan J.S.* The superorganic in American cultural geography // Annals of the Association of American Geographers. — 1980. — Vol. 70. — № 2. — P. 181–198.
- Granö J.G.* Geographische Ganzheiten // Petermann Mit. — 1935. — № 81. — P. 295–302.
- Grimm V., Grimm W.* Landschaft // Deutsches Wörterbuch. — Bd. VI. — Leipzig, 1885. P. 131–133.
- Groth P., Wilson C.* The Polyphony of Cultural Landscape Study: An Introduction // Everyday America: cultural landscape study after J.B. Jackson (eds. *Wilson C., Groth P.*). — Berkeley: Los Angeles: London: University of California Press, 2003. P. 1–22.
- Harthshorne R.* The nature of geography. A critical survey of current thought in the light of the past. — Pennsylvania: Association of American Geographers, 1939. — 469 p.
- Hellpach W.* Die geopsychischen Erscheinungen. — Leipzig, 1923.
- Huntington S.* The Clash of Civilization and Remaking the World Order. — N.Y., 1996.
- Jackson J.B.* Landscape as Theatre // Landscape. 1979. — 23. — № 1. — P. 3–7.
- Jackson J.B.* The Vernacular Landscape // In: Penning-Rowsell E.C., Lowenthal D. (eds.) Landscape Meanings and Values. — London: Allen and Unwin, 1986.
- Jackson J.B.* Maps of meanings: an introduction in cultural geography. — London: Unwin Hyman, 1989.
- Landschaft* // Большой немецко-русский словарь (Под рук. проф. О.И. Москальской). — Т. 2. — М.: Советская энциклопедия, 1969. — С. 12.
- Lautensach H.* Über die Erfassung und Abgrenzung von Landschaftsräumen // Comptes rendu du Congrès International des Géographes. — Amsterdam. — 1938. — Vol. 2. — Sec. 5. — P. 12–26.
- Lowenthal D., Prince H.C.* English Landscape // Geographical review. — 1964. — № 54. — № 3. — P. 309–346.
- Lowenthal D., Prince H.C.* English Landscape Tastes // Geographical review. — 1965. — № 55. — № 2. — P. 187–222.
- Lowenthal D.* English Landscape // Man, Space and Environment. N.Y.: Oxford University Press. 1972. — P. 81–112.
- Mitchell D.* There is no such thing as culture: towards a reconceptualisation of the idea of culture in geography // Transaction of the Institute of British Geographers. — 1995. — Vol. XXV. — P. 102–116.
- Neef E.* Über den Begriff Komplementarität in der Geographie // Petermanns Geogr. Mitt. — 1985. — 129. — № 2. — P. 141–142.
- Olwig K.R.* Recovering the Substantive Nature of Landscape // Annals of the Association of American Geographers. — 1996. — Vol. 86. — № 4. — P. 630–653.
- Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. — UNESCO. — WHC-99/2. — 1999. — 38 p.

- Price M., Lewis M. The reinvention of cultural geography // *Annals of the Association of American Geographers*. — 1993. — Vol. 83. — № 1. — P. 1–17.
- Rappaport Roy. Ecology, Meaning, and Religion. — Berkeley: North Atlantic Books, 1979.
- Rose G. Feminism and Geography // *The Limits of Geographical Knowledge*. — N.Y.: Polity Press, 1993. — P. 86–113.
- Rosenthal M. British Landscape Painting. — Oxford: Phaidon Press, 1982.
- Sauer K. Morphology of Landscape // *University of California*. — Publications in Geography. — 1925. — Vol. II. — № 2. — P. 19–53.
- Sauer K. The fourth dimension of geography // *Annals of the Association of American Geographers*. — 1974. — Vol. 64. — № 2. — P. 189–192.
- Salter C.L. The Cultural Landscape. — Belmont: Ca., 1971.
- Schein R.H. The place of landscape: a conceptual framework for interpreting of american scene // *Annals of the Association of American Geographers*. — 1997. — Vol. 87. — № 4. — P. 660–680.
- Schluter O. Die Erdkunde in ihrem Verhältnis zu den Natur- und Geisteswissenschaften // *Geographische Anzeiger*. — 1920. — Bd. 21.
- Seymour-Smith C. *Macmillan Dictionary of Anthropology*. — London: The Macmillan Press, 1986.
- Tress B., Tress G., Decamps H., d'Hautesserre A.-M. Bridging human and nature sciences in landscape research // *Landscape and Urban Planning*. — 2001. — № 57.
- Tuan Yi-Fu. Man and Nature // *Landscape*. — 1966. — 15. — № 3.
- Tuan Yi-Fu. *Topophilia: A Study of Environmental Perception Attitudes and Values*. (Englewood Cliffs). — NY: Prentice Hall, 1974. — P. 11–18.
- Tuan Yi-Fu. Place: an experiential perspective // *Geographical Review*. — 1975. — Vol. 65. — № 2. — P. 151–165.
- Urbanc M. and other. Comprehension of rapidly transforming landscapes of Central and Eastern Europe in the XX century // *Acta geographica Slovenica*. — 2004. — Vol. 44. — № 2. — P. 101–131.
- Vistad O.I. *Roros and the locals: Word Heritage Site and vernacular landscape* / Papers from the Department of Geography. — University of Trondheim. — 1999. — № 27.
- Watson J.W. Image geography: the myth of America in the American scene // *Br. J. Advmt. Sci.* — 1970. — 27. — P. 71–79.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЕ И ТЕРМИНЫ

Анизотропность культурного ландшафта. Неравнозначность направлений в его пределах.

Антрополандшафтоведение. Раздел **этнокультурного ландшафтоведения**, изучающая общественные взаимодействия опосредованные культурным ландшафтом. В качестве продуктов таких взаимодействий выступают **ландшафтные социофакты и ландшафтных ментифакты**.

Антропоним. Название человека (имя, прозвище, фамилия).

Вековое состояние культурного ландшафта. Вековой цикл развития культурного ландшафта, состоящий из 4 фаз — зарождения, роста, стабилизации и фазы перехода к следующему вековому состоянию.

Вертикальные репрезентации культурного ландшафта. Представляют культурный ландшафт в его вертикальном измерении, позволяя выявить его объём, вертикальные свойства, вертикальную структуру. С позиции истории человеческой культуры вертикальные репрезентации ландшафта первичны относительно **горизонтальных**. В основе вертикальной репрезентации лежит взгляд на окружающую местность вертикально стоящего человека. Одной из самых распространённых культурных форм вертикальной репрезентации ландшафта является пейзаж.

Горизонтальные репрезентации культурного ландшафта. В горизонтальных репрезентациях культурный ландшафт предстает в горизонтальной развёртке — территориальном, пространственно-организационном, пространственно-семантическом измерениях. В основе горизонтальной репрезентации лежит взгляд на окружающую местность с высоты птичьего полёта.

Зрительные репрезентации культурного ландшафта. Играют ведущую роль при его **репрезентации**. Зрительные репрезентации культурного ландшафта разделяются на визуальные (географическая карта, картосхема, картоид, аэрофотоснимок, космический снимок и др.) и изобразительные формы, а последние — на пейзажные и непейзажные формы.

Интерпретация культурного ландшафта. В основе ландшафтной интерпретации лежит представление о культурном ландшафте и его репрезентациях как о тексте в самом широком — лингвистическом — смысле этого слова [Толстой, 1995]. Этот текст состоит из **территориальных культурных кодов** и разных типов и форм **репрезен-**

таций (современных и исторических карт, рисунков и картин, фотографий и космических снимков, поэтических, прозаических и фольклорных текстов и т.д.). Чтобы его прочесть, нужно освоить языки, на которых он «написан». Таким образом, интерпретация культурного ландшафта означает «**чтение ландшафта**».

Историко-культурная зона. Ареальное единство, которое выделяется по данным археологии, этнографии, антропологии, языкознания, истории, геологии, палеогеографии, географии и других дисциплин [Герд, 1995].

Кончанская структура. Социопростраственная организация севернорусского селения, в которой базовой единицей является **околок, конец**.

Концепт. Система устойчивых смыслов и значений слова, существующих в определённом языке и культуре.

Круговая (замкнутая) планировка селения. Планировка, центрированная относительно какого-либо пространственного центра, объекта-конфигуратора — храма, площади, озера.

Культурный ландшафт. Природно-социокультурный территориальный комплекс.

Куст деревень. Система деревень на Русском Севере и в Сибири, представляющая собой продукт многовекового хозяйственного освоения земель членами одной родовой («корневой») общины при её росте и разделении. На картах куст напоминает гроздь винограда: деревни одного куста как бы прилепляются друг к другу, а соседний куст расположен на значительном расстоянии.

Ландшафтный артефакт. Культурное угодье (огород, поле, сенокос), традиционная технология, орудие труда, жилище, одежда и другие материально-предметные проявления культуры, опосредующие связь человеческого сообщества с природой в рамках определённого культурного ландшафта.

Ландшафтный диалект. Система **территориальных культурных кодов** определённого культурного ландшафта, или совокупность **ландшафтных физиофактов, артефактов, социофактов и ментифактов**.

Ландшафтный ментифакт. Формируется наиболее устойчивыми элементами культуры — религией, фольклором, языком. Ландшафтные ментифакты представляют собой каркас культурного ландшафта (сакральная система, ономастическая система, мифологическая система) и определяют его устойчивость.

Ландшафтный социофакт. Пространственно локализованное проявление общественного поведения или восприятия, связанное с определённым культурным ландшафтом.

Ландшафтный топоним. Топоним, который несёт в себе представление о ландшафте определённой местности — своеобразии её традиционной культуры, природных, хозяйственных, этноязыковых и селенческих особенностях.

Ландшафтный физиофакт. Природное урочище (лес, река, болото), объект природы (камень, дерево), ставшие в результате освоения территории органичной частью культурной традиции, определённого культурного ландшафта.

Лингволандшафтоведение. Раздел этнокультурного ландшафтоведения, занимающийся изучением ландшафтных диалектов.

Линейная планировка селения. Основным принципом её территориальной организации является выстраивание домов относительно линейного объекта-конфигуратора, в качестве которого выступают дорога, улица, река.

Метонимии принцип. Его суть заключается в принципиальной возможности переноса названия с одного ландшафтного объекта (топоса) на другой.

Местное сообщество. Сообщество людей, осознающая себя как целое и неразрывно связанная с определённым культурным ландшафтом.

Окб́лок (око́лодок, окол). Целостная часть севернорусской деревни. Территориально компактная, имеющая собственное имя (топоним) и населённая, как правило, представителями одной или нескольких фамилий с характерными **антропонимами**. Базовая единица социопространственной организации севернорусской деревни.

Полимасштабность культурного ландшафта определяется разноточностью слагающих его мест: «крупномасштабность» наиболее значимых, системообразующих центральных мест задаёт разную плотность и, как следствие, искривление пространства культурного ландшафта.

Порядковая (рядовая) планировка селения. При такой планировке деревенские дома располагаются порядками, или рядами [Витов, 1955, Бернштам, 1978]. При этом дома всех порядков сориентированы, как правило, в одном направлении (фото 4, рис. 35, 36). Наиболее характерны **речная и соляная ориентации** домов. Порядки (ряды) тонко учитывают рельеф местности, огибая холмы и излучины рек. Принципиальное отличие порядковой планировки от квартальной в том, что в первом случае в качестве планировочной единицы выступает дом (домохозяйство), а во втором — квартал.

Репрезентация культурного ландшафта. Представление культурного ландшафта в разных репрезентационных формах и типах, создание географического образа культурного ландшафта.

Репрезентационный комплекс культурного ландшафта. Комплекс **горизонтальных** (обычно картографических изображений) и **вертикальных репрезентаций** ландшафта, состоящий из разных культурных форм. Так, репрезентационный комплекс В.П. Семёнова-Тянь-Шанского включал в себя изобразительные и визуальные формы репрезентации, а также текстовые формы — литературные (поэтические и прозаические) и фольклорные.

Речная ориентация селения. При такой пространственной ориентации лицо деревни (фасады домов) повернуто к реке.

Свободная планировка селения. В отличие от **круговой** и **линейной** при свободной планировке объект-конфигуратор отсутствует и дома располагаются независимо друг от друга. Свободная планировка селений характерна для северных финно-угорских народов — карел, коми, вепсов [Орфинский, 1989].

Солярная ориентация селения (от латинского sol — Солнце). При такой пространственной ориентации селения фасады домов повернуты в южном, юго-восточном или юго-западном направлении (рис. 37). Одна из причин таких решений — желание максимально использовать энергетический ресурс Солнца в условиях его нехватки.

Территориальные культурные коды. Система **физиофактов, артефактов, социофактов и ментифактов** определённого культурного ландшафта, которые в совокупности формируют **ландшафтный диалект**. Само представление о языке как культурном коде происходит из теоретических положений об изоморфизме языка и культуры, разработанных этнолингвистической школой Н.И. Толстого [Толстой, 1995]. Им созданы классификации, в которых классы языков рассматриваются параллельно с классами других явлений культуры (так называемая культурологическая «лестница»). Например, микродиалект соответствует культуре одного села, небольшого социума, диалект, или говор, — культуре более крупной территориальной общности (например, Пинежья), макродиалект, или наречие, соотносится с крупным регионом таким, как Русский Север и т.д.

Топос. Единица пространственной организации культурного ландшафта. Под топосом понимается именованное место, угодье, урочище, т.е. территория, получившая свое название.

Топоформант. Под топоформантом понимается часть топонима, которая представляет собой народный географический термин. Например, в топониме Красная горка топоформантом выступает термин горка.

Уличная (дорожная) ориентация селения. При такой пространственной ориентации лицо деревни (фасады домов) повернуто к улице, дороге.

Учение о культурном ландшафте. Часть **этнокультурного ландшафтоведения**, разрабатывающая вопросы теории, методологии и истории культурного ландшафта.

Форма репрезентации культурного ландшафта. Формы репрезентации выделяются в соответствии с человеческими органами чувств, особенностями восприятия окружающего мира — зрительная, речевая, слуховая, тактильная, запаховая (обонятельная) и вкусовая. Особую роль играют **зрительные репрезентации ландшафта** культурного ландшафта.

Хозяйственно-культурный тип. Сложившийся комплекс хозяйства и культуры, типичный для народов, различных по происхождению, но обитающих в сходных природно-географических условиях [Левин, Чебоксаров, 1955]. В целом, хозяйственно-культурные типы по характеру распределения и по набору типов подчиняются закону географической зональности [Андрианов, 1991]. Наиболее архаические хозяйственно-культурные типы, основанные на присваивающем хозяйстве, сохранились в жарком и холодном поясах [Андрианов, Чебоксаров, 1972]. В современных условиях хозяйственно-культурные типы трансформируются в зональные культурно-бытовые комплексы и, тем самым, продолжают оказывать воздействие на культурное разнообразие человечества [Чеснов, 1998].

Центрированность культурного ландшафта. Организованность его пространства относительно системообразующего центра, задающая разную плотность пространства.

«Чтение культурного ландшафта» — интерпретация ландшафта. На первом уровне «чтение» предполагает погружение в культуру исследуемой территории, или освоение **территориальных культурных кодов**. Такая интерпретация представляет собой прямое «чтение ландшафта». На втором уровне «чтение культурного ландшафта» предполагает освоение репрезентационных языков (например, языка легенды общегеографической карты). Такая интерпретация представляет собой опосредованное «чтение ландшафта».

Этникон. Название регионального или локального сообщества, в явном виде не имеющее этнического компонента, например, сибиряки, поморы, москвичи.

Этнокультурное ландшафтоведение. Комплексная дисциплина, методом которой является этнокультурное освоение ландшафтов Земли, включая вопросы отражения природных ландшафтов в культуре, развития культурных ландшафтов и освоения **ландшафтных диалектов**.

Этноприродное ландшафтоведение. Часть **этнокультурного ландшафтоведения**, исследующая народный опыт адаптации к природе определённой территории. Этот опыт реализуется в системе **ландшафтных артефактов и ландшафтных физофактов**.

Приложение 2

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ

- Амбар** — здание для хранения зерна, других продуктов питания, одежды.
- Баня «по-чёрному», чёрная баня** — наиболее архаичный тип бань с печью-каменкой и без трубы (в отличие от бани по-белому).
- Гнёла** — старинное название глины.
- Гумно** — специальное здание для обмолота зерна.
- Ёдмо** — гора, залесённая гора; высокое место; лесная линия горизонта.
- Зыбун** — топкое место.
- Конец** — крайний *околок* деревни.
- Косик** — (косой) спуск к реке.
- Лохта (лахта)** — залив.
- Лухта** — приозёрная низина, заливаемая весной (Кенозерье)
- Лыва** — низинное пойменное и, как правило, топкое болото.
- Наволók** — пойменный сенокосный луг.
- Новинá (навина), росчитка, чищенина** — новое расчищенное (раскорчёванное в лесу) поле, луг.
- Обётный крест, часовня** — крест (часовня), возведённый сообществом или отдельным человеком по обету, то есть по обещанию Богу. Распространены во многих районах Русского Севера.
- Овín** — специальное здание для просушки зерна.
- Околок (околóдок)** — целостная часть деревни, территориально компактная, имеющая собственное имя (топоним) и населённая, как правило, представителями одной или нескольких фамилий с характерными антропонимами.
- Перелёсок** — ближний лес.
- Печище** — домовое или родовое место, метафорически — малая Родина.
- Прилук** — излучина реки; луг на мысу (излучине) реки.
- Подбл** — пологий и нередко заливаемый склон к реке.
- Пóжня** — сенокосное угодье; личный сенокосный участок.
- Пóмочи** — работы, требующие усилий, значительно больших, чем возможности одной семьи — постройка дома, раскорчёвка новых полей (*новин*) в лесу и т. д. Для помочей на безвозмездной основе приглашаются родственники, соседи, друзья.
- Рада** — верховое болото, залесённое, проходимое, представляющее собой хорошее ягодное угодье.
- Рёпище** — поле, ранее засевавшееся репой.
- Рóстань** — перекрёсток дорог.
- Сельа** — гряда, вытянутая возвышенность, вал, кряж (Карелия).
- Слúда** — крутой обрыв, песчаная гора (Верхнее Пинежье).

Сузём — глухой лес, удалённый от человеческого жилья.

Сура́док — небольшое болото.

Старина́ — селище. На востоке Кировской области является синонимом малой родины.

Толстомошник — сырое место, приболотное понижение.

Хóбот — освоенный участок поймы (восток Кировской области).

Чисть — верховое безлесое болото.

Шáйма — болотистое, сырое место; очищенное под покос место (Каргопольский район).

Шáлга (сельга) — лесной остров между болотами, хребет, кряж (Каргопольский район).

Щéлья — крутой обрывистый берег реки (Нижнее и Среднее Пинежье).

SUMMARY

The monograph «Landscape in the Cultural Geography» regards historical development of the landscape concept, the role of the concept in the current Cultural Geography (including Anglo-American, German, French and Russian scientific schools), theoretical and methodological basics of the ethnocultural landscape study as one of the main ways the modern Landscape Geography to get going. Cultural landscapes are interpreted as social and natural and human-informative system.

The second part of the book discusses results of cultural landscape studies which have been conducted by the author for many years in Russian North as a model region. This part presents results of investigation of problem of delimitation, complex characteristics and long standing spatial development of Russian North, role and significance of settlement for shaping of Russian northern cultural landscapes, phenomena of «wayfaring» settlements, problems of landscape toponymy, landscape oriented folklore, sacral landscapes and, finally, problems of taxonomy of cultural landscapes and identification of cultural regions of Russian North.

несколько семейств с характерными

берелесок — баяжский лес.

белые — домовое или родовое место, метафорически — малая Родина.

белух — излучающая река; луг на мысу (излучине) реки.

бобла — пологий и нередко заливаемый склон к реке.

босия — сенокосное угодье; личный сенокосный участок.

бумачи — работы, требующие усилий, значительно больших, чем возможности одной семьи — постройка дома, раскорчёвка новых полей (буачи) в лесу и т. д. Для бумачей на безвозмездной основе приглашались родственники, соседи, друзья.

бука — верховое болото, залесённое, проходимое; представляющее собой хороннее ягельное угодье.

бушце — поле, ранее засеявшееся репой.

бушце — перекресток дорог.

бушце — гряда, выступившая возвышенность, выд, криж (Карелия).

бушце — артефакт, песчаная гора (Восточное Пинежье).

ЛАНДШАФТ В КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ
Калугинков Владимир Николаевич

Надатель Леонид Николаевич

Редакторы: Е. Туркентикова, Ю. В. Виноградова
Корректор Н. Сидорова
Художник Т. Байкина
Верстка и оформление-макет С. Шереметьева

ISBN 5-94881062-3

Подписано к печати 23.09.2008
Формат 60x90/16. Бумага офсетная
Печатня офсетная. Печать цифровая 22
Тираж 500 экз. Заказ № 1469
ИИИ издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон в Москве (095) 671-0085,
по вопросам реализации 8-917-547-8424

Информация об издательстве: <http://www.novinkol.info>
E-mail: vkronograf@novinkol.info

Отпечатано в ООО «Федорская» типография ИИИ

Научное издание

Калуцков Владимир Николаевич
ЛАНДШАФТ В КУЛЬТУРНОЙ ГЕОГРАФИИ

SUMMARY

Издатель Леонид Янович

Редакторы: Е. Туркатенко, Ю.Б. Виниченко

Корректор Н. Скрипова

Художник Т. Байдина

Верстка и оригинал-макет С. Щербина

ISBN 594881062-3

9 785948 810621

Подписано к печати 23.09.2008
Формат 60x90/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Печатных листов 22
Тираж 500 экз. Заказ № 1469

НП издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон в Москве (095) 671-0095,
по вопросам реализации 8-917-547-8424

E-mail: nkhronograf@mail.ruf
Информация об издательстве: <http://www.novhron.info>

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография №1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15

<http://www.novhron.info>

Калуцков Владимир Николаевич, ведущий научный сотрудник географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат географических наук, соруководитель междисциплинарного семинара «Культурный ландшафт», председатель комиссии по культурной географии Московского центра Русского географического общества, автор 130 печатных работ, включая монографии «Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье» (в соавторстве), «Географические песни в традиционном культурном ландшафте России» (совместно с А.А. Ивановой), пособия «Основы этнокультурного ландшафтоведения».

ISBN 594881062-3

9785948810621